

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микробиология*
Агрохимия	Микроэлектроника*
Азия и Африка сегодня	Мировая экономика и международные отношения
Акустический журнал*	Молекулярная биология*
Алгебра и анализ	Наука в России
Астрономический вестник*	Научное приборостроение
Астрономический журнал*	Нейрохимия*
Биологические мембраны*	Неорганические материалы*
Биология внутренних вод*	Нефтехимия*
Биология моря*	Новая и новейшая история
Биоорганическая химия*	Общественные науки и современность
Биофизика*	Общество и экономика
Биохимия*	Океанология*
Ботанический журнал	Онтогенез*
Вестник РАН*	Оптика и спектроскопия*
Вестник древней истории	Палеонтологический журнал*
Вестник Южного научного центра	Паразитология
Водные ресурсы*	Петрология*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы философии	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы языкознания	Поверхность*
Восток	Почвоведение*
Вулканология и сейсмология*	Приборы и техника эксперимента*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная биохимия и микробиология*
Генетика*	Прикладная математика и механика
Геология рудных месторождений*	Природа
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы Дальнего Востока
Геоморфология	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геотектоника*	Проблемы передачи информации*
Геохимия*	Программирование*
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Психологический журнал
Государство и право	Радиационная биология. Радиоэкология
Дефектоскопия*	Радиотехника и электроника*
Дискретная математика	Радиохимия*
Дифференциальные уравнения*	Расплавы
Доклады Академии наук*	Растительные ресурсы
Журнал аналитической химии*	Российская археология
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российская история
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский иммунологический журнал
Журнал неорганической химии*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал общей биологии	Русская литература
Журнал общей химии*	Русская речь
Журнал органической химии*	Сенсорные системы
Журнал прикладной химии*	Славяноведение
Журнал технической физики*	Социологические исследования
Журнал физической химии*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретическая и математическая физика
Записки Российского минералогического общества	Теоретические основы химической технологии*
Земля и Вселенная	Теория вероятностей и ее применение
Зоологический журнал	Теплофизика высоких температур*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи математических наук
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия географическая	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика Земли*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика плазмы*
Известия РАН. Энергетика	Физика твердого тела*
Известия русского географического общества	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Исследование Земли из космоса	Физиология растений*
Кинетика и катализ*	Физиология человека*
Коллоидный журнал*	Функциональный анализ и его применение
Координационная химия*	Химическая физика*
Космические исследования*	Химия высоких энергий*
Кристаллография*	Химия твердого топлива*
Латинская Америка	Цитология*
Лесоведение	Человек
Лёд и Снег	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

ISSN 0869-6063 Российская археология, 2015, № 2

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 2 • 2015

Номер 2

ISSN 0869-6063
Апрель–Май–Июнь
2015

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2015

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, акад. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство “Наука”

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2015

Археология в современной России: перспективы и задачи <i>Макаров Н.А., Беляев Л.А., Энговатова А.В.</i>	5
Неолитическая керамика бассейна реки Виллой <i>Антипина Н.В.</i>	16
Мезолитические комплексы памятника Туткаул (Таджикистан) <i>Ранов В.А.</i> , Шнайдер С.В., Павленок Г.Д.	30
Находки инструментов металлообработки в окрестностях Кюльтепе I (Нахчыван) <i>Рзаева Р.Н.</i>	46
Об использовании соединений ртути в погребальном обряде племен эпохи бронзы Восточной Европы <i>Медникова М.Б.</i>	51
Раскопки на участке “Гивати” в Иерусалиме: опыт исследования многослойного городского памятника <i>Бен Ами Д., Чехановец Я.</i>	60
Скифские курганы и исторические персонажи V–IV вв. до н.э. <i>Кузнецова Т.М.</i>	72
Импорт стекла на Тамань в позднеримское время: первые результаты и проблема интерпретации <i>Румянцева О.С., Ольховский С.В.</i>	86
К вопросу о культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-Востока <i>Белицкая А.Л.</i>	101
Лента из Мошевой Балки: проблема толкования источника <i>Сорочан С.Б., Флёров В.С.</i>	110
Поливная посуда из Белореченских курганов XIV–XV вв. (Северный Кавказ) <i>Армарчук Е.А.</i>	120

Публикации

Новые материалы неолита и энеолита из Нахчывана <i>Бахшалиев В.Б.</i>	136
Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) <i>Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А.</i>	146

История науки

Поселение Аркаим в научной и научно-популярной литературе <i>Петров Ф.Н.</i>	167
Роль С.Ф. Платонова в издании археологической карты Тверской губернии <i>Митрофанов В.В.</i>	177

Критика и библиография

Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите
(культурно-исторические процессы). СПб., 2013

Сорокин А.Н.

186

Хроника

Международная конференция «Two Decades of Archaeological Work at the Oasis of Jericho:
Prospects for Future Research, Site Management, Protection and Conservation».
Russian Museum, Иерихон, 26–28 октября 2014

Беляев Л.А., Григорян С.Б.

188

“Восточная Европа в раннем средневековье”. Конференция памяти В.В. Седова:
Институт археологии РАН (Москва), 18–19 ноября 2014 г.

Родинкова В.Е.

189

Сдано в набор 26.01.2015 г. Подписано к печати 25.03.2015 г. Дата выхода в свет 27.04.2015 г. Формат 60 × 80 ¹/₈
Цифровая печать Усл. печ. л. 24.0 + 0.4 цв. вкл. Усл.кр.-отт. 8.8 тыс. Уч.-изд.л. 25.5 Бум.л. 12.0
Тираж 361 экз. Зак. 86 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул. 90
Оригинал-макет подготовлен издательством “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

No. 2, 2015

Archaeology and modernity: Russian realia <i>Makarov N.A., Belyaev L.A., Engovatova A.V.</i>	5
Neolithic ceramics of the river Vilyuy <i>Antipina N.V.</i>	16
Mesolithic complexes of the site Tutkaul (Tajikistan) <i>Ranov V.A.</i> , <i>Shnaider S.V.</i> , <i>Pavlenok G.D.</i>	30
Finds of metal working tools in the vicinity of Kultepe I (Nakhchivan) <i>Rzaeva R.N.</i>	46
On the usage of the mercury compound in the burial rite of the tribes of the Bronze Age in Eastern Europe <i>Mednikova M.B.</i>	51
Givati excavations in Jerusalem: stratigraphic urban site as a study case <i>Ben Ami D., Tchekhanovets Ya.</i>	60
Scythian barrows and historical persons of 5 – 4 cc. BC <i>Kuznetsova T.M.</i>	72
Ran glass import to Taman in the late Roman time: first results and interpretation <i>Rumyantseva O.S., Olkhovskiy S.V.</i>	86
On the problem of the cultural unity of the barrow mounds of the European North-East <i>Belitskaya A.L.</i>	101
A ribbon from Moschevaya Balka: the problem of interpretation <i>Sorochan S.B., Florov V.S.</i>	110
Glazed ware from the Belorechensk barrows of the 14 th –15 th cc. (North Caucasus) <i>Armarchuk E.A.</i>	120

Publications

New materials of the Neolithic and chalcolithic Ages in Nakhchivan <i>Bakhshaliev V.B.</i>	136
Bryansk hoard of issues with champlévé enamels (preliminary publication) <i>Akhmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radush O.A.</i>	146

History of Science

Settlement Arkaim in scientific and popular literature <i>Petrov F.N.</i>	167
The Role of S.F. Platonov in the publishing of the archaeological map of Tver Province <i>Mitrofanov V.V.</i>	177

Critics and Bibliography

Problems of colonization of North-West of the Eastern Europe in the Upper and Final Paleolith
(cultural and historical processes). SPb, 2013.

Sorokin A. N.

186

Chronicle

International Archaeological Symposium “Two Decades of Archaeological Work at the Oasis of Jericho:
Prospects for Future Research, Site Management, Protection and Conservation”.
Jericho, 26–28 October 2014

Belyaev L.A., Grigoryan S.B.

188

“Eastern Europe in the early Middle Ages”. The conference to the memory of V.V. Sedov:
Institute of Archaeology RAS (Moscow), 18–19 November 2014

Rodinkova V.E.

189

АРХЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАДАЧИ

© 2015 г. Н.А. Макаров, Л.А. Беляев, А.В. Энговатова

*Институт археологии РАН, Москва
(nmakarov10@yandex.ru, labeliaev@bk.ru, engov@mail.ru)*

Статья написана по тексту пленарного доклада, сделанного на IV Всероссийском археологическом съезде в г. Казань. Она содержит анализ состояния археологических исследований в России за последние годы, включая взаимодействие фундаментальной науки и охранных работ. Характеризуются также новые достижения в области законодательства об охране культурного наследия, позволяющие усилить борьбу с незаконными раскопками и торговлей древностями. Обсуждается проблема запроса общества на участие в изучении археологического наследия, неизбежность многогранности контактов археологии с областью современной культуры. Формулируется задача археологического изучения территории современной России как региона, наделенного устойчивым географическим своеобразием.

Ключевые слова: археология России, динамика полевых исследований, проблемы коммерциализации, право на прошлое, археология и общество.

Археологический съезд¹ невозможен без размышлений и дискуссий об общем состоянии археологической науки и сферы охраны археологического наследия; о месте археологии в современном обществе и культуре; о том, как меняется организация археологической деятельности и практическая работа археологов; как развиваются общие идеи, питающие интерес к древности. Разговоры на эту тему идут на всех серьезных археологических форумах, в разных аудиториях и форматах. Доклад был составлен как вступление к дискуссиям на IV Всероссийском археологическом съезде и, возможно, послужит основой для обсуждения программы работы археологов России в период до V съезда. В нем представлены некоторые данные о динамике полевых работ; об изменениях в правовой базе; о крупных археологических проектах Института археологии, имеющих общественный резонанс. А кроме того, наш общий взгляд на появление новых вызовов и новых запросов к археологии и со стороны науки, и, что по-своему не менее важно, со стороны общества.

Интерес человека к материальным памятникам прошлого – фундаментальное явление нашего сознания, духовной культуры. В разные эпохи он,

конечно, приобретает разные формы. Сегодня именно археология обеспечивает *научное видение* большей части истории человечества. Но, одновременно, археологическое наследие присутствует в современной жизни как *часть культурной среды, источник формирования коллективной памяти, образов прошлого, строгой научной основы* часто не имеющих. Кроме того, археологические полевые работы стали *составляющей* разнообразных *строительных проектов*. Отсюда изменения в статусе и самой структуре археологических исследований. В России на положении этой классической гуманитарной науки отражается общее (зачастую достаточно парадоксальное) отношение к гуманитарному знанию. С одной стороны, реальностью стали высокие требования к доказательности научных построений и взыскательный запрос общества на обновленное современное научное знание о прошлом. С другой – очевидна недооценка значимости историко-филологических наук технократами, стремление оптимизировать сферу классической гуманитарной науки (т.е. сократить ее бюджет под предлогом избыточности и неактуальности), навязать обществу представление о том, что гуманитарные исследования должны вести лишь по тем направлениям и в том объеме, в котором их продукты востребованы. В этой ситуации археология, с одной стороны, расширяет свое пространство, растет объем раскопок, публикаций, количество представленных на учет археологических памятников;

¹ Публикуется текст доклада, прочитанного на пленарном заседании IV (XX) ВАС (Казань, 2014) в качестве программного, переработанный для печати с сохранением основных положений.

с другой – испытывает жесткое давление и теряет влияние.

Современная российская археология выросла из советской, опираясь на сеть сложившихся научных учреждений, развивая организационные принципы и научные школы советского времени. Советская археология, получившая высокий статус в иерархии гуманитарных наук и завоевавшая общественное признание, оставалась для нас примером размаха исследований и хорошей организации археологической деятельности. На протяжении последних 20 лет мы невольно сопоставляли современное состояние археологии с советской эпохой. Уместно вновь поставить вопрос о том, как развивалась археология в два последних десятилетия, и показать, какие в ней произошли принципиальные изменения, на основе статистических выкладок (на основании данных Минкультуры России и ОПИ).

Объекты археологического наследия составляют значительную часть культурного наследия Российской Федерации. На территории страны зарегистрированы более 146 тыс. объектов культурного наследия. Почти 40% (около 58 тыс.) из них представлены объектами археологического наследия (учтенными как памятники и достопримечатель-

ные места). В некоторых субъектах Российской Федерации более 80% объектов культурного наследия относятся к археологии (Республика Хакасия, Ханты-Мансийский АО (Югра), Республика Тыва, Республика Алтай, Ростовская обл. и др.). Однако есть регионы, где число археологических объектов, учтенных как объекты культурного наследия, незначительно. Кроме объектов, получивших статус памятника или достопримечательного места, на учете региональных органов охраны состоят еще более 75 тыс. выявленных объектов археологического наследия. Таким образом, общее количество учтенных на территории страны археологических объектов составляет более 133 тыс. (рис. 1).

Диспропорция в региональном распределении археологических объектов определяется в значительной степени неравномерной археологической изученностью территории России и разными темпами постановки их на государственный учет и включения в реестр. На современном этапе накопления археологических материалов эти данные не отражают особенностей исторического расселения и освоения отдельных территорий. Неравномерность объемов археологических исследований в различных регионах России определяется разными

Рис. 1. Общее количество объектов археологического наследия, учтенных органами охраны памятников (выявленных и включенных в реестр) по регионам по состоянию на 2012 г. Условные обозначения: а – 5000–13 320; б – 2000–5000; в – 1000–2000; г – 500–1000; д – 100–480; е – 1–104; жс – г. Москва – 310; з – г. Санкт-Петербург – 15; и – Смоленская обл. – 1776. Данные предоставлены Минкультуры России.

Рис. 2. Количество выданных разрешений (открытых листов) на проведение археологических работ (по регионам) в 2012 г. Условные обозначения: а – 91–120; б – 31–90; в – более 20; г – более 10; д – до 10; е – 0; ж – г. Москва – 11; з – г. Санкт-Петербург – 19.

факторами, в том числе наличием научных центров и квалифицированных кадров, степенью географической доступности и др. Существенную роль играет уровень активности и профессионализма региональных органов охраны объектов культурного наследия в их деятельности по охране объектов археологического наследия. Статистические данные позволяют выделить “области-лидеры” с успешно работающими органами охраны объектов культурного наследия, где хорошо поставлен учет объектов археологического наследия (выявленных или стоящих в реестре разных уровней) и стабильно велико количество проводимых спасательных археологических полевых работ (рис. 2).

Какие же выводы мы можем сделать об изменениях, произошедших в сфере археологических исследований, на основании данных статистики?

Во-первых, изменился общий объем археологических работ. Если судить по количеству разрешений (открытых листов), он вырос почти в два раза в сравнении с концом советского времени (1990 г.) и почти в три, если сравнивать с 1994 г., когда объемы работ упали до минимума (621 открытый лист). В 2013 г. было выдано 1723 открытых листа, а в 2014 – уже 1845 (рис. 3). Кривая выдачи разрешений (открытых листов) рисует зависимость

археологии от состояния экономики, реагируя с определенным запозданием на один-два года на ее кризисы (начало 1990-х, 1997 и 2010 годы) падением, но в целом показывает устойчивый рост. Общее количество научных отчетов о раскопках и разведках, собранных в архиве Института археологии РАН за 23 года после распада СССР, – около 14 500 (14 400), т.е. чуть больше, чем их было получено за предшествующие послевоенные 47 лет (1945–1991 гг.: около 14 100). Видимо, рост двух последних лет отражает не столько фактическое увеличение объемов работ, сколько более строгое исполнение законодательства после принятия нового закона, когда даже небольшое строительство во многих регионах предваряют археологические исследования, на которые запрашиваются разрешения (открытые листы). В любом случае, это позитивное явление.

Во-вторых, за два последних десятилетия выросли требования к обеспечению сохранности археологического наследия (приняты Федеральные законы №73-ФЗ и 245-ФЗ). Благодаря спасательным раскопкам сохранен огромный массив информации о разнообразных археологических объектах, оказавшихся в зонах строительства, – от палеолитических стоянок до монастырей Московской Руси,

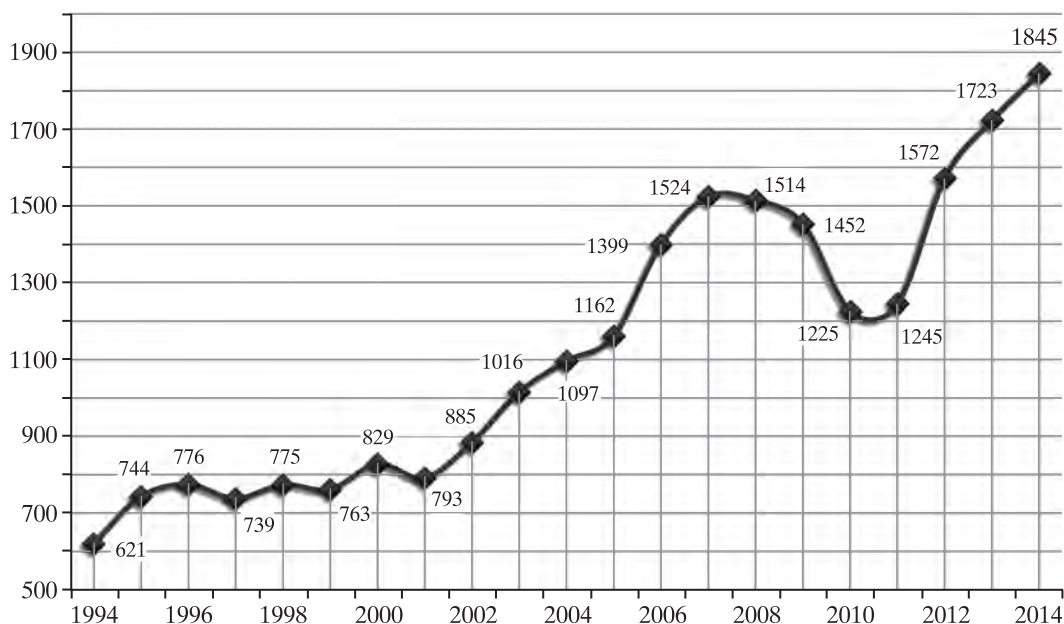

Рис. 3. Общее количество разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия за 1994–2014 гг.

исторических поселений и некрополей Нового времени. Заметно расширился сам круг объектов, на которых проводят охранные раскопки. Стало нормой изучение тех категорий памятников, которые в 1980-х годах даже в зонах строительства почти никогда не изучались раскопками (участки культурного слоя XVI–XVIII вв. в городах и на селищах; рядовые поселения эпохи бронзы, железного века и античности на юге России; сильно разрушенные курганные могильники и др.). Увеличение масштабов спасательных раскопок – ответ на мощное вторжение современного строительства в исторические ландшафты, приводящее к радикальному преобразованию природно-исторической среды, частью которой являются археологические объекты. Стоит напомнить, что в советское время вопрос о сохранении многих памятников, на которых ныне ведут спасательные раскопки, вообще не ставился. Так, при создании крупнейших водохранилищ на Волге раскопки провели далеко не на всех памятниках и, несмотря на работу больших новостроечных экспедиций, мы не знаем даже, сколько и каких объектов ушло под воду из-за не полно проведенных археологических разведок.

В-третьих, существенно повысилось качество полевой археологической документации. И не столько благодаря появлению новых технических средств фиксации и документирования древностей, сколько в результате общих установок археологического цеха, осознания необходимости более точного и подробного отражения исследуемых объек-

тов в отчетах. Разумеется, далеко не все отчеты о полевых исследованиях, составленные в последнее десятилетие, отличаются высоким качеством, но в целом этот вид научных источников-документов ориентирован на новые стандарты, заданные в конце 1990 – начале 2000-х годов. Сравнение отчетной документации 1980-х годов и отчетов последних лет показывает, что последние передают характер исследованных археологических объектов значительно полнее.

Несомненным плюсом является то, что в настоящее время в Российской Федерации сложилась система спасательной археологии, тесно интегрированная с наукой. В XXI в., даже с приходом рыночных отношений, значение академических институтов по-прежнему остается стабильно высоким. На графике объемов спасательных работ последних лет можно увидеть, что выполняемые ими работы составляют около четверти от всех исследований, о чем уже писалось одним из авторов (Энговатова, 2012. С. 141–150). Выработанная поколениями археологов общая система научной регламентации (получение разрешения (открытого листа) на проведение археологических исследований; проведение исследований по единым для всех методикам и обязательная отчетность), действующая на территории всей страны, поддерживает единые методы исследования объектов археологического наследия, сохраняет методику полевой фиксации и форму научного отчета.

Эти нормы действуют также и в отношении спасательной археологии. Очень важно, что каких-либо специальных, облегченных методик для спасательных раскопок не существует.

Человечество обычно нелестно отзываясь о сегодняшнем дне, предпочитая вспоминать золотой век прошлого или красить будущее в радужные тона. Однако как бы критически мы ни относились к новейшему периоду в истории археологии, нельзя не видеть существенных позитивных перемен в состоянии археологической деятельности за последние годы. Достаточно назвать такие крупные, неожиданные по богатству полевых результатов, новаторских подходов к методике и научных выводов проекты Института археологии РАН, как исследование храма XII в. в Смоленске и десятки введенных в научный оборот объектов Нового Иерусалима, древности Подболотьевского могильника и открытия эпохи бронзы на трассе “Южного потока”. Тем более казавшееся невозможным всего десятилетие назад системное исследование урбанистического развития городов Пруссии (на примере Калининграда), углубленное изучение исторических погребений XIX – начала XX в. (в Москве: Н.В. Гоголь, Никифор Феотокис; в Троице-Сергиевом монастыре: кладбище преподавателей Духовной Академии; в русской провинции: погребение А.Н. Ермолова) и даже полей сражения Первой мировой войны (Каушен, 1914 г.). Все это, несомненно, серьезные изменения в масштабах археологических работ и хронологическом охвате памятников.

Среди негативных моментов в состоянии российской археологии новейшего времени следует отметить, прежде всего, ее коммерциализацию. В какой-то мере она неизбежна в условиях рыночной экономики. Но формы ее подчас абсурдны и уродливы. Появление в России многочисленных частных коммерческих организаций, специализирующихся на производстве археологических полевых работ, создало иллюзию, что таким образом государство может упростить и ускорить организацию охранных исследований, а археология обеспечить свое профессиональное будущее, однако результаты – противоположные. Даже квалифицированные археологи в частных археологических структурах редко имеют возможности для профессиональной самореализации и научного роста, многие организации, в уставе которых записана “археологическая деятельность”, вовсе не имеют в своем штате специалистов. Разумеется, это отражается на качестве спасательных работ. Между тем, за последние годы доля небюджетных организаций среди исполнителей полевых исследований составила около 40%. Очевидно, что в целом трансформация археологи-

ческой отрасли в сеть коммерческих организаций лишает перспектив как археологическую науку, так и дело сохранения археологического наследия. Одним из наиболее деструктивных явлений была организация археологических исследований на конкурсной основе, когда главным критерием для определения победителя являлась цена (сейчас положение отчасти исправляется). Ссылки на опыт западноевропейской археологии в данном случае не могут быть приняты: в большинстве западных стран, где в сфере охранной археологии присутствуют частные компании, инфраструктуру археологической отрасли образуют государственные учреждения, музеи и университеты, сеть которых на Западе, как и на Востоке (в Китае, Японии и Корее), гораздо плотнее, чем в России.

Не менее очевидно, что в России сокращается доля полевых работ, которые преследуют чисто научные цели и выполняются как фундаментальные исследовательские проекты. За последние годы она составляет всего около 20% в общей массе. Основные источники для выполнения подобных проектов – гранты РГНФ и РФФИ, а также местное финансирование из регионального бюджета в некоторых регионах (например, Татарстан, Краснодарский край и др.). Мы согласны, что идея преимущественного и первостепенного исследования тех объектов, которые могут быть утрачены в результате строительства, – один из императивов, определяющих стратегию полевых археологических работ во всем мире. Тем не менее нельзя забывать, что крупные долговременные исследовательские полевые проекты всегда были основным мотором развития археологии. А сегодня их число в нашей стране близко к критическому минимуму.

При этом за последнее десятилетие Россия вплотную приблизилась к уровню европейских стран по количеству проводимых спасательных археологических работ (в процентном соотношении среди всех археологических исследований).

Следует отметить, что большинство бывших социалистических стран за последние 20 лет прошли тот же путь, что и Россия. Так, в Румынии доля проводимых по научным программам археологических исследований уменьшилась: если в 2000 г. она составляла более 90% от всех работ, то в последние пять лет – не более 20 (рис. 4, 1). В России этот процесс начался раньше, но был более растянут во времени. В 1984 г. в нашей стране из бюджета финансировались 70% всех проводимых археологических исследований, а в 2009 – всего 26 (рис. 4, 2). Такая тенденция связана, с одной стороны, с сокращением государственного финансирования фундаментальных гуманитарных исследований,

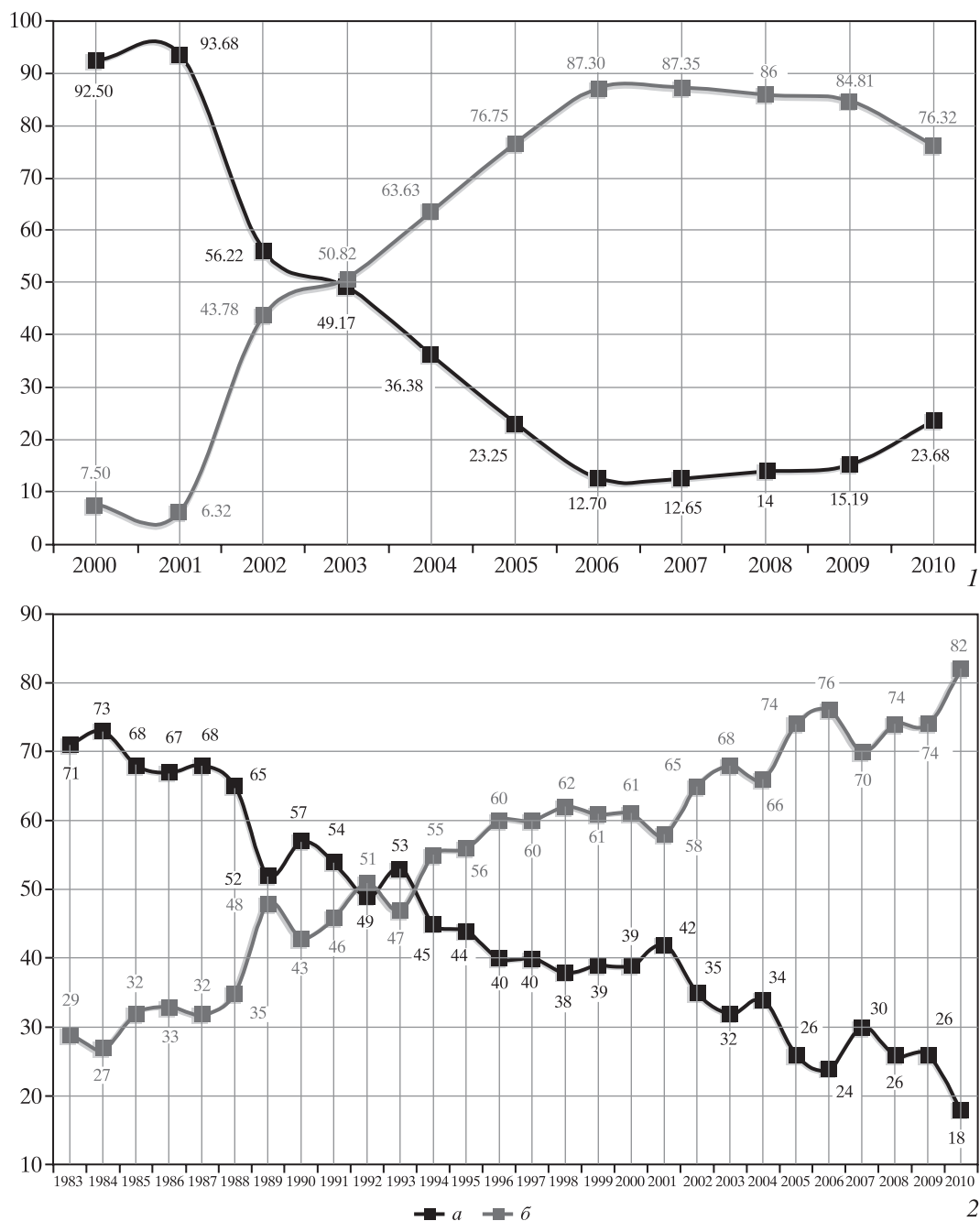

Рис. 4. Динамика доли спасательных исследований в общем количестве археологических работ (%): 1 – в Румынии 2000–2010 гг.; 2 – в России 1983–2010 гг. Условные обозначения: а – археологические работы по научным программам; б – спасательные археологические полевые работы.

а с другой – с ростом в последнее десятилетие объемов строительства и, как следствие, увеличением числа сопутствующих ему археологических проектов.

Среди острейших проблем археологической отрасли – отсутствие в большинстве регионов музейных хранилищ для археологических материалов. Музеи не готовы принять на хранение в полном

объеме огромные коллекции, собранные в 1990–2000-е годы, в особенности массовые материалы. Это значит, что мы не можем обеспечить дальнейшую жизнь огромному массиву древностей, полученных ценой больших усилий археологов и больших финансовых затрат. Решение должно быть найдено. В противном случае потеряет смысл современный подход к сохранению археологического

наследия, рассматривающий охранные раскопки как способ сбережения древностей и сохранения их информационного потенциала.

Нужно признать, что в современной организации археологической отрасли по-прежнему отсутствуют ресурсы и механизмы для полноценного научного освоения громадных материалов, полученных в результате раскопок на новостройках. Эта проблема досталась нам от советского времени, но приобрела новые масштабы и только разрастается. Если мы не создадим специальных механизмов запуска научной обработки и введения в оборот полевых материалов, их информационный потенциал не будет в полной мере использован.

Важнейшее событие археологической жизни между Новгородским и Казанским съездами – принятие 245 Федерального Закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии” (подписан Президентом РФ 2 июля 2013 г.). Впервые в истории правового регулирования охраны наследия и научных исследований в России принят закон, в названии которого присутствует слово “археология”; закон, специально регламентирующий сохранение и исследование объектов археологического наследия. Его принятие – результат совместной деятельности целого ряда ведомств и учреждений, государственных и общественных организаций. Прежде всего – Минкультуры России, которое внесло его в Государственную Думу. Но в не меньшей степени это результат активной позиции археологов и органов охраны объектов культурного наследия в регионах, результат наших настойчивых обращений в законодательные органы и в Правительство РФ. Очевидно, мы не зря включали их в решения всех трех прошедших съездов начиная с Новосибирского.

Стоит напомнить, что принятие закона шло при сильнейшем противодействии грабительского цеха, развернувшего мощную кампанию дискредитации нашей науки в средствах массовой информации, включая Интернет.

Закон обозначил однозначную установку государства на защиту археологических древностей как части нашего культурного наследия. Он меняет общий климат в сфере сохранения археологического наследия. Важно, что в нем впервые сформулированы нормы, которые могут быть реально использованы для пресечения нелегальных раскопок: установлена ответственность за извлечение археологических предметов из мест их залегания. Разумеется, принятие 245-ФЗ само по себе не может остановить грабительство. Закон должен применяться на практике, так что сейчас многое зависит

от действий органов МВД и органов охраны объектов культурного наследия в регионах, от их воли и профессионализма.

К сожалению, объемы продажи металлодетекторов остаются пока на высоком уровне, а копатели, хотя и с опаской, совершают набеги на археологические памятники. Но определенные изменения произошли – археологические предметы исчезли с прилавков антикварных магазинов, возбужден ряд резонансных уголовных дел по фактам незаконных раскопок.

Но значение 245-ФЗ не исчерпывается его “антиграбительской” направленностью. Его необходимо расценивать как новую декларацию прав археологической науки. Это первый правовой акт, в котором указано, что археологические раскопки проводятся только на научной основе и что в нашей стране предусмотрен научный контроль за всем процессом ведения археологических полевых работ. Закрепление этих позиций, столь очевидных для археологов, в российском законодательстве исключительно важно, поскольку право ученых регламентировать деятельность в этой сфере часто оспаривалось технократами, рассматривающими археологические раскопки на памятниках как часть производственного цикла.

Меняется и место археологии в системе гуманитарного знания. Последние годы стали временем нового позиционирования гуманитарных наук. В современном мире, в условиях определенного кризиса доверия к науке, археологии требуется вновь обосновать свое место в системе научного знания и доказать, что она нужна обществу. В России это имеет свои особенности. Здесь археология отвечает за создание и постоянное обновление научной картины развития человеческих обществ на территории гигантской страны и в огромном хронологическом диапазоне. На ней лежит большая ответственность: раскрыть историческое место наших древних и средневековых культур в мировой истории, ввести их в планетарные географические рамки. Однако при этом российская археология достаточно скромно заявляет о себе в общем пространстве гуманитарной науки и образования. Ее фундаментальные достижения последних десятилетий не до конца осознаются обществом и слишком медленно входят в обобщающие исторические труды. Они быстро забываются, смываются новостными потоками, от археологии ждут все больше и больше сиюминутных сенсаций для телевизионных каналов и все меньше – глубинного осознания исторических процессов. Звучит странно, но Россия – одна из немногих развитых стран, где в перечне направлений высшего профессионального

образования специальность “археология” просто отсутствует.

В школьных учебниках по отечественной истории археологический материал древнего и средневекового периодов до последнего времени был представлен крайне скудно: в них нет ни знаменитого зарайского бизона (в 2013 г. украсившего каталог выставки первобытного искусства в Британском музее); ни античной Фанагории (вошедшей в десятки мировых сенсаций археологии 2012 г.); ни Новгородской Псалтири (древнейшей русской книги и археологической сенсации 2000 г.). Во многих учебниках не было современных данных о времени появления человека на территории России. Будем надеяться, что создание нового образовательного стандарта по истории, организованное Российским историческим обществом, и вероятное введение этой дисциплины в круг обязательных, позволит, наконец, восполнить досадные пробелы.

Понятно, что все это – не узко профессиональные вопросы, а часть серьезной проблемы, самым острым образом стоящей перед народами современной России, стремящимися понять, куда они идут и откуда взялись. В стране присутствует запрос на концептуальные исторические сочинения, разработку новых обобщающих версий истории государства и раскрытия истоков культурного своеобразия. Археология в последние десятилетия сохраняла известную отстраненность от этих мегапроектов, полагая, что результатом археологических исследований должна быть некая сумма фактов, и этим ограничиваясь. Очевидно, что такая позиция создает большие риски: задачу исторического осмысления археологических материалов берут на себя представители других наук (историки, генетики, лингвисты), а во многих случаях – откровенные дилетанты.

В археологии, таким образом, отражаются глубокие сдвиги, наметившиеся в общественном сознании, и они уже материализованы в практике, законодательной деятельности, культуре. По сути, это и есть ключевое слово: современное общество воспринимает археологию не только как науку, но как весомую часть мировой культуры. Такой подход нов только отчасти – за ним значительная культурная традиция антикваризма эпохи Просвещения, уходящая в XIX, XVIII, XVII вв. и глубже, к началу Возрождения. Для выстраивания позиции археологии в обществе подобный возврат может показаться выигрышным, и, действительно, он несет несомненные преимущества: на этом пути археология все теснее сплетается с историей (особенно с ее вспомогательными дисциплинами), включает все больше элементов

этнологии. Но такой (пусть частичный) регресс несет угрозу, он может крайне отрицательно отразиться на строгости полевой методики и, что не менее важно, на интерпретационной аналитике и самосознании науки. От этой угрозы только отчасти спасает развитие общей для всей археологии тенденции – привлечения естественно-научных методов, поскольку они грозят представить задачи археолога как простое извлечение материалов для дальнейших анализов недоступными ему методами. Так или иначе, многие конкретные проекты сложно называть просто мультидисциплинарными – в недалеком будущем следует ожидать слияния всех привлекаемых дисциплин в новое синтетическое направление, где генетический анализ неразрывно сплетен с архивным поиском, фотограмметрия – с типологическим анализом артефактов, генеалогия – с эпиграфикой и антропологией и т.д.

Этим определен успех одного из интереснейших шагов расширения сферы археологии в России до рамок отрасли культуры: резкий (не менее чем на 200–300 лет) сдвиг ее хронологической границы в сторону омоложения. То, о чем мы говорили на круглых столах начиная с конца прошлого века (при этом сами себе не очень доверяя), сегодня обрело форму закона и нуждается в разработке особых комплексных методик и поиске организационных форм. В целом это отвечает общемировой тенденции, но для стран, формирование которых совпадает с эпохой Великих географических открытий и Ренессанса, такой сдвиг особенно важен. Именно в конце Средневековья и в начале Нового времени подспудные, копившиеся тысячелетиями тенденции развития отдаленных частей мира выходят на поверхность и обретают геополитическое и цивилизационное измерения. Недаром на XV в. приходится и падение Константинополя, и плавание Колумба, и не менее значительное для русской истории событие – включение Московии в сеть ренессансных технологий, строительства и оформления государственного быта.

Это не значит, что тысячелетние тенденции развития, обретшие историческую форму в XV–XVIII вв., только с этого времени и существуют. Они берут свои истоки в глубокой древности. Чтобы понять нашу сегодняшнюю страну, нужно углубиться, в том числе в доисторическое прошлое и обратить внимание на объективно существующие географические факторы, например, на температурные изобары в этой части Евразии. Одно это покажет, что российские территории не занимают случайного места на карте мира.

Правда, разнообразие природно-климатических условий и древних культурных традиций в географических пределах современной России таково, что общие наблюдения над предысторией и ранней историей, которые можно было бы распространить на все ее пространство, выглядят объективно невозможными. Тем не менее мы знаем, что это географическое пространство обладает рядом общих свойств, обеспечивших сложение такого культурного мета-единства, как Россия. Во всяком случае, эту гипотезу необходимо учитывать при историко-культурном анализе.

Риском сформулировать ряд тезисов, принципиально важных для нашего исторического самосознания: территория современной России – пространство с *протяженной историей*, в котором происходило формирование, в эпоху палеолита, одного из первых видов современного человека, а начиная с неолита и вплоть до Средневековья – многих великих и малых культур; освоение человеком, обустройство его для жизни, уже в силу природных условий, во все исторические периоды требовало исключительных усилий и формировало особые свойства характера, в значительной степени направленные на физическое выживание; оно лежало за пределами основных очагов (и даже периферии) древнейших цивилизаций, но тем не менее испытывало их влияния, временами достаточно мощные; значительная его часть долго оставалась трудно достижимой для человека, однако в ряде исторических эпох она служила мостом между Западом и Востоком, Югом и Севером, важным каналом распространения культурных достижений и технологических инноваций (в эпоху бронзы и раннего железного века – распространение новаций народов “степного коридора”, как поясом стянувшего юг и восток будущей России, обеспечившее становление Древнерусского государства, движение в меридиональном направлении по водным путям Волги и Днепра).

Эти простые положения базируются на археологических материалах, и они не менее значимы для основ нашего исторического мировидения, чем память о событиях Новой и Новейшей истории страны.

Археология, безусловно, раскрывает сложность культурного фундамента, на котором сформировалась историческая Россия. Далеко не все древние культуры могут быть соотнесены с известными нам этническими общностями и населяющими страну современными народами – многие принадлежат исчезнувшим этническим группам, не оставившим прямых потомков. Однако все культурные достижения древности так или иначе на-

следовались, передавались, в конечном итоге были восприняты нашей культурой, и археология фиксирует процессы передачи. Сложность культурного наследия России, причастность разных культур к ее ранней истории в полной мере осознавали археологи дореволюционной России, окружавшие их деятели культуры и представители политической элиты. Приведем наглядный пример. Декор резной рамы картины И.Е. Репина “Прием волостных старшин императором Александром III во дворе Петровского дворца в Москве” (1886) составлен по археологическим мотивам. Это композиция на основе художественной пластики древности и средневековья, в составе которой безошибочно узнаются мерянские наборные подвески-коньки, скандинавские овальные фибулы, фигуры фантастических существ с обкладки турьего рога из Черной Могилы, картина полета Александра Македонского на грифонах, наконец, сцены терзаний оленей грифонами (восходят к образам скифского искусства). Рама, таким образом, демонстрирует разнообразие известных археологии к 1886 г. стилей и культур, мозаику древних культурных традиций. Эти образы использованы как драгоценная историческая оправа, вместившая императора и народных представителей. Любопытно, что неизвестный нам резчик при обращении к археологическим мотивам отдал предпочтение не образам древнерусского христианского искусства или растительной орнаментики XI–XII вв., которые историзм в 1880-е годы уже хорошо освоил, а менее известным, мало “цитируемым” памятникам.

Все это не значит, конечно, что археология должна быть политизирована, но ее достижения нужно полноценно использовать для современного осмысления мирового исторического процесса и глобальных исторических трансформаций, определения места в них России.

Итак, понятием “археология” описывается не только одна из наук, но и заметная часть мировой культуры. Поэтому будущее археологии в немалой степени зависит от того, в какой мере и каким образом мы сможем включить археологические древности в современную культурную среду, сделать древние памятники узнаваемыми объектами, научная ценность которых осознается современным обществом.

Ведь общество воспринимает археологические объекты не только как научные источники. Предъявляются права владения на них как на общее наследие, внеположенное по отношению к науке, открывающее возможность приобщения к прошлому без посредничества ученых. Реальности нашего времени, с одной стороны, – новая волна

археологического антикваризма, когда физический контакт с древностями оказывается более сильной потребностью, чем запрос на научное знание, а с другой – стремление присвоить право на прошлое как таковое, произвольно трактовать и использовать его.

В этой ситуации исключительно важно, чтобы проводниками в прошлое остались ученые, предлагая свои подходы к включению древностей в современный культурный контекст. Один из путей – расширение сети археологических музеев под открытым небом, превращение исследованных памятников в объекты музейного показа. В условиях растущей пространственной мобильности человека, интереса к истокам культурного своеобразия и этнике, стремления иметь собственные впечатления о местах, связанных со значимыми событиями прошлого, запрос на такие музеи очевиден. Понятно, что в России устройство музеев под открытым небом сложнее, чем, скажем, в странах Западной Европы и Средиземноморья, в силу характера памятников, на которых обычно невозможно, из-за особенностей климата и отсутствия каменных кладок, продемонстрировать открытые раскопы. Тем не менее их организация продвигается. За период между съездами создан федеральный музей-заповедник Фанагория; статус археологического заповедника получило Рюриково Городище (его территория передана Новгородскому музею), создан подземный музей в Москве (в Зачатьевском монастыре, где впервые в практике воссоздания монастырских комплексов под современными постройками для обозрения открыты подлинные остатки древних храмов и некрополя).

Впечатляющие достижения в этой сфере мы видим в Татарстане, где заново обустроена территория заповедника в Болгарах, превратившегося в один из самых посещаемых археологических музеев, и начато создание экспозиции с деревянными усадьбами XVII в. в Свияжске. Стоит отметить, что, к сожалению, средневековые деревянные постройки не музейфицированы пока ни в одном из городов российского Северо-Запада, где подобные памятники исследуются уже многие десятилетия.

Однако сделанного совершенно не достаточно в условиях, когда современная застройка наступает на исторические ландшафты. Для демонстрации древностей и обеспечения твердой гарантии их сохранности необходимо создание археологических парков, физическое сохранение видимых в современном ландшафте археологических объектов. Речь должна идти не столько о создании новых музеев, сколько о передаче на баланс существующих музеев объектов, имеющих экспозиционный потенциал. В центре Европейской России, в историческом ядре Северо-Восточной Руси таких объектов предостаточно, а целый ряд знаковых археологических ландшафтов находится на грани уничтожения. Среди них, например, городище Клещин на Плещеевом озере, место древнейшего Переяславля, где коттеджная застройка вплотную придвинулась к площадкам городищ и уже частично распространилась на примыкающие к ним селища-посады.

Завершая эти тезисы, надеемся, что некоторые положения окажутся полезными для развития археологии в современной России. Не следует забывать, что многие подходы к изучению прошлого, сегодня – очевидные, вечные, еще в начале XX в. нуждались если не в оправдании, то, по крайней мере, в методическом обосновании. Так, вводные лекции В.О. Ключевского к его знаменитому “Курсу русской истории” 1900-х годов посвящены возмужности существования и методическим особенностям местной истории. Парадоксально, но таким подходом было само изучение истории России как особой дисциплины, выделенной из общемирового исторического процесса. Вполне вероятно, что и нам следует поставить перед собой задачу изучения России как единого археологического пространства, а не бесчисленных серий дискретных, не связанных друг с другом явлений прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Энговатова А.В. Спасательная археология в России (к 40-летию отдела охранных раскопок Института археологии РАН) // РА. 2012. № 4. С. 141–150.

ARCHAEOLOGY IN MODERN RUSSIA: PERSPECTIVES AND TASKS

Nikolay A. Makarov, Leonid A. Belayev, Asya V. Engovatova

Institute of Archaeology RAS, Moscow
(*nmakarov10@yandex.ru, labeliaev@bk.ru, engov@mail.ru*)

The article has been written in accordance with the thesis made at the 4th All-Russian Archaeological Congress in Kazan. It contains the analysis of the condition of archaeological researches in Russia made recently including the fundamental science and preservation works. New achievements in the field of legislation of the cultural heritage conservation, which allow reinforcing the campaign against illegal excavations and trading antiquities, are characterized. The problem of the society's request for taking part in studying of the archaeological heritage, the inevitability of the complexity of the contacts between the archaeology and modern culture are discussed. The task of the archaeological study of the modern Russia territory as a region of strong geographical diversity is formulated.

Key words: archaeology of Russia, the dynamics of field researches, the problems of commercialization, the right for the past, archaeology and the past.

REFERENCES

- Engovatova A.V.*, 2012. Spasatel'naya arkheologiya v Rossii: (k 40-letiyu otdela okhrannykh raskopok Instituta arkheologii RAN) [Rescue archaeology in Russia: (on the 40th anniversary of the Department of Rescue Excavations of the Institute of Archaeology RAS)]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 4, pp. 141–150.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА БАССЕЙНА РЕКИ ВИЛЮЙ

© 2015 г. Н.В. Антипина

*Центр арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск
(diring@mail.ru)*

Статья основана на археологических материалах бассейна р. Вилуя, открытых Вилуйской археологической экспедицией (1958–1963 гг.) и Приленской археологической экспедицией (с 1964 г. по настоящее время). Автор вводит в научный оборот неолитическую керамику Вилуя по культурам согласно периодизации каменного века Якутии, разработанной Ю.А. Мочановым. В статье приводятся классификационные таблицы разных видов керамики по типам сосудов, где за основу взяты форма и орнаментация. Учитывался состав теста и цвет обжига. Материалы хранятся в фондохранилище Центра арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: Якутия, сетчатые, шнуровые отпечатки; вафельная, рубчатая, гладкостенная керамика; радиоуглеродные даты; художественный орнамент.

Археологические коллекции Центра арктической археологии и палеоэкологии человека (ЦААПЧ) Академии наук Республики Саха (Якутия) (АН РС (Я)) отражают результаты более полувековых исследований археологических экспедиций АН СССР, СО РАН и РС (Я): Вилуйской (ВАЭ) под руководством С.А. Федосеевой (1958–1963 гг.) и ее преемнице – Приленской (ПАЭ) постоянно действующей экспедиции (с 1964 г. и по настоящее время), которая все эти годы работала и работает под руководством Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой.

В фондохранилище ЦААПЧ собраны коллекции из 915 археологических памятников с территории бассейнов рек Лена, Алдан, Амга, Майя, Вилуя, Чиркуо, Тюнг, Пеледуй, Витим, Синяя, Марха, Буотама, Суола, Восточная Хандыга, Томпо, Оленек, Анабар, Яна, Адыча, Индигирка, Берелех, Колымы и ее притоков, территорий Приамурья, Приохотья и Камчатки. Коллекции состоят из 460 тыс. экспонатов: изделий из разных пород камня, а также предметов из кости, бивня, раковин, дерева, бересты, кожи, ткани, меха, керамики, стекла, металлических сплавов.

Первый массовый керамический материал в верховьях Вилуя был получен в результате работ ВАЭ (Федосеева, 1968). В 1964 г. на Алдане впервые за всю историю археологического изучения Якутии ПАЭ удалось обнаружить многослойные стоянки Усть-Тимптон I, Сумнагин I, Белькачи I, Усть-Миль I и др., на которых в четких стратиграфических условиях последовательно залегали один

над другим культурные комплексы разных этапов эпохи камня и ранних металлов, относящиеся к последним 10 тыс. лет (Мочанов, 1966).

Наряду с обильным археологическим материалом на стоянках Алдана было отобрано большое количество органических образцов (древесина, уголь, кость) для радиоуглеродного датирования. По ним в радиоуглеродных лабораториях Института археологии АН СССР, Геологического института АН СССР и Института мерзлотоведения СО АН СССР получено свыше 150 радиоуглеродных дат. Особенно ценно, что на ряде памятников даты образовывали растянутые радиоуглеродные колонки. Так, например, для стоянок Белькачи I и Сумнагин I было получено по 28 дат, большинство из которых залегали одна над другой. Как правило, радиоуглеродные даты находились в хорошем соответствии с данными стратиграфии, что позволило использовать их для разработки довольно надежной хронологии культурных комплексов Алдана и высказать предположение, что алданская хронологическая шкала может быть использована для определения возраста культурных находок всей Северо-Восточной Азии (Мочанов и др., 1970; Мочанов, Федосеева, 1973, 1974, 1975, 1980; Мочанов, 1975).

Для определения ареалов древних культур, выявления возможных локальных вариантов этих культур и их увязки с особыми географическими районами ПАЭ с 1965 г. приступила к сплошному археологическому обследованию Якутии и прилегающих к ней территорий. Так были начаты специальные геоархеологические работы, в результате

которых было доказано, что в Якутии начиная с древнейшей эпохи палеолита необитаемых мест не было. Протяженность разведочных маршрутов ПАЭ превысила 50 тыс. км, на площади около 5 млн км² были изучены все районы Северо-Восточной Азии (Мочанов, Федосеева, 2002).

“Гипотезы о заселении человеком Америки из Северо-Восточной Азии и о внутропической прародине человечества стали опираться на факты только после открытия последовательной цепи археологических культур Якутии: диригской (древнейший палеолит, 3/2.5–1.8 млн лет); аллалайской (древний палеолит, 1.8 млн–150 тыс. лет); кызылсырской (средний палеолит, 150–35 тыс. лет); чиркуоской (средний палеолит или начальный этап позднего палеолита, сходный с ордосской культурой Шуйдунгоу); дюктайской (поздний палеолит, 35–10.5 тыс. лет); сумнагинской (позднейший палеолит, 10.5–6.5 тыс. лет); сыалахской (неолит, 6.5–5.2 тыс. лет); белькачинской (неолит, 5.2–4.1 тыс. лет); ымыяхтахской (переходный этап от периода неолита к периоду бронзы, 4.1–3.3 тыс. лет); устьмилынской (период бронзы, 3.3–2.5 тыс. лет); различных культурных комплексов, включая эскимосские, периода раннего железа (2.5–0.5 тыс. лет)” (Мочанов, Федосеева, 2002. С. 27, 28).

Разработанная на многослойных стоянках Якутии периодизация и хронология древних культур, особенно неолитических, в настоящее время используется многими исследователями для уточнения периодизации и хронологии археологических памятников таких областей, как Таймыр, Чукотка, Камчатка, Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. Большинство из этих культур получило уже довольно широкое освещение в научной литературе как у нас в стране (Мочанов, 1966, 1969, 1977, 1992, 2007, 2010; Мочанов, Федосеева, 1975, 1976, 2002, 2013; Федосеева, 1970а, в; 1974, 1980б; Константинов, 1978; Окладников, 1970; Симченко, 1976; Хлобыстин, 1978), так и за рубежом (Mochanov, 1969a–d; 1978a, b; 1980; Powers, 1973, 1978; Ackerman, 1974; Chard, 1974; Smith, 1974; McBurney, 1976; Hadleigh-West, 1980).

В результате многолетних исследований в бассейне Вилуя накоплен огромный фактический материал, в том числе 12389 фрагментов керамики, который требует систематизации и уточнения. Цель настоящей статьи – ввод в научный оборот всего неолитического керамического комплекса изучаемого региона и разработка дробной типологии на основании формы сосуда и орнамента на тулове и бортике венчика.

На сегодняшний день наиболее полно изучен и классифицирован керамический инвентарь ымы-

яхтахской позднеолитической культуры (Федосеева, 1980а), также в известной степени данная категория археологического материала получила освещение и в монографиях так называемого регионального характера (Алексеев, 1987; Аргунов, 1990).

К наиболее важным для изучения древней истории Якутии памятникам, открытым и исследованным ВАЭ и ПАЭ в бассейне Вилуя, следует отнести многослойные памятники с радиоуглеродными датами Усть-Чиркуо I, Хатынгнаах II, Сюльдюкар и Таланда II; неолитический могильник Туой-Хая; а также однослойные стоянки, содержащие материалы переходного этапа от периода неолита к периоду бронзы: Джели, Эльгяй, Шея, Нучча-Кюель III и Быракан.

Стоянка Усть-Чиркуо I открыта в 1962 г. С.А. Федосеевой на правом приустьевом мысу р. Чиркуо, правого притока р. Вилуя, на 1763 км в Мирнинском р-не РС (Я). Расположена на 12–13-метровой высокой пойме Вилуя. В результате работ 1971, 1974–1976 гг. было выделено 12 слоев, в 10 из них обнаружены культурные остатки. Керамика найдена в двух верхних слоях и в сборах на бечевнике под стоянкой. Радиоуглеродные даты получены только для нижележащих III и IX культурных слоев. Стоянка представляет большой интерес для дальнейшего изучения раннеголоценовых отложений и, возможно, как переходный этап от позднего плейстоцена к раннему голоцену (Федосеева, 1968, 1970б, 1980б; Мочанов и др., 1991).

Стоянка Хатынгнаах II открыта в 1979 г. Н.В. Антипиной на правом приустьевом мысу р. Хатынгнаах, левого притока р. Вилуя, на 1327 км в Мирнинском р-не РС (Я). Расположена на 11-метровой высокой пойме Вилуя. В результате работ 1979–1982 гг. выделено восемь культурных слоев. Наличие на стоянке Хатынгнаах II трех неолитических слоев дает возможность коррелировать ее с многослойными стоянками Алдана и подтверждает не только последовательность смены материальных культур, но и относительное единообразие культурно-исторического развития по всей огромной территории Северо-Восточной Азии (Антипина, 1980, 1982б, 1995; Мочанов и др., 1991).

Стоянка Сюльдюкар открыта в 1970 г. Н.Д. Архиповым на левом приустьевом мысу р. Сюльдюкар, левого притока р. Вилуя, на 1203 км в Мирнинском р-не РС (Я). Расположена на 13-метровой надпойменной террасе Вилуя. Исследовалась ПАЭ в 1979–1982 гг., выделено 16 культурных слоев. Стратиграфия данной стоянки очень сложна из-за многочисленных замывов и мерзлотных трещин.

К тому же верхний ее горизонт, включающий I и частично II слои, сильно перепахан и содержит в смешанном состоянии остатки различных культурных комплексов. Керамика найдена под дерном и в трех верхних слоях, также в сборах на бечевнике под стоянкой. Нижние V–XVI слои содержат немногочисленный материал и позволяют предполагать наличие здесь остатков палеолитических культур. Пока можно с уверенностью констатировать, что III культурный слой содержит остатки сыалахской раннеолитической культуры, судя по фрагментам сосуда с сетчатыми отпечатками. Во II слое найдены фрагменты керамики с шнуровыми отпечатками, что свидетельствует о присутствии здесь остатков белькачинской культуры среднего неолита. К сожалению, как уже отмечалось, верх стоянки на раскопанном участке вследствие современной деятельности человека сильно перепахан и содержит в смешанном состоянии остатки позднего неолита, а также периода бронзы и раннего железа. Остается надеяться, что впоследствии удастся обнаружить участки, где будет возможно разделить вышеуказанные культуры (Антипина, 1980, 1982а, 1995; Мочанов и др., 1991).

Стоянка Таланда II открыта в 1976 г. С.А. Федосеевой на левом приустьевом мысу р. Таланда, левого притока р. Марха, на 105 км от ее устья в Нюрбинском р-не РС(Я). Марха впадает в Вилюй слева на 1030 км от его устья. Стоянка расположена на 15-метровой высокой пойме Вилюя, исследовалась в 1976–1979 гг. Стратиграфия стоянки довольно четкая, предварительно выделены 14 культурных слоев. Культурные остатки отмечены пока лишь в верхних семи слоях.

Материалов из I слоя недостаточно для определения его культурно-хронологической принадлежности. В процессе раскопок II–III слоев получены материалы, дополняющие типологическую характеристику ымыяхтахской культуры. К ним относятся каменные предметы (отщепы, пластины, нуклеус, орудия: скребки, вкладыш, наконечники стрел, комбинированное орудие, резец, абразив, грузила, ретушер, обломки, заготовки), остатки берестяного сосуда, берестяные поплавки для сетей, обломки костей и зубов животных, множество костей и чешуи рыбы, а также фрагменты керамики вафельных, рубчатых и гладкостенных сосудов. По очажному углю для низа II слоя получена радиоуглеродная дата 3960 ± 40 л. н. (JE-1623). В III слое по углю из верхнего горизонта получена дата 3940 ± 60 л. н. (JE-1622), из среднего – 3980 ± 40 л. н. (JE-1624), из нижнего – 4020 ± 50 л. н. (JE-1621). В IV–VI слоях получены материалы, дополняющие типологическую характеристику белькачинской

среднеолитической культуры. К ним относятся каменные предметы (отщепы, пластины, нуклеус, орудия: наконечник стрелы, нож, отбойники, заготовка), остатки берестяного сосуда, костяные орудия (шило, ложила), обломки костей животных, множество костей и чешуи рыбы и обломки бивня мамонта (?), а также фрагменты шнуровой керамики. Для нижней части V слоя по очажному углю получена дата 4120 ± 60 л. н. (JE-1618). По древесному углю из средней части VI слоя получена дата 4150 ± 50 л. н. (JE-1619). В VII слое найдены каменные предметы (нуклеусы, отщепы, заготовка и кварцитовые гальки), заготовка костяного орудия, берестяной поплавок, обломки костей животных и множество костей и чешуи рыбы. Из-за малочисленности находок культурно-хронологическое положение слоя пока не определено. Нижележащий VIII слой вскрыт на небольшой площади, находки пока не обнаружены. Судя по стратиграфии, VII и VIII слои, скорее всего, должны относиться к белькачинской или сыалахской культуре. По древесине для VII слоя получена дата 5480 ± 70 л. н. (JE-1620). Для VIII слоя получена дата 5880 ± 60 л. н. (JE-1616) (Федосеева, 1980а, б, 1984; Федосеева и др., 1978; Мочанов и др., 1991). Четкая стратиграфия стоянки Таланда II, культурные остатки, спорово-пыльцевая диаграмма и радиоуглеродные датировки дают возможность коррелировать ее с многослойными стоянками Алдана и подтверждают правильность разработанной еще в 1965 г. периодизации неолитических культур Якутии (Мочанов, 1966, 1969).

Могильник Туой-Хая. Первое погребение могильника случайно открыто геологом Ю.С. Вязовым в 1954 г. на верхней площадке юго-западного склона горы Туой-Хая, которая находится на правом берегу р. Чона, в 69 км от ее устья в Мирнинском р-не РС(Я). Чона является правым притоком Вилюя на 1565 км. До образования в 1967 г. Вилюйского водохранилища гора Туой-Хая возвышалась на 52 м от уреза р. Чона и имела абсолютную отметку 266.78 м. Могильник открыт в 1959 г. С.А. Федосеевой во время первой разведки ВАЭ. Исследовался в 1959–1961 гг. на верхней площадке юго-западного склона горы, сложенного глинистыми сланцами, перекрытыми рыхлыми наносами мощностью до 0.8 м. Общая площадь раскопок составила 216.5 м². Зарегистрировано четыре погребения людей (включая погребение, открытое Ю.С. Вязовым), одно захоронение человеческого черепа, одно погребение собаки и скопление керамики. По облику погребального инвентаря и обилию в захоронениях охры могильник Туой-Хая отнесен к белькачинской культуре и датирован III тыс. до н.э. Антрополог Г.Ф. Дебеч исследовал череп из разрушенного геологическим шурфом погребения и отнес его к

часть тулова сосудов, крайне редко – бортики венчиков.

Орнамент на бортиках наблюдался у четырех сетчатых сосудов (рис. 1). Один из них со стоянки Туой-Хая I орнаментирован округлыми вдавлениями, другой из сборов стоянки Сюльдюкар украшен рядом коротких насечек вдоль внешнего края бортика, третий со стоянки Туой-Хая I орнаментирован косыми насечками, а четвертый из III слоя стоянки Сюльдюкар – наклонными врезными линиями. На остальных сосудах бортики венчиков заглажены.

Основной орнамент располагался на венчике и верхней части сосуда и состоял, как правило, из одного или нескольких элементов. Всего выделено три композиции, обозначенные римскими цифрами. Внутри I композиции выделены варианты, обозначенные прописными буквами А, Б (рис. 1).

Композиция I состоит из одного ряда сквозных отверстий, расположенных на расстоянии 0.3–0.8 см от края бортика и опоясывающих сосуд в верхней части венчика. В зависимости от формы отверстий выделено два варианта: IA (7 сосудов) – округлые отверстия диаметром 2–3 мм, памятники Туой-Хая I, Усть-Чона I, II, Хатынгнаах II, Сыралта; IB (3 сосуда) – овальные отверстия размерами 2×3 мм, памятники Туой-Хая I, Сюльдюкар (сборы), Огогут.

Композиция II (1 сосуд) характеризуется сочетанием отверстий и узким горизонтальным наlepным валиком, рассеченным через равные промежутки косыми насечками. Найден в III слое стоянки Сюльдюкар.

Композиция III (1 сосуд) характеризуется сочетанием тонкого ребристого наlepного валика и под ним трех рядов треугольных вдавлений. Обнаружен на стоянке Туой-Хая I.

Таким образом, можно отметить, что сетчатая керамика, наиболее четкий показатель сыалахской ранненеолитической культуры Северо-Восточной Азии, распространена практически по всему бассейну Вилюя и по форме и орнаменту близка аналогичным сосудам с многослойных стоянок Алдана.

Шнуровая керамика. Второй вид представлен 1090 фрагментами керамики, внешняя поверхность которых покрыта рельефными вертикальными отпечатками шнура, техническим орнаментом белькачинской среднеолитической керамики. “Они образовались во время формовки сосуда из мягкой глины при помощи колотушки, обмотанной шнуром или узким плетеным ремешком” (Мочанов, 1969. С. 176).

Сосуды, по-видимому, имели такую же, как и у сыалахцев, усеченно-яйцевидную форму с округ-

лым (рис. 2, формы 1, 2) или слегка приостренным (рис. 2, формы 3, 5) доньшком. Ярким доказательством этому служат два сосуда из VI слоя стоянки Таланда II, от которых “сохранились нижняя часть тулова и слегка приостренные доньшки, на внутренней поверхности которых остались следы охры” (Федосеева, 1980а. С. 54). На стоянке Огогут обнаружен небольшой фрагмент венчика сосуда с хорошо выраженной узкой шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 2, форма 4).

Стадиально этот вид керамики относится к белькачинской культуре среднего неолита Якутии. Ю.А. Мочанов по форме сосудов и элементам орнамента выделил два типа шнуровой керамики. На стоянках бассейна Вилюя присутствуют оба типа, но представлены они, к сожалению, единичными и небольшими фрагментами керамики.

Художественный орнамент на белькачинских сосудах также располагается на венчике и верхней части сосуда, но отличительная особенность большинства сосудов с шнуровыми отпечатками – утолщенный наlepом венчик, на котором и располагается художественный орнамент. Всего выделено пять композиций, внутри которых намечены варианты. Композициям даны цифровые обозначения от I до V, а вариантам внутри них – буквенные обозначения А, Б, В (рис. 2).

Композиция I состоит из одного ряда сквозных отверстий, расположенных на расстоянии 0.9–1.2 см от края бортика и опоясывающих сосуд в верхней части венчика. В зависимости от формы отверстий выделяются два варианта: IA (1 сосуд) – округлые отверстия диаметром 3 мм, Усть-Чона II; IB (1 сосуд) – овальные отверстия размерами 2.5×4 мм, Туой-Хая I.

Композиция II (1 сосуд) характеризуется сочетанием отверстий и шести горизонтальных рядов зубчатого штампа, Туой-Хая I.

Композиция III (1 сосуд) характеризуется сочетанием отверстий и коротких косых линий зубчатого штампа, расположенных под бортиком. Отверстия имеют ромбическую форму, Таланда II, слой V.

Композиция IV характеризуется сочетанием коротких косых линий зубчатого штампа, образующих более сложный “елочный”, или зигзагообразный орнамент. По количеству и расположению линий намечено три варианта: IVA (1 сосуд) состоит из сочетания трех горизонтальных рядов наклонных коротких линий зубчатого штампа, стоянка Огогут; IVB (1 сосуд) также состоит из сочетания трех горизонтальных рядов косых линий зубчатого штампа, он отличается лишь направлением наклона рядов и частотой расположений линий орнамента, стоянка

№	Форма сосуда	Туой-Хая I	Туой-Хая II	Усть-Чона II	Хатынгнаах II слой III	Сюльдюкар слой II	Огогут	Куокуну II	Нюрбачан II	Таланда II слой V	Хоту Туулаах	Сыралта	№	Вариант	Орнамент на тулове сосудов	Туой-Хая I	Усть-Чона II	Хатынгнаах II слой III	Огогут	Таланда II слой V
1		1											1	IA	• • • • •		1			
													2	IB	• • • • •	1				
2		2		1	1					1			3	II		1				
													4	III						1
3										1			5	IVA					1	
													6	IVB				1		
4							1						7	IVB		1				
													8	V				1		
5										1										
№	Форма венчика												№	Орнамент на бортике венчика						
1		2		1									1		1					
2		1			1		1						2				1			
3										1			3					1		

Рис. 2. Классификация шнуровой керамики со стоянок р. Виллюй.

Хатынгнаах II, слой III; IVB (1 сосуд) состоит из сочетания пяти коротких косых линий зубчатого штампа, стоянка Туой-Хая I.

Композиция V (1 сосуд) является исключением, выпадающим из типологии шнуровой керамики, предложенной Ю.А. Мочановым (1969). На внешней поверхности фрагмента из III слоя стоянки Хатынгнаах II поверх оттисков шнура наблюдается два ряда овальных слегка скошенных вдавлений. К сожалению, сохранился только один небольшой фрагмент тулова, поэтому о форме и полном орнаменте сосуда говорить затруднительно.

Орнамент на бортиках наблюдается у трех шнуровых сосудов (рис. 2). Он как бы продолжает орнамент венчика и состоит также из наклонных линий зубчатого штампа. Причем у сосуда со сто-

янки Огогут орнамент распространяется также и на внутреннюю поверхность венчика – она орнаментирована одним рядом косых коротких линий зубчатого штампа.

Вафельная керамика. Этот вид керамики представлен 604 фрагментами с вафельными отпечатками, именуемыми также “шахмато-шашечными” или “ложно-текстильными”. Они принадлежат 27 сосудам со стоянок Усть-Чиркуо I – слой II и сборы, Усть-Чиркуо II; Дьехси-Сирэй – слой II, Туой-Хая I, II; Хатынгнаах II – слой II; Сюльдюкар – сборы; Огогут – слой I; Нюрбачан II; Таланда II – слои II, II–III, III и сборы; Эльгяне, Хоту-Туулаах и Сыралта.

Большинство сосудов представлено фрагментами тулова, лишь у 10 из них сохранились венчики. Форма вафельных отпечатков разнообразная –

№	Форма сосуда	Усть-Чиркую I сборы, слой II	Усть-Чиркую II	Дьэхси-Сирэй	Туой-Хая I	Туой-Хая II	Хатынгнаах II слой II	Сюльдюкар сборы	Огогут	Нюрбачан II	Таланда II слой II, III	Эльгяне	Хоту Туулаах	Сыралта	№	Вариант	Орнамент на тулове сосуда	Туой-Хая I	Хатынгнаах II слой II	Таланда II слой II, III	Хоту Туулаах	Сыралта
1							1	1			1				1	IA	• • • • •	3		2	1	
2						4					2		1	1	2	II	• • • • •	1				
															3	IVA						1
															4	IVB				1		
															5	VIII			1			
№	Форма венчика																					
1						2		1			3			1								
2						1	1															
3						1							1									

Рис. 3. Классификация вафельной керамики со стоянок р. Виллой.

квадратная, ромбическая, прямоугольная, но явно преобладают квадратная и ромбическая ячейки.

Форма сосудов усеченно-яйцевидная с округлыми доньшками, венчик слегка наклонен внутрь (рис. 3). Почти вся керамика невысокого качества, характеризуется примесями в глиняном тесте песка и шерсти, двух- и трехслойностью теста. Цвет фрагментов красновато-бурый и серовато-бурый.

Более подробно данная керамика описана С.А. Федосеевой. По наблюдениям автора, “в пределах всего культурного ареала прослеживается единая традиция изготовления ымыяхтахских сосудов” (Федосеева, 1980б. С. 188). Многослойность керамики и добавка к глиняному тесту шерсти и растительных остатков – одна из отличительных черт ымыяхтахской керамики. Сосуды изготавливались вручную путем послойного наращивания пластов глиняного теста, которое равномерно уплотнялось при помощи специальной лопаточки – “колотушки, на которой был вырезан вафельный или рубчатый штамп. Употреблялась и гладкая колотушка” (Федосеева, 1980б. С. 188).

Художественный орнамент вафельной керамики сосудов бассейна Виллы почти полностью, за единственным исключением, включен в схему классификации, предложенную С.А. Федосеевой. Ниже дается описание орнаментов вилловской керамики по общей схеме (рис. 3).

Композиция I, вариант IA (6 сосудов) – под бортиком ряд округлых отверстий диаметром 2–3 мм, Туой-Хая I, Таланда II – слои II и III, Хоту-Туулаах.

Композиция II, вариант IIБ (1 сосуд) – под бортиком ряд округлых отверстий, поверх которых прорезана горизонтальная линия, Туой-Хая I.

Композиция IV, вариант IVA (1 сосуд) – под бортиком ряд округлых отверстий, у которых из каждой на тулово спускаются три лучеобразно расходящихся одинарных прямых линии, Сыралта.

Композиция IV, вариант IVБ (1 сосуд) – отличается от описанного выше тем, что три прямые опускаются не из каждого отверстия, а через три-четыре пропущенных, Таланда II, слой III.

Композиция VIII (1 сосуд) не имеет аналогов среди исследованных орнаментов ымыяхтахской керамики. Вафельный сосуд из II слоя стоянки Хатынгнаах II орнаментирован рядом сквозных округлых отверстий диаметром 2 мм и нанесенными под бортиком косыми линиями зубчатого штампа.

Отпечатки зубчатого штампа более характерны для предшествовавшей белькачинской культуры. На территории Якутии отмечен лишь один вафельный сосуд из сборов на стоянке Усть-Миль II на Алдане, украшенный как врезными линиями, так и зубчатым штампом. По мнению С.А. Федосеевой, он “фиксирует ранний этап ымыяхтахской культуры,

№	Форма сосуда	Усть-Чиркую I слой II	Дьехси-Сирэй	ТХМ	Туой-Хая I	Усть-Чона II	Ыгыатта	Нюрбачан II	Таланда II слой II	Нучча-Кюель II	Нучча-Кюель III	Быракан	№	Вариант	Орнамент на тулове сосуда	Усть-Чиркую I слой II	ТХМ	Нюрбачан II	Таланда II слой II	Нучча-Кюель II	Нучча-Кюель III	Быракан
1		1							1				1	IA	• • • • •	1	1	1	3		2	1
													2	IB	— — — — —				1			
2				1					1				3	II	• • • • •				1			
													4	III E	X X X X X X X X X X					1	1	
3									1				№	Орнамент на бортике венчика								
													1	□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □								
4									2													
№	Форма венчика																					
1		1		1				1	3													
2									1													
3									1													

Рис. 4. Классификация рубчатой керамики со стоянок р. Вилюй.

когда существовали контакты между ымыяхтахцами и белькачинцами” (1980б. С. 194). По-видимому, описанный фрагмент со стоянки Хатынгнаах II относится к тому же периоду.

Рубчатая керамика. К этому виду керамики отнесены 1747 фрагментов, на внешней поверхности которых нанесены отпечатки. По технике изготовления она идентична описанным выше вафельным сосудам – отмечены многослойность и добавка к тесту шерсти и растительных остатков. Стадиально этот вид керамики также относится к ымыяхтахской культуре позднего неолита Якутии.

На памятниках Вилюя представлено 18 сосудов, выполненных в подобной технике, у 11 из них сохранились фрагменты венчиков. Сосуды имели усеченно-яйцевидную форму с овальным доньшком (рис. 4, формы 1–3), у двух сосудов из II слоя стоянки Таланда II из-за резкого наклона внутрь венчика в верхней части тулова в месте перегиба заметно выделяется наружное ребро (рис. 4, форма 4).

Художественный орнамент сосудов крайне беден и так же, как орнамент рассмотренных выше вафельных сосудов, полностью вписывается в общую схему описания ымыяхтахских сосудов (рис. 4).

Композиция I, вариант IA (9 сосудов) – под бортиком ряд округлых отверстий диаметром 2–3 мм, Усть-Чиркую I – слой II, могильник Туой-Хая, Таланда II – слой II, Нучча-Кюель III, Быракан.

Композиция I, вариант IB (1 сосуд) – под бортиком ряд овальных отверстий размерами 1.5×2.5 мм, расположенных горизонтально, Таланда II, слой II.

Композиция I, вариант IG (1 сосуд) – под бортиком ряд овальных отверстий (1.5×2.5 мм), расположенных вертикально, Таланда II, слой II–III.

Композиция III, вариант III E (1 сосуд) – под бортиком ряд округлых отверстий, из которых на тулово спускаются лучеобразно расходящиеся прямые линии. Ниже в средней части тулова они пересекаются и образуют решетку.

Бортики описанных сосудов в большинстве своем прямые, не орнаментированные. Лишь у сосуда

№	Форма сосуда	Усть-Чиркуо I слой II	Улахан-Эдьек I	Джели	Шея	Нюрбачан I	Бакемда	Быракан	№	Вариант	Орнамент на тулове сосуда	Усть-Чиркуо I слой II	Джели	Бакемда	Быракан
1		2	+	1	1	+	1	1	1	IA	• • • • •	2	1	1	
									2	IV	■ ■ ■ ■ ■				1
№	Форма венчика														
1		2						1	1						
2				1											

Рис. 5. Классификация гладкостенной ымыяхтахской керамики со стоянок р. Виллой.

из II слоя стоянки Усть-Чиркуо I бортик украшен параллельными поперечными вдавлениями рубчатой лопаточки (рис. 4).

Особо следует отметить, что на стоянке Таланда II удалось четко зафиксировать керамику с рубчатыми отпечатками в слое, перекрывающем III культурный слой, содержащий вафельную керамику (Федосеева, 1980б. С. 106). Возможно это просто случайность, но не исключается вероятность, что в ходе дальнейших исследований удастся определить более четкие хронологические рамки бытования разнообразных форм керамики.

Гладкостенная керамика. Этот вид керамики представлен 341 фрагментом керамики, остатками 9 сосудов с гладкой внешней поверхностью. Стадиально этот вид керамики по всем отличительным особенностям относится к ымыяхтахской поздне-неолитической культуре.

Гладкостенные сосуды обнаружены на стоянках Усть-Чиркуо I – слой II, Улахан-Эдьек I, Куокуну III, Джели, Шея, Нюрбачан I, Бакемда и Быракан. Они характеризуются многослойностью теста, в котором содержатся примеси песка, шамота и шерсти. Внешняя поверхность сосудов не орнаментирована, она отличается “от гладкостенных сосудов усть-мильской культуры эпохи бронзы и керамики из комплексов раннего железного века отсутствием специального заглаживания и выравнивания поверхности, вследствие чего она рыхлая, ноздреватая” (Федосеева, 1980б. С. 189).

Сосуды имели усеченно-яйцевидную форму с округлым доньшком, венчик слегка наклонен внутрь (рис. 5). Бортики в основном прямые, заглаженные, без орнамента. Художественный ор-

намент на сохранившихся шести фрагментах венчика практически однообразен. Сосуды украшены под бортиком рядом сквозных отверстий, в пяти случаях имевших округлую форму (вариант IA), а на небольшом фрагменте венчика гладкостенной керамики со стоянки Быракан отмечено мелкое четырехугольное отверстие (вариант IV).

Особо следует отметить найденные на стоянках Усть-Чиркуо I и Улахан-Эдьек I, II фрагменты сосудов, украшенные под бортиком одним или двумя рядами выдавленных изнутри горошин – “жемчужин”. А.П. Окладников относил подобные прибайкальские сосуды к серовскому этапу и отмечал, что “широко применялся по-прежнему, и простой ямочный узор в виде круглых неглубоких вдавлений с внешней стороны горшка, рядом с которым, однако, впервые появляется новый прием орнаментации круглыми бугорками-горошинами, выдавленными палочкой изнутри сосуда” (1950. С. 208, 209). Вопрос об их хронологической принадлежности остается до сих пор не решенным ввиду фрагментарности обломков и отсутствия четких стратиграфических привязок. Пока можно только предположить, что такая керамика появилась в Якутии из районов Прибайкалья и, возможно, верхний Виллой был одним из районов, где происходило взаимодействие сопредельных культур.

По мнению С.А. Федосеевой, “керамика с жемчужинами начала проникать через Нижнюю Тунгуску и верховья Лены в верховья Виллой на заключительном этапе существования там ымыяхтахской культуры” (1980б. С. 116). Это предположение поддержано исследователем бронзового века Якутии В.И. Эртюковым: “Примерно в середине и конце II тысячелетия до н.э. на территорию Якутии из

районов Прибайкалья, скорее всего через Верхнюю Лену и Верхний Вилюй, проникли носители с гребенчатым орнаментом и с “жемчужиной”. Их миграции, по-видимому, были немногочисленными. В настоящее время не представляется возможным определить, насколько большое влияние они оказали на становление усть-мильской культуры” (Эртюков, 1990. С. 112).

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что каждой неолитической эпохе бассейна Вилюя соответствует определенный вид керамики. Нигде на территории Якутии сетчатая, шнуровая и вафельная керамика не найдены в одних и тех же слоях четко стратифицированных многослойных стоянок (Мочанов, Федосеева, 2002, 2013). Общность керамики вилюйских и алданских неолитических памятников показывает, что эти районы населяли в древности носители одних и тех же культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н. Каменный век Олекмы / Ред. Г.П. Башарин. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 125 с.
- Алексеев А.Н., Воробьев С.А. Новые археологические памятники Нижнего Вилюя // Проблемы археологии Северной Азии. Чита, 1988. С. 90–91.
- Антипина Н.В. Новые археологические памятники Верхнего Вилюя // Новое в археологии Якутии / Ред. Ю.А. Мочанов. Якутск: Якут. филиал СО АН СССР, 1980. С. 41–50 (Тр. Приленской археологической экспедиции).
- Антипина Н.В. Стоянка Сюльдюкар – новый многослойный памятник Среднего Вилюя (к проблеме корреляции археологических памятников Якутии) // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. Якутск: Изд-во ЯкутГУ, 1982а. С. 67–68.
- Антипина Н.В. Стоянка Хатынгнаах I – новый многослойный памятник в верховьях Вилюя // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Тез. докл. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982б. С. 91–93.
- Антипина Н.В. Каменный век Вилюя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1995. 21 с.
- Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. Новосибирск: Наука, 1990. 212 с.
- Архипов Н.Д. Петроглифы Олекмы // АО–1970. М.: Наука, 1971. С. 195–196.
- Дебец Г.Ф. Древний череп из Якутии // КСИЭ. 1956. Вып. 25. С. 60–63.
- Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск: Наука, 1978. 128 с.
- Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 20 с.
- Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 254 с.
- Мочанов Ю.А. Стратиграфия и абсолютная хронология палеолита Северо-Восточной Азии (по данным работ 1963–1973 гг.) // Якутия и ее соседи в древности / Ред. Ю.А. Мочанов. Якутск: Якут. филиал СО АН СССР, 1975. С. 9–30 (Тр. Приленской археологической экспедиции).
- Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.
- Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внутропической прародины человечества. Новосибирск: Наука, 1992. 253 с.
- Мочанов Ю.А. Дюктайская палеолитическая культура и история выделения бифасиальной традиции палеолита Северной Азии. Якутск, 2007. 131 с.
- Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России). Т. 1, 2. Якутск: Медиа-холдинг, 2010. Т. 1 – 524 с. Т. 2 – 594 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология Арктики и берингоморские этнокультурные связи Старого и Нового Света в голоцене // Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. Тез. докл. Хабаровск, 1973. С. 196–199.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Основы корреляции и синхронизации археологических памятников Северо-Восточной Азии // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 2 / Ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. С. 25–34.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии (по материалам многослойной стоянки Сумнагин I) // Якутия и ее соседи в древности / Ред. Ю.А. Мочанов. Якутск: Якут. филиал СО АН СССР, 1975. С. 38–49 (Тр. Приленской археологической экспедиции).
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии // Берингия в кайнозое / Ред. В.Л. Контримавичус. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. С. 515–539.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии / Ред. Ю.А. Мочанов. Якутск: Якут. филиал СО АН СССР, 1980. С. 3–13 (Тр. Приленской археологической экспедиции).
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внутропическая прародина человечества и древнейшие этапы заселения человеком Америки: Тр. Приленской археологической экспедиции. Докл. для Междуна. Северного археологи-

- ческого конгресса, г. Ханты-Мансийск, 9–14 сентября 2002 г. Якутск, 2002. 60 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописменной истории Якутии. Эпоха камня. Т. 1, 2. Якутск: ЦААПЧ АН РС (Я), 2013. Т. 1 – 504 с. Т. 2 – 489 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии (бассейны Вилюя, Анабара и Оленека). Новосибирск: Наука, 1991. 224 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Романова Е.Н., Семеновцев А.А. Многослойная стоянка Белькачи I и ее значение для построения абсолютной хронологии древних культур Северо-Восточной Азии // По следам древних культур Якутии / Ред. Ю.А. Мочанов, Ф.Г. Сафронов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1970. С. 10–31 (Тр. Приленской археологической экспедиции).
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 411 с. (МИА; № 18).
- Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 172–193.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 310 с.
- Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. 190 с.
- Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии / Ред. Ю.А. Мочанов, Ф.Г. Сафронов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1970а. С. 128–142 (Тр. Приленской археологической экспедиции).
- Федосеева С.А. Основные этапы древней истории Вилюя в свете новых археологических открытий // По следам древних культур Якутии / Ред. Ю.А. Мочанов, Ф.Г. Сафронов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1970б. С. 65–72 (Тр. Приленской археологической экспедиции).
- Федосеева С.А. Эпоха бронзы на Алдане (по материалам стоянки Белькачи I) // Сибирь и ее соседи в древности / Ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1970в. С. 303–313.
- Федосеева С.А. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 2 / Ред. Г.И. Медведев. Иркутск: ИрГУ, 1974. С. 146–158.
- Федосеева С.А. Археологические памятники Среднего Вилюя // Новое в археологии Якутии / Ред. Ю.А. Мочанов. Якутск: Якут. филиал СО АН СССР, 1980а. С. 46–54 (Тр. Приленской археологической экспедиции).
- Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980б. 215 с.
- Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1984. 33 с.
- Федосеева С.А., Антипина Н.В., Эртюков В.И. Многослойная стоянка Таланда II – опорный археологический памятник Северо-Западной Якутии // Археология и этнография Восточной Сибири. Тез. докл. Иркутск: ИрГУ, 1978. С. 63–64.
- Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 93–99.
- Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. М.: Наука, 1990. 152 с.
- Ackerman R.E. Archaeology of the Asian Zone of Eskimo Occupation // Handbook of North American Indians, Arctic Volume. Washington State University, 1974. P. 111–121.
- Chard Ch.S. Northeast Asia in Prehistory. The University of Wisconsin Press, 1974. 214 p.
- Hadleigh-West F. The archaeology of Beringia. Columbia University Press, 1980. 249 p.
- McBurney C.B. Early man in the Soviet Union. The British Academy, 1976. 56 p.
- Mochanov Yu.A. Palaeolithique de l'Aldan et le problem du peuplement de l'Amerique. VIII Congress INQUA. Paris, 1969a. P. 153.
- Mochanov Yu.A. The Belkachinsk Neolithic culture in the Aldan // Arctic Anthropology. 1969b. V. 6. № 1. P. 104–114.
- Mochanov Yu.A. The early neolithic of the Aldan // Arctic Anthropology. 1969c. V. 6. № 1. P. 95–103.
- Mochanov Yu.A. The Ymyiakhtach late neolithic culture // Arctic Anthropology. 1969d. V. 6. № 1. P. 115–118.
- Mochanov Yu.A. Stratigraphy and absolute chronology of the palaeolithic of Northeast Asia // Early Man in America. Edmonton, 1978a. P. 54–66.
- Mochanov Yu.A. The palaeolithic of Northeast Asia and the problem of the first peopling of America // Early Man in America. Edmonton, 1978b. P. 67.
- Mochanov Yu.A. Early migrations to America in the light of a study of the Dyuktai palaeolithic culture in Northeast Asia // Early Native Americans. Hague; Paris; N. Y., 1980. P. 119–131.
- Powers W.R. Palaeolithic Man in Northeast Asia. Madison, 1973. 106 p. (Arctic Anthropology; V. 10. № 2).
- Powers W.R. Perspectives on early man // American Quaternary Association. Abstracts of the fifth biennial meeting. Edmonton, 1978. P. 114–122.
- Smith I.W. The Northeast Asia – Northwest American microblade tradition // J. of Field Archaeology. 1974. V. 1. № 3–4. P. 347–364.

NEOLITHIC POTTERY OF THE VILYUY RIVER BASIN

Natalya V. Antipina

*The center of the Arctic archaeology and paleoecology of a Human of the Academy of Sciences
of the Republic Sakha (Yakutia), Yakutsk
(diring@mail.ru)*

The article is based on the archaeological materials of the Vilyuy river basin found by the Vilyuy archaeological expedition (1958–1963) and the river Lena archaeological expedition (from 1964 to the present day). The author introduces for the scientific use the Neolithic pottery of Vilyuy by cultures according to the periodization of the Stone Age of Yakutia developed by Y.A. Mochanov. The article provides with the classification tables of the different kinds of pottery by the types of vessels where form and decoration were the basis. The composition of the paste and the color of baking were considered. The materials are kept in the museum depository of the Centre of the Arctic archaeology and paleoecology of a Human of the Academy of Sciences of the Republic Sakha (Yakutia).

Key words: Yakutia, reticulated, lace prints; waffle, ribbed, smooth-walled pottery; radiocarbon dates; artistic decoration.

REFERENCES

- Ackerman R.E., 1984. Archaeology of the Asian Zone of Eskimo Occupation. *Handbook of North American Indians*, 5. Arctic. D. Damas, ed. Washington: Washington State University, pp. 106–118.
- Alekseev A.N., 1987. Kamennyy vek Olekmy [Stone Age of Olekma]. G.P. Basharin, ed. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkut. univ. 125 p.
- Alekseev A.N., Vorob'ev S.A., 1988. Novye arkheologicheskie pamyatniki Nizhnego Vilyuya [New archaeological sites of Lower Vilyuy]. *Problemy arkheologii Severnoy Azii [Problems of archaeology of the Northern Asia]*. Chita, pp. 90–91.
- Antipina N.V., 1980. Novye arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Vilyuya [New archaeological sites of Upper Vilyuy]. *Novoe v arkheologii Yakutii [New in the archaeology of Yakutia]*. Yu.A. Mochanov, ed. Yakutsk: Yakut. filial Sib. otd. AN SSSR, pp. 41–50. (Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii).
- Antipina N.V., 1982a. Stoyanka Syul'dyukar – novyy mnogosloynnyy pamyatnik Srednego Vilyuya (k probleme korrelyatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yakutii) [Site Syuldyukais a new multi-layer site of the Middle Vilyuy (on the problem of Yakutia's sites)]. *Problemy arkheologii i perspektivy izucheniya drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka: tezisy dokladov [Problems of archaeology and perspectives of the studying of ancient cultures of Siberia and Far East: theses]*. Yakutsk: Izdatel'stvo Yakut. gos. univ., pp. 67–68.
- Antipina N.V., 1982b. Stoyanka Khatyngnaakh I – novyy mnogosloynnyy pamyatnik v verkhov'yakh Vilyuya [Site Khatyngnaakh I is a new multi-layer site in the head-stream of Vilyuy]. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: tezisy dokladov [Problems of archaeology and ethnography of Siberia: theses]*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkut. univ., pp. 91–93.
- Antipina N.V., 1995. Kamennyy vek Vilyuya: avtoref. diss. ... kandidata istorich. nauk [Stone Age of Vilyuy: author's abstract ... candidate of historical sciences]. Yakutsk. 21 p.
- Argunov V.G., 1990. Kamennyy vek Severo-Zapadnoy Yakutii [Stone Age of the Northern-Western Yakutia]. Novosibirsk: Nauka. 212 p.
- Arhipov N.D., 1971. Petroglify Olekmy [Petroglyphs of Olekma]. *AO 1970 [Archaeological discoveries of 1970]*. Moscow: Nauka, pp. 195–196.
- Chard Ch.S., 1974. Northeast Asia in Prehistory. Madison: The Univ. of Wisconsin Press. 214 p.
- Debets G.F., 1956. Drevniy cherep iz Yakutii [Ancient skull from Yakutia]. *KSIE [BCIE]*, 25, pp. 60–63.
- Ertukov V.I., 1990. Ust'-mil'skaya kul'tura epokhi bronzy Yakutii [The Ust-Mil culture of the Bronze Age of Yakutia]. Moscow: Nauka. 152 p.
- Fedoseeva S.A., 1968. Drevnie kul'tury Verkhnego Vilyuya [Ancient cultures of Upper Vilyuy]. Moscow: Nauka. 190 p.
- Fedoseeva S.A., 1970a. Novye dannye o bronzovom veke Yakutii [New data on the Bronze Age of Yakutia]. *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii [Following the steps of ancient cultures of Yakutia]*. Yu.A. Mochanov, F.G. Safronov, eds. Yakutsk: Yakut. knizhnoe izdatel'stvo, pp. 128–142 (Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii).
- Fedoseeva S.A., 1970b. Osnovnye etapy drevney istorii Vilyuya v svete novykh arkheologicheskikh otkrytiy [Main stages of the ancient history of Vilyuy in the view of new archaeological discoveries]. *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii [Following the steps of ancient cultures of Yakutia]*. Yu.A. Mochanov, F.G. Safronov, eds. Yakutsk:

- Yakut. knizhnoe izdatel'stvo, pp. 65–72. (Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii).
- Fedoseeva S.A., 1970v. Epokha bronzy na Aldane (po materialam stoyanki Bel'kachi I) [The Bronze Age on the Aldan River (on the materials of the site Belkachi I)]. *Sibir' i ee sosedi v drevnosti [Siberia and its neighbors in Antiquity]*. V.E. Larichev, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 303–313.
- Fedoseeva S.A., 1974. Ust'-mil'skaya kul'tura epokhi bronzy Yakutii [Ust-Mil culture of the Bronze Age of Yakutia]. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoy Sibiri [Ancient history of the peoples of the South of the Eastern Siberia]*, 2. G.I. Medvedev, ed. Irkutsk: Irkut. gos. univ., pp. 146–158.
- Fedoseeva S.A., 1980a. Arkheologicheskie pamyatniki Srednego Vilyuya [Archaeological sites of Vilyuy]. *Novoe v arkheologii Yakutii [New in the archaeology of Yakutia]*. Yu.A. Mochanov, ed. Yakutsk: Yakut. filial Sib. otd. AN SSSR, pp. 46–54. (Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii).
- Fedoseeva S.A., 1980b. Ymyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoy Azii [The Ymyakhtach culture of the Northern-Eastern Asia]. Novosibirsk: Nauka. 215 p.
- Fedoseeva S.A., 1984. Ymyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoy Azii: avtoref. diss. ... doktora istoricheskikh nauk [The 1 culture of the Northern-Eastern Asia: author's abstract ... doctor of historical sciences]. Novosibirsk. 33 p.
- Fedoseeva S.A., Antipina N.V., Ertyukov V.I., 1978. Mnogosloynnaya stoyanka Talanda II – opornyy arkheologicheskyy pamyatnik Severo-Zapadnoy Yakutii [Multi-layer site Talanda II: base archaeological site of the Northern-Western Yakutia]. *Arkheologiya i etnografiya Vostochnoy Sibiri: tezisy dokladov [Archaeology and ethnography of the Eastern Siberia: theses]*. Irkutsk: Irkut. gos. univ., pp. 63–64.
- Hadleigh-West F., 1980. The archaeology of Beringia. New York: Columbia Univ. Press. 249 p.
- Khlobystin L.P., 1978. Vozrast i sootnoshenie neoliticheskikh kul'tur Vostochnoy Sibiri [Age and correlation of Neolithic cultures of the Eastern Siberia]. *KSIA [BCIA]*, 153, pp. 93–99.
- Konstantinov I.V., 1978. Ranniy zheleznyy vek Yakutii [Early Iron Age of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka. 128 p.
- McBurney C.B., 1976. Early man in the Soviet Union. L.: The British Academy. 56 p.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 1974. Osnovy korrelyatsii i sinkhronizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Severo-Vostochnoy Azii [Bases of correlation and synchronization of the sites of the Northern-Eastern Asia]. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoy Sibiri [Ancient history of the peoples of the Eastern Siberia]*, 2. G.I. Medvedev, ed. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkut. univ., pp. 25–34.
- Mochanov Yu.A., 1966. Mnogosloynnaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii: avtoref. diss. ... kandidata istoricheskikh nauk [Multi-layer site Belkachi I and periodization of the Stone Age of Yakutia: author's abstract ... candidate of historical sciences]. Moscow. 20 p.
- Mochanov Yu.A., 1969. Mnogosloynnaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii [Multi-layer site Belkachi I and periodization of the Stone Age of Yakutia]. Moscow: Nauka. 254 p.
- Mochanov Yu.A., 1969a. Palaeolithique de l'Aldan et le problem du peuplement de l'Amerique. *VIII Congress INQUA*. Paris, p. 153.
- Mochanov Yu.A., 1969b. The Belkachinsk Neolithic culture in the Aldan. *Arctic Anthropology*, vol. 6, no. 1, pp. 104–114.
- Mochanov Yu.A., 1969c. The early neolithic of the Aldan. *Arctic Anthropology*, vol. 6, no. 1, pp. 95–103.
- Mochanov Yu.A., 1969d. The Ymyakhtach late neolithic culture. *Arctic Anthropology*, vol. 6, no. 1, pp. 115–118.
- Mochanov Yu.A., 1975. Stratigrafiya i absolyutnaya khronologiya paleolita Severo-Vostochnoy Azii (po dannym rabot 1963–1973 gg.) [Stratigraphy and absolute chronology of the Paleolith of the Northern-Eastern Asia]. *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti [Yakutia and its neighbors in Antiquity]*. Yu.A. Mochanov, ed. Yakutsk: Yakut. filial Sib. otd. AN SSSR, pp. 9–30. (Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii).
- Mochanov Yu.A., 1977. Drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii [The most ancient stages of the colonization by man of the Northern-Eastern Asia]. Novosibirsk: Nauka. 264 p.
- Mochanov Yu.A., 1978a. Stratigraphy and absolute chronology of the palaeolithic of Northeast Asia. *Early Man in America*. Edmonton, pp. 54–66.
- Mochanov Yu.A., 1978b. The palaeolithic of Northeast Asia and the problem of the first peopling of America. *Early Man in America*. Edmonton, p. 67.
- Mochanov Yu.A., 1980. Early migrations to America in the light of a study of the Dyuktai palaeolithic culture in Northeast Asia. *Early Native Americans*. Hague; Paris; N. Y., pp. 119–131.
- Mochanov Yu.A., 1992. Drevneyshiy paleolit Diringa i problema vnetropicheskoy prarodiny chelovechestva [The most ancient Diring Paleolith and the problem of extra-tropical ancestral homeland of the humanity]. Novosibirsk: Nauka. 253 p.
- Mochanov Yu.A., 2007. Dyuktayskaya paleoliticheskaya kul'tura i istoriya vydeleniya bifasial'noy traditsii paleolita Severnoy Azii [Dyuktai Paleolithic culture and history of the identification of the tradition of the Paleolith of the Northern Asia]. Yakutsk. 131 p.
- Mochanov Yu.A., 2010. 50 let v kamennom veke Sibiri (arkheologicheskie issledovaniya v aziatskoy chasti Rossii) [50 years in the Stone Age of Siberia (archaeological researches in Asian part of Russia)], т. 1. Yakutsk: Media-kholding. 524 p.

- Mochanov Yu.A., 2010. 50 let v kamennom veke Sibiri (arkheologicheskie issledovaniya v aziatskoy chasti Rossii) [50 years in the Stone Age of Siberia (archaeological researches in Asian part of Russia)], т. 2. Yakutsk: Media-kholding. 594 p.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 1973. Arkheologiya Arktiki i beringomorskie etnokul'turnye svyazi Starogo i Novogo Sveta v golotsene [Archaeology of Arctic and the Bering Sea ethno cultural relations between Old and New World in the Holocene]. *Beringiyskaya susha i ee znachenie dlya razvitiya golarkticheskikh flor i faun v kaynozoe: tezisy dokladov [The land of Bering and its meaning for the development of Holarctic floras and faunas in Cenozoic Age: theses]*. Khabarovsk, pp. 196–199.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 1975. Absolyutnaya khronologiya golotsenovykh kul'tur Severo-Vostochnoy Azii (po materialam mnogosloynoy stoyanki Sumnagin I) [Absolute chronology of the Holocene cultures of the Northern-Eastern Asia (on the materials of multi-layer site Sumnagin I)]. *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti [Yakutia in Antiquity]*. Yu.A. Mochanov, ed. Yakutsk: Yakut. filial Sib. otd. AN SSSR, pp. 38–49 (Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii).
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 1976. Osnovnye etapy drevney istorii Severo-Vostochnoy Azii [Main stages of the ancient history of the Northern-Eastern Asia]. *Beringiya v kaynozoe [Beringia in Cenozoic Age]*. V.L. Kontrimavichus, ed. Vladivostok: Dal'nevostochnyy tsentr AN SSSR, pp. 515–539.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 1980. Osnovnye itogi arkheologicheskogo izucheniya Yakutii [Main results of archaeological studies of Yakutia]. *Novoe v arkheologii Yakutii [New in the archaeology of Yakutia]*. Yu.A. Mochanov, ed. Yakutsk: Yakut. filial Sib. otd. AN SSSR, pp. 3–13 (Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii).
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 2002. Arkheologiya, paleolit Severo-Vostochnoy Azii, vnetropicheskaya prarodina chelovechestva i drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Ameriki: Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii: doklady dlya Mezhdunarodnogo Severnogo arkheologicheskogo kongressa [Archaeology, Paleolith of the Northern-Eastern Asia, extra-tropical ancestral homeland of the humanity and ancient stages of colonization of America by man: Transactions of Lena's archaeological expedition: reports for International Northern archaeological Congress]. Yakutsk. 60 p.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 2013. Ocherki dopis'mennoy istorii Yakutii. Epokha kamnya [Essays of the pre-literate history of Yakutia. The Stone Age], 1. Yakutsk: Tsentr arkticheskoy arkheologii i paleoekologii cheloveka AN Respubliki Sakha (Yakutiya). 504 p.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., 2013. Ocherki dopis'mennoy istorii Yakutii. Epokha kamnya [Essays of the pre-literate history of Yakutia. The Stone Age], 2. Yakutsk: Tsentr arkticheskoy arkheologii i paleoekologii cheloveka AN Respubliki Sakha (Yakutiya). 489 p.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., Konstantinov I.V., Antipina N.V., Argunov V.G., 1991. Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii (basseyiny Vilyuya, Anabara i Oleneka) [Archaeological sites of Yakutia (basin of Vilyuy, Anabara and Oleneka)]. Novosibirsk: Nauka. 224 p.
- Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A., Romanova E.N., Sementsov A.A., 1970. Mnogosloynnaya stoyanka Bel'kachi I i ee znachenie dlya postroeniya absolyutnoy khronologii drevnikh kul'tur Severo-Vostochnoy Azii [Multi-layer site Belakchi I and its meaning for the formation of the absolute chronology of the ancient cultures of the Northern-Eastern Asia]. *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii [Following the steps of ancient cultures of Yakutia]*. Yu.A. Mochanov, F.G. Safronov, eds. Yakutsk: Yakut. knizhnoe izdatel'stvo, pp. 10–31 (Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii).
- Okladnikov A.P., 1950. Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya [Neolith and Bronze Age of the Baikal region]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 411 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 18).
- Okladnikov A.P., 1970. Neolit Sibiri i Dal'nego Vostoka [Neolith of Siberia and Far East]. *Kamennyy vek na territorii USSR [Stone Age of the USSR]*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 172–193 (Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR, 166).
- Powers W.R., 1973. *Palaeolithic Man in Northeast Asia*. Madison. 106 p. (Arctic Anthropology, vol. 10, no. 2).
- Powers W.R., 1978. Perspectives on early man. *American Quaternary Association: Abstracts of the fifth biennial meeting*. Edmonton, pp. 114–122.
- Simchenko Yu.B., 1976. Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Evrazii. Etnograficheskaya rekonstruktsiya [Culture of deer hunters of the Northern Eurasia. Ethnographical reconstruction]. Moscow: Nauka. 310 p.
- Smith I.W., 1974. The Northeast Asia – Northwest American microblade tradition. *J. of field archaeology*, vol. 1, no. 3–4, pp. 347–364.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПАМЯТНИКА ТУТКАУЛ (ТАДЖИКИСТАН)

© 2015 г. **В.А. Ранов***, **С.В. Шнайдер****, **Г.Д. Павленок****

**Институт истории им. А. Дониша АН
Республики Таджикистан, Душанбе*

***Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
(sveta.shnayder@gmail.com)*

В данной статье рассматриваются каменные индустрии мезолитических горизонтов памятника Туткаул (Таджикистан), одного из ключевых объектов на территории западной части Центральной Азии. Проведенные технико-типологический и атрибутивный анализы позволили представить подробные характеристики комплексов и предложить гипотезу, согласно которой происхождение мезолита связано с развитием кульбулакской верхнепалеолитической культуры и с культурной инфильтрацией с территорий Среднего и Ближнего Востока.

Ключевые слова: мезолит, западная часть Центральной Азии, стоянка Туткаул, геометрические микролиты.

В последнее десятилетие значительно изменилось восприятие финальнопалеолитических традиций в каменном производстве Западного Памиро-Тянь-Шаня в связи с изучением материалов памятников Кульбулак, Додекатым 2 (Узбекистан), Шугноу (Таджикистан). Была выделена кульбулакская культура, маркирующие черты которой – мелкопластинчатое расщепление, широко представленный набор кареноидных ядрищ, изготовление пластинок с притупленным краем, а также треугольных микролитов (Колобова и др., 2011, 2013; Ранов и др., 2012). Ранее памятники, в индустрии которых преобладали данные типы, априори относились к мезолитической эпохе (Окладников, 1966; Ранов, Несмеянов, 1973; Исламов, 1980). Таким образом, на настоящем этапе исследований закономерно встал вопрос о векторе технологического развития каменного производства в раннем голоцене, для решения которого необходимо вновь вернуться к всестороннему анализу материалов известных ранее памятников, прежде всего многослойной стоянки Туткаул ввиду очевидности ее стратиграфического контекста.

Местоположение и история изучения памятника. Памятник Туткаул располагался в Южном Таджикистане в 70 км на юго-восток от г. Душанбе в местности Дашти-Мазар у входа р. Вахш в Пулисангинское ущелье (рис. 1). Стоянка была обнаружена экспедицией, возглавляемой А.П. Окладниковым, в 1956 г. при проведении археологической разведки

затапливаемых территорий Нурекского водохранилища (Окладников, 1959). Раскопки памятника проводились в рамках спасательных археологических работ в 1963, 1965–1969 гг. под руководством В.А. Ранова (Ранов, Юсупов, 1970), которым на памятнике были выделены четыре культуросодержащих горизонта. Верхние горизонты (1 и 2) были отнесены исследователем к неолиту, а нижние два (2а и 3) – к раннему и позднему мезолиту. На настоящий момент площадь памятника Туткаул затоплена Нурекским водохранилищем.

С середины 60-х годов XX в. мезолитические материалы памятника Туткаул используются для построения региональных культурно-хронологических схем развития древних обществ. В 1960-е годы В.А. Ранов предложил гипотезу о существовании двух путей развития пред- и раннеголоценовых индустрий. К первому пути развития (мезолиту) исследователь относил комплексы, приуроченные к равнинным и предгорным ландшафтам, для которых характерно использование мелкопластинчатой технологии расщепления, в орудийном наборе – доминирование геометрических микролитов и микроскребков (Туткаул, Ак-Таньги, Оби-Киик, Таджикистан; Дам-Дам-Чешме 1, 2, Джебел, Туркмения). Ко второму пути развития (эпипалеолиту) В.А. Ранов относил комплексы, приуроченные к горным ландшафтам, для индустрии которых характерно преобладание призматических нуклеусов, в орудийном наборе – доминирование скребков,

Рис. 1. Карта расположения основных мезолитических памятников Памиро-Алайской горной системы. Условное обозначение: *a* – памятник.

скребков, пластинок с ретушью, особо подчеркивалось отсутствие микролитов (Ош-Хона и Бешкентские стоянки, Таджикистан; Обишир 1, 5, Киргизия) (Davis, Ranov, 1999).

В дальнейшем, детализируя свои построения, В.А. Ранов выделил два этапа в мезолите Южного Таджикистана. К первому (раннему) относились микропластинчатые индустрии, в орудином наборе которых доминируют орудия геометрических форм в виде прямоугольников и высокие концевые скребки (горизонт 3 Туткаул; Чиль-Чор-Чашма). Второй этап (поздний) представлен индустрией горизонта 2а Туткаула, Дарай-Шура и Оби-Киика, для которой характерно сочетание “галечного элемента” с микропластинчатой техникой расщепления, представленной торцово-клиновидными, призматическими и конусовидными нуклеусами, в орудином наборе преобладают сегменты и острия туткаульского типа. Схожие индустрии представлены в Истыкской пещере (Памир), гроте Ташкумыр (Ферганская долина).

Эпипалеолит, согласно гипотезе В.А. Ранова, подразделяется на маркансуйскую (Ошхона, Каратумшук) и бешкентскую (Бешкентские стоянки) культуры. Индустрия маркансуйской культуры

характеризуется сочетанием “галечной индустрии” с микропластинчатой техникой расщепления, представленной призматическими и торцовыми ядрищами для мелкопластинчатых заготовок. В орудиной коллекции отмечается доминирование прямых и выпуклых скребел, выемчатых пластинок, проколов, миниатюрных наконечников стрел. На генезис маркансуйской культуры, по мнению исследователя, возможно, оказали влияние ферганские комплексы (Ранов, 1991).

В 80-е годы XX в. Г.Ф. Коробкова предложила выделить отдельную туткаульскую культуру (горизонт 3 Туткаула, горизонт 6 Ак-Таньги и материалы стоянки Чиль-Чор-Чашма), которые характеризуются применением микропластинчатой техники расщепления, преобладанием в орудином наборе геометрических микролитов (низких трапеций и прямоугольников) и высоких микроскребков на отщепках. Генезис туткаульской культуры исследователь связывала с ближневосточными комплексами геометрического Кебарана (Bar-Yosef, 1970; Bar-Yosef, Vogel, 1987), для которых также характерно преобладание в орудином наборе высоких микроскребков и геометрических микролитов в виде низких трапеций и прямоугольников (Коробкова,

1989). Индустрию горизонта 2а, по мнению Г.Ф. Коробковой, следует относить к вахшской культуре, выделенной В.А. Рановым. К данной культуре, характеризующейся сочетанием микропластинчатой и галечной техник расщепления, по ее мнению, также относятся и материалы стоянки Дарай-Шур. Г.Ф. Коробкова предполагала, что генезис вахшской культуры в первую очередь связан с комплексами Самаркандской стоянки (1982).

Т.Г. Филимонова в своем диссертационном исследовании на основе анализа индустрий Дарай-Шур, Сай-Сайед, Калисуфиен, Челондара, Туткаул предлагает иной вариант развития каменных комплексов в раннеголоценовое время. Исследователь выделяет два этапа развития мезолитической эпохи – ранний и развитый. На генезис раннего этапа, представленного коллекцией Туткаула (горизонт 3), оказали влияние североафриканские и ближневосточные комплексы, в индустриях которых широко представлены геометрические микролиты в виде прямоугольников. Формирование вахшской культуры, которая отражает развитый этап мезолита, происходило под влиянием культурной диффузии ближневосточных индустрий с геометрическими микролитами и местных финальнопалеолитических индустрий, представленных в комплексах Сай-Саеда (горизонт 3), Калисуфиена, Челондары. Влияние последнего составляющего (местных индустрий) прослеживается в применении галечной техники расщепления и наличии геометрических микролитов в виде сегментов, которые представлены в единичных экземплярах в финальнопалеолитических коллекциях и занимают основное положение в орудийном наборе Туткаула (горизонт 2а) и Дарай-Шура (Филимонова, 2007).

Несмотря на свой ключевой статус для рассмотрения вопросов генезиса мезолита региона, материалы памятника Туткаул не обработаны и не опубликованы в полном объеме. Авторами раскопок была опубликована только представительная часть коллекции, которая составляет около 25% от всего материала (Ранов, Коробкова, 1971). Учитывая первостепенную роль данной коллекции для понимания процессов, происходивших на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня в раннеголоценовое время, необходимо представить полные характеристики мезолитических индустрий памятника.

Стратиграфия памятника. Стратиграфическое описание памятника составлено на основе опубликованных материалов (Ранов, Коробкова, 1971), а также полевых дневников и отчетов В.А. Ранова, хранящихся в библиотеке Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан (Душанбе) (рис. 2).

Слой А. Современный дерновый слой.

Слой Б. Палевый лёссовидный суглинок мощностью от 0.5 до 4 м, в верхней части которого зафиксированы остатки средневекового городища Темляит. В нижней части слоя найдены следы поселения эпохи бронзы и первый культурный горизонт каменного века, который был отнесен к неолитической гиссар-

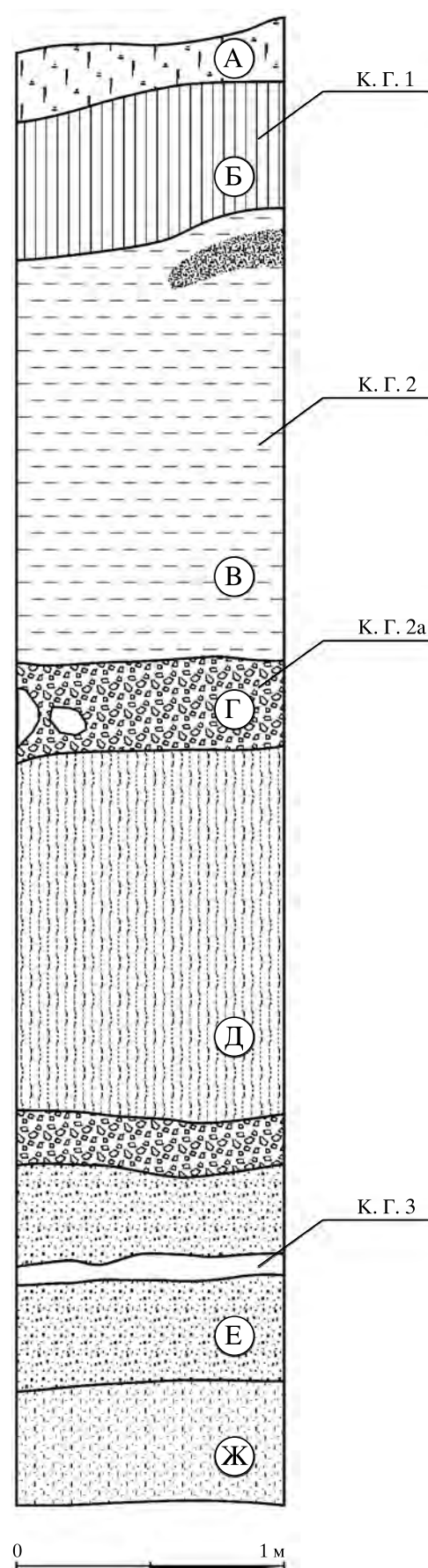

Рис. 2. Стратиграфический профиль памятника Туткаул в пикете А-17 (К.Г. – культурный горизонт).

ской культуре. Находки последнего приурочены к темноокрашенной углистой прослойке мощностью 0.1–0.15 м.

Слой В. Темный суглинок с большим содержанием углей, мощностью от 0.4 до 2.5 м. Поверхности напластования четкие, волнистые, с явным размывом. Данный слой соответствует второму культурному горизонту гиссарской неолитической культуры. От вышележащего культурного горизонта он отделяется стерильной прослойкой, мощность которой на площади раскопа колеблется от 0.15 до 2 м.

Слой Г. Щебнисто-суглинистые селевые отложения мощностью 0.3–0.6 м. Данный слой содержал археологический материал, отнесенный к мезолитическому горизонту 2а. Контакт между культурными горизонтами 2 и 2а четкий, и В.А. Ранов отмечает, что смешение археологического материала этих горизонтов было минимальным.

По мнению В.А. Ранова, археологический материал, заключенный в щебнисто-селевые отложения, подвергся незначительному плоскостному смещению и изначально залегал в одной из террас бокового сая. Это доказывается, во-первых, обнаруженными в щебнисто-селевой линзе “отторженцами”, в которых сохранилось несколько угольных пятен и отдельных угольков. Во-вторых, анализ степени сохранности поверхности артефактов показал, что предметы не имеют признаков окатанности, поверхности, а также края изделий не несут следов механических повреждений.

На основании стратиграфических наблюдений невозможно установить, существовал ли значительный перерыв в осадконакоплении между основанием 2-го горизонта, датированным возрастом в 6010 ± 170 лет до н.э. (Ранов, Каримова, 2005) и временем формирования культурного горизонта 2а. В.А. Рановым предполагалась относительная датировка данного горизонта на основании археологических аналогий в пределах 7–8 тыс. лет до н.э. (Ранов, Коробкова, 1971).

Слой Д. Бурый, плохо сортированный песок с дресвой и мелкими обломками гипса. В слое было выделено несколько прослоев, один из которых сложен сильно опесчаненным плотным желтым суглинком, второй – плотной зеленой глиной (не отражены на стратиграфическом разрезе), а также линза щебня мощностью 0.1 м. Истинная мощность слоя колеблется от 0.8 до 1.8 м. В археологическом отношении слой стерилен.

Слой Е. Однородный серый полимиктовый аллювиальный песок, в котором отмечены отдельные

небольшие линзы мелкого щебня, дресвы и красноватой глины. Истинная мощность слоя составляет 0.6 м.

К одной из линз красноватой глины, с большим количеством гипсовых стяжений, приурочен третий культурный горизонт мощностью от 0.03 до 0.07 м. В данном подразделении отмечено несколько скоплений угольков и костей.

На основе аналогий с натуфийским комплексом В.А. Ранов относил индустрию третьего горизонта к раннему мезолиту и предполагал, что она могла существовать в пределах 10–11 тыс. лет до н.э. (Ранов, Коробкова, 1971).

Ниже слоя Е залегает пачка плотных красных и зеленых глин, мощностью от 0.4 до 0.5 м, перекрывающих отложения конуса выноса, сформированный согласно определениям геологов С.А. Несмеяновым, А.А. Никоновым, Г.Ф. Тетюхиным в голоценовое время (Ранов, Коробкова, 1971).

Каменный инвентарь. При анализе первичного расщепления в категорию отходов производства были включены обломки, осколки, чешуйки, отщепы размером до 20 мм. Описание нуклеусов в работе приведено в соответствии с классификацией В.Н. Гладылина (1976).

Индустрия культурного горизонта 3. Ведущим научным сотрудником ИАЭТ СО РАН, канд. геол.-минерал. наук Н.А. Кулик для этого горизонта, как и для горизонта 2а (см. ниже), был проведен петрографический анализ, который показал, что подавляющую часть коллекции (96%) составляют изделия из кремневых пород, 2% – изделия из эффузивов и 2% из песчаника.

Коллекция каменных артефактов насчитывает 874 экз., из них отходы производства составляют 440 экз. (50%) (табл. 1).

В комплексе выделено два морфологически выраженных ядрища (табл. 2) – кареноидный нуклеус для пластинок и микропластин (рис. 3, 30) и конвергентный нуклеус для микропластин (рис. 3, 29).

Технических сколов насчитывается 11 экз. (3%) (табл. 3), среди них представлены “таблетки” (4 экз.), краевые сколы (3 экз.), сколы подправки фронта расщепления (3 экз.) (рис. 3, 27) и латеральный скол подправки, позже два краевых скола были преобразованы в срединный резец и микроскребок с ретушью на $\frac{3}{4}$ части периметра.

Индустрия сколов представлена отщепами – 121 экз. (3%), пластинами – 53 экз. (12%), пластинками – 182 экз. (42%) и микропластинами – 65 экз. (15%) (табл. 1).

Таблица 1. Состав каменных индустрий мезолитических горизонтов стоянки Туткаул

Категории первичного расщепления	Горизонт 2а		Горизонт 3	
	количество	%	количество	%
Нуклевидные изделия	72	4.5	2	0.5
Технические сколы	78	5	11	3
Отщепы	835	54	121	28
Пластины	322	21	53	12
Пластинки	197	13	182	42
Микропластины	31	2	65	15
Всего без учетов отходов производства*	1541	55	434	50
Отходы производства (обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм)**	1272	45	440	50
Всего	2807	100	874	100

* Процент от суммы артефактов горизонта без учетов отходов производства. ** Процент от общей суммы артефактов горизонта.

Таблица 2. Типологический состав нуклеусов в мезолитических горизонтах памятника Туткаул

Типы нуклеусов	Горизонт 2а	Горизонт 3
Плоскостные	28	1
Радиальные	2	—
Дисковидные	1	—
Продольные для пластинчатых сколов	4	—
Продольные для пластинок на сколах	1	—
Продольные для отщепов	2	—
Поперечные для отщепов	8	—
Бипродольный для пластинчатых сколов	1	—
Бипродольный для отщепов	1	—
Бипоперечный для отщепов	1	—
Ортогональные	4	—
Перекрестно двусторонние для пластинчатых заготовок	3	—
Конвергентный для микропластин	—	1
Торцовые	11	—
Продольные для пластинчатых заготовок	6	—
Бипродольные для пластинчатых заготовок	5	—
Объемные	19	1
Подцилиндрические для пластин	2	—
Цилиндрические для пластинок и микропластин	7	—
Конусовидные для пластинок и микропластин	10	—
Кареноидный для пластинок и микропластин	—	1
Всего	58	2

Учитывая тот факт, что в индустрии малочисленны нуклеусы, был дополнительно проведен анализ сколов. Судя по морфологии пластин, их производство реализовывалось в рамках однонаправленного продольного краевого скалывания вдоль двух направляющих ребер, отмечается частое применение приема удаления карниза мелкими сколами. Морфология пластинок и микропластин указывает, что для серийного производства прямопрофильных изделий (70%) использовались вытянутые рабочие поверхности, утилизируемые с единственной площадки вдоль одного или двух направляющих

прямых ребер. Ударные площадки преимущественно точечные и линейные, несут следы тщательной обработки карниза. Характеристики пластинок и микропластин с изогнутым и закрученным профилем указывают на то, что они были получены с кареноидных ядрищ. Размеры отщепов, представленных в индустрии, варьируют от 20 до 35 мм в длину, в ширину – от 10 до 15 мм, для них не отмечается стандартизации по форме, оформлению дорсальных поверхностей и ударных площадок. Миниатюрные размеры отщепов и отсутствие стандартизации при их производстве указывает на

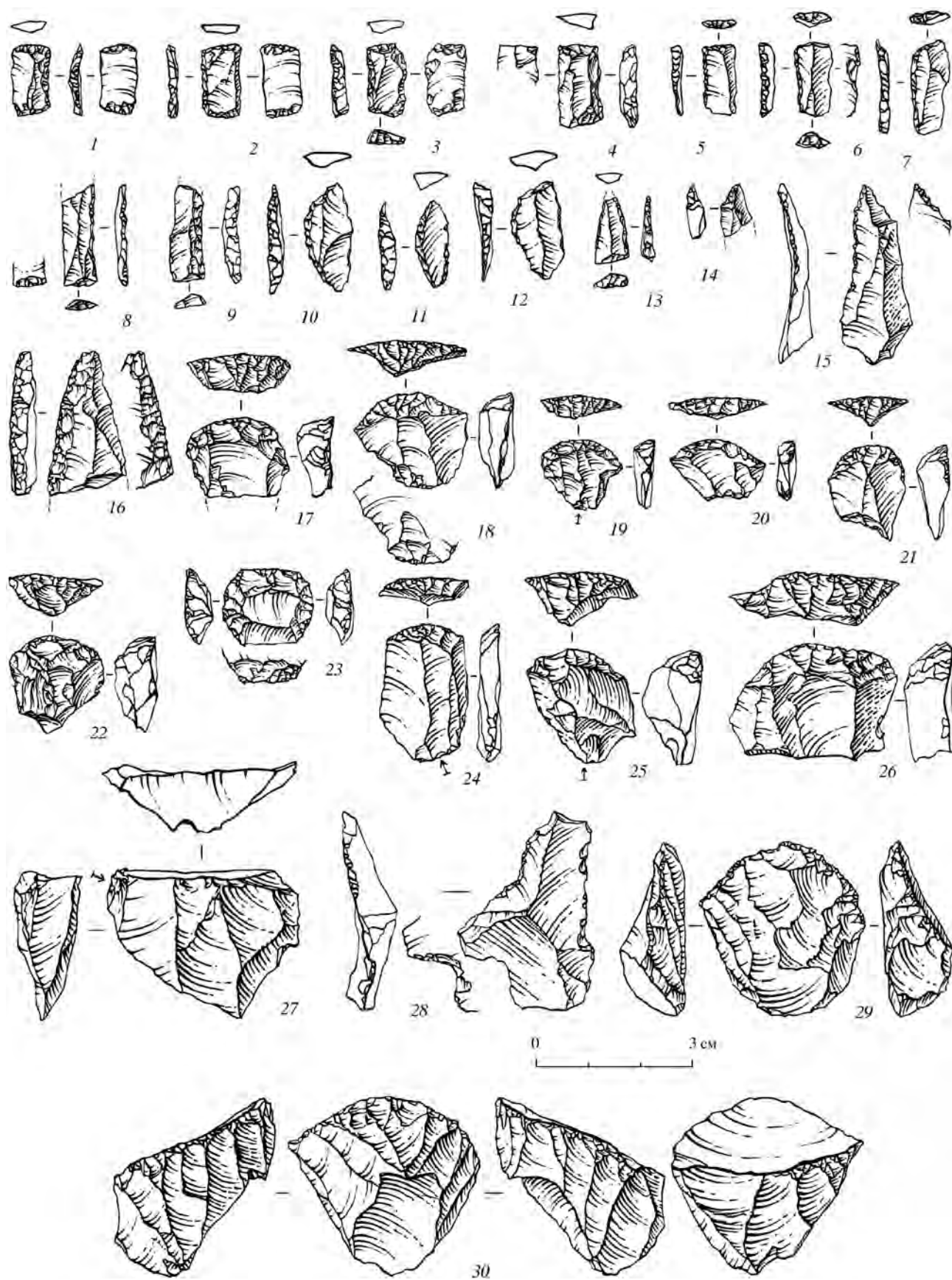

Рис. 3. Каменные артефакты (1–30) культурного горизонта 3 памятника Туткаул.

Таблица 3. Типологический состав технических сколов в мезолитических горизонтах памятника Туткаул

Типы технических сколов	Горизонт 2а	Горизонт 3
“Таблетки”	13	4
Сколы подправки фронта расщепления	24	3
Краевые сколы	15	3
Реберчатые пластины	7	—
Полуреберчатые пластины	9	—
Латеральные сколы подправки	2	1
Сколы подправки терминальной части нуклеуса	7	—
Заныривающий скол, снявший основание нуклеуса	1	—
Всего	78	11

то, что они были получены при оформлении ядрищ для пластинчатых заготовок.

Орудийный набор насчитывает 130 экз. (табл. 4).

Значительную часть орудийной коллекции составляют геометрические микролиты (38 экз.), среди которых выделяются прямоугольники (32 экз.) (рис. 3, 1–9), сегменты (5 экз.) (рис. 3, 10–12) и треугольник (рис. 3, 13). Обращает на себя внимание высокая стандартизация данной категории. Прямоугольники изготавливались на медиальных фрагментах пластинок посредством нанесения ретуши притупления по продольному и одному или обоим поперечным краям, располагающимся под углом около 80° по отношению к основанию изделия. Большинство целых прямоугольников имеет длину от 11 до 18 мм, ширину от 5 до 8 мм. Необработанный край заготовок практически во всех случаях со следами ретуши утилизации.

Вторую по численности категорию составляют скребки (21 экз.). Заготовками для скребков служили в основном отщепы. Большая часть скребков представлена микроскребками (14 экз.) (рис. 3, 17–22, 24–26), выделяются также скребки с широким выпуклым лезвием (5 экз.) и боковые (2 экз.). Некоторые изделия в проксимальной части тронкированы либо несут следы вентральной подтески основания. Для скребков также прослеживается метрическая стандартизация, длина варьирует от 16 до 20 мм, ширина – от 12 до 20, толщина – от 1.5 до 3.

В орудийном ансамбле выделены также пластинки (10 экз.) и микропластины с притупленным краем (5 экз.), пластины с альтернативной ретушью (5 экз.) (рис. 3, 16), проколки (5 экз.) (рис. 3, 14, 15), шиповидное и выемчатое орудия (рис. 3, 28). Типологически менее значимые орудия представлены пластинами с ретушью (11 экз.), пластинками

с ретушью (7 экз.) и отщепами с ретушью (4 экз.). Помимо этого в орудийном комплексе выделяются изделия с ретушью утилизации: пластины (5 экз.), пластинки (4 экз.), отщепы (4 экз.) и типологически неопределимые фрагменты орудий (9 экз.)

В качестве основного приема вторичной обработки выступает притупляющая дорсальная ретушь, с помощью которой изготовлено 50 экз. (42%) орудий. Около 30% орудий обрабатывалось дорсальной крутой и полукрутой постоянной сильно- и средне-модифицирующей чешуйчатой и субпараллельной по форме фасеток ретушью. Вентральная ретушь применялась реже, ее показатель составляет 5%.

Индустрия культурного горизонта 2а. Петрографический анализ для коллекции данного горизонта показал, что доля изделий из эффузивного сырья в коллекции составляет 54%, кремневого – 44, песчаников – 2 и горного хрусталя – 0.1.

Коллекция на настоящий момент содержит 2807 экз., большую часть которой составляют отходы производства – 1266 (45%) (табл. 1). Нуклевидных изделий насчитывается 72 экз. (5%), из них нуклевидных обломков выделено 8 экз. Ядрища представлены 64 экз., из них 6 определяются как истощенные, морфологическое определение которых провести затруднительно. Типологически неопределимые ядрища (58 экз.) выполнены в рамках плоскостного, торцового и объемного принципов расщепления (табл. 2).

Ядрища плоскостного принципа расщепления представлены 28 экз. Морфологически выделяются следующие категории нуклеусов: радиальные (2 экз.), дисковидный, продольные (7 экз.) (рис. 4А, 5), поперечные (8 экз.) (рис. 4А, 6), бипродольные (2 экз.) (рис. 4А, 10), бипоперечный, ортогональные (4 экз.), перекрестные (3 экз.) (рис. 4А, 7).

Таблица 4. Типологический состав орудий в мезолитических горизонтах памятника Туткаул

Типы орудий	Горизонт 2а	Горизонт 3
Геометрические микролиты:	46	38
прямоугольники	—	32
треугольники	3	1
сегменты	43	5
Скребки:	30	21
концевые с широким выпуклым лезвием	16	5
концевые с прямым лезвием	4	—
с ретушью на 3/4 части периметра	2	—
концевой с узким лезвием	4	—
боковые	—	2
микроскребки	—	14
высокой формы	4	—
Скребла	4	—
Острия туткаульского типа	45	—
Остроконечная пластина с ретушью притупления	4	—
Узкое микроострие с тронкированным основанием	1	—
Резец	1	—
Проколки	2	5
Долотовидные орудия	10	—
Стамеска	2	—
Выемчатые орудия	17	1
Шиповидные орудия	13	1
Пластины с альтернативной ретушью	—	5
Пластина с притупленными продольными краями	6	—
Пластина с притупленным краем	2	—
Микропластины с притупленным краем	—	5
Пластинки с притупленным краем	1	10
Сколы с ретушью		
Пластины	6	11
Пластинки	5	7
Микропластины	3	—
Отщепы	22	4
Сколы с ретушью утилизации		
Пластины	—	5
Пластинки	1	4
Микропластины	2	—
Отщепы	7	4
Фрагменты орудий	34	9
Всего	264	130

По типу получаемых заготовок можно выделить две группы ядрищ. Первая группа нуклеусов служила для получения отщеповых заготовок. Ядрища выполнены на отдельностях эффузивных пород, расщепление было приостановлено на начальной или средней стадии, выделяются лишь два изделия на конечной стадии утилизации. Вторая группа нуклеусов служила для получения пластинок и микропластин. Ядрища были организованы на дефицитном для этого региона кремневом сырье. Все нуклеусы находятся на крайней стадии утилизации — они претерпели несколько стадий переоформления и сохранили несколько ударных площадок и

фронтов расщепления. Финальные попытки утилизации ядрищ носили явно ситуационный характер.

Торцовый принцип расщепления представлен продольными (6 экз.) (рис. 4А, 8) и бипродольными (5 экз.) нуклеусами для пластинок и микропластин (рис. 4А, 9). В качестве заготовок чаще выступали желваки кремня. Ударная площадка организовывалась на плоскостях естественного разлома либо подготавливалась одним или несколькими сколами со стороны фронта расщепления. Одноплощадочные нуклеусы не несут следов подработки латералей или тыльных поверхностей,

А

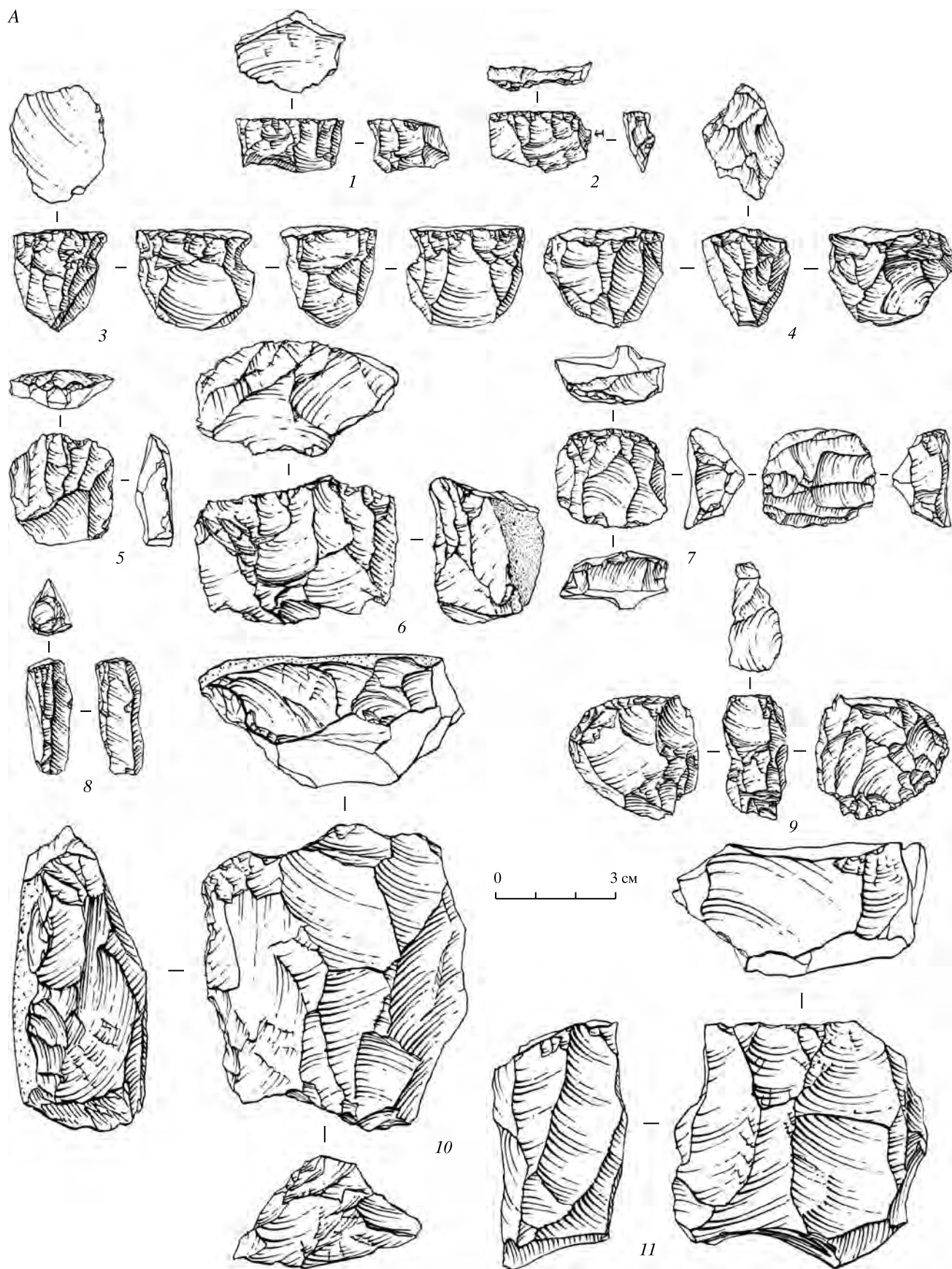

Рис. 4. Каменные артефакты культурного горизонта 2а памятника Туткаул. А – 1–11; Б – 1–25.

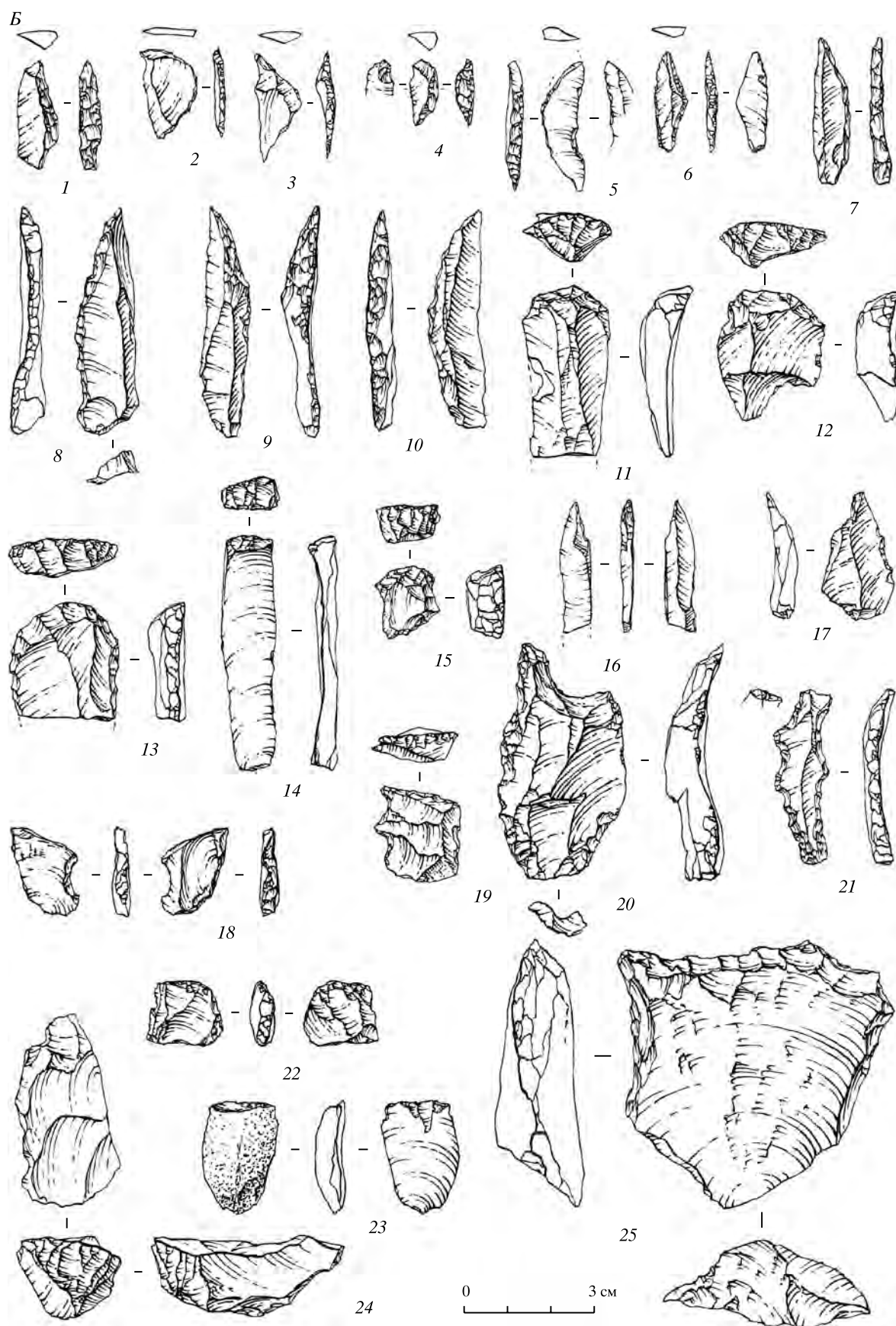

Рис. 4 (Окончание).

в то время как у биплощадочных изделий боковые стороны подрабатывались с целью поддержания подпрямоугольной формы фронта расщепления. Большинство ядрищ оставлено на крайней стадии утилизации.

Объемные нуклеусы для получения пластин представлены подцилиндрическими нуклеусами (2 экз.). На получение пластинок и микропластин были направлены цилиндрические (7 экз.) (рис. 4А, 1, 11) и подконусовидные (10 экз.) ядрища (рис. 4А, 3, 4). В качестве их заготовок выступали желваки кремня. Ударная площадка нуклеусов организовывалась на плоскостях естественного разлома либо подготавливалась мелкими отщеповыми снятиями со стороны фронта расщепления. Ударные площадки реанимировались с помощью отделения сколов-“таблеток”. Группа цилиндрических ядрищ несет следы подправки дистального окончания со стороны контрфронта с целью выравнивания основания нуклеуса. Подтреугольность рабочей поверхности конусовидных ядрищ задавалась латеральными снятиями, реализовавшимися с ударной площадки или с дистального окончания нуклеуса.

Технических сколов выделено 78 экз. (5%) (табл. 1), представленных различными типами (табл. 3), среди которых наиболее многочисленны сколы подправки фронта расщепления (24 экз.) (рис. 4А, 2), краевые сколы (15 экз.) и “таблетки” (13 экз.).

Большая часть сколов в индустрии представлена отщепами – 835 экз. (54%), пластинчатых заготовок насчитывается 550 (36%) (из них пластин – 322 экз., пластинок – 197, микропластин – 31) (табл. 1).

Анализ сколов-заготовок подтвердил наблюдение, что представленные в индустрии технологические схемы, основанные на утилизации плоскостных нуклеусов, давали в результате нестандартизированный продукт в виде отщепов. Они характеризуются варьирующими формой и размерами скола и ударной площадки, приемы редукции были зафиксированы на 50% сколов.

Пластины демонстрируют признаки одностороннего продольного некраевого скалывания без подправок ударных площадок вдоль одного или двух направляющих ребер. В свою очередь морфология схожих по всем основным признакам пластинок и микропластин указывает, что для их серийного производства использовались узкие вытянутые рабочие моно- или биплощадочные поверхности. Устойчивая морфология сколов предопределялась частой ориентацией снятия вдоль одного прямого направляющего ребра, а также краевым скалыванием (ударные площадки зачастую не превышает

в толщину 1–2 мм) с частой редукцией площадки. Важно отметить, что 90% изделий имеют прямой профиль.

Орудийный набор насчитывает 264 экз. (табл. 4). Наиболее многочисленная категория орудийной коллекции – геометрические микролиты (46 экз.): сегменты (43 экз.) (рис. 4Б, 1–5) и низкие треугольники (3 экз.) (рис. 4Б, 6). Сегменты изготавливались на медиальных фрагментах пластин и пластинок с прямым профилем посредством нанесения ретуши притупления, формирующей выпуклый продольный край. Прослеживается метрическая стандартизация данной категории изделий, их ширина варьирует в пределах 7–12 мм, длина – 20–30.

Вторую по численности категорию представляют острия туткаульского типа (45 экз.) (рис. 4Б, 7–10). Острия изготавливались на пластинах посредством нанесения ретуши притупления по всему или 2/3 части продольного края, задававшей дистальную асимметрию изделию (Ранов, Коробкова, 1971). От сегментов острия отличают не подработанная проксимальная часть заготовки; также для них характерны более крупные пропорции: ширина изделий укладывается в пределы от 10 до 14 мм, длина целых изделий варьирует от 35 до 50.

Помимо этого в коллекции выделено узкое микроострие с тронкированным основанием, остроконечные пластины с ретушью притупления (4 экз.), пластины с притупленными продольными краями (6 экз.), пластины с притупленным краем (2 экз.) и пластинка с притупленным краем.

В коллекции широко представлены скребки (30 экз.), среди которых выделяются концевые скребки с широким выпуклым лезвием (16 экз.) (рис. 4Б, 11, 12, 24). Несколько скребков имеют дополнительные участки ретуши по одному или двум продольным краям, несущим вспомогательные функции (рис. 4Б, 13, 15). Также были выделены скребки с прямым (4 экз.) (рис. 4Б, 14) и узким лезвием (4 экз.), скребки высокой формы (4 экз.) и скребки с ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра (2 экз.). Категория скребел представлена 4 экз.

В орудийном ансамбле выделены выемчатые (17 экз.) (рис. 4Б, 21), шиповидные (13 экз.) (рис. 4Б, 18–20), долотовидные (10 экз.) (рис. 4Б, 22, 23) изделия, стамески (2 экз.), проколки (2 экз.) (рис. 4Б, 16, 17) и угловой резец. Типологически менее значимые орудия представлены пластинами (6 экз.), пластинками (5 экз.), микропластинами (3 экз.) и отщепами с ретушью (22 экз.). Сколы с ретушью утилизации представлены пластинкой, микропластинами (2 экз.) и отщепами (7 экз.). Также выде-

лены фрагменты орудий (34 экз.), типологическое определение которых затруднительно.

В качестве основного приема вторичной обработки выступает притупляющая ретушь, с помощью которой изготовлен 41% (98 экз.) орудий. В основном использовалась дорсальная ретушь притупления, если же толщина обрабатываемого изделия превышает 5 мм, то эти изделия обрабатывались двусторонней притупляющей ретушью. Дорсальной крутой и полукрутой постоянной сильно- и средне-модифицирующей чешуйчатой и субпараллельной по форме фасеток ретушью обрабатывалось 35% орудий. Вентральная ретушь применялась реже, ее показатель равен 3%.

Обсуждение результатов. При сравнении индустрий мезолитических горизонтов памятника фиксируются различия в сырьевой базе индустрий – в горизонте 3 использовалось исключительно кремневое сырье, а в горизонте 2а – эффузивные и кремневые породы. К тому же в индустрии последнего прослеживается избирательность сырья при изготовлении заготовок различных типов: для производства отщепов и пластин использовалось эффузивное сырье, для пластинок и микропластин – исключительно кремневые породы. Возможно именно дифференцированным подходом к сырью можно объяснить разные стратегии утилизации ядрищ для получения крупных сколов (отщепы и пластины) в двух горизонтах.

Для производства заготовок с пропорциями пластинок и микропластин в обоих комплексах преимущественно использовались вытянутые рабочие поверхности, утилизируемые с одной площадки. Помимо этого в горизонте 2а выделяется значительная часть сколов (около 30%), полученных с биплощадочных ядрищ. Отдельную категорию горизонта 3 составляют сколы, полученные с кареноидных нуклеусов.

Между орудийными коллекциями горизонтов также прослеживаются отличия. Специфическая особенность орудийного набора горизонта стоянки Туткаул – его микролитовидный характер, более 50% орудий не превышают в наибольшем измерении 20 мм. Основными типами сколов, послужившими заготовками для оформления орудий горизонта 3, выступали пластинки и микропластины, доля которых среди заготовок орудий составляет более 50%. Материалы горизонта 2а демонстрируют иную картину, орудий размером более 20 мм выделено всего 10%, в качестве заготовок большей части орудий выступили крупные изделия (50% орудий изготовлено на пластинах).

Сходства между орудийными коллекциями прослеживаются в присутствии в горизонтах основных для мезолита региона форм – сегментов (в горизонте 3 они представлены единичными экземплярами, а в горизонте 2а являются ведущим типом орудий), пластинок с притупленным краем и концевых скребков.

Таким образом, можно заключить, что в период позднего мезолита использовалась более широкая сырьевая база, что повлияло на первичное расщепление. В горизонте 2а представлено целенаправленное производство отщепов и изменилась стратегия получения пластин. Для производства пластинок и микропластин использовались преимущественно одноплощадочные торцовые и объемные ядрища, отмечается значительная доля (около 30%) биплощадочного расщепления и отсутствие кареноидных нуклеусов. В орудийном наборе отмечается доминирование сегментов острий туткаульского типа и концевых скребков, важно отметить, что для горизонта 2а отмечается низкая доля микроинвентаря.

На основе представленных характеристик затруднительно проводить напрямую корреляции между комплексами, в качестве возможных факторов, объясняющих различия можно предположить либо смену адаптационных стратегий в рамках одной культуры, либо появление в регионе новых групп населения. Для окончательного прояснения вопроса о родстве индустрий мезолитических горизонтов Туткаула планируется провести дополнительное исследование с привлечением материалов синхронных комплексов.

В рамках выяснения истоков формирования мезолита региона проведено сопоставление раннемезолитической индустрии памятника Туткаул с материалами памятника Додекатым 2 (слои 2–4), относящимся к заключительному этапу кульбулакской культуры. На данном этапе развития культуры происходит замещение кареноидных нуклеусов, предназначенных для производства пластинок с непрямым профилем, призматическими моноплощадочными ядрищами для изготовления прямопрофильных пластинок. В орудийном наборе отмечается доминирование микроинвентаря, основными элементами которого являются треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем и микроострия с ретушью (типа *арженех*) (Колобова и др., 2011, 2013).

Сходство между раннемезолитическим горизонтом 3 Туткаула и позднепалеолитическими материалами Додекатым 2 прослеживается как на технологическом, так и на типологическом уровнях. Первичное расщепление обеих индустрий было направлено на получение прямопрофильных пласти-

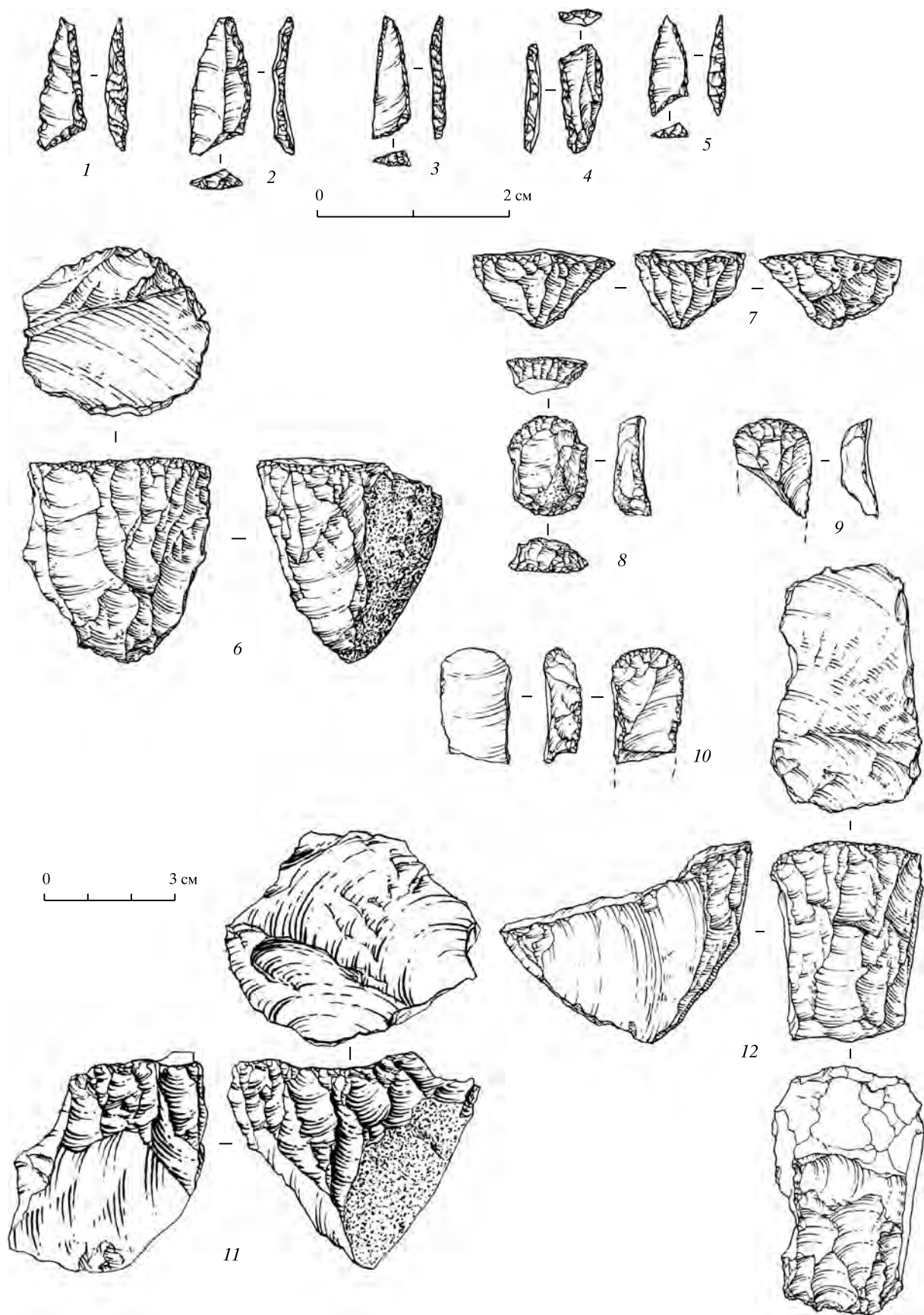

Рис. 5. Каменные артефакты (1–12) памятника Додекатом 2 (по: Колобова и др., 2011).

нок и микропластин в рамках однонаправленного продольного скалывания (рис. 5, 7, 8) и заготовок с изогнутым и закрученным профилем в рамках кареноидного расщепления (рис. 5, 11, 12).

В орудийном наборе горизонта 3 стоянки Туткаул выявлен аналогичный экземпляр треугольного микролита (рис. 3, 13), которые являются одним из маркеров кульбулакской культуры (рис. 5, 1–5). Туткаульский треугольник выполнен в схожей технической манере и имеет те же метрические характеристики, что и треугольники кульбулакской культуры. Микролит изготовлен на дистальном фрагменте кремневой пластинки, тронкированное основание треугольника образует тупой угол с правым продольным краем, обработанным ретушью притупления. На противоположном продольном крае читаются следы ретуши утилизации. Помимо этого на определенные параллели между индустриями может указывать и наличие в индустриях пластинок и микропластин с притупленным краем, высоких микроскребок (рис. 5, 8–10) а также пластин и пластинок с альтернативной ретушью (Колобова и др., 2011).

Итак, на основе проведенного анализа выделяется ряд технологических и типологических параллелей между раннемезолитическими индустриями Туткаула и комплексами, включенными в круг кульбулакской культуры. На данном этапе исследований нельзя с полной долей уверенности говорить о пришлое характере технических решений, которые были маркерами мезолита (геометрические микролиты, развитое микропластинчатое расщепление). На наш взгляд, происхождение мезолита региона необходимо рассматривать как результат сложного формирования культур на местной верхнепалеолитической основе с наложением на них в результате культурной инфильтрации традиций, характерных для территорий Ближнего и Среднего Востока, выраженных либо в прямых миграциях, либо в передаче идей по эстафетному принципу.

Коллектив авторов выражает искреннюю благодарность руководству и сотрудникам Института истории, археологии и этнографии им. Ахмади Дониша АН Республики Таджикистан за помощь в организации исследования, а также лично канд. ист. наук Т.Г. Филимоновой. Авторы признательны ведущим художникам ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавиной и А.В. Абдульмановой за подготовленные иллюстрации; бакалавру геологии сотруднику ТГУ С.Ю. Лазареву за помощь при написании раздела по стратиграфии памятника; д-ру ист. наук А.И. Кривошапкину, д-ру ист. наук К.А. Колобовой и канд. ист. наук К.К. Павленку за консультации во время

обработки археологического материала и при написании статьи.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 14-50-00036.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наук. думка, 1976. 231 с.
- Исламов У.И. Обиширская культура. Ташкент: Фан, 1980. 181 с.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додека-тым-2 (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 2–21.
- Колобова К.А., Флас Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 3–54.
- Коробкова Г.Ф. Традиции и инновации в культурах мезолита-неолита Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии. Тез. Сов.-франц. симпозиума. Душанбе, 1982. С. 14–18.
- Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 149–173. (Археология СССР).
- Окладников А.П. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1956 г. // Археологические работы в Таджикистане в 1956 г. Вып. 4. Сталинабад, 1959. С. 3–21. (Тр. АН Тадж. ССР; Т. ХСІ).
- Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука. 1966. С. 3–76.
- Ранов В.А. Могут ли геометрические микролиты быть показателем миграционных процессов в Средней Азии // Древности. 1991. № 19. С. 25–27.
- Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. Душанбе: Деваштич, 2005. 252 с.
- Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Верхнепалеолитические комплексы стоянки Шугноу (Таджикистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 2–24.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. 1971. № 2. С. 133–147.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1973. 170 с.
- Ранов В.А., Юсупов А.Х. Раскопки в зоне строительства Нурекской ГЭС // АО–1969. М.: Наука, 1970. С. 428.

- Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и мезолит афганско-таджикской депрессии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2007. 24 с.
- Bar-Yosef O. The Epi-Paleolithic cultures of Palestine. Thesis submitted for the PhD. Jerusalem, 1970. 260 p.
- Bar-Yosef O., Vogel J.C. Relative and Absolute Chronology of the Epipalaeolithic in the southern Levant // *Chronology of the Near East* / Eds O. Aurenche, J. Evin, F. Hours. Oxford, 1987. P. 219–246.
- Davis R., Ranov V.A. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. 1999. V. 8. P. 186–193.

MESOLITHIC COMPLEXES OF TUTKAUL SITE (TAJIKISTAN)

Vadim A. Ranov *, **Svetlana V. Shnaider** **, **Galina D. Pavlenok** **

*The Institute of history named after A. Donish
Tajik Academy of Sciences, Dushanbe

**Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk
(sveta.shnayder@gmail.com; lukianovagalina@yandex.ru)

This article discusses the lithic industries of Mesolithic horizons from Tutkaul site (Tajikistan), which is one of the key-site in the western part of Central Asia. Conducted techno-typological and attributive analyzes have allowed to provide detailed characteristics of those Mesolithic complexes and to propose the hypothesis that the origin of the local Mesolithic was associated with the evolutionary development of the Upper Paleolithic Kulbulak culture with imposed cultural infiltration from the territories of the Middle and Near East.

Key words: Mesolithic, western part of Central Asia, Tutkaul site, geometric microliths.

REFERENCES

- Bar-Yosef O., 1970. The Epi-Paleolithic cultures of Palestine: Thesis submitted for the PhD. Jerusalem. 260 p.
- Bar-Yosef O., Vogel J.C., 1987. Relative and Absolute Chronology of the Epipalaeolithic in the southern Levant. *Chronology of the Near East*. O. Aurenche, ed. Oxford, pp. 219–246.
- Davis R., Ranov V.A., 1999. Recent work on the Paleolithic of Central Asia. *Evolutionary Anthropology*, 8, pp. 186–193.
- Filimonova T.G., 2007. Verkhniy paleolit i mezolit afgano-tadzhikskoy depressii: avtoref. diss. ... kandidata istoricheskikh nauk [Upper Paleolith and Mesolith of Afghanistan-Tadjik depression: author's abstract ... candidate of historical sciences]. Dushanbe. 24 p.
- Gladilin V.N., 1976. Problemy rannego paleolita Vostochnoy Evropy [Problems of early Paleolith of the Eastern Europe]. Kiev: Naukova dumka. 231 p.
- Islamov U.I., 1980. Obishirskaya kul'tura [Obishir culture]. Tashkent: Fan. 181 p.
- Kolobova K.A., Flas D., Derevyanko A.P., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Krivoschapkin A.I., 2013. Kul'bulakskaya melkoplastinchataya traditsiya v verkhnem paleolite Tsentral'noy Azii [Kulbulaksk small plate tradition in the upper Paleolith of the Central Asia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2 (54), pp. 3–54.
- Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Derevyanko A.P., Islamov U.I., 2011. Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Dodekatym-2 (Uzbekistan) [The upper Paleolith site Dodekatym-2 (Uzbekistan)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 4 (48), pp. 2–21.
- Korobkova G.F., 1982. Traditsii i innovatsii v kul'turakh mezolita-neolita Baktrii [Traditions and innovations of the Mesolithic-Neolithic cultures of Bactria]. *Drevneyshie kul'tury Baktrii: tezisy Sovetsko-frantsuzskogo simpoziuma* [Ancient cultures of Bactria: theses of the Soviet-France Symposium]. Dushanbe, pp. 14–18.
- Korobkova G.F., 1989. Mezolit Sredney Azii i Kazakhstana [The Mesolith of Near Asia and Kazakhstan]. *Mezolit SSSR* [The Mesolith of the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 149–173 (Arkheologiya SSSR).
- Okladnikov A.P., 1959. O rabotakh Tadzhikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1956 g. [On the works of the Tajikistan archaeological expeditions in 1956]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane v 1956 g.* [Archaeological works in Tajikistan in 1956], 4. Stalinabad, pp. 3–21 (Trudy AN Tadzhikskoy SSR, XCI).
- Okladnikov A.P., 1966. Paleolit i mezolit Sredney Azii [The Paleolith and the Mesolith of Middle Asia]. *Srednyaya Aziya v epokhu kamnya i bronzy* [Middle Asia in the Stone and Bronze Age]. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 3–76.
- Ranov V.A., 1991. Mogut li geometricheskie mikrolity byt' pokazatelem migratsionnykh protsessov v Sredney Azii [Could the geometrical microliths be the sign of migration?].

- tion processes in Middle Asia]. *Drevnosti [Antiquities]*, 19, pp. 25–27.
- Ranov V.A., Karimova G.R., 2005. Kamennyy vek Afgano-Tadzhikskoy depressii [Stone Age of the Afghan-Tajik depression]. Dushanbe: Devashtich. 252 p.
- Ranov V.A., Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., 2012. Verkhnepaleoliticheskie komplekсы stoyanki Shugnou (Tadzhikistan) [The upper Paleolithic complex of the site Shugnou (Tajikistan)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]*, 2 (50), pp. 2–24.
- Ranov V.A., Korobkova G.F., 1971. Tutkaul – mnogosloynoe poselenie gissarskoy kul'tury v Yuzhnom Tadzhikistane [Tutkaul – multi-layer settlement of the Gissar culture in the southern Tajikistan]. *Sovetskaya antropologiya [Soviet Anthropology]*, 2, pp. 133–147.
- Ranov V.A., Nesmeyanov S.A., 1973. Paleolit i stratigrafiya antropogena Sredney Azii [The Paleolith and stratigraphy of the anthropogenesis of Middle Asia]. Dushanbe: Donish. 170 p.
- Ranov V.A., Nikonov A.A., Pakhomov M.M., 1976. Lyudi kamennogo veka na podstupakh k Pamiru (paleoliticheskaya stoyanka Shugnou i ee mesto sredi okruzhayushchikh pamyatnikov) [People of the Stone Age at the approaches to Pamir (the Paleolithic site Shugnou and its place among surrounded sites)]. *Acta Archaeologica Garpatica*, XVI, pp. 5–18.
- Ranov V.A., Yusupov A.Kh., 1970. Raskopki v zone stroitel'stva Nurekskoy GES [Excavations in the area of the Nureksk HEPP construction]. *AO 1969 [Archaeological discoveries in 1969]*. Moscow: Nauka, p. 428.

НАХОДКИ ИНСТРУМЕНТОВ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ КЮЛЬТЕПЕ I (НАХЧЫВАН)

© 2015 г. Р.Н. Рзаева

Нахчыванское отделение Национальной академии наук Азербайджана, Нахчыван (Ruhiya.rzayeva@mail.ru)

Кавказ в древности был одним из основных очагов металлопроизводства. Находки, связанные с металлургическим и металлообрабатывающим производством выявлены и на памятниках Нахчывана, однако этих предметов не так много, чтобы всесторонне характеризовать деятельность древних металлургов. Каменная двустворчатая литейная форма для отливки проушных топоров была найдена случайно близ села Гахаб (рис. 1), одностворчатая глиняная литейная форма для отливки топоров-тесел – на энеолитическом поселении Зириджли (рис. 2, 1). В пользу того, что в поселении Зириджли существовало металлургическое производство говорит также нахождение остатков медной руды (Marro, Bakhchaliyev, Ashurov, 2011. P. 83–95). В позднеэнеолитическом слое поселения Овчулартепеси найдено глиняное сопло (рис. 2, 2) (Baxşəliyev, Marro, Aşurov, 2012. S. 80; Əliyev, 2012. Tabl. XLV, 3). Из Овчулартепеси происходят также изделия из медно-мышьяковых сплавов, а также остатки металлического свинца (материалы не опубликованы). Металлообрабатывающие инструменты и значительное количество металлических изделий, выявленных в Овчулартепеси, показывают, что производство металла начало бурно развиваться в конце энеолита и продолжалось в эпоху ранней бронзы.

Ключевые слова: энеолит, металлургическое производство, Нахчыван, Кюльтепе I, Овчулартепеси, Зириджли.

В древности Кавказ, в том числе и Азербайджан, был одним из основных очагов металлопроизводства. Предметы, связанные с металлообработкой, выявлены и в энеолитических памятниках Нахчывана (Бахшалиев, 2005. С. 30–74). С другой стороны, подобных приспособлений известно в настоящее время не так много, чтобы всесторонне охарактеризовать деятельность древних металлургов. В этой связи определенное значение имеют новые находки в окрестностях поселения Кюльтепе I. Они состоят из литейных форм и некоторых металлических изделий.

Каменная двустворчатая литейная форма, предназначенная для отливки проушных топоров, была найдена случайно вблизи с. Гахаб (рис. 1). В настоящее время эта находка хранится в Бабекском историко-краеведческом музее. Длина формы 18,5, ширина – 11,8 см; длина топоров, отлитых в этой форме – 15,5 см. По мнению исследователей, для отливки подобных топоров использовались также круглые в сечении конусовидные стержни (Baxşəliyev, 2002. S. 114). На Южном Кавказе литейные формы для отливки проушных топоров известны из Кюльтепе I, Гарни и Шенгавита (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 114–115).

Проушные топоры, выявленные в Кулбакеби, Марнеули, Меджврисхеви, Каразе и других памят-

никах, относятся к эпохе ранней бронзы (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 117. Рис. 41). Однако эти топоры в некоторой степени отличаются от нашего экземпляра, также как и самый древний известный экземпляр проушного топора из энеолитического погребения в Овчулартепеси (Marro, Bakhchaliyev, Ashurov, 2011. Pl. IX). Можно заключить, что отливка проушных топоров была освоена в Закавказье еще в V тыс. до н.э., в эпоху энеолита. Отсутствие форм топоров, идентичных форме экземпляра из с. Гахаб и происходящих из датированных контекстов (слоев поселений и могильных комплексов), не позволяет установить точную дату публикуемой формы. Наиболее вероятной в настоящее время представляется дата, близкая к рубежу V–IV тыс. до н.э.

Отметим нахождение одностворчатой глиняной литейной формы на сезонном поселении эпохи энеолита Зириджли. Эта форма предназначена для серийного производства тесловидных топоров (рис. 2, 1). Форма изготовлена из глины с примесью мякины. В пользу того, что на поселении Зириджли существовало металлургическое производство говорит также нахождение остатков медной руды (Marro, Bakhchaliyev, Ashurov, 2011. P. 83–95). Сезонные поселения исследователями обычно связываются кочевыми

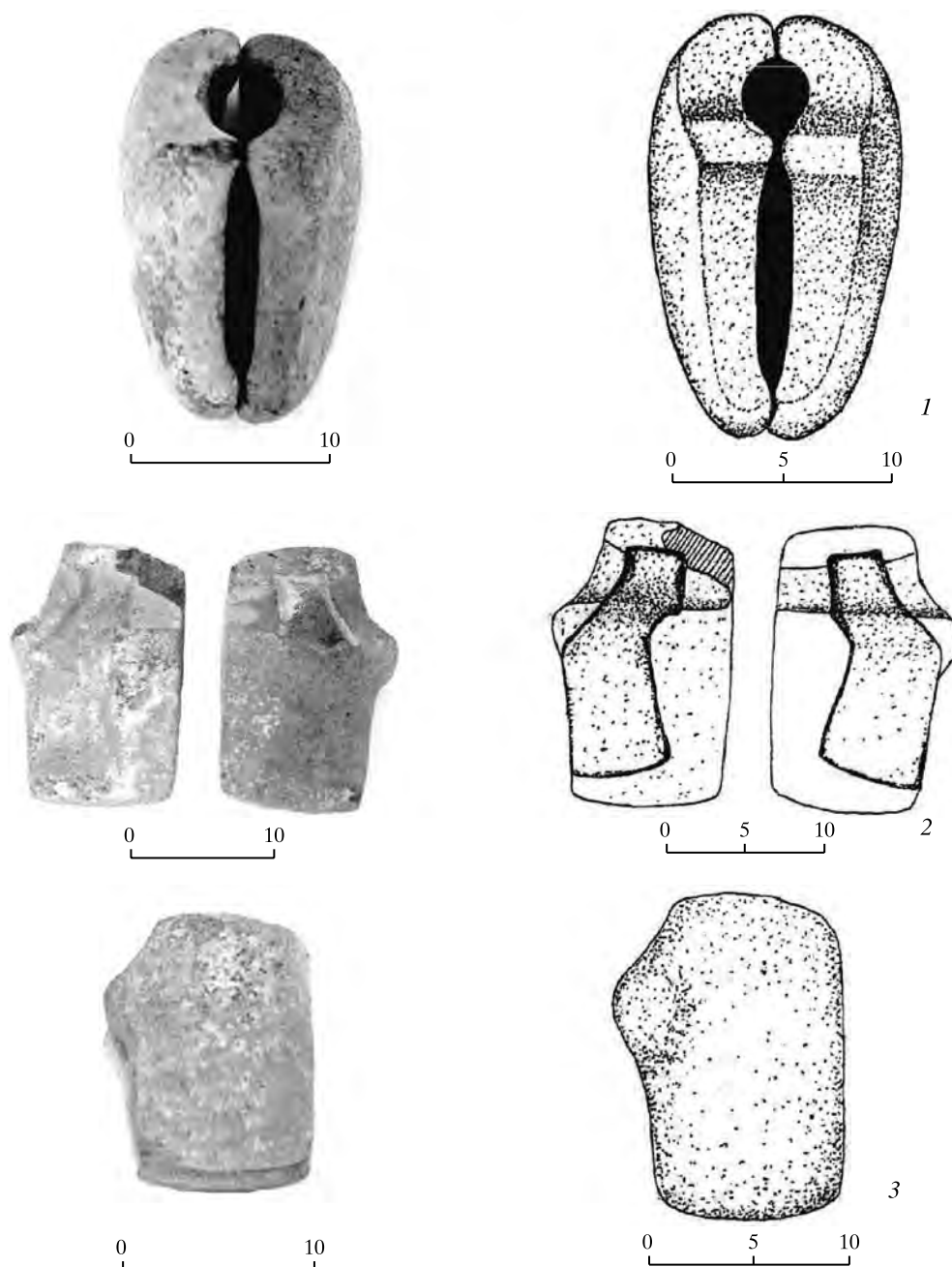

Рис. 1. Каменная литейная форма из окрестностей Кюльтепе I (с. Гахаб).

или же полукочевыми скотоводами. Не исключено, что в хозяйстве этих поселений определенное место занимало металлургия и металлообработка.

Тесловидные топоры в Кавказе, в том числе и в Азербайджане, были широко распространены позднее, в эпоху ранней бронзы. В Нахчыване они найдены в Махта Кюльтепе I (Aşurov, Bakhchaliyev, Hüseynova и др. 2011. S. 68). Однако тесла происходят и из более раннего памятника – энеолитического слоя Овчулартепеси и энеолитического погребения в этом поселении (Marro,

Bakhchaliyev, Ashurov, 2011. S. 95. Pl. IX). Два из них изготовлены чистой меди с незначительными примесями сотых и тысячах долей процента, которые считаются естественными (Бахшалиев, 2005. С. 30–31).

Археологические исследования показывают, что Азербайджан, в том числе и Нахчыван, являлись одним из древних центров металлургии (Алиев, Бахшалиев, 1986. С. 11–14; Бахшалиев, 2005. С. 118–120). В слоях раннеземледельческих поселений Азербайджана найдено значительное

Рис. 2. Инструменты металлообработки: 1 – Зиринджли; 2 – Овчулартепеси.

количество металлических предметов (Əkbərov, 1994. S. 9–10). На территории Нахчывана металлические предметы эпохи энеолита известны пока в Кюльтепе I и Овчулартепеси. Металлообрабатывающие приспособления и значительное количество металлических изделий, выявленных в Овчулартепеси, показывают, что производство металла начало бурно развиваться в конце энеолита. В эпоху ранней бронзы производство металла продолжалось, что подтверждается находкой остатков металлургического горна и других приспособлений для плавки и отливки металла (Бахшалиев, 1986. С. 86–89; Бахшалиев, 2005. С. 34–44; Сеидов, 1993. С. 126) в памятниках Нахчывана. Можно считать, что в конце энеолита и в эпоху ранней бронзы металлопроизводство стало одной из основных отраслей хозяйства (Исмаилов, 1974. С. 84–91; Махмудов, Мунчаев, Нариманов, 1970. С. 16–26).

Сопло (рис. 2, 2), найденное в позднеэнеолитическом слое поселения Овчулартепеси (Baхşəliyev, Məmmədov, Aşurov, 2012. S. 80; Əliyev, 2012. Tablo XLV, 3), показывает, что древние металлурги применяли принудительное дутье. Это приспособление, изготовленное из огнеупорной глины, способствовало повышению производительности труда. Применение этого технологического новшества позволяло производить предметы из медно-мышьяковых сплавов (Иессен, 1965. С. 449; Селимханов, Торосян, 1969. С. 229–235). Поскольку предметы из медно-мышьякового сплава происходят из энеолитических памятников Азербайджана, некоторые исследователи заключили, что на Южном Кавказе энеолитический период не существовал и общество из неолита прямо прошло к бронзовому веку (Ахундов, 2003. С. 38). Однако исследование энеолитических памятников Азербайджана показывает, что число металлических предметов из медно-мышьякового сплава значительно увеличивается лишь в конце энеолита, что особенно ярко представлено на поселении Лейлатепе (Ахундов, 2003. С. 40–41). По нашему мнению, это говорит о том, что начало бронзовой металлургии было заложено в предыдущем энеолитическом периоде.

В нижних слоях поселения Кюльтепе I выявлено одно шило из медно-мышьяково-никелевого сплава (Селимханов, Торосян, 1969. С. 43–46). По мнению исследователей, бронза с высоким содержанием никеля, характерная для памятников Древнего Востока, была или привезена или же изготовлена на основе привезенного металла (Махмудов, Мунчаев, Нариманов, 1968. С. 23). Предметы из медно-никелевого сплава выявлены также в Техуте и Лейлатепе (Алиев, Нариманов, 2001. С. 73). Предполагается, в то время человек еще не был знаком с металлическим никелем. Однако древние металлурги, имея определенные знания о свойстве никелистой бронзы, в шихту намеренно добавили никелиевые руды (Селимханов, Торосян, 1969. С. 48).

Новые материалы из Зиринджли и Овчулартепеси свидетельствуют, что в эпоху энеолита была хорошо освоена технология литья; о том же говорят находки из Лейлатепе (Алиев, Нариманов, 2001. С. 73). Привлекает внимание высокий процент мышьяка и свинца в составе металлических изделий Лейлатепе (Ахундов, 2003. С. 40). Следует отметить, что остатки металлического свинца, а также изделия с высоким процентом мышьяка найдены на поселении Овчулартепеси. Эти материалы пока не опубликованы. Однако несомненно, что древние металлурги знали свойства определенных сплавов и имели навыки добавления к меди определенных компонентов (Рагимова, 1978. С. 3–99).

В целом очевидно, что уже в конце энеолита Нахчыван являлся одним из важных центров металлургии и металлообработки на Южном Кавказе.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда развития науки при Президенте Азербайджанской Республики, грант № EIF-2012-2(6)-39/28/5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиев В.Г., Бахшалиев В.Б. Новые археологические находки по древней металлургии Нахичевани // АЭИА (1980–1981) / Ред. А.А. Аббасов и др. Баку: Элм, 1986. С. 11–14.
- Алиев Н., Нариманов И. Культура северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку: Agridag, 2001. 144 с.
- Ахундов Д.И. Об “энеолите” на Южном Кавказе // Археология и этнография Азербайджана. 2003. № 1. С. 34–39.
- Бахшалиев В.Б. Металлургия и металлообработка на территории древней Нахичевани. Баку: Элм, 2005. 120 с.
- Бахшалиев В.Б. Новые находки древней металлургии металлообработки в Кюльтепе II // Доклады АН Азерб. ССР. 1986. № 2. С. 86–89.
- Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Труды Азербайджанской (Орен-Калинской) археологической экспедиции / Ред. А.А. Иессен. Т. II: 1956–1960 гг. М.; Л.: Наука, 1965. С. 10–17 (МИА. № 125).
- Исмаилов Г.С. Новые материалы по древней металлургии и металлообработке с юго-восточных склонов Малого Кавказа // Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права. 1974. № 3. С. 84–91.
- Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. М.; Л.: Наука, 1970. 190 с.
- Махмудов Ф.А., Мунчаев Р.М., Нариманов И.Г. О древнейшей металлургии Кавказа // СА. 1968. № 4. С. 16–26.
- Рагимова М.Н. Из истории использования свинца в древнем и средневековом Азербайджане. Баку: Элм, 1978. 99 с.
- Сеидов А.Г. Памятники Куро-Аракской культуры Нахичевани. Баку: Билик, 1993. 164 с.
- Селимханов И.Р., Торосян Р.М. Металлографический анализ древнейших металлов в Закавказье // СА. 1969. № 3. С. 229–235.
- Ашуров С.Н., Бахшалиев В.Б., Хüseynova S.A., Əliyeva F.A., Əliyev O.K. İmaxta qədim yaşayış yerində 2010-cu il qazıntıları // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar 2010. Bakı: Xəzər Universiteti, 2011. S. 65–69.
- Baxşəliyev V. B. Naxçıvanın metal işləmə sənətinə aid yeni tapıntı // Azərbaycan arxeologiyası. 2002. № 3–4. S. 114–116.
- Baxşəliyev V., Marro C., Aşurov S. Son Eneolit və Erkən Tunc dövrünə aid Ovçulartəpəsi yaşayış yeri // Azərbaycanın erkən əkinçilik dövrü abidələri. Bakı : Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutu, 2012. S. 78–87.
- Əkbərov R.A. Azərbaycan ərazisində erkən metallurgiya və metal işləmə. Tarix elmləri namizədi alimlik dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın avtoreferatı. Bakı: Elm, 1994. 25 s.
- Əliyev O.K. Azərbaycanın Ovçulartəpəsi Son Eneolit və ilk Tunc dövrü abidəsi. Tarix üzrə fəlsəfə doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiya. Bakı: Elm, 2012. 210 s.
- Marro C., Bakhchaliyev V. Ashurov S. Excavation at Ovçulartepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: The 2009–2010 Seasons // Anatolia Antiqua. 2011. XIX. P. 53–100.

METAL PRODUCTION IMPLEMENTS FROM THE VICINITY OF THE KULTEPE I (Nakhchivan)

Rukhijje N. Rzaeva

*Nakhchivan branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Nakhchivan
(Ruhiya.rzayeva@mail.ru)*

New finds of casting moulds and some metal artifacts in the vicinity of the famous site – the settlement Kultepe I are of great interest, because now there are few finds that can help to characterize the work of ancient metal-makers. A stone casting mould for the casting of a shaft-hole axes has been found accidentally not far from the village Gahab (fig. 1), single-leaved clay casting mould for the casting of axe-adzes – at the Eneolith settlement Zirindgli (fig. 2, 1). The finding of the remains of the copper ore speaks for the metal manufacturing in the settlement Zirindgli (Marro, Bakhshaliyev, Ashurov, 2011. P. 83–95). A clay tayere (fig. 2, 2) has been found in the late Eneolith layer of the settlement Ovchulartepesi (Baxşəliyev, Marro, Aşurov, 2012. P. 80; Əliyev, 2012. Tabl. XLV, 3). The wares from copper-arsenic alloys are also originated from Ovchular Tepesi. The remains of the metallurgic lead have been also found there (the materials are not published). Metal-working tools and the considerable amount of metal wares found in Ovchulartepesi show that the metal manufacturing started booming at the end of the Chalcolithic Age and continued in the Early Bronze Age.

Key words: the Eneolith, metal-working manufacturing, Nakhchivan, Kultepe I Ovchulartepesi, Zirindgli.

REFERENCES

- Akhundov D.I., 2003. Ob "eneolite" na Yuzhnom Kavkaze [On the "Eneolith" in the Southern Caucasus]. *Arkheologiya i etnografiya Azerbaydzhana [Archaeology and Ethnography of Azerbaijan]*, 1, pp. 34–39.
- Aliiev N., Narimanov I., 2001. Kul'tura severnogo Azerbaydzhana v epokhu pozdnego eneolita [Northern Azerbaijan culture in the late Eneolith]. Baku: Agridag. 144 p.
- Aliiev V.G., Bakhshaliev V.B., 1986. Novye arkheologicheskie nakhodki po drevney metallurgii Nakhichevani [New archaeological finds on the ancient metallurgy of Nakhchivan]. *Arkheologicheskie i etnograficheskie izyskaniya v Azerbaydzhane (1980-1981 gg.) [Archaeological and Ethnographical Researches in Azerbaijan (1980-1981)]*. Baku: Elm, pp. 11–14.
- Aşurov S.H., Baxşəliyev V.B., Hüseynova S.A., Əliyeva F.A., Əliyev O.K., 2011. İmaxta qədim yaşayış yerində 2010-cu il qazıntıları. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2010*. Bakı: Xəzər Universiteti, pp. 6–69.
- Bakhshaliev V.B., 1986. Novye nakhodki drevney metallurgii metalloobrabotki v Kyul'tepe II [New finds of ancient metal-working metallurgy in the Kultepe I]. *Doklady Akademii nauk Azerbaydzhanskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki [Papers of the Academy of Sciences of ASSR]*, 2, pp. 86–89.
- Bakhshaliev V.B., 2005. Metallurgiya i metalloobrabotka na territorii drevney Nakhichevani [Metallurgy and metal-working in ancient Nakhchivan]. Baku: Elm. 120 p.
- Baxşəliyev V., Marro C., Aşurov S., 2012. Son Eneolit və Erkən Tunc dövrünə aid Ovçulartəpəsi yaşayış yeri. *Azərbaycanın erkən əkinçilik dövrü abidələri*. Bakı: Arxeologiya və Etnoqrafiya İnstitutu, pp. 78–87.
- Baxşəliyev V.B., 2002. Naxçıvanın metalışləmə sənətinə aid yeni tapıntı. *Azərbaycan arxeologiyası*, 3–4, pp. 114–116.
- Əkbərov R.A., 1994. Azərbaycan ərazisində erkən metallurgiya və metalışləmə. Tarix elmləri namizədi alimlik dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın avtoreferatı. Bakı: Elm. 25 p.
- Əliyev O.K., 2012. Azərbaycanın Ovçulartəpəsi Son Eneolit və ilk Tunc dövrü abidəsi. Tarix üzrə fəlsəfə doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiya. Bakı: Elm. 210 p.
- Iessen A.A., 1965. Iz istoricheskogo proshlogo Mil'sko-Karabakhskoy stepi [From the history of Milsk-Karabakh steppe]. *Trudy Azerbaydzhanskoy (Oren-Kalinskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Azerbaijan (Oren-Kalinsk) archaeological expedition]*, II. 1956–1960 gg. A.A. Iessen, ed. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 10–17. (Materials and researches on the archaeology of USSR, 125).
- Ismailov G.S., 1974. Novye materialy po drevney metallurgii i metalloobrabotke s yugo-vostochnykh sklonov Malogo Kavkaza [New materials on ancient metallurgy and metal-working from the Southern-Eastern slopes of Minor Caucasus]. *Izvestiya Akademii nauk Azerbaydzhanskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki [Proceedings of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic]*. Seriya istorii, filosofii i prava, 3, pp. 84–91.
- Kushnareva K.Kh., Chubinishvili T.N., 1970. Drevnie kul'tury Yuzhnogo Kavkaza [Ancient cultures of the Southern Caucasus]. Moscow; Leningrad: Nauka. 190 p.
- Makhmudov F.A., Munchaev R.M., Narimanov I.G., 1968. O drevneyshyey metallurgii Kavkaza [On the most ancient metallurgy of Caucasus]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 4, pp. 16–26.
- Marro C., Bakhchaliyev V. Ashurov S., 2011. Excavation at Ovçulartepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: The 2009–2010 Seasons. *Anatolia Antiqua*, XIX, pp. 53–100.
- Ragimova M.N., 1978. Iz istorii ispol'zovaniya svintsa v drevnem i srednevekovom Azerbaydzhane [From the exploitation history of lead in ancient and medieval Azerbaijan]. Baku: Elm. 99 p.
- Seidov A.G., 1993. Pamyatniki Kuro-Arakskey kul'tury Nakhichevani [Sites of Kura-Arak culture of Nakhchivan]. Baku: Bilik. 164 p.
- Selimkhanov I.R., Torosyan R.M., 1969. Metallograficheskiy analiz drevneyshikh metallov v Zakavkaz'e [Metallographic analysis of the most ancient metals in Caucasus]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 3, pp. 229–235.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОЕДИНЕНИЙ РТУТИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПЛЕМЕН ЭПОХИ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2015 г. М.Б. Медникова

Институт археологии РАН, Москва (medma_pa@mail.ru)

Отправной точкой для данной работы послужило аналитическое исследование образцов человеческих останков из двух погребений эпохи раннего металла европейской части степного коридора Евразии. Использован рентгенофлуоресцентный спектрометр EDAX Orbis PC Micro-XRF Analyzer, позволяющий осуществлять неdestructивное экспресс-определение элементного состава от Na до U с пространственным разрешением от 10 мкм без предварительной пробоподготовки. Проведено исследование наружной поверхности фрагмента лобной кости так называемого майкопского вождя, мужчины 40–44 лет, из погр. 18 кург. 1 могильника Марьинская 3. Главными элементами, характеризующими химический состав данного образца, являются ртуть и сера. Это означает, что лобная кость майкопского “вождя” была окрашена неразбавленной киноварью (HgS). Второй проанализированный образец представлял собой фрагмент глиняной обмазки лицевой части черепа молодого мужчины из кург. 7 могильника ингульской катакомбной культуры Заможное. Установлено, что моделированное глиной лицо катакомбника было окрашено пигментом, составленным из смеси гематитов и киновари. Эти случаи использования киновари восходят к исходному, очень древнему уже на тот момент ближневосточному обряду. Окраска киноварью лица майкопского вождя из Марьинской находит прямую аналогию в материалах PPNB из Сирии (Телль Абу Хюрейра). Второй обнаруженный нами пример использования ртути еще больше сближается с другими локальными вариантами докерамического неолита (Кфар Ха Хореш в нижней Галилее) благодаря использованию в погребальном обряде моделировки лицевого скелета глиной.

Ключевые слова: погребальный обряд, рентгенофлуоресцентный анализ, майкопская культура, ингульская катакомбная культура, соединения ртути, киноварь, эпоха раннего металла.

Минеральные красители красного цвета часто встречаются при раскопках археологических памятников эпохи первобытности. Обычно их соотносят с использованием охры и обсуждают их присутствие в контексте древности символического поведения человека, происхождения изобразительного искусства (наскальной живописи, боди-арта), а также погребальных практик. Но охра – только один минерал из широкого набора красителей естественного происхождения. Современные аналитические технологии позволяют определять химический состав таких веществ, воссоздавая особенности сложных культурных традиций древности.

Рентгенофлуоресцентная спектрометрия прочно зарекомендовала себя как важнейший метод идентификации химического состава различных красителей (West et al., 2013). Например, рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) был неоднократно использован для описания пигментов и глазурей, применявшихся для декорирования посуды в древнем Египте, и выявил сигналы кобальта и свинца.

Также установлено, что китайцы III в. до н.э. – VIII в.н.э. применяли киноварь, свинцовый сурик и охру.

Недавно были опубликованы результаты палеоантропологического исследования останков представителя элиты майкопской археологической культуры (Медникова, 2013). Одним из побочных результатов этой работы стал анализ химического состава красной краски, покрывавшей лицо “майкопского вождя”. Предварительный рентгенофлуоресцентный анализ показал завышение концентрации ртути, что свидетельствовало об употреблении киновари (химическая формула HgS). При этом, поскольку “майкопский вождь” демонстрировал наличие системного заболевания, до конца было не очевидно, не связано ли наличие ртути с попытками лечения данной патологии. Рассмотрение отечественной археологической литературы позволило предположить, что этот случай представляет собой один из ранних примеров применения соединения ртути в погребальной практике.

Ранее Н.В. Полосьмак доказала присутствие ртути на коже пазырыкской мумии (Полосьмак, 2001. С. 250, 251). Она подчеркивала, что в погребальном обряде европейских скифов и у египтян ртуть неизвестна. Но китайцы использовали ртуть и киноварь для создания “эликсира бессмертия” и при мумификации в начале II в. до н.э. Далее Н.В. Полосьмак обратилась к “Очеркам сравнительного религиоведения” Мирчи Элиаде, отсылающим читателя к тексту китайского алхимика Баопу-цзы: “Если смешать три фунта киновари и фунт меда и высушить эту смесь на солнце, пока не получатся пилюли величиной с конопляное семечко, то стоит принять в течение года десять таких пилюль – и седые волосы потемнеют, на месте выпавших зубов вырастут новые... Если принимать их дальше, обретишь бессмертие”.

При раскопках могильника таштыкской культуры Белый Яр была встречена “маска-кукла”, сшитая из кожи, с кремацией внутри (Вадецкая, 2005). У головы был крупный нос, от которого осталась глубокая впадина, а также впадины глаз, при лепке обмазанные глиной. Маска вылеплена из желтоватого теста и окрашена киноварью.

Таким образом, хронология и территория применения соединений ртути в Азии представляется достаточно определенной. Вместе с тем, употребление киновари (она же вермиллион, или HgS) в более ранние периоды и на других территориях требует более детального рассмотрения.

В настоящей публикации мы возвращаемся к обсуждению практики использования соединений ртути на более широком сравнительном фоне.

Отправной точкой для данной работы послужило аналитическое исследование образцов из двух погребений эпохи раннего металла европейской части степного коридора Евразии.

При анализе образцов был использован рентгенофлуоресцентный спектрометр EDAX Orbis PC Micro-XRF Analyzer, позволяющий осуществлять неdestructивное экспресс-определение элементного состава от Na до U с пространственным разрешением от 10 мкм и без предварительной пробоподготовки. Образцы анализировались в вакууме.

Образец № 1.

Было проведено повторное исследование наружной поверхности фрагмента лобной кости так называемого “майкопского вождя” из погр. 18 кург. 1 могильника Марьинская 3 в Кировском районе Ставропольского края.

Курган на правом берегу р. Куры исследован совместной экспедицией кафедры археологии исто-

рического факультета МГУ и института археологии РАН в 2007 г. (Канторович, Маслов, 2009). Радиоуглеродные даты для этого погребения варьируют в промежутке 3405–3360 гг. до н.э., по данным дендрохронологии похороны состоялись примерно в 3350 г. до н.э. (Там же. С. 115). Основанием для отнесения погребенного к представителям майкопской социальной элиты служат втульчатый литой боевой топор, каменный молоток-скипетр, два золотых кольца, орудия деревообработки (Там же. С. 95–97). По определениям археологов, лицо погребенного было закрашено или затерто ярко-красной охрой. Согласно полевым наблюдениям, краска встречалась и у локтевых костей, тонкими полосками шириной 3–5 мм на костях голеней и отдельными вкраплениями на костях стоп. По данным антропологии, погребенный был мужчиной 40–44 лет, страдавшим генерализованной патологией, затронувшей скелетную систему (Медникова, 2013).

Если исключить из рассмотрения структурные элементы костной ткани человека – кальций и фосфор (Ca, P), главными элементами, характеризующими химический состав данного образца, являются ртуть и сера (табл. 1, рис. 1), что особенно хорошо видно при рассмотрении процентных весовых значений (соответственно, 15.29 и 19.22). Этот результат можно однозначно интерпретировать как окраску лобной кости “майкопского вождя” неразбавленной киноварью (HgS).

Образец № 2.

Материал происходит из раскопок кург. 7 могильника Заможное (Украина), оставленного представителями ингульской катакомбной культуры (Отрощенко, Пустовалов, 1991; Медникова, 2001). Погребение принадлежало молодому мужчине. Череп был представлен костями мозговой капсулы и верхней частью лицевого скелета. В рамках погребального обряда было произведено удаление мягких тканей, замещенных моделировочной глиняной массой. Глиной были заполнены полость глазниц и грушевидное отверстие. Контуры глиняного носа, “смоделированного” участниками погребения, были использованы нами ранее для сопоставления с результатами реконструкции лица по черепу (Медникова, 2004. С. 169; Медникова, Лебединская, 2004. С. 145). Совпадение анатомических особенностей лицевого профиля позволило утверждать, что в ритуале ингульской катакомбной культуры изображения умерших не были условными, а воспроизводили портретные черты конкретных людей.

Анализу был подвергнут фрагмент глиняной обмазки лицевой части черепа. При визуальном

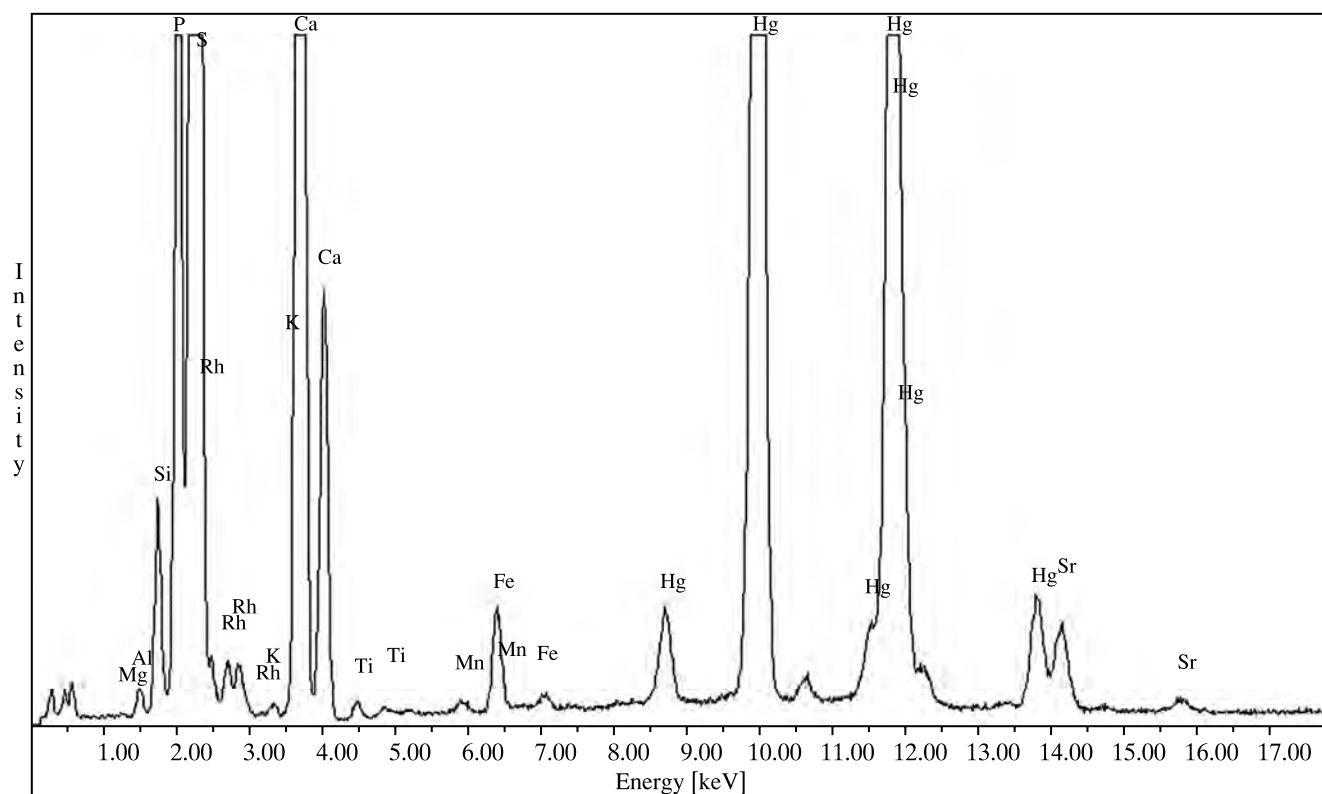

Рис. 1. Результаты РФА образца 1. Пигмент на лобной кости «майкопского вождя» из могильника Марьинская 3.

Таблица 1. Результаты РФА

Элемент	Wt, %	At, %
образец 1		
<i>MgK</i>	0.67	1.11
<i>AlK</i>	0.78	1.17
<i>SiK</i>	3.12	4.47
<i>PK</i>	17.92	23.28
<i>SK</i>	19.22	24.12
<i>RhL</i>	0.00	0.00
<i>KK</i>	0.20	0.21
<i>CaK</i>	41.71	41.86
<i>TiK</i>	0.18	0.15
<i>MnK</i>	0.08	0.06
<i>FeK</i>	0.49	0.35
<i>HgL</i>	15.29	3.07
<i>SrK</i>	0.32	0.15

осмотре наружной поверхности глиняного носа мы обратили внимание на ее местами красноватый оттенок. Поэтому в данной работе проверялась гипотеза о преднамеренном окрашивании моделированного лица.

Первое определение проводилось на внешней поверхности глиняного носа (табл. 2, рис. 2). Главными элементами в этом анализе были железо (весовой процент 28.11) и кремний (23.77). Вместе

с тем, определяется наличие ртути (3.00) и серы (6.18). Этот результат можно интерпретировать как окрашивание моделированного лица покойного как такового пигментом, составленным из смеси гематитов и киновари.

Чтобы проверить это предположение, было проведено обследование противоположной поверхности глиняного носа, прилегавшей к грушевидному отверстию лицевой части черепа (табл. 3, рис. 3). В этом анализе полностью отсутствуют следы ртути и заметно (до 7.76) снижены весовые процентные значения железа. Это означает, что соединения этих элементов действительно использовались для окрашивания наружной поверхности и не проникали внутрь, например, при подготовке моделировочной массы.

Древнейшее использование соединения ртути в погребальном обряде зафиксировано в докерамическом неолите Ближнего Востока. Киноварью окрашены скелеты в Чатал Гююке (Melaart, 1967. Р. 208). Ею же был раскрашен и череп из Телля Абу Хюрейра в северной Сирии (Molleson et al., 1992), и моделированные черепа Кфар Ха Хореш в нижней Галилее (Goren et al., 2001. Р. 685). На наш взгляд, этот аспект моделирования черепов в период докерамического неолита Б (Pre-Pottery Neolithic B,

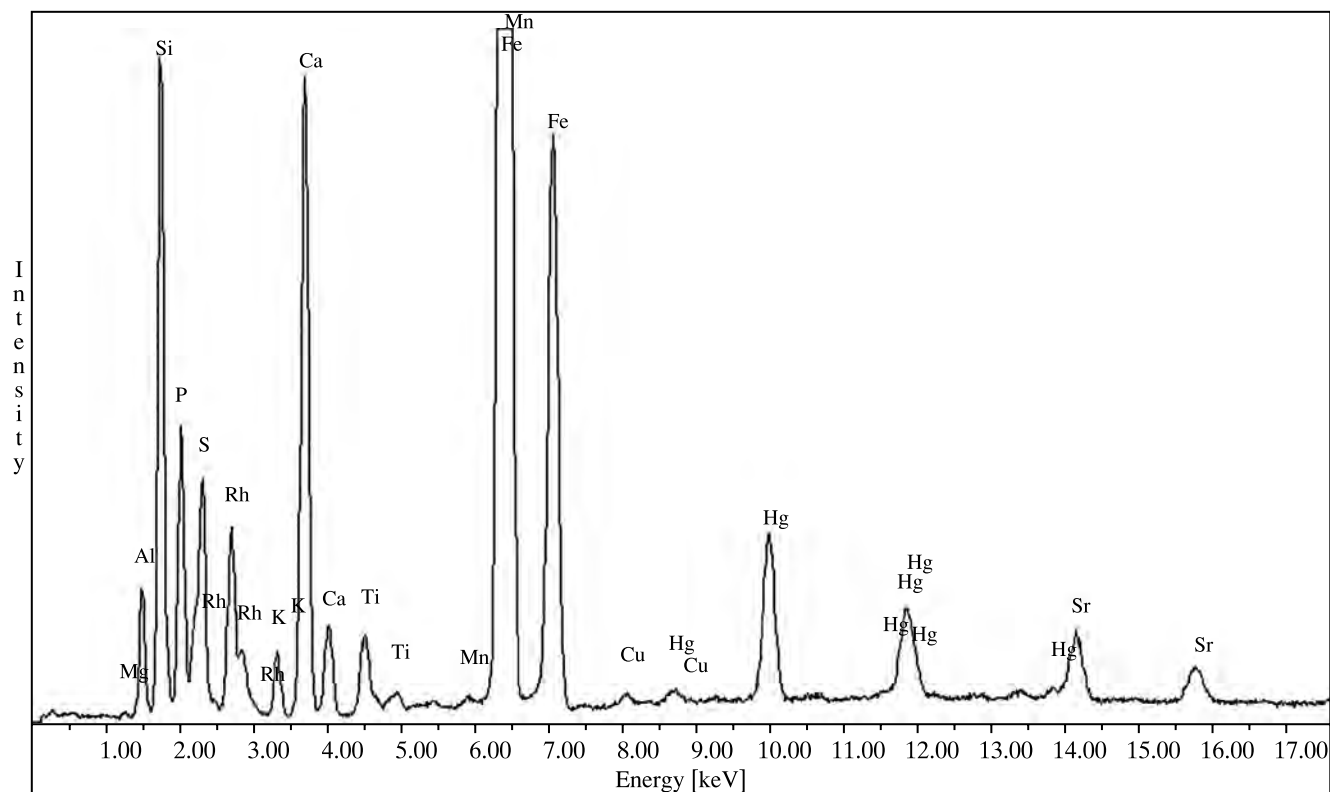

Рис. 2. Результаты РФА образца 2. Пигмент на внешней поверхности глиняного носа из погребения ингильской катакомбной культуры, могильник Заможное.

Таблица 2. Результаты РФА

Элемент	Wt, %	At, %
образец 2 (внешняя поверхность)		
<i>MgK</i>	1.37	2.07
<i>AlK</i>	7.91	10.79
<i>SiK</i>	23.77	31.13
<i>PK</i>	12.37	14.69
<i>SK</i>	6.18	7.09
<i>RhL</i>	0.00	0.00
<i>KK</i>	1.67	1.57
<i>CaK</i>	13.26	12.17
<i>TiK</i>	1.15	0.88
<i>MnK</i>	0.09	0.06
<i>FeK</i>	28.11	18.51
<i>CuK</i>	0.12	0.07
<i>ZnK</i>	0.10	0.05
<i>HgL</i>	3.00	0.55
<i>SrK</i>	0.56	0.24
<i>ZrK</i>	0.33	0.13

PPNB) нуждается в таком же специальном изучении, как и технология этого явления в целом.

Большой интерес вызывают исследования красных пигментов, применявшихся неолитическим населением Испании (Domingo et al., 2012). Результаты элементных и структурных физико-хими-

ческих анализов образцов красителей из раскопок современной Валенсии доказывают одно из самых ранних применений киновари (HgS) в Испании, начиная с 5500–5300 лет до н.э. Изучены три памятника Кова дель Ор, Кова де ла Сарса и Кова Фоска, из которых первые два наиболее известны благодаря происходящим из раскопок коллекциям керамики стиля Cardial¹. Еще в 1952 г. при раскопках Кова дель Ор в одном из сосудов было обнаружено свыше 1.75 кг раздробленного пигмента. С тех пор найдено много окрашенных артефактов, включая керамику. Установлено, что в неолитической Испании применялись и гематиты, и киноварь. Авторы проверяли гипотезу о разном предназначении красных красок разного происхождения. По их данным, соединения ртути применялись в одном, т.е. особом, случае из восьми. Гематитами окрашены края ножей, астрагалы овец (коз), внешняя поверхность керамических сосудов и зернотерки. Киноварь идентифицирована в раннеолитическом депозите и, вероятно, предназначалась для применения в погребальном обряде. Согласно интерпретации

¹ Cardial Ceramic Ware – ранний неолитический декоративный стиль, характерный для западного Средиземноморья и частично Атлантической Европы; сопровождается отпечатками моллюсков *Cardium edele* на керамике.

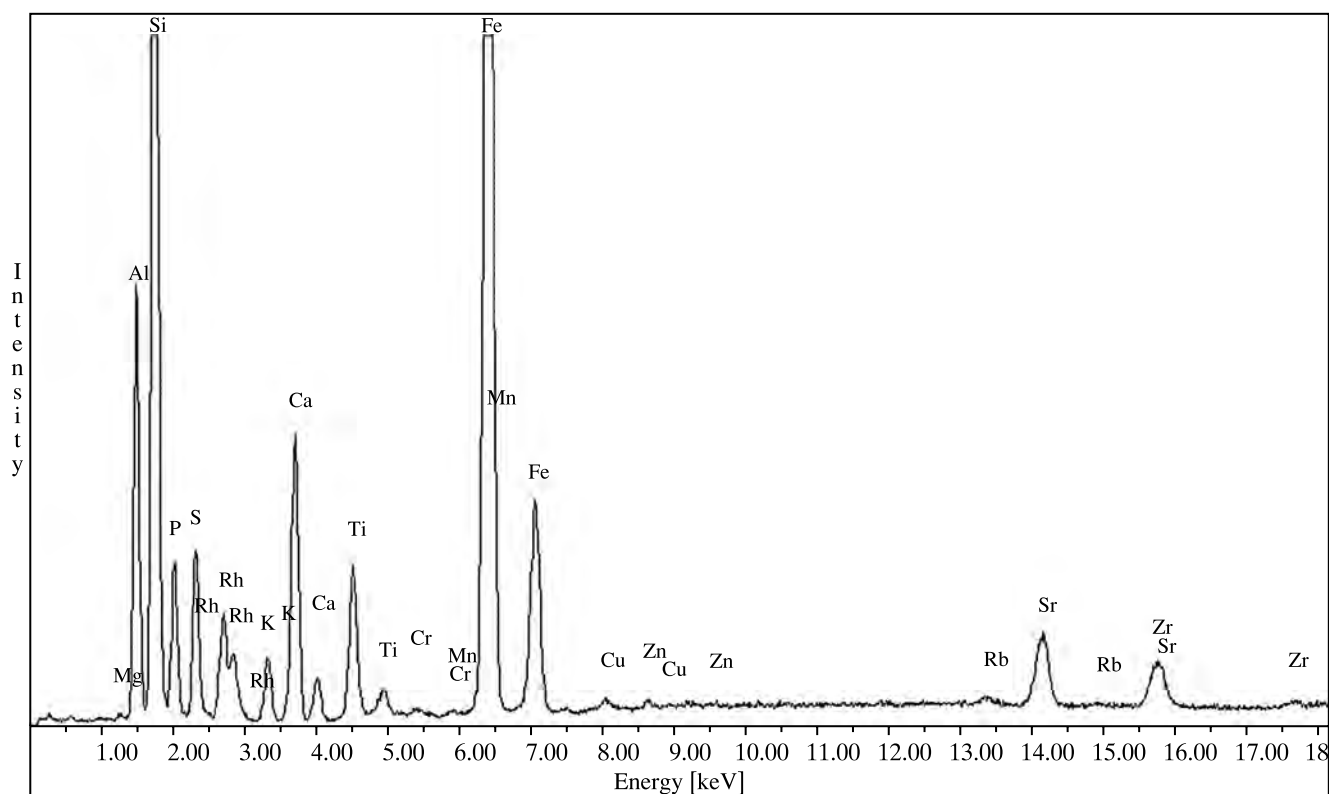

Рис. 3. Результаты РФА образца 2. Внутренняя поверхность глиняного носа из погребения ингульской катакомбной культуры, могильник Заможное.

Таблица 3. Результаты РФА

Элемент	Wt, %	At, %
образец 2 (внутренняя поверхность)		
<i>MgK</i>	0.96	1.21
<i>AlK</i>	19.39	21.97
<i>SiK</i>	47.14	51.31
<i>PK</i>	8.56	8.45
<i>SK</i>	5.17	4.93
<i>RhL</i>	0.00	0.00
<i>KK</i>	1.88	1.47
<i>CaK</i>	6.37	4.86
<i>TiK</i>	1.94	1.24
<i>CrK</i>	0.08	0.05
<i>MnK</i>	0.03	0.02
<i>FeK</i>	7.76	4.25
<i>CuK</i>	0.06	0.03
<i>ZnK</i>	0.04	0.02
<i>RbK</i>	0.05	0.02
<i>SrK</i>	0.35	0.12
<i>ZrK</i>	0.22	0.07

этих исследователей, пещеры, наподобие Кова дель Ор, были традиционным местом захоронения выдающихся членов социума. Поэтому депозит киновари объясняется как приготовление к похоронам значимого лица.

Раскопки других памятников на территории Испании подтверждают тезис о связи ртути с погребальными обрядами. В дольменном неолитическом захоронении Ла Велилья в Осорно исключительно хорошо сохранившиеся скелетные останки свыше ста человек были тщательно засыпаны сотнями килограммов (!) киновари (Martin-Gil et al., 1995). Предполагается, что HgS накапливался в специальных депозитах, так как его ближайшее месторождение находится в 160 км от этого погребения. По мысли авторов, соединение ртути использовалось для консервации. Стоит отметить, что хотя в цитируемой публикации захоронение относится к неолиту, упоминается достаточно поздняя датировка – около 3000 лет до н.э.

Особый интерес представляют исследования опыта применения охры и киновари раннеземледельческим населением Балканского региона (Mikoc et al., 2004. Р. 843). Эталонный памятник – поселение Винча на правом берегу Дуная (территория современного Белграда) – впервые раскопанный М. Васичем в 1931–1934 гг., содержит неолитическую керамику (5200–4200 лет до н.э.). При повторных раскопках в 1998 г. на поселении обнаружены осколки декорированных сосудов. Желто-красный орнамент внешней поверхности

был выполнен охрой, смесью гематитов охры и филосиликатов. Красные отложения на внутренней поверхности одного сосуда идентифицированы как киноварь с добавлением кварца и филосиликатов. Соединение ртути не использовалось для декорирования, а хранилось для других целей, что, в принципе, отсылает нас к практике использования красных пигментов неолитическими племенами на территории Испании. Ближайшее от Винчи месторождение киновари локализовано в 20 км в Щупля Стене.

Винча – ключевой памятник для изучения неолитизации Европы благодаря десятиметровому культурному слою. Как подчеркивают У. Микоч и его соавторы, использование киновари, малахита и горна доказывают наличие высокоразвитой технологии применения красителей и ранней медной металлургии. HgS присутствует во всех слоях Винчи. Опираясь на свои раскопки 1998–2002 гг., сербские исследователи высказывают предположение, что из киновари умели добывать чистую ртуть, а не только использовали ее красящие свойства. Стоит заметить, что упомянутая находка киновари на стенках сосуда относится к позднему периоду использования памятника.

Принимая во внимание изложенные выше факты, представляется, что самое раннее применение киновари и распространение этого феномена в Южной и Центральной Европе связано с миграциями раннеземледельческих племен с Ближнего Востока. Ближневосточные корни культуры Винча не нуждаются в обосновании. При обсуждении происхождения неолитического населения Испании доказывалось, что мигранты из Восточного Средиземноморья достигли Южной Франции и Иберийского полуострова морским путем (Веггсал, 2012). Именно культуры докерамического неолита PPNB (Сирия, Израиль) демонстрируют первую раскраску останков человека (точнее, головы и моделированного лица) киноварью. Исследования депозитов этого красителя у ранних земледельцев Балкан и Иберии опосредованно доказывают, что вермиллион, в отличие от охры, по-видимому, не предназначался для профанных бытовых целей. Он мог быть использован только в погребальном обряде или хранился в депозите. Можно предположить, что такое “сакральное” значение было обусловлено не только большей редкостью или яркостью этого минерала, но и его токсическими свойствами.

На наш взгляд, отдельного исследования заслуживает не только семантика хранилищ моделированных глиной и раскрашенных киноварью черепов (приблизительно 8 тыс. до н.э.), но и семантика

депозитов собственно киновари в сосудах эпохи неолита на Балканах и Иберийском полуострове (6–5 тыс. до н.э.), возможно, представляющих собой редуцированный отголосок этой ранней традиции.

В этом контексте выявленные нами случаи использования киновари в разных погребальных восточноевропейских традициях эпохи раннего металла восходят к исходному, очень древнему уже на тот момент ближневосточному обряду.

Так, окраска киноварью лица майкопского вождя из Марьинской находит прямую аналогию в материалах PPNB из Сирии (Телль Абу Хюрейра). Причем, судя по сохранившимся фрагментам лицевого скелета пигмент был нанесен непосредственно на кожу умершего.

Второй обнаруженный нами пример использования в погребальном обряде ртути еще больше сближается с другими локальными вариантами докерамического неолита. В обряде ингильской катакомбной культуры использовалась не чистая киноварь, а ее смесь. И раскрашивалось не само лицо, а глина, моделировавшая лицевой скелет и заменявшая мягкие ткани.

Использование ярко красного соединения ртути для окрашивания лица покойного или посмертной маски оказалось очень устойчивой (архетипической) идеей, которая позднее проявляется в генетически не связанных, хотя и одновременных культурах.

Письменные источники позволяют проследить соотношение погребение элиты древнего Рима с аллегорией Меркурия (ртути). Похороны римских аристократов и императоров часто превращались в театральное действо. “Мы говорим о музыкантах и танцующих сатирах как о части процессии (rompra), о нарочитой скорби, в том числе, исполняемой профессиональными плакальщиками. Самым впечатляющим было выступление актера – погребального мима – одевавшего маску с портретными чертами умершего и наряды, представлявшие высшие должности и почести, которых удостоился покойный. Одетый таким образом актер персонифицировал умершего, имитировал, иногда изображая его хорошо известные физические характеристики, движения и даже слова”. Умерший временно возвращался живым. Впрочем, существует точка зрения, что мог изображаться не сам покойный, а условный предок. В письменном источнике примерно 188 г. до н.э. такая “игра” ведется в присутствии Меркурия. “Этот образ маски представляет собой замечательное сочетание общих и частных черт усопшего. В случае публичных жертвоприношений они представляют эти образы и декорируют их со всем тща-

нием, и если любой значимый член семьи умирает, они несут их на похороны, покрывая покойного” (Sumy, 2002. P. 559).

Итак, применение соединения ртути, киновари или вермиллиона, имеет глубокую древность в европейской части континента и восходит к эпохе неолита. Обычай раскрашивать киноварью останки (преимущественно, область лица) умершего берет начало в Передней Азии, в вариантах культур PPNB. При помощи РФА аналогичное применение данного пигмента обнаружено в погребениях майкопской и ингульской катакомбной культур. В отличие от охры, применявшейся, в том числе, для декорирования различных предметов, HgS пока встречен только в погребениях или в депозитах. Это может доказывать, что краситель использовался изначально в особых случаях, только в сакральных, а не в профанных целях.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 13-06-0792.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вадецкая Э.Б. “Маски-урны” (по материалам склепа Белый Яр III) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1 / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 140–148.
- Канторович А.Р., Маслов В.Е. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станицы Марьинской (предварительная публикация) // МИИХНСК. Вып. IX. Ставрополь: Наследие, 2009. С. 83–116.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный Мир, 2001. 304 с.
- Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетей, 2004. 208 с.
- Медникова М.Б. Новые данные к дифференциальной диагностике системного заболевания у представителя майкопской элиты из курганного могильника Марьинская 3 // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 100–109.
- Медникова М.Б., Лебединская Г.В. К вопросу об антропологическом изучении посмертных масок // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3 / Ред. М.Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2004. С. 142–152.
- Отрощенко В.В., Пустовалов С.Ж. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины / Ред. В.Ф. Генинг. Киев: Институт археологии АН СССР, 1991. С. 59–84.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 335 с.
- Berrocal M.L. The Early Neolithic in the Iberian Peninsula and the Western Mediterranean: a review of evidence of migration // Journal of world prehistory. 2012. V. 25. P. 123–156.
- Goren Y., Goring-Morris N., Segal I. The technology of skull modelling in the pre-pottery Neolithic B (PPNB): regional variability, the relation of technology and their implications // Journal of Archaeological Science. 2001. V. 28. P. 671–690.
- Domingo I., Garcia-Borja P., Roldan C. Identification, processing and use of red pigments (hematite and cinnabar) in the Valencian early Neolithic (Spain) // Archaeometry. 2012. V. 54. № 5. P. 868–892.
- Martin-Gil G., Martin-Gil F.-J., Delibes-de-Castro G., Zapatero-Magdalenos P., Sarabia-Herrero F.-J. The first known use of vermilion // Cellular and Molecular Life Sciences. 1995. V. 51. № 8. P. 759–760.
- Mellaart J. Catal Huyuk: A Neolithic town in Anatolia. London: Thames and Hudson, 1967.
- Mikoc U.B., Colomban Ph., Sagon G., Stojanovic M., Rosic A. Ochre décor and cinnabar residues in Neolithic pottery from Vinca, Serbia // Journal of RAMAN Spectrometry. 2004. V. 35. P. 843–846.
- Molleson T., Commerford G., Moore A. Neolithic Painted Skull from Tell Abu Hureyra, Northern Syria // Cambridge Archaeological Science. 1992. V. 2. № 2. P. 231–236.
- Sumy G.S. Impersonated the Dead: Mimes at Roman Funerals // The American Journal of Philology. 2002. V. 123. № 4. P. 559–585.
- West M., Ellis A.T., Potts P., Strelci C., Vanhoof C., Wegrzynek D., Wobrauschek P. 2013 Atomic spectrometry update – A review of advances in X-ray fluorescence spectrometry // Journal of Analytical Atomic Spectrometry. 2013. V. 28. P. 1544–1590.

ON THE USAGE OF MERCURY COMPOUNDS IN A FUNERAL RITE OF THE EASTERN EUROPEAN TRIBES IN THE BRONZE AGE

Maria B. Mednikova

*Institute of Archaeology of RAS, Moscow
(medma_pa@mail.ru)*

X-ray fluorescent spectrometry has highly recommended itself as the most important method to identify chemical compounds of different coloring agents (colorants). The starting point of the work was the analytical research of the human remains samples from two burials of the early Metal Age from the European part of the steppe zone in Eurasia. The x-ray fluorescent spectrometer EDAX Orbis PC Micro-XRF Analyzer has been used, which allows making non-destructive express-identification of the elements compound from Na to U with the dimension from 10 μm and without preliminary sample preparation. The research of the superficies of the os frontale fragment of the so called "Maikop chief", a man of 40–44 years old, from the burial 18 of the barrow Mar'inskaya 3 has been carried out. The main elements, that characterize a chemical compound of the sample, are mercury and sulfur. It means that the os frontale of the "Maikop chief" was painted with unadulterated cinnabar (HgS). The second analyzed sample was a fragment of a clay daub of the facial part of a young man skull from the barrow 7 of the burial ground of the Ingul catacomb culture Zamozhnoye. It is stated that the face of the catacomb man modeled by clay was painted by a pigment contained a compound of hematite and cinnabar. These cases of the cinnabar usage date back to the initial, very ancient even for those days Near East ritual. The painting of the "Maikop chief" face with cinnabar from the Mar'inskaya 3 has a straight analogue in material PPNB from Syria (Tel Abu Hurairah). The second found sample of the mercury usage has even more similarities with the other local variations of the aceramic Neolith (Kfar HaHoresh in the Lower Galilee) thanks to the usage of clay modeling of a facial skull in a funeral rite.

Key words: funeral rite, x-ray fluorescent analysis, the Maikop culture, the Ingul Catacomb culture, mercury compounds, cinnabar, the Early Metal Age.

REFERENCES

- Berrocal M.L., 2012. The Early Neolithic in the Iberian Peninsula and the Western Mediterranean: a review of evidence of migration. *Journal of world prehistory*, 25, pp. 123–156.
- Domingo I., Garcia-Borja P., Roldan C., 2012. Identification, processing and use of red pigments (hematite and cinnabar) in the Valencian early Neolithic (Spain). *Archaeometry*, vol. 54, no. 5, pp. 868–892.
- Goren Y., Goring-Morris N., Segal I., 2001. The technology of skull modelling in the pre-pottery Neolithic B (PPNB): regional variability, the relation of technology and their implications. *Journal of Archaeological Science*, 28, pp. 671–690.
- Kantorovich A.R., Maslov V.E., 2009. Raskopki pogrebeniya maykopskogo vozhdya v kurgane bliz stanitsy Mar'inskoy (predvaritel'naya publikatsiya) [Excavations of the Maikop chief burial in the burial ground not far from Cossak village Mar'inskaya (preliminary publication)]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials for studying historical-cultural heritage of the Northern Caucasus]*, IX. *Arkheologiya. Kraevedenie [Archaeology. Local history]*. Stavropol': Nasledie, pp. 83–116.
- Martin-Gil G., Martin-Gil F.-J., Delibes-de-Castro G., Zapatero-Magdaleno P., Sarabia-Herrero F.-J., 1995. The first known use of vermillion. *Cellular and Molecular Life Sciences*, vol. 51, no. 8, pp. 759–760.
- Mednikova M.B., 2001. Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii [Trephinations among ancient peoples of Eurasia]. Moscow: Nauchnyy Mir. 304 p.
- Mednikova M.B., 2004. Trepanatsii v drevnem mire i kul't golovy [Trephinations in ancient world and a head cult]. Moscow: Aletya. 208 p.
- Mednikova M.B., 2013. Novye dannye k differentsial'noy diagnostike sistemnogo zabolevaniya u predstavatelya maykopskoy elity iz kurgannogo mogil'nika Mar'inskaya 3 [New data to the differential diagnosis of a systematic illness of a representative of the Maikop nobility from the burial ground Mar'inskaya 3]. *KSIA [BCIA]*, 230, pp. 100–109.
- Mednikova M.B., Lebedinskaya G.V., 2004. K voprosu ob antropologicheskom izuchenii posmertnykh masok [To the problem of anthropological study of death masks]. *OPUS: mezhdistsiplinarye issledovaniya v arkheologii [OPUS: interdisciplinary researches in archaeology]*, 3. M.B. Mednikova, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 142–152.

- Mellaart J., 1967. Catal Huyuk: A Neolithic town in Anatolia. London: Thames and Hudson.
- Mikoc U.B., Colomban Ph., Sagon G., Stojanovic M., Rosic A., 2004. Ochre décor and cinnabar residues in Neolithic pottery from Vinca, Serbia. *Journal of RAMAN Spectrometry*, vol. 35, pp. 843–846.
- Molleson T., Commerford G., Moore A., 1992. Neolithic Painted Skull from Tell Abu Hureyra, Northern Syria. *Cambridge Archaeological Science*, vol. 2, no. 2, pp. 231–236.
- Otroshchenko V.V., Pustovalov S.Zh., 1991. Obryad modelirovki litsa po cherepu u plemen katakombnoy obshchnosti [The ritual of face modeling according to skull at tribes from a catacomb community]. *Dukhovnaya kul'tura drevnikh obshchestv na territorii Ukrainy [Spiritual culture of the ancient communities on the territory of the Ukraine]*. V.F. Gening, ed. Kiev: Institut arkheologii Akademii nauk USSR, pp. 59–84.
- Polos'mak N.V., 2001. Vsadniki Ukoka [The horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press. 335 p.
- Sumy G.S., 2002. Impersonated the Dead: Mimes at Roman Funerals. *The American Journal of Philology*, vol. 123, no. 4, pp. 559–585.
- Vadetskaya E.B., 2005. “Maski-urny” (po materialam sklepa Belyy Yar III) [“Masks-urns” (on the material of the mausoleum Belyy Yar 3)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of the Archaeological Researches]*, 1. A.A. Tishkin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 140–148.
- West M., Ellis A.T., Potts P., Streli C., Vanhoof C., Wegrzynek D., Wobrauschek P., 2013. 2013 Atomic spectrometry update – A review of advances in X-ray fluorescence spectrometry. *Journal of Analytical Atomic Spectrometry*, 28, pp. 1544–1590.

РАСКОПКИ НА УЧАСТКЕ “ГИВАТИ” В ИЕРУСАЛИМЕ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОГО ГОРОДСКОГО ПАМЯТНИКА

© 2015 г. Д. Бен Ами, Я. Чехановец

*Управление древностей Израиля, Иерусалим
(doron.ben-ami@mail.huji.ac.il, yanatchk@gmail.com)*

В статье представлены первичные результаты охранных раскопок, ведущихся авторами на протяжении последних восьми лет на многослойном памятнике, расположенном в непосредственной близости от исторического ядра древнего Иерусалима – так называемого Города Давида. Большая площадь раскопа, значительная толщина культурного слоя, масштаб выявленных архитектурных комплексов, датирующихся различными периодами, от раннеисламского (VIII–IX вв. н.э.) до железного века (IX в. до н.э.), их сохранность и четкая стратификация уникальны для израильской охранной практики.

Ключевые слова: Иерусалим, охранные раскопки, городская археология, тель, стратификация, археология разрушения, местная археология, Аббасидский период, Византийский период, Римский период, железный век.

“Город Давида” (2 Цар 5:9), древнейшая часть Иерусалима с его единственным источником пресной воды, представляет собой вытянутый с севера на юг участок площадью около 50 га, зажатый между сухими руслами ручьев Кидрон и Тиропеон, к югу от крепостных стен османского периода. Сегодня Город Давида превращен в археологический парк, посещаемость которого чрезвычайно высока для переполненного историческими памятниками Израиля: ежегодно здесь бывает около 600 тыс. экскурсантов.

С середины XIX в. в Городе Давида успело поработать больше экспедиций, чем на любом другом археологическом памятнике Ближнего Востока (см. Reich, 2011). Для понимания древнейших слоев памятника, периодов бронзы и железа, важными следует считать исследования Британской археологической школы (1961–1967 гг.: Kenyon, 1964–1968) и Иерусалимского университета (1978–1985 гг.: Shiloh, 1984; De Groot, Ariel, 1992; 1996; De Groot, Bernick-Greenberg, 2012). Точечные раскопки продолжают и сегодня, причем зачастую ученым приходится иметь дело с уже раскрытым прежде материалом (Mazar, 2006).

Площадка, занятая автомобильной стоянкой Гивати, в каких-нибудь 20 м от входа в археологический парк, прежде никогда не раскапывалась: по мнению ученых прошлого, участок находился за пределами древнего города и потому казался не представляющим научного интереса (рис. 1).

Благодаря этому заблуждению современным исследователям досталось практически девственное пространство – редкая удача для археологии этой части города.

В 2007 г. израильское Управление древностей начало здесь серию спасательных раскопок, рассчитанных на несколько сезонов и ставящих своей задачей полное археологическое освоение участка, в будущем предназначенного под застройку¹. Работы не ограничены по срокам и ведутся круглый год. В полевых исследованиях одновременно заняты порядка 10 археологов и 40–50 рабочих. Большая площадь раскопа (около 0.5 га); значительная толщина культурного слоя, достигающего до 16 м; масштаб выявленных архитектурных комплексов и их четкая стратификация уникальны для израильской охранной практики.

¹ Пробные раскопки на стоянке Гивати были начаты Р. Райхом и Э. Шукруном. С марта 2007 г. по сегодняшний день работы проводятся Управлением древностей Израиля под руководством авторов статьи при участии археологов С. Бахар, Н. Нисим Бен Эфраим, А. Бен-Дов, С. Гиршберг, Д. Готрайх, А. Зильберштейн, Ф.-Б. Кобрина-Кампоса, С. Коэн, М. Краковской, Д. Танами и А. Шатили. Нумизматический материал обрабатывается Д. Ариэлем, Г. Биховски и Р. Кодем. Геодезическая съемка и натурные зарисовки ведутся В. Эссманом, М. Куниным, М. Кипнисом и Я. Шмидовым. Фотографы – Ц. Сагив, А. Перец и К. Амит. Аэрофотосъемка – компания “Sky-View”. Финансирование проекта осуществляется ассоциацией “Эльад”.

Рис. 1. Участок стоянки Гивати после первого сезона работ, вид с юга. На заднем плане – стены Старого Иерусалима и мечеть Аль-Акса.

Масштабное исследование любого древнего города Ближнего Востока – Дамаска, Бейрута, Библоса, Тира, Акко, Газы или Иерусалима – чрезвычайно затруднено по причинам, не имеющим ничего общего с собственно археологией: в первую очередь это интенсивность современной застройки и демографическая плотность городов. Несмотря на то, что вся территория Иерусалима официально объявлена археологическим памятником, последние крупные раскопки в городе проводились в конце 1960 – начале 1970-х годов, сразу после Шестидневной войны, номинально объединившей иорданскую и израильскую его части (экспедиции Иерусалимского университета под руководством Н. Авигада и Б. Мазара). Город Давида расположен в восточной части Иерусалима, на территории арабской деревни Силуан, в непосредственной близости от исламских святынь Храмовой горы (Харам аль-Шариф), и потому его исследование сегодня неизбежно сопряжено с дополнительными сложностями социального, а порой и политического толка.

С археологической точки зрения проект также нестандартен: впервые столь значительный по площади городской участок раскапывается как тель с равным вниманием ко всем существующим периодам начиная от раннеисламского (VIII–IX вв. н.э.) и заканчивая железным веком (IX в. до н.э.).

На протяжении почти целого столетия археологическое исследование Иерусалима было сфокусировано на ветхозаветных эпохах. Античные и более поздние слои зачастую разбирали, не документируя, или раскапывали крайне небрежно. Впервые с должным вниманием к римскому, византийскому и исламскому периодам отнеслись британские археологи Дж. Кроуфут и Дж. Фитцджеральд, работавшие в Городе Давида в 1920-х годах (Crowfoot, Fitzgerald, 1929). Тем не менее поиски древних структур, в первую очередь железного века, и их привязка к библейскому нарративу по-прежнему остаются актуальными: достаточно упомянуть недавние сообщения об обнаруженном “дворце царя Давида” или “стенах царя Соломона”.

Значительная раскрытая площадь памятника позволяет проследить трансформацию целых городских кварталов на протяжении почти двух тысячелетий. В каждом отдельном случае характер перемен в городской застройке разнится. Иногда речь идет о плавных переменах в рамках одной культурной традиции (переход от позднего эллинистического периода к ранней римской застройке), иногда сменяющие друг друга комплексы кардинально отличаются друг от друга по ориентации, строительной технике, назначению, керамической традиции (переход от византийского к аббасидскому слою).

Отличаются и финальные фазы разных слоев: одни здания постепенно приходят в запустение, другие оказываются внезапно разрушенными войной или землетрясением.

Некоторые из раскрытых слоев являются первыми в иерусалимской археологии материальными свидетельствами целых исторических эпох и культур. Так, впервые были открыты аббасидские жилые и торговые кварталы (VIII–IX вв. н.э.), поздне-римский (IV в. н.э.) и поздне-эллинистический (II в. до н.э.) архитектурные комплексы. Четкая стратификация этих слоев позволила составить строгую типологию керамического материала, до сих пор не классифицированного. Исторические события, известные по литературным свидетельствам, – землетрясение 363 г. н.э. и сасанидское разрушение 614 г. н.э. – впервые были прослежены на археологическом материале. Появилась возможность скорректировать множество более частных вопросов археологии города, развития его границ, сетки улиц, системы водоснабжения, городских ремесел, занятий и верований жителей.

Раскопанный участок располагается на восточном склоне ручья Тиропеон или “Долины Сырваров” – одной из главных улиц Иерусалима античной эпохи (Иосиф Флавий, Иудейская Война, V. 4.1). Тиропеонова долина, когда-то служившая естественной западной границей города, уже в древности заполнилась наносами земли и была застроена. Раскопки позволили скорректировать топографию этой части Иерусалима и с точностью определить местоположение застроенного русла Тиропеона. В восточной части раскопа материковая скальная порода залегает всего на 3 м ниже современной поверхности. По мере продвижения на запад материк уходит все глубже, вплоть до 16 м от современной поверхности в самой западной точке. Такой рельеф местности, несомненно, представлял сложную задачу для строителей древности, но и немало способствовал сохранности уже разрушенных зданий, в результате эрозии быстро засыпавшихся и затем служивших опорой для следующего строительства. Так, множество построек различных периодов сохранилось на высоту 5–6 м.

Предполагалось, что при раскопках будет раскрыта периферия города, однако исследования показали, что на протяжении почти всего рассматриваемого временного промежутка, за исключением самых ранних и самых поздних слоев, все строительство здесь носило монументальный характер. Участок земли между историческим ядром города и его главным культовым центром, Храмовой горой, во все времена оставался важной и, по-видимому, престижной строительной площадкой.

Рис. 2. Жилые постройки железного века (IX в. до н.э.).

Эпоха железа, IX–VI вв. до н.э. К настоящему моменту постройки железного века раскрыты лишь на незначительной площади раскопа. Это скромные жилые дома, сложенные из необработанного камня непосредственно на материковой скале, тщательно обработанной и приспособленной для застройки (рис. 2). В ряде помещений сохранились земляные полы и утопленные в пол очаги. Керамический материал наиболее ранней из трех фаз железного века включает множество чаш-курильниц и датируется IX в. до н.э.; позднейшую фазу застройки следует отнести к VI в. до н.э. (Ben Ami, 2011). Среди мелких находок стоит упомянуть именные печати и буллы, маркированные тарные кувшины типа “*lmlkh*” (около 700 г. до н.э.), несколько отрывочных палеоевритских надписей (рис. 3).

Важно отметить, что до сих пор на территории раскопа не было обнаружено и следа городских фортификаций железного века, так что обсуждавшийся на протяжении многих лет вопрос о западной границе города этого времени по-прежнему остается открытым (Mazar, 2006; Reich, Shukron, 2008; Ben Ami, 2013). За исключением единичных фрагмен-

тов керамики, не обнаружено также материальных свидетельств, датирующихся эпохой средней или поздней бронзы.

Позднеэллинистический (хасмонейский) период, III–I вв. до н.э. После разрушения города на протяжении некоторого времени эта его часть, по-видимому, оставалась незаселенной. В III–II вв. до н.э. восточный склон Тиропеона превратился в свалку. В профилях прослеживаются мощные (в общей сложности от 2 до 3 м) горизонты мусора, идущие наклонно, следуя топографии склона. Среди находок слоя – колоссальные массы местного керамического материала и костей животных. Во II в. до н.э. площадка была расчищена для строительства монументального сооружения, еще не полностью раскрытого; его природа до сих пор не вполне ясна. Здание выстроено из крупных тесаных каменных блоков, стены его местами сохранились до высоты 4 м. На сегодняшний день раскрыты четыре вытянутых в длину внутренних зала здания с известковыми полами и парадным входом, сложенным из тщательно обработанного камня. Незначительные перестройки, добавочные внутренние

Рис. 3. Оттиск печати с палеоивритской надписью “Шаули бен Мешулам”, VIII–VII вв. до н.э.

стены и подъем полов позволяют говорить о двух основных фазах жизни архитектурного комплекса. В здании обнаружено большое количество местной и импортной керамической посуды – фрагментов и целых сосудов и богатый нумизматический материал, позволяющий датировать его постройку первой третью II в. до н.э., а более позднюю его фазу – концом II – началом I в. до н.э., т.е. временем правления иудейской династии Хасмонеев. За исключением фрагмента крепостных стен, в Иерусалиме не сохранились архитектурные памятники этого времени. Видимо, город сильно пострадал при землетрясении 31 г. до н.э., а затем был полностью перестроен Иродом Великим.

Ранний римский период, I в. до н.э. – I в. н.э. Отдельные фрагменты построек иродиадского (I в. до н.э.) и постиродианского (I в. н.э.) периодов были обнаружены практически на всей раскрытой площади. Наиболее значительный архитектурный комплекс, датирующийся I в. н.э., расположен в юго-западной части раскопа (Ben Ami, Tchekhanovets, 2011).

Южная часть комплекса включает монументальное здание (пока раскрыто лишь частично) высотой, по меньшей мере, в два этажа. Восточная стена постройки, толщиной 2 м, тянущаяся на 14 м в длину, сохранилась в высоту более чем на 5 м. Эта,

по-видимому, тыльная стена здания сложена из грубых крупных камней. Внутри постройка поделена на несколько продольных помещений, вытянутых с востока на запад. На сегодняшний день полностью раскрыты три подобных зала и частично четвертый. Подвальный этаж здания был перекрыт арочными сводами, сложенными из аккуратно пригнанных друг к другу и тщательно обработанных каменных блоков. Нижние ряды кладки сводов сохранились во всех трех раскрытых залах, верхние рухнули и беспорядочно осыпались вниз под тяжестью обвалившегося верхнего этажа. Стены подвальных помещений были покрыты толстым слоем темно-серой штукатурки, предотвращавшей проникновение влаги. Вероятно, подвальный этаж здания служил складом для хранения продуктов, здесь были найдены десятки тарных керамических и каменных кувшинов (рис. 4). О богатстве декора верхнего, почти не сохранившегося этажа, можно судить по многочисленным архитектурным фрагментам, обнаруженным в кладке более поздних построек. Это стволы и капители колонн, зубцы и детали фриза, стилистически датирующиеся I в. н.э. К главному зданию примыкает северное крыло, занятое отштукатуренными цистернами для сбора воды, ванными и микве, бассейнами для ритуальных омовений.

Незадолго до разрушения здание пришло в упадок. В одно из подвальных складских помещений было встроено несколько мелких хозяйственных сооружений, возможно, очагов. Внутренние перегородки между залами грубо проломлены, еще одна наспех проделанная брешь вела наружу, в северную часть комплекса.

Последние дни здания отмечены жестоким разрушением. Огромные каменные глыбы его стен обрушились вниз, погребая под собой полы верхних этажей и сводчатые потолки подвалов, обгоревшие балки. На полу отложились наконечники стрел, каменные ядра, керамическая и каменная посуда. Нумизматические находки позволили с точностью датировать разрушение временем иудейского восстания против римлян (66–70 гг. н.э.). Среди руин были обнаружены несколько монет, датированных “четвертым годом восстания”, т.е. 69–70 гг. н.э. Видимо, до последних дней в подвалах здания прятались люди. Именно они пробивали бреши в стенах подвальных помещений, пытались выбраться наружу и спастись. Точная датировка закладки здания и его разрушения, монументальный характер и расположение позволяют предположить его идентификацию с одним из дворцов царей Адиабены, упомянутых Иосифом Флавием. Историк говорит о них во множественном числе, упоминая несколько построек: дворцы

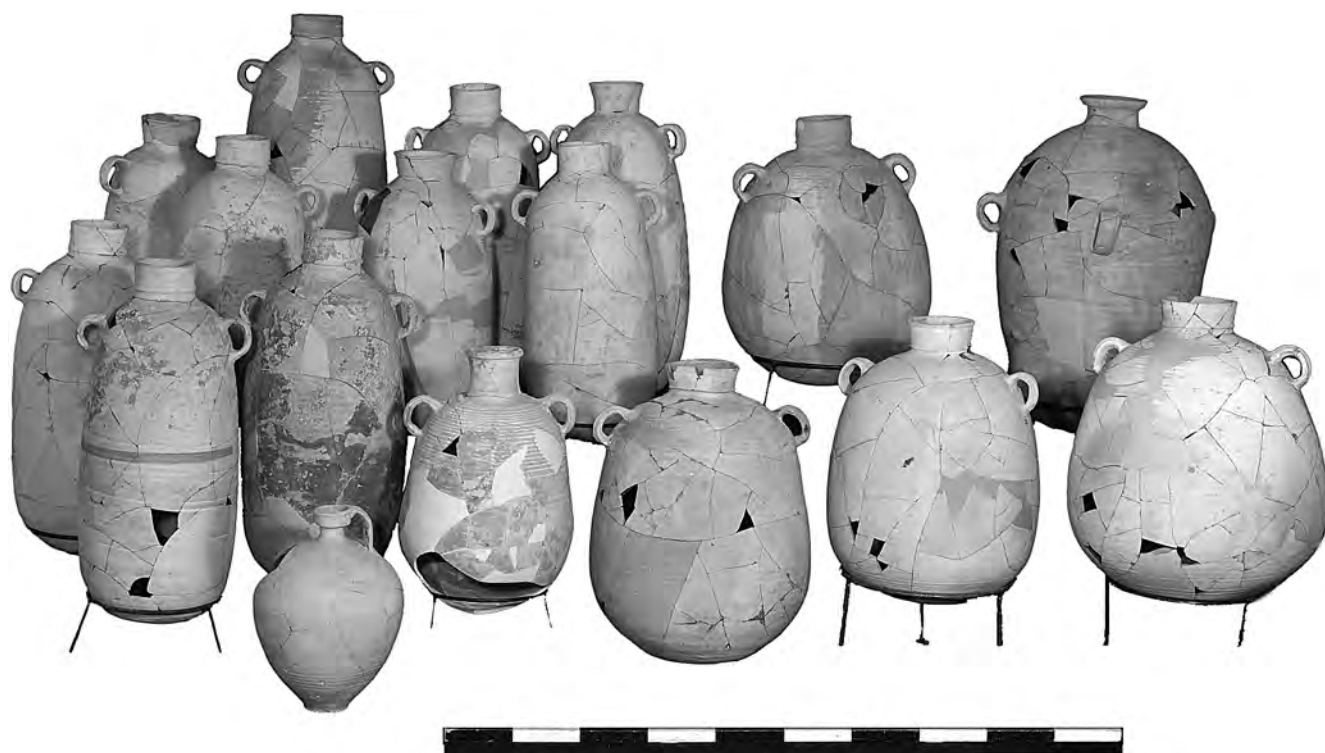

Рис. 4. Тарные кувшины из подземного хранилища. Ранний римский период, I в. н.э.

царицы Елены, Монобаза, Гратты (Иосиф Флавий, Иудейская война, IV.9.11; V.6.1; VI.6.3). При описании хода восстания дворцы неоднократно использовались в качестве ориентиров: ясно, что эти постройки отличались значительными размерами и служили важными архитектурными доминантами города.

Поздний римский период, конец III – IV в. н.э. После Иудейской войны (66–70 гг. н.э.) и восстания Бар-Кохбы (132–135 гг. н.э.) на месте разрушенного Иерусалима была основана колония Элия Капитолина. Поначалу небольшая, к концу III в. н.э. она стала разрастаться в южном направлении. К этому времени относится закладка крупного архитектурного комплекса, исследование которого ведется уже несколько лет. На данный момент раскрыто чуть менее 2000 м² его площади, причем здание так и не будет раскопано полностью – оно продолжается в северном и восточном направлениях за пределы раскопа. В отличие от более древних построек, ориентировавшихся на топографию местности, римский комплекс был четко сориентирован по сторонам света. Эта впервые заданная римлянами сетка будет сохраняться и впоследствии.

Западная часть здания komponуется вокруг перистильного двора площадью около 240 м², с трех сторон окруженного крытыми галереями.

С восточной стороны находится еще один простой открытый двор большего размера (раскрыто около 300 м²), перпендикулярный по направлению перистилью. В общей сложности раскопаны около 30 помещений, из-за сложной топографии расположенные на 2 уровнях: высоким на востоке и низким на западе (рис. 5). По всей вероятности, крыши разных частей здания также располагались на разной высоте. Главный вход в римский комплекс находился на востоке, таким образом входившему открывалась перспектива двух расположенных на террасах дворов – большего и меньшего, перистильного, спускавшихся на запад к долине Тиропеона. По всей видимости, в восточной своей части здание было одноэтажным, а в западной – двухэтажным, причем помещения нижнего этажа были заняты различными службами. При разрушении здания верхний этаж, державшийся на арочных конструкциях, рухнул вниз, образовав трехметровый слой завалов. Как и прочие раскрытые архитектурные комплексы, римское здание полностью выстроено из местного известняка. Из местного камня выложены и несущие стены, и колонны, и фундаменты. Последние заложены на разной глубине и покоятся на разных опорах: на востоке – на скальном материке, на западе – на прочных стенах более древних построек (Ben Ami, Tchekhanovets, 2010).

Рис. 5. Расчистка западного крыла архитектурного комплекса позднего римского периода, IV в. н.э. Вид с юго-востока.

Под перистильным двором расположены два водных резервуара (вероятно, не единственные в здании) водоизмещением в 50 и 38 м³. В углах двора обнаружены *in situ* остатки керамических водосточных труб, по которым с крыш здания в цистерны собиралась дождевая вода.

Стены в помещениях нижнего этажа были оштукатурены, полы – известковые или земляные, в двух комнатах обнаружены следы каменной вымостки. Помещения верхнего этажа, служившие для жилья, были нарядно декорированы: в завалах найдено множество крупных фрагментов мозаичных полов и фресок.

Десятки монет, собранных в завалах и на полах, позволяют датировать разрушение здания временем около 360 г. н.э. Общая археологическая картина, по всей видимости, отражает результаты сильного землетрясения 363 г. н.э., хорошо известного по другим памятникам региона, вне Иерусалима, и литературным источникам (Russel, 1985). Таким

образом, комплекс достаточно четко датируется: закладка здания – концом III в. н.э.², его разрушение – 363 г. н.э. За недолгое время существования в здании не произошло никаких драматических изменений: несколько раз поднимали полы, устраивали скамьи и т.п.

Архитектурная сложность комплекса, план здания и его размах, напоминающий о дворцах наместников поздней империи, подчеркивают его несомненно римский характер (рис. 6). Архитектурно-пространственный анализ здания пока не завершен, однако уже можно говорить о том, что оно несло в себе общественные и, возможно, административные функции в сочетании с чертами богатого частного дома. В завалах найдено множество ювелирных изделий, гемм, инкрустаций из резной кости, указывающих на привыкших к роскоши

² Из стен было извлечено несколько провинциальных монет, наиболее поздняя – монета Диоклетиана александрийского чекана 285 г. н.э.

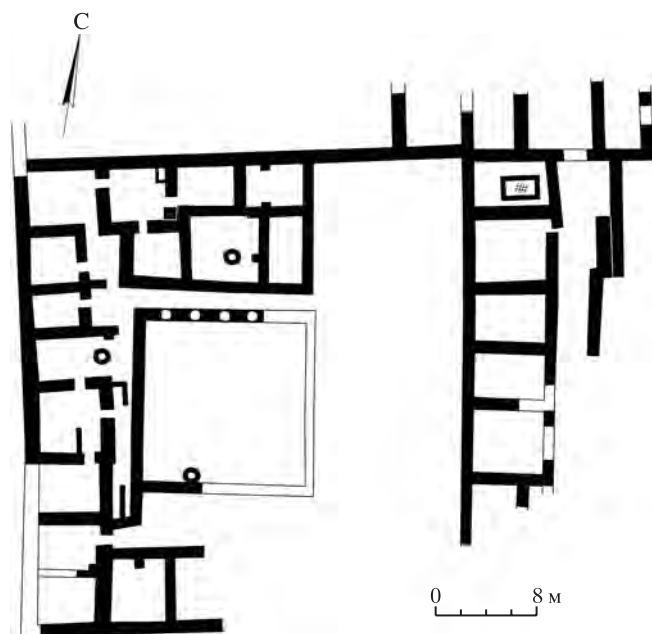

Рис. 6. План архитектурного комплекса позднего римского периода, IV в. н.э.

обитателей. О высоком социальном статусе хозяев говорит и редкая находка – *ламелла* – свернутая в трубку свинцовая пластинка с нацарапанным магическим текстом на греческом, видимо, спрятанная под полом покоев на втором этаже (Ben Ami et al., 2013). Заказчица текста Кириллы просит усмирить гнев влиятельного человека, во власти которого принять некое судебное решение, направленное ей во вред. В лучших традициях смутных времен на помощь призываются с десятков мелких и крупных божеств всех ближневосточных пантеонов. Вообще, здание представляет чрезвычайно интересный срез религиозной жизни Иерусалима переломного IV в.: здесь найдены и следы жертвоприношений, и культовые языческие статуэтки, и христианские граффити.

Среди массовых находок – множество керамических изделий, в основном местного производства, впервые позволивших выстроить четкую типологию III–IV вв., стекло, каменные и мраморные сосуды, черепица с клеймами X Римского легиона.

Византийский период, V–VII вв. н.э. Через несколько десятков лет после разрушительного землетрясения 363 г. н.э. на руинах римской постройки был устроен сад. Раскопки раскрыли горизонт хорошо просеянной темной садовой земли чуть более метра толщиной, в нескольких направлениях пересекавшийся террасными стенами (рис. 7). Только часть северного крыла римского здания была восстановлена и превращена в административную постройку. Западной стороной здание выходило на

широкую (5.5 м), вымощенную каменными плитами улицу, шедшую с севера на юг в сторону Силоамской купели. Был раскрыт отрезок длиной около 30 м, продолживший линию другого фрагмента улицы, обнаруженного в 1920-е годы (Crowfoot, Fitzgerald, 1929. Р. 41). Канализационный канал, ведущий из административного здания, соединяется с канализационной системой, проложенной под улицей и, несомненно, указывает на их сосуществование в одних хронологических рамках. На территории раскопа оказалось только три внутренних помещения здания, в одном из которых в слое пожара был найден клад из 264 золотых солидов чекана императора Ираклия 610–613 гг. н.э. (Ben Ami et al., 2010). Все монеты клада относятся к одному и тому же типу и не успели побывать в обращении, что позволяет с редкой для археологии точностью датировать разрушение византийской постройки 614 г. н.э. – сасанидского нашествия. Среди множества находок византийского периода заслуживает упоминания обнаруженный на тротуаре мощеной улицы уникальный миниатюрный пенал-складень, вырезанный из кости, с сохранившимися живописными изображениями на золотом фоне, вероятно, иконами (Tchekhanovets, 2011) (рис. 8).

Ранний исламский период, VII–IX вв. н.э. После сасанидского нашествия византийские постройки не восстанавливались. Омеядский период (VII–VIII вв.) знаменуется полным запустением участка и строительством мощной печи для обжига извести (диаметр около 4 м). Многие каменные плиты византийской улицы выкорчевываются, на их месте громоздятся груды сырья и отходы известкового производства. В начале VIII в. н.э. территория снова осваивается. По всей видимости, теперь здесь функционирует открытый рынок. Архитектурных остатков этот слой не оставил, однако по всей площади раскопа обнаружено несколько десятков мусорных ям, заполненных битыми керамическими и стеклянными сосудами, пришедшими в негодность инструментами и пищевыми отбросами – костями рыб, животных и домашней птицы, яичной скорлупой и т.п. (Ben Ami, Tchekhanovets, 2008). По находкам и их пространственному распределению можно составить представление о видах товаров, продававшихся на рынке. Любопытно, что мусор рассортирован: в одних ямах преобладает керамический бой, в других – кости, в третьих – необуглившиеся ботанические находки: зерна и семена нескольких десятков видов растений, фруктов и овощей. Наряду с лекарственными растениями, красителями и вполне ожидаемым виноградом, финиками и злаками встречаются и более экзотические виды, например, огурцы, мускатный орех

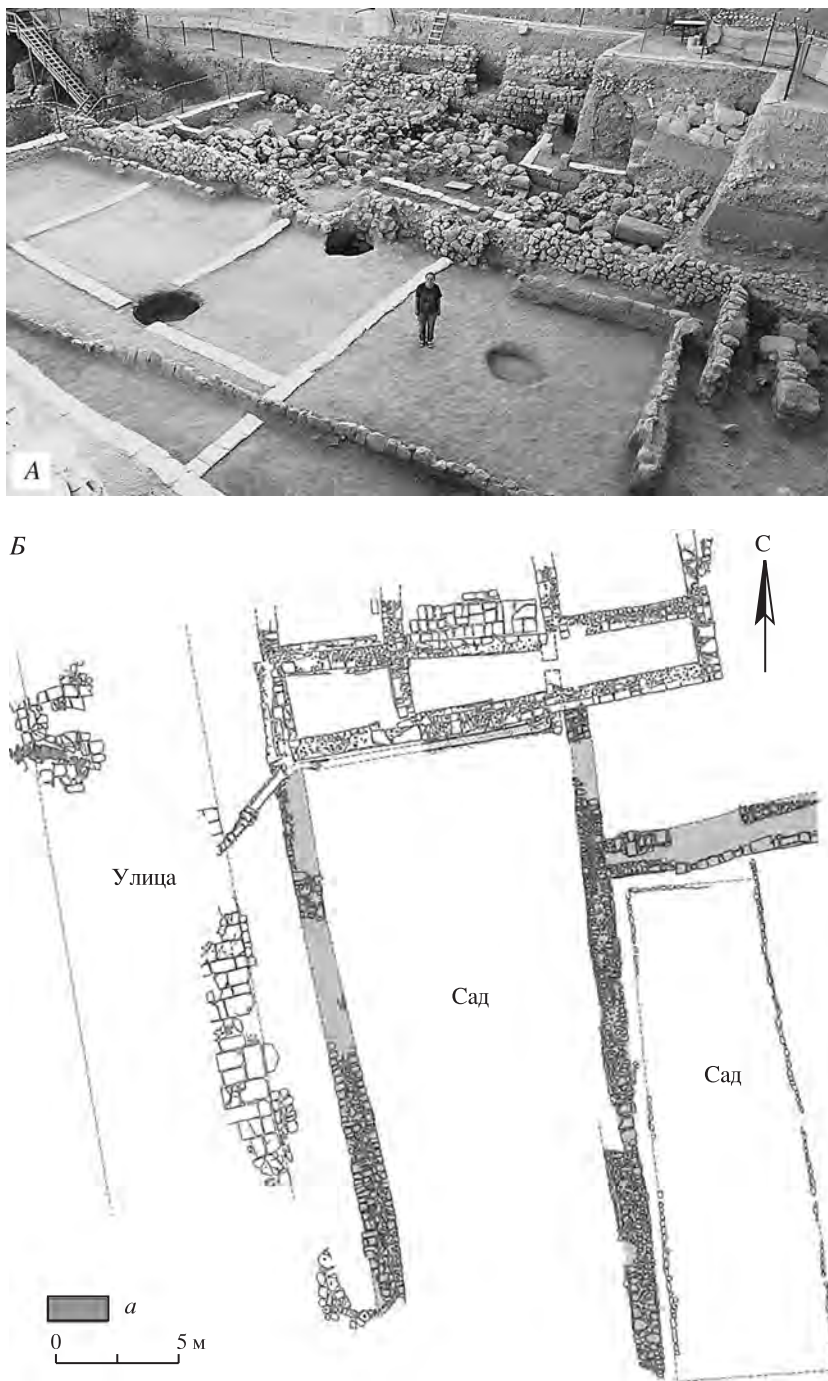

Рис. 7. Византийский слой садовой земли с террасными стенами (V–VII вв. н.э.), прорезанный мусорными ямами аббасидского периода (VIII в. н.э.): А – фото, вид с востока; Б – план. Условные обозначения: а – стена террасы.

и баклажаны³. Полная обработка ботанического и зоологического материалов позволит определить диетические предпочтения горожан в VIII в. н.э. В конце VIII – начале IX в. н.э. на месте открытого

рынка появляются постоянные постройки: торговые ряды, постоянный двор, трактиры и пекарни, жилые помещения. Все здания выстроены из мелких необработанных камней, скрепленных известковым раствором, внутренние поверхности стен густо заштукатурены. Раскрыты дубильно-красильный комплекс и мастерская по производству изделий из

³ Анализ ботанического материала аббасидского слоя подготовлен О. Амихай.

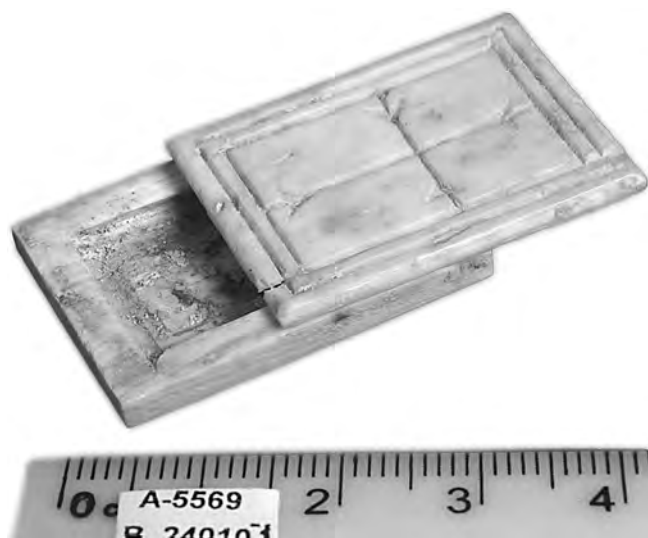

Рис. 8. Костяной пенал-складень византийского периода (VI–VII вв. н.э.).

кости. Под зданиями устроено множество цистерн для сбора дождевой воды, проложена канализация. Аббасидские комплексы, обнаруженные при раскопках, открывают новую главу в археологии города раннего исламского периода, до сих пор практически не исследованного.

Население Иерусалима в аббасидский период неоднородно: по скудным письменным свидетельствам известно, что помимо мусульманского большинства здесь существует и христианская община, а в южной части города компактно селятся караимы и евреи. Тем не менее характер материальных свидетельств не позволяет определить, кто здесь жил, работал, торговал.

В конце IX – начале X в. н.э. Иерусалим значительно уменьшается в размерах (до 1 км²) и входит в пределы, известные сегодня как Старый город. Древнейшая часть Иерусалима оказывается за пределами городских стен и перепахивается. Тысячу лет на этой территории не будет ничего, кроме садов и огородов, а потом появятся автомобили.

Иерусалим – город небольшой. Неудивительно, что крупная археологическая экспедиция, функционирующая круглый год на протяжении целых семи лет, постепенно превратилась в местную достопримечательность. Это еще и надежный источник заработка для иерусалимских студентов, демобилизованных солдат, молодых художников и музыкантов и массы очень разных людей, готовых к тяжелой и грязной работе не только ради денег, но и ради интереса – к истории, работе на земле, хорошей компании (за восемь лет через раскопки Гивати прошло больше двух тысяч человек). Всем

им – спасибо. Некоторые так увлеклись процессом, что решили превратить археологию в свою профессию. Здесь же было сыграно несколько свадеб. Проект давно стал частью иерусалимского городского фольклора. Для нас самих это не только археология, но и уникальный человеческий опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ben Ami D.* The Northwestern Slope of the City of David during the Iron Age – Preliminary Findings // *Eretz Israel*. 2011. V. 30. P. 95–104 (Hebrew).
- Ben-Ami D.* Was the City of David Walled in the Iron Age IIA? // *City of David – Studies of Ancient Jerusalem*. 2013. V. 8. P. 31–39.
- Ben-Ami D., Tchekhanovets Y.* The Transition between the Byzantine and the Early Islamic Periods in Light of the Excavations of the Givati Parking Lot // *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region*. V. III / Eds D. Amit, G.D. Stiebel, O. Peleg-Barkat. Jerusalem: Israel Antiquities Authority and the Institute of Archaeology; The Hebrew University of Jerusalem, 2008. P. 64–70 (Hebrew).
- Ben-Ami D., Tchekhanovets Y.* Yerusalem, Givati Parking Lot. 2008–2009. Preliminary Report // *Hadashot Arkheologiyot*. 2010. V. 122 (http://www.hadashotesi.org.il/Report_Detail_Eng.aspx?id=1377&mag_id=117).
- Ben Ami D., Tchekhanovets Y.* The Lower City of Jerusalem on the Eve of its Destruction, 70 C.E.: A View from Hanyon Givati // *BASOR*. 2011. № 364. P. 61–86.
- Ben-Ami D., Tchekhanovets Y., Bijovsky G.* New Archaeological and Numismatic Evidence for the Persian Destruction of Jerusalem in 614 CE // *IEJ*. 2010. V. 60. № 2. P. 204–221.
- Ben-Ami D., Tchekhanovets Y., Daniel R.W.* A Juridical Curse from a Roman Mansion in the City of David // *ZPE*. 2013. 186. S. 227–236.
- Crowfoot J.W., Fitzgerald G.M.* Excavations in the Tyropoeon Valley, Jerusalem, 1927. L.: Palestine Exploration Fund, 1929 (*Palestine Exploration Fund annual*; 5). 135 p.
- De Groot A., Ariel D.T.* Excavations at the City of David 1978–1985, Directed by Yigal Shiloh. V. III. Jerusalem: The Institute of Archaeology; The Hebrew University of Jerusalem, 1992 (QEDEM. Monographs of the Institute of Archaeology; V. 33). 292 p.
- De Groot A., Ariel D.T.* Excavations at the City of David 1978–1985, Directed by Yigal Shiloh. V. IV. Jerusalem: The Institute of Archaeology; The Hebrew University of Jerusalem, 1996 (QEDEM. Monographs of the Institute of Archaeology; V. 35). 352 p.
- De Groot A., Bernick-Greenberg H.* Excavations at the City of David 1978–1985, Directed by Yigal Shiloh. V. VIIB: Area E: The Finds. Jerusalem: The Institute of Archaeology; The Hebrew University of Jerusalem, 2012

- (QEDEM. Monographs of the Institute of Archaeology; V. 54). 424 p.
- Kenyon K.M.* Excavations in Jerusalem, 1963 // PEQ. 1964. V. 96. P. 7–18.
- Kenyon K.M.* Excavations in Jerusalem, 1964 // PEQ. 1965. V. 97. P. 9–20.
- Kenyon K.M.* Excavations in Jerusalem, 1965 // PEQ. 1966. V. 98. P. 73–88.
- Kenyon K.M.* Excavations in Jerusalem, 1966 // PEQ. 1967. V. 99. P. 65–71.
- Kenyon K.M.* Excavations in Jerusalem, 1967 // PEQ. 1968. V. 100. P. 97–111.
- Mazar E.* The Fortifications of Jerusalem in the Second Millennium B.C.E in Light of the New Excavations in the City of David // *New Studies on Jerusalem*. V. 12 / Eds E. Baruch, E. Faust. Ramat-Gan: Bar-Ilan University, 2006. P. 21–28 (Hebrew).
- Reich R.* Excavating the City of David: Where Jerusalem's History Began. Jerusalem: Israel Exploration Society, 2011. 368 p.
- Reich R., Shukron E.* The Date of City-Wall 501 in Jerusalem // Tel-Aviv. 2008. V. 35. P. 114–122.
- Russell K.W.* The Earthquake Chronology of Palestine and Northwest Arabia from the 2nd through the Mid-8th Century AD // BASOR. 1985. № 260. P. 37–58.
- Shiloh Y.* Excavations at the City of David I, 1978–1982: Interim Report of the First Five Seasons. Jerusalem: The Institute of Archaeology; The Hebrew University of Jerusalem, 1984 (QEDEM. Monographs of the Institute of Archaeology; V. 19). 144 p.
- Tchekhanovets Y.* Miniature Icons Box from the Givati Parking Lot Excavations // *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region*. V. V / Eds D. Amit, G.D. Stiebel, O. Peleg-Barkat. Jerusalem: Israel Antiquities Authority and the Institute of Archaeology; The Hebrew University of Jerusalem, 2011. P. 111–123 (Hebrew).

GIVATI EXCAVATIONS IN JERUSALEM: STRATIGRAPHIC URBAN SITE AS A STUDY CASE

Doron Ben Ami, Yana Tchekhanovets

Israel Antiquities Authority, Jerusalem
(doron.ben-ami@mail.huji.ac.il; yanatchk@gmail.com)

The article is dedicated to the primary results of salvage excavations, performed by the authors during the last eight years on Givati plot, in the close proximity to the historical nucleus of ancient Jerusalem, known as the “City of David”. The large area occupied by Givati excavations, its massive cultural layer, the monumentality of the well stratified architectural complexes revealed, dated to the wide chronological range, from the Early Islamic (8th–9th centuries AD) to the Iron Age II (9th century BC) and their good preservation state are unique for salvage archaeological practice in Israel.

Key words: Jerusalem, salvage excavations, urban archaeology, tell, stratification, archaeology of destruction, domestic archaeology, Abbasid period, Byzantine period, Roman period, Iron Age.

REFERENCES

- Ben Ami D.*, 2011. The Northwestern Slope of the City of David during the Iron Age – Preliminary Findings. *Eretz Israel*, 30, pp. 95–104 (Hebrew).
- Ben-Ami D.*, 2013. Was the City of David Walled in the Iron Age IIA? *City of David – Studies of Ancient Jerusalem*, 8, pp. 31–39.
- Ben-Ami D., Tchekhanovets Y.*, 2008. The Transition between the Byzantine and the Early Islamic Periods in Light of the Excavations of the Givati Parking Lot. *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region*, III. D. Amit, G.D. Stiebel, O. Peleg-Barkat, eds. Jerusalem: Israel Antiquities Authority and the Institute of Archaeology; The Hebrew University of Jerusalem, pp. 64–70 (Hebrew).
- Ben-Ami D., Tchekhanovets Y.*, 2010. Yerusalem, Givati Parking Lot. 2008–2009. Preliminary Report. *Hadashot Arkheologiyot*, 122 (http://www.hadashotesi.org.il/Report_Detail_Eng.aspx?id=1377&mag_id=117).
- Ben-Ami D., Tchekhanovets Y.*, 2011. The Lower City of Jerusalem on the Eve of its Destruction, 70 C.E.: A View from Hanyon Givati. *The Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 364, pp. 61–85.
- Ben-Ami D., Tchekhanovets Y., Bijovsky G.*, 2010. New Archaeological and Numismatic Evidence for the Persian Destruction of Jerusalem in 614 CE. *Israel Exploration Journal*, vol. 60, no. 2, pp. 204–221.
- Ben Ami D., Tchekhanovets Y., Daniel R.W.*, 2013. A Judicial Curse from a Roman Mansion in the City of Da-

- vid. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 186, pp. 227–236.
- Crowfoot J.W., Fitzgerald G.M., 1929. Excavations in the Tyropoeon Valley, Jerusalem, 1927. London: Palestine Exploration Fund. 135 p. (Palestine Exploration Fund annual, 5).
- De Groot A., Ariel D.T., 1992. Excavations at the City of David 1978–1985, Directed by Yigal Shiloh, III. Jerusalem: Institute of Archaeology of the Hebrew University of Jerusalem. 292 p. (QEDEM. Monographs of the Institute of Archaeology, 33).
- De Groot A., Ariel D.T., 1996. Excavations at the City of David 1978–1985, Directed by Yigal Shiloh, IV. Jerusalem: Institute of Archaeology of the Hebrew University of Jerusalem. 352 p. (QEDEM. Monographs of the Institute of Archaeology, 35).
- De Groot A., Bernick-Greenberg H., 2012. Excavations at the City of David 1978–1985, Directed by Yigal Shiloh. Vol. VIIB: Area E: The Finds. Jerusalem: Institute of Archaeology of the Hebrew University of Jerusalem. 424 p. (QEDEM. Monographs of the Institute of Archaeology, 54).
- Kenyon K.M., 1964. Excavations in Jerusalem, 1963. *Palestine Exploration Quarterly*, 96, pp. 7–18.
- Kenyon K.M., 1965. Excavations in Jerusalem, 1964. *Palestine Exploration Quarterly*, 97, pp. 9–20.
- Kenyon K.M., 1966. Excavations in Jerusalem, 1965. *Palestine Exploration Quarterly*, 98, pp. 73–88.
- Kenyon K.M., 1967. Excavations in Jerusalem, 1966. *Palestine Exploration Quarterly*, 99, pp. 65–71.
- Kenyon K.M., 1968. Excavations in Jerusalem, 1967. *Palestine Exploration Quarterly*, 100, pp. 97–111.
- Mazar E., 2006. The Fortifications of Jerusalem in the Second Millennium B.C.E in Light of the New Excavations in the City of David. *New Studies on Jerusalem*, 12. E. Baruch, E. Faust, eds. Ramat-Gan: Bar-Ilan University, pp. 21–28 (Hebrew).
- Reich R., 2011. Excavating the City of David: Where Jerusalem’s History Began. Jerusalem: Israel Exploration Society. 368 p.
- Reich R., Shukron E., 2008. The Date of City-Wall 501 in Jerusalem. *Tel-Aviv*, 35, pp. 114–122.
- Russell K.W., 1985. The Earthquake Chronology of Palestine and Northwest Arabia from the 2nd through the Mid-8th Century AD. *The Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 260, pp. 37–58.
- Shiloh Y., 1984. Excavations at the City of David I, 1978–1982: Interim Report of the First Five Seasons. Jerusalem: Institute of Archaeology of the Hebrew University of Jerusalem. 144 p. (QEDEM. Monographs of the Institute of Archaeology, 19).
- Tchekhanovets Y., 2011. Miniature Icons Box from the Givati Parking Lot Excavations // *New Studies in the Archaeology of Jerusalem and its Region*, V.D. Amit, G.D. Stiebel, O. Peleg-Barkat, eds. Jerusalem: Israel Antiquities Authority and the Institute of Archaeology: The Hebrew University of Jerusalem, pp. 111–123 (Hebrew).

СКИФСКИЕ КУРГАНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ V–IV вв. до н.э.

© 2015 г. Т.М. Кузнецова

Институт археологии РАН, Москва (*tamulya-kuznecova@yandex.ru*)

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы скифской археологии, связанные с реконструкцией хронологии правления скифских царей, известных по “Истории” Геродота. Особое внимание обращается на методику сопоставления сведений письменных источников о скифских царях с археологическими данными. Показано, что отступления от рассмотренной методики могут привести к искажению искомого результата, и подчеркивается, что в подобных сопоставлениях приоритетной должна оставаться дата кургана, базирующаяся на хронологии комплекса, так как только она позволяет связать археологию и историю Скифии.

Ключевые слова: скифы, генеалогия, династия, хронология, цари, курганы, гробницы.

Генеалогия скифских царей и их судьбы, представленные в письменных источниках, неоднократно привлекали внимание исследователей (Смолин, 1915; Граков, 1950; Куклина, 1971; Кузнецова, 1984).

В “Истории” Геродота приведены данные о трех скифских династиях: Прототий (Бартатуа) → Мадий (Herod. I, 103); Спаргапиф → Лик → Гнур → Савлий → Иданфирс (Herod. IV, 76); Ариапиф → Скил → Октамасад и Орик-? (Herod. IV, 78–80), последняя из которых чаще всего сопоставляется с могилами кургана “Солоха” (Манцевич, 1987. С. 118; Алексеев, 1992. С. 27; 1994. С. 7–9; 1996; 2003. С. 229; Alekseyev, 2005. Р. 47–53; Кузнецова, 2001. С. 141–150; 2012. С. 45–51; Болтрик, 2001; Скорый, Ромашко, 2009. С. 177).

Информация об этой династии передана Геродотом¹ следующим образом: “... у **Ариапифа**, царя скифов, был в числе других сыновей **Скил**. Он родился от женщины из Истрии... **Ариапиф** был предательски убит..., а **Скил** наследовал царскую власть и жену отца, имя которой было **Опойя**. Эта **Опойя** была местной уроженкой, и от нее у **Ариапифа** был сын **Орик**. Управляя скифами, **Скил** отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но... был склонен к эллинским обычаям...” (Herod. IV, 78).

“Пожелал он [**Скил** – Т.К.] быть посвященным в таинства Диониса Вакхического” (Herod. IV, 79).

«...После этого... скифы восстали против него, поставив во главе его брата **Октамасада**, рожденного от дочери **Тера**. [**Скил**] же, узнав о том...

убегает во Фракию. А **Октамасад**, услышав об этом, пошел на Фракию войной... Прежде чем они схватились, **Ситалк** послал к **Октамасаду** сказать следующее: “Зачем мы должны испытывать [силу] друг друга? Ты – сын моей сестры и у тебя мой брат. Отдай же мне его, и я передам тебе твоего **Скила**”... Ведь у **Октамасада** находился брат **Ситалка**, бежавший от него. **Октамасад** соглашается с этим и, выдав своего дядю... **Ситалку**, получил брата **Скила**. И **Ситалк**, взяв брата, увел его с собой. **Скилу** же **Октамасад** там же на месте отрубил голову...” (Herod. IV, 80).

Хронология правления скифских царей была реконструирована В.Ф. Смолиным, который применил систему условного 30-летнего расчета по поколениям, определив для Ариапифа и Скила 25-летний срок царствования, поскольку они “умерли не своей смертью”, и, учтя возможный перерыв в династийной линии между Иданфирсом и Ариапифом², получил следующие даты: Ариапиф – 500–475 или 480–465 гг. до н.э.; Скил – 475–450 или 465–450 гг. до н.э.; Октамасад – 450–420 гг. до н.э. (Смолин, 1915. С. 390–394).

Вероятное время смерти скифских владык рассчитано и А.Ю. Алексеевым: Ариапиф – в интервале 475–460 гг. до н.э. или около 470–460 гг. до н.э.; Скил – около 460–440 или 450 гг. до н.э.; Октамасад и Орик – позднее 440/430 гг. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 224, 226; Alekseyev, 2005. Р. 45).

Полученные даты смерти представителей династии Ариапифа более всего соответствуют времени

¹ Текст “Истории” Геродота приведен по: Доватур, Каллистов, Шишова, 1982.

² Исходя из этого вычислена вторая дата правления Ариапифа и Скила (Смолин, 1915. С. 394).

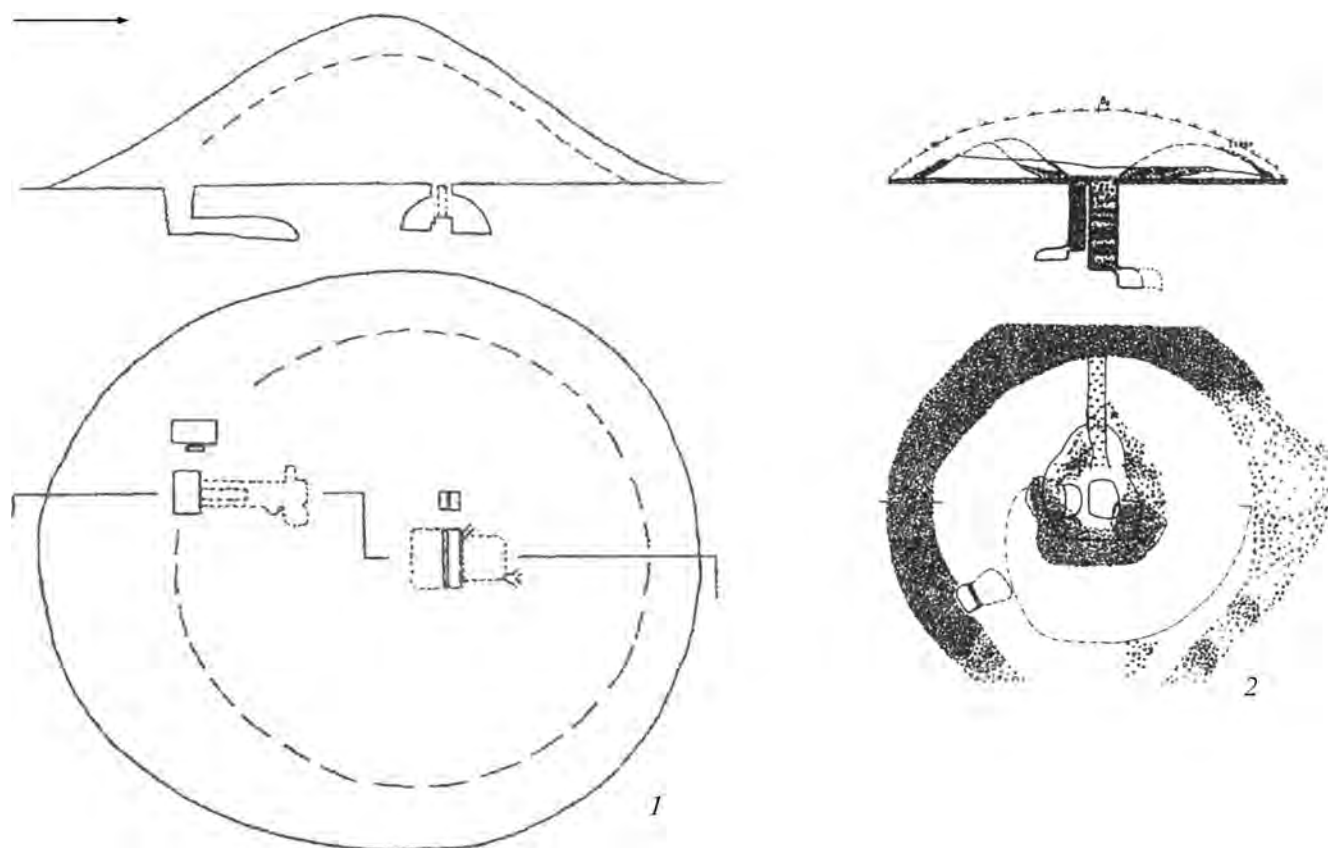

Рис. 1. Планы и разрезы курганов: 1 – “Солоха” (Манцевич, 1987. С. 8. Рис. 2) и 2 – “Бердянский” (Болтрик, Фялко, Чердынченко, 1994. С. 141, 142. Рис. 1, 2).

возведения кургана “Солоха”. Этот курган является самым грандиозным сооружением второй половины V – первых десятилетий IV в. до н.э. (рис. 1, 1) в степной зоне Северного Причерноморья (высота для “центрального”/раннего погребения – 15 м, для “бокового”/позднего – 18 м).

Находки в ранней могиле “Солохи” серебряного килика с надписью ‘ΛΥΚΟ’, а в поздней – амфоры с граффито ‘ΛΥ’, позволили А.П. Манцевич связать курган с одной семьей, объединенной именем ‘Λύκος’, известным из “Истории” Геродота (Herod. IV, 76), и допустить, что оба человека, захороненные в “Солохе”, были родственниками – “либо братьями, либо сыном и отцом” (Манцевич, 1987. С. 117–118).

А.Ю. Алексеев предпринял попытку отождествить могилы “Солохи” с усыпальницами сыновей царя Ариапифа: ранняя – конец V в. до н.э. – для Орика, а боковая “царская” – первая четверть IV в. до н.э. – для Октамасада (Алексеев, 1996. С. 105; 2003. С. 229).

Исследователь отметил, что “из двух могил Солохи древнейшая скорее могла бы принадлежать Орику”, основанием для чего послужило заключе-

ние “об относительно менее высоком ранге погребенного там человека и отсутствии сведений о царствовании... младшего сына Ариапифа” (Алексеев, 2003. С. 232). Однако из этого следует, что самый высокий курган V в. до н.э. в Скифии был сооружен для представителя царской династии, статус которого был ниже уровня главы скифского социума, а более поздняя “царская могила” являлась лишь вторичным захоронением.

Вслед за А.Ю. Алексеевым интерпретация принадлежности могил “Солохи” была предпринята мной и Ю.В. Болтриком (Кузнецова, 2001. С. 141–150; Болтрик, 2001. С. 29–31).

Ю.В. Болтрик, рассмотрев археологическую ситуацию в зоне степей Северного Причерноморья, поддержал раннюю гипотезу А.Ю. Алексеева, по которой “Октамасаду нет места в Солохе” (Алексеев, 1992. С. 127), предполагая, что в кургане лежат отец и сын: в первичной могиле – Орик, а во второй – его наследник, вероятно, старший брат Атея (Болтрик, 2001. С. 29–31). Позднее, правда, исследователь допустил, что в “Солохе” могли покоиться Октамасад или Скил (?) (Болтрик, 2011. С. 104. Рис. 2), но в настоящее время вновь вернулся к идее

Рис. 2. Бляшки: 1, 2 – поздняя могила “Солохи” (Алексеев, 2012. С. 160); 3–5 – “Бердянский” (Tesori delle Steppe, 1995. P. 95. Cat. 49).

о возможном захоронении в этом кургане Орика и его наследника (Болтрик, 2013. С. 195. Рис. 2).

По мнению Ю.В. Болтрика, “начиная с Ариапифа, скифы хоронили своих царей в районе Никитско-Каменской переправы на Днепре вдоль

трансскифской магистрали”, унося “каждого последующего царя по магистрали все дальше в степь по обе стороны от реки”.

С опорой на даты амфорного материала, Ю.В. Болтрику удалось “градуировать главную ма-

гистраль Скифии, используя ключевые памятники” и ввести “в круг претендентов на гробницу царя курган у с. Вел. Знаменка, раскопанный Д.Я. Самоквасовым в 1884 году”. Поскольку это “наибольший (выс. 7 м) курган первой половины V века”, он, по мнению исследователя, своими параметрами, уровнем престижа погребального инвентаря и временем сооружения, “может рассматриваться в качестве усыпальницы Ариапифа. Далее в степь за ним находится курган Солоха” (Болтрик, 2001. С. 29–31).

Ранее и мной уже было высказано мнение о том, что курган “Солоха” перекрывал могилы Ариапифа и Октамасада, тогда как погребение Орика предполагалось на территории того скифского социума, к которому принадлежала его мать – Опойя (Кузнецова, 2001. С. 149).

С вероятным местом захоронения Орика и Опойи был соотнесен “Бердянский” курган (рис. 1, 2), поскольку он имеет абсолютное тождество с “Солохой” в конструкции центральных могил и в наличии идентичных бляшек – “два скифа с сосудом в форме рога” (выполнены по одной матрице или одним штампом: Фіалко, 2001. С. 299) – в боковой могиле “Солохи” и центральном погребении “Бердянского” кургана, не выявленном для других курганов, что, видимо, свидетельствует не только о синхронности памятников, но и о родстве между погребенными в них людьми.

Прежде уже отмечалось, что сюжет на бляшках (рис. 2) воспроизводит не сцену “братания”, как это нередко интерпретируется (Фіалко, 2001. С. 298 и др.), или какой-то иной момент бытового или культового характера (Бессонова, 1983. С. 64; Алексеев, 2012. С. 160), а символизирует “двоецарствие”, отражая правление двух царей в Скифии (Кузнецова, 2001. С. 148). Изображение ритона в руках двух коленопреклоненных персонажей противоречит данным о церемонии “побратимства” у скифов, ибо в этом обряде (Herod. I, 70, 74) использовался килик (Манцевич, 1987. С. 64; Кузнецова, 2001. С. 146, 147).

Предполагалось, что различия в позах скифов на бляшках (левая фигура стоит на коленях, правая – только на левом колене: рис. 2, 1–4) свидетельствуют об отличиях в их статусе (младший и старший базилиевсы: Кузнецова, 2012. С. 46). Однако, возможно, так изображались младший и старший братья, поскольку на втором варианте бляшек из “Бердянского” кургана оба персонажа представлены в близких, уравнивающих их, позах (рис. 2, 5), что также может указывать на правление в Скифии двух царей, разделивших между собой власть, – Октамасада и Орика.

Поскольку из “Истории” Геродота известно, что Опойя осталась царицей даже после смерти Ариапифа и лишь ее сын – Орик являлся наследником двух правителей, предполагалась значительная роль этой женщины в истории Скифии, отчего ее смерть могла пагубно отразиться на судьбе Орика, лишив его последней опоры рядом с Октамасадом. Исходя из этого и возникла гипотеза о вероятном захоронении знатной скифянки вместе с сыном на землях своего рода (при жизни Октамасада) в “Бердянском” кургане (Кузнецова, 2001. С. 149).

Предположение о погребении Ариапифа в ранней гробнице “Солохи”, а Орика и Опойи – в “Бердянском” кургане вызвало возражения со стороны Ю.В. Болтрика и А.Ю. Алексеева, поскольку оба исследователя посчитали, что время сооружения центральной гробницы “Солохи” (420–400 гг. до н.э.) на несколько десятилетий позже вычисленной ранее (475/470–460 гг. до н.э.) условной даты гибели царя Ариапифа (Болтрик, 2001. С. 29–31; Алексеев, 2003. С. 227, 229–230).

Однако, исходя из расчетов, обусловленных находками в Никонии (Роксоланское городище) монет с именем Скила, и время правления, и время гибели Ариапифа может быть определено иначе (Кузнецова, 2004. С. 141–143).

Время царствования Скила в Скифии исследователи относят ко второй четверти V в. до н.э. (Виноградов, 1980. С. 104; Карышковский, 1987. С. 68) или к 470–440 гг. до н.э. (Виноградов, 1989. С. 120–121; Алексеев, 2003. С. 292), а время выпуска монет – к первой половине V в. до н.э. (Карышковский, 1987. С. 66–67; Загинайло, 1990. С. 71), к рубежу первой – второй четвертей V в. до н.э. (Загинайло, 1989. С. 29; Загинайло, 1991. С. 59), ко второй половине 70-х годов V в. до н.э. (Загинайло, Карышковский, 1990), либо к 470–450 гг. до н.э. (Виноградов, 1989. С. 120) и предполагают выпуск монет в период царствования Скила.

Поскольку монеты с именем Скила пока известны исключительно в Никонии, можно допустить их возможное обращение не во время царствования Скила, как принято считать, т.е. после смерти Ариапифа, а еще при жизни последнего, так как не исключено, что Скил был связан с Никонием как ставленник Ариапифа, а не как скифский царь, отчего выпуск монет мог “опережать” время его правления и был связан только с Никонием (Кузнецова, 2004. С. 141–143). Иначе трудно объяснить находки этих монет лишь в одном греческом городе.

С опорой на даты, маркирующие прекращение выпуска монет с именем Скила, гибель Ариапифа и приход Скила к власти можно предположительно ограничить временем около 450 г. до н.э. (Кузнецова, 2012. С. 47). В этом случае царствование Скила в Скифии определяется периодом между 450 и 425 гг. до н.э., если следовать предположению В.Ф. Смолина о том, что его правление продолжалось около 25 лет (Смолин, 1915. С. 392). Указанный хронологический диапазон не противоречит ни дате гибели одрисского царя Ситалка (424 г. до н.э.) в войне с трибаллами (Thuc. IV, 101. 4), у которого ранее Скил спасался бегством от Октамасада (Herod. IV, 80), ни возможному времени посещения Геродотом Ольвии (в интервале 455–444 гг. до н.э., но не позднее 431 г. до н.э.; см. библиографию вопроса: Алексеев, 2003. С. 222–223). Однако последняя дата может несколько уточнить время пребывания Скила у власти, ограничив его 450–431 гг. до н.э. Близкая дата, указывающая на последние годы правления Скила (430 г. до н.э.), была получена Д. Ботевой-Бояновой, рассмотревшей по данным письменных источников проблемные вопросы истории Фракии конца VI–V в. до н.э., и фрако-скифские взаимоотношения в частности (Ботева-Боянова, 2000. С. 14–16).

По всей видимости, преждевременная смерть отца определила для Скила статус царя (Herod. IV, 78–79), который предназначался Орику.

Вероятно, именно Орик должен был наследовать Ариапифу и как чистокровный скиф, что было важно в скифском социуме, так как даже “слуг” для жертвоприношения царю после его смерти выбирали из числа “природных скифов” (Herod. IV, 72), и, видимо, как младший сын, поскольку, согласно легендам, именно младшему удавалось получить власть над Скифией (Herod. IV, 5, 8–10). Но Орик, когда произошло убийство Ариапифа, возможно, не достиг возраста, необходимого для получения власти, в связи с чем Скил стал бацилевсом, узаконив царский титул женитьбой на жене своего отца – матери Орика, что делало последнего не только наследником Скила, а и закрепляло право Орика на наследство Ариапифа – Скифию.

Несмотря на то, что Скил был убит далеко от Скифии, для него, как для правившего царя, должны были возвести персональную усыпальницу. Однако вероятность его захоронения в “Солохе” по ряду различных аргументов была исключена (Кузнецова, 2001. С. 146).

Реконструкция насыпи “Солохи” показывает, что первичная/ранняя могила оказалась несколько

смещенной относительно центра (рис. 1, 1)³. Возможно, что сооружение “боковой” могилы планировалось заранее в соответствии с прижизненным социальным статусом лица, для которого и была сделана более поздняя усыпальница. Таким человеком мог быть царский сын, наследование власти которым, а соответственно и возведение индивидуального кургана, не предполагалось, т.е. Скил или Октамасад, вероятно старшие царские дети, но не чистокровные скифы.

Однако они оба пришли к власти, но Скил получил ее законным путем, а Октамасад – в результате “дворцового переворота” (Кузнецова, 1984. С. 11–15).

Значительное увеличение высоты и объема насыпи “Солохи” (после совершения захоронения в боковую могилу) может свидетельствовать о том, что погребенный в нее носил царский титул, но в силу определенных обстоятельств не был удостоен возведения отдельного кургана, что, помимо уже приведенных ранее аргументов (Алексеев, 1996. С. 100–107; Кузнецова, 2001. С. 146), действительно может связывать этот погребальный памятник с усыпальницей Октамасада – царя, правившего в Скифии, но получившего власть незаконно (Кузнецова, 1984. С. 14–15).

Практически “Солоха” объединяет два кургана и возведение более позднего из них, с одной стороны, не нарушает скифские погребальные традиции (Herod. IV, 71), а с другой – подчеркивает особенности воцарения Октамасада.

Гибель Скила от руки сводного брата могла вновь изменить и социальное положение Орика, что предположительно связывается с началом совместного правления его и Октамасада.

В данном случае, когда поздняя могила “Солохи” трактуется как усыпальница Октамасада, погребенного не в специальном кургане, поскольку это царь-узурпатор, но со всеми присущими ему регалиями – и царскими, и воинскими (Кузнецова, 2001. С. 146), следует подчеркнуть, что ряд признаков, которые частично уже упоминались, могут указывать на родственные связи между лицами, похороненными в курганах “Солоха” и “Бердянский”, позволяя сопоставить эти курганы и предположить, что в “Бердянском” покоем именно Орик.

О возможном родстве свидетельствует как общее сходство в конструкции центральных погребальных камер и в составе сопроводительного инвентаря

³ А.П. Манцевич отмечала, что чертежи в отчетах о раскопках “Солохи” неточны (Манцевич, 1987. С. 6, 7), однако уточнение расположения могил под насыпями кургана возможно только после его исследования.

обоих курганов, которое уже отмечалось исследователями (Алексеев, 1992. С. 148; Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994. С. 154, 155; Алексеев, 2003. С. 261, 262), так и идентичность бляшек с изображением двух скифов “с сосудом в виде рога”, а также сходство формы больших бронзовых котлов, имевших две пары ручек (вертикальные и горизонтальные), из поздней могилы “Солохи” и “Бердянского” кургана, поскольку котлы отражали, видимо, не только социальную, но и родовую принадлежность (Кузнецова, 2008. С. 173–198).

На это же указывает и оппозиция: больший = старший/Октамасад (“Солоха”) ↔ меньший = младший/Орик (“Бердянский”), что подтверждается наличием в “Бердянском” кургане: бляшек, тождественных солохским, но только малого варианта; котла, идентичного по форме солохскому, но меньшего размера, а также меньшая высота “Бердянского” кургана (~ 8.4 м) в сравнении с “Солохой” (18 м).

При этом Орик, социальный статус которого был, видимо, очень высок (“чистокровный” скиф – сын скифского царя, брат и пасынок другого царя, законный наследный принц), погребен в центральной могиле “Бердянского” кургана, а Октамасад (царь-узурпатор), которому потребовался бунт и убийство царя для захвата власти, – в “боковой” гробнице “Солохи” (Кузнецова, 2001).

Вместе с тем общая глубина, на которой располагались центральные захоронения в обоих курганах (относительно вершины), уравнивает раннее погребение “Солохи” (высота (15 м) + глубина (~ 6 м) = 21 м; диаметр ~ 50 м) с могилей “Бердянского” кургана (высота (8.4 м) + глубина (12.5 м) = 20.9 м; диаметр ~ 51 м), что может свидетельствовать не только о близком социальном статусе, но и о родстве традиций в строительстве курганов, учитывая сходство погребальных сооружений. А поскольку в данном случае предполагается, что в раннюю могилу “Солохи” был погребен скифский царь Ариапиф, то выявленное сходство, хоть и косвенно, подтверждает возможность захоронения в центральную могилу “Бердянского” кургана его прямого наследника – Орика.

Возражая против предположения о захоронении матери Орика – Опойи в Восточную (одновременную с центральной) могилу “Бердянского” кургана, которая связывается исследователями с погребением “жрицы” (Чередниченко, Фиалко, 1988; Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994. С. 153), Ю.В. Болтрик отметил, что в Восточной могиле этого кургана были захоронены “зависимые лица” (Болтрик, 2001. С. 29–30). Однако если мать царя могла быть

“зависимым лицом”, то жрица⁴ – вряд ли. В связи с этим следует заметить, что в этнографической литературе не удалось найти фактов, подтверждающих возможность захоронения людей, отправлявших культовые церемонии, на одном сакральном пространстве с остальными представителями социума, и тем более в “сопутствующих” усыпальницах, тогда как примеры изоляции таких могил отмечены для населения, имевшего различное вероисповедание (Дьяконова, 1975. С. 77, 116).

О том, что в “Бердянском” кургане погребена не Опойя, свидетельствуют антропологические данные, показывающие, что в Восточной могиле покоилась “нерожавшая женщина, имевшая нарушения опорно-двигательного аппарата”⁵, однако этот факт не может служить доказательством того, что в главной могиле погребен не Орик, поскольку связь между “Бердянским” курганом и “Солохой” устанавливается, как показано выше, по другим критериям.

Утверждение А.Ю. Алексеева о том, что “Бердянский” курган сооружен “несомненно, позднее Солохи” (Алексеев, 2003. С. 229–230), поддержанное С.А. Скорым и В.А. Ромашко (Скорый, Ромашко, 2009. С. 176), верно лишь в отношении центральной/ранней гробницы, но противоречит некоторым датам, в частности датам самого А.Ю. Алексеева, касающимся боковой/поздней могилы “Солохи”.

В “Солохе”, по мнению исследователя, вещевой состав «первичной могилы дает... основание датировать “ядро” этого погребального комплекса в целом приблизительно 420–400 гг. до н.э., но все же ближе к 400 г.» (Алексеев, 2003. С. 260), а в отношении совершения вторичного погребения “позволяет предложить широкую археологическую дату ~ 400–375 гг. до н.э.” (Алексеев, 2003. С. 261). Амфорный комплекс “впускной могилы” кургана “Солоха” датируется С.Ю. Монаховым 80-ми гг. IV в. до н.э. (Монахов, 1999. С. 243).

При этом А.Ю. Алексеев поддерживает дату сооружения всех одновременных могил “Бердянского” кургана, определяющуюся исследователями “по керамическому, прежде всего амфорному, материалу” в пределах 380–365 гг. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 261).

Учитывая “независимые” данные, исследователь отмечает, что “для Солохи комбинированная дата центрального погребения (2333±28 ВР) дала калиброванный возраст 404–385 гг. до н.э. (1 σ) и наибо-

⁴ Идея о наличии жрецов у скифов – гипотеза, не имеющая подтверждения в письменных источниках.

⁵ Благодарю Ю.В. Болтрика и С.И. Круц за возможность использовать неопубликованные данные.

лее вероятный интервал 420–350 гг. до н. э. (2 σ), а комбинированная дата боковой могилы (2325 \pm 18 BP) – 400–389 гг. до н. э. (1 σ) и 404–380 гг. до н. э. (2 σ). Общая же комбинированная дата для кургана Солохи 2327 \pm 15 BP, что соответствует 400–391 гг. до н. э. (1 σ) и 403–383 гг. до н. э. (2 σ). Комбинированная радиоуглеродная дата (2334 \pm 38 BP) по костям животных дает калиброванный возраст Бердянского кургана с наибольшей вероятностью в пределах 420–360 гг. до н. э. (1 σ) и, шире, 550–350 гг. до н.э. (2 σ)” (Евразия..., 2005. С. 199–201).

Приведенная информация не позволяет говорить о том, что в боковую могилу “Солохи” погребение было совершено “безусловно” раньше, чем в “Бердянский” курган.

Дата совершения захоронения в позднюю могилу “Солохи” устанавливается в настоящее время в пределах первой четверти IV в. до н.э. по наиболее поздним предметам с учетом хронологии античной керамики (Алексеев, 2003. С. 260–261; Бидзиля, Полин, 2012. С. 515), что не вызывает возражений.

Однако дата раннего погребения в кургане, определяющаяся концом V в. до н.э., практически “подтягивается” исследователями к этому периоду, исходя из наблюдения об отсутствии в курганах скифской знати Северного Причерноморья примеров, указывающих на большую разницу в датировках могил, обнаруженных под одной курганной насыпью (Манцевич, 1987. С. 118–119; Алексеев, 2003. С. 260; Бидзиля, Полин, 2012. С. 515), что вряд ли может служить хронологическим репером.

Исследование вещевого комплекса из центральной могилы “Солохи” показывает, что время ее сооружения, учитывая поздний материал, действительно может быть определено в пределах второй половины V в. до н.э., но все же ближе к ее началу. Об этом позволяет говорить как изображение пальметты на тележке (рис. 3, 1, 2), дата которой – первая половина или середина V в. до н.э. (Манцевич, 1987. С. 37–39. Кат. 10), так и конструкция котла (рис. 4, 1), объединяющая его по “орнаментации” с архаическими предметами VI в. до н.э. (рис. 4, 2, 3), по форме ручек – с экземплярами классического периода (характерны для IV в. до н.э.: рис. 4, 4), а по форме тулова близкая и “архаическим” (рис. 4, 2), и “классическим” (рис. 4, 4) сосудам (дата котла определена V в. до н.э., исходя из его возможного “долголетия”: Манцевич, 1987. С. 37).

О том же свидетельствует и дата серебряного позолоченного килика (рис. 5, 1)⁶, аналогия которому,

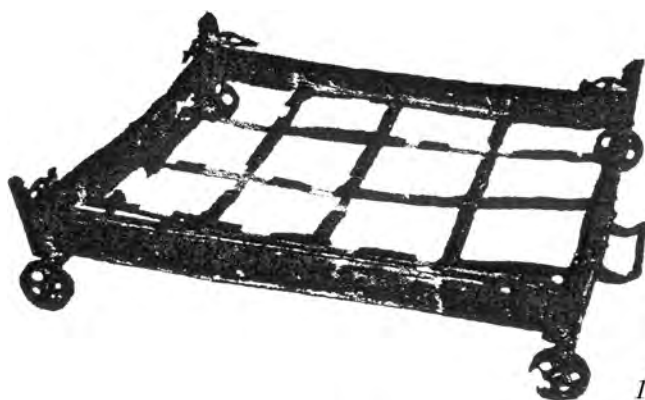

Рис. 3. Тележка с изображением пальметты из центрального погр. кургана “Солоха” (Манцевич, 1987. С. 38. Кат. 10; Онайко, 1970. С. 163. Табл. XVIII. № 419).

приведенная А.П. Манцевич (рис. 5, 2)⁷, датируется (по стилю изображений) в интервале между 440 и 430 гг. до н.э. (Горбунова, 1971. С. 19–20).

Самым близким к солохскому килику является сосуд с надписью “ΣΚΥ” из гробницы у с. Чернозем в Болгарии, время сооружения которой датировано

⁶ А.П. Манцевич писала, что дата солохского килика (конец V в. до н.э.) устанавливается “по килику из Башовой Могилы” (Манцевич, 1987. С. 35). Однако материалы по исследованию “Башовой Могилы” показывают, что датировка А.П. Манцевич основана не на дате килика, а на времени сооружения памятника, соотношенного (в соответствии с датой краснофигурной гидрии) с последним десятилетием V в. до н.э. (Велков, 1932. С. 25).

⁷ Благодаря А.Ю. Алексеева за предоставление новых фотографий килика и бляшки из “Солохи”.

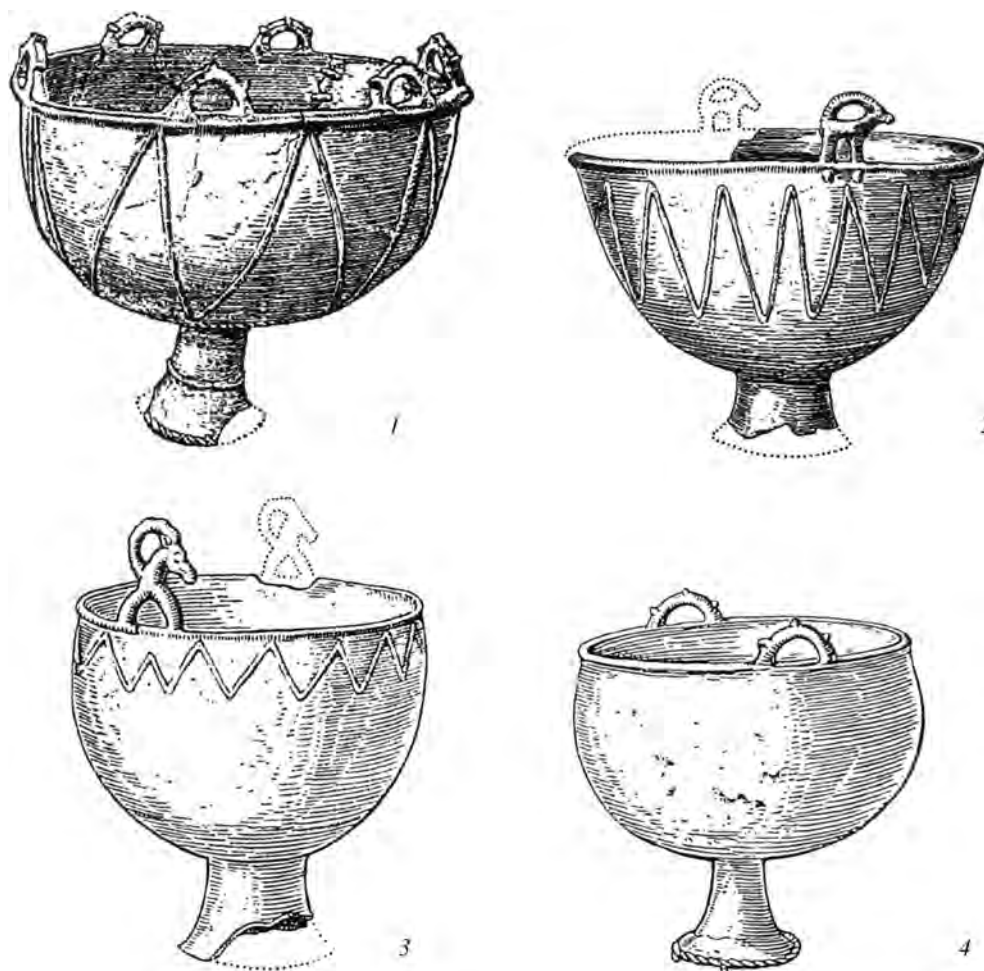

Рис. 4. Котлы: 1 – “Солоха”, центральное погр., 2, 3 – Келермес, кург. 2/Ш, 4 – “Солоха”, боковое погр. (Манцевич, 1961. Рис. 1, 5, 6, 11).

последней четвертью V в. до н.э. в соответствии с датой (430 г. до н.э.) краснофигурной гидрии (Шалганова, 2010. С. 81).

Сопоставление всей известной в Причерноморье совокупности киликов, изготовленных из серебра и украшенных позолотой, позволило предположить, что солохский экземпляр может относиться ко времени не позднее второй четверти V в. до н.э.⁸

Рассмотренный материал показывает, что дата ранней могилы “Солохи” и предполагаемое время гибели Ариапифа (около 450 г. до н.э.) не так значительно расходятся, как это представляется коллегам.

Однако, несмотря на имеющиеся разногласия в вопросах о возможном времени и месте захоронения представителей династии скифского царя Ариапифа, все, занимающиеся этими вопросами

исследователи, придерживаются единого и единственно правильного принципа – идти от наиболее известного к неизвестному, т.е. от археологической даты комплекса к идентификации погребенных, с которыми эти комплексы могли быть связаны.

Несколько иной подход продемонстрировали в своем исследовании С.А. Скорый и В.А. Ромашко, где династическая хронология скифских царей затронута в связи с раскопками кургана “Близнец-2” (Ромашко, Скорый, 2009. С. 100–109; Скорый, Ромашко, 2009. С. 173–178).

Рассмотрев материалы, связанные с этим курганом, одним “из самых масштабных (после Солохи)”, по мнению авторов, “скифских аристократических курганов V в. до н.э.” в степном регионе Северного Причерноморья, исследователи отметили, что “сохранившиеся предметы, конструктивные особенности кургана и детали похоронного ритуала позволяют датировать памятник временем не позже конца V в. до н.э.” и соотнести его с усыпальницей

⁸ Подробно этот вопрос рассмотрен в специальной работе, подготовленной к публикации (Кузнецова, в печати).

Рис. 5. Килики: 1 – “Солоха” (Алексеев, 2012. С. 126), 2 – “Башова Могила” (Венедиков, Герасимов, 1973. С. 97, 98. № 173, 174).

особы царского ранга (Скорый, Ромашко, 2009. С. 174).

В соответствии с методикой, предложенной А.Ю. Алексеевым и поддержанной коллегами, исследователи пришли к заключению, что “хронологические позиции кургана, возраст похороненного мужчины, ... позволяют ... поставить вопрос о соотношении скифского владыки, погребенного в кургане, с конкретным историческим лицом – представителем скифской династии, имя которого известно из нарративных источников” в списке имен “скифских правителей 2-й половины V в. до н.э., которые называет Геродот” (Скорый, Ромашко, 2009. С. 174).

Предприняв беглый анализ работ, связанных с попытками сопоставления археологических и исторических данных, исследователи пришли к выводу, что “ныне нет убедительных оснований соотносить место захоронения Орика с первичной гробницей Солохи, тем более – Бердянским курганом” (Скорый, Ромашко, 2009. С. 174).

Относительно кургана “Солоха” С. А. Скорый и В. А. Ромашко высказали предположение о том, что ее древнейшая гробница была сооружена для Октамасада, “о котором однозначно сообщается как о царе скифов (вероятно, верховном) и время правления которого вполне синхронизируется с датой первичной гробницы”, а поздняя – для его наследника, “о котором сведений в исторических хрониках не сохранилось” (Скорый, Ромашко, 2009. С. 177).

Заострив свое внимание на погребенном в кургане “Близнец-2”, но не представив дополнительных разъяснений, кроме указанных выше, исследователи сочли возможным предложить в качестве новой версии – считать этот курган “усыпальницей

Орика, младшего сына царя Ариапифа”. Местоположение этого погребального памятника “к северу от области Геррос⁹, где (по Геродоту) хоронили скифских царей”, объясняется авторами раскопок тем, “что Орик не был *верховным* царем скифов, каковым, очевидно, являлся представитель скифской элиты, погребенный в первичной могиле Солохи. Он мог быть *одним из басилевсов*, управляющим определённой частью Скифии (на землях которой его и похоронили)” (Скорый, Ромашко, 2009. С. 177).

Однако исследователи, поставив перед собой задачу “уточнить дату совершения захоронения в кургане, оперируя возможной датой смерти Ариапифа (460 г. до н.э.) и возрастом скифского вельможи, погребенного в Близнец-2 (25–30 лет)”, определили, что “сооружение кургана Близнец-2, а соответственно, и предполагаемое время захоронения Орика, находится в интервале 440–435 гг. до н.э.” (Скорый, Ромашко. 2009. С. 177).

Исходя из этого, основное внимание хотелось бы уделить не столько критике умозаключений по поводу возможных захоронений потомков Ариапифа в курганах Скифии, сколько оценке системы расчетов, предложенных С.А. Скорым и В.А. Ромашко.

Система вычислений С.А. Скорого и В.А. Ромашко базируется на следующих показателях: Т – вероятная дата смерти Ариапифа (460 г. до н.э.); В – возраст погребенного в кургане “Близнец-2” (неизвестный 25/30-летний мужчина-воин).

⁹ Вопрос о местонахождении этой области до настоящего времени не решен и является предметом дискуссии.

В результате того, что исследователи, по всей видимости, вычли из предполагаемой даты смерти литературного персонажа – Ариапифа ($T \approx 460$ г. до н.э.) реальный возраст неизвестного погребенного в кургане “Близнец-2” ($B = 25/30$ лет), получилась якобы уточненная дата (D) сооружения кургана ($D = T - B = 440/435$ гг. до н.э.), но почему она получилась именно такой, а не $D = 435/430$ гг. до н.э., авторы не объяснили, хотя догадаться можно.

Однако дело не в условности данных, которыми оперируют С.А. Скорый и В.А. Ромашко, и не в арифметических огрехах, а в том, что действия такого рода недопустимы с математической точки зрения, поскольку предпринятая исследователями операция с числовыми значениями не имеет математического смысла даже при наличии безусловных фактов.

Для того, чтобы это показать, следует обратиться к простейшему примеру. Известно, что: 1) два человека (Ч1) и (Ч2), одногодки, имеют возраст 65 лет ($B = 65$); 2) отец первого умер в 1970 году; 3) отец второго умер в 1993 году.

В соответствии с расчетами С.А. Скорого и В.А. Ромашко (год смерти отца + возраст ребенка)¹⁰ получается, что два человека (Ч1 и Ч2), будучи ровесниками, живут в разное время: Ч1 = $1970 + 65 = 2035$ г. и Ч2 = $1993 + 65 = 2058$ г., а это, безусловно, является абсурдом. Даже, если Ч1 и Ч2, будучи ровесниками, умрут в один год, то, согласно “методике” С.А. Скорого и В.А. Ромашко, эти события будут датированы разными годами, что также абсурдно.

Приведенный пример иллюстрирует тот факт, что дата смерти сына и дата смерти отца – независимые величины, в отличие от даты рождения сына, которая связана со временем жизни и смерти отца непосредственно.

В предшествующих работах “методика расчетов” С.А. Скорого и В.А. Ромашко названа “апофегеем”¹¹ скифской хронологии” (Кузнецова, 2011; 2012. С. 49), поскольку этот термин достаточно точно определяет суть явления, отражающего современные подходы к археологическому датированию, а его применение вызвано желанием не допустить подобного в дальнейшем, так как обсуждаемая формула может быть использована и иначе¹².

¹⁰ Складываем, поскольку оперируем данными нашей эры.

¹¹ Апофегей = апофеоз + апогей (апофеоз – восхваление какого-нибудь лица или события; апогей – верх, вершина, максимум); термин заимствован: Поляков, 2010.

¹² Имея на вооружении эту формулу ($T - B = D$), любой не очень добросовестный исследователь может посчитать продолжительность жизни любого погребенного ($B = T - D$) в любом кургане, даже когда отсутствуют антропологические

Представленный материал показывает, что такой “метод” в хронологических определениях может привести не к “уточнению”, а к искажению искомого результата, поскольку смерть Орика могла наступить во множестве интервалов, рассчитанных от возможной даты смерти Ариапифа, что не имеет связи ни с захоронением в “Близнец-2”, ни с любым другим курганом.

Однако, если и удастся показать, что погребенный в кургане “Близнец-2” – Орик, дату его смерти, а стало быть, и дату сооружения кургана, не следует рассчитывать по “методу”, представленному в работах С.А. Скорого и В.А. Ромашко (Ромашко, Скорый, 2009. С. 100–109; Скорый, Ромашко, 2009. С. 173–178). В построениях такого плана приоритетной должна оставаться дата кургана, базирующаяся на хронологии комплекса сопроводительного инвентаря и определенная В.А. Ромашко и С.А. Скорым на высоком профессиональном уровне (Ромашко, Скорый, 2009), что позволяет связать археологию и историю Скифии.

Большие перспективы для подобной работы открывает исследование Ю.В. Болтрика, представившего хронологическую, социологическую и географическую систематизацию “погребального массива Скифии” (Болтрик, 2013. С. 193–202).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–V вв. до н.э. Историко-археологический очерк). СПб.: Петербургкомстат, 1992. 206 с.
- Алексеев А.Ю. К идентификации погребений кургана Солоха // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: тез. докл. междунар. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. II. Запорожье: Запорожский ГУ, 1994. С. 7–9.
- Алексеев А.Ю. Скифские цари и “царские” курганы V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 1996. № 3. С. 99–113.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.
- Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 271 с.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наук. думка, 1983. 137 с.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Издательский дом “Скиф”, 2012. 751, 64 с.

данные, для чего достаточно произвольно соотнести курган с каким-либо историческим персонажем. Для математика это может послужить поводом упрекнуть специалистов по истории в недостоверности хронологических вычислений (вспомним “новую хронологию” А.Т. Фоменко).

- Болтрик Ю.В.* Поиск усыпальниц Ариапифа и его сыновей // *Ольвія та античний світ: матеріали наукових читань присвячених 75-річчя утворення історико-культурного заповідника "Ольвія" НАН України.* Київ, 2001. С. 29–31.
- Болтрик Ю.В.* Элитные курганы как маркеры территориальной структуры Скифии // *Recherches Archéologiques. Nouvelle Serie 3, Kraków, 2011.* С. 101–112.
- Болтрик Ю.В.* Территориальные центры Скифии // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время* / Ред. А.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону: "ООО Лаки-Пак", 2013. С. 193–202.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., Чередниченко Н. Н.* Бердянский курган // *РА.* 1994. № 4. С. 140–155.
- Ботева-Боянова Д.* Проблемы на тракийската история и култура. Нов поглед върху сведения на Херодот и Тукидид. София: Издателска къща "Гутенберг", 2000. 179 с.
- Велков И.* Могилни гробни находки от Дуванлий // *Известия на Българския Археологически Институтъ,* 1930–1931. Т. VI. София: Държавна печатница, 1932. С. 1–44.
- Венедиков И., Герасимов Т.* Тракийското изкуство. София: Издателство Български художник, 1973. 407 с.
- Виноградов Ю.Г.* Перстень царя Скила // *СА.* 1980. № 3. С. 92–109.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. 284 с.
- Горбунова К.С.* Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // *Культура и искусство античного мира* / Ред. К.С. Горбунова. Л.: Аврора, 1971. С. 18–38.
- Граков Б.Н.* Скифский Геракл // *КСИИМК.* 1950. Вып. XXXIV. С. 7–19.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.
- Дьяконова В.П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 163 с.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология* / Ред. Г.И. Зайцева и др. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Загинайло А.Г.* Литые монеты царя Скила из Никония // *Древнее Причерноморье: чтения памяти профессора П.О. Карышковского: тез. докл. конф. (9–11 марта 1989 г.)* / Ред. А.В. Гудкова. Одесса: Одесский ГУ им. И.И. Мечникова, 1989. С. 27–29.
- Загинайло А.Г.* Литые монеты царя Скила // *Древнее Причерноморье (материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П.О. Карышковского)* / Ред. Ю.Г. Виноградов. Одесса: ОГУ им. И.И. Мечникова, 1990. С. 64–71.
- Загинайло А.Г.* Литые монеты из Никония (К вопросу об экономических связях города в VI–IV вв. до н.э.) // *Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур* / Ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наук. думка, 1991. С. 52–61.
- Загинайло А.Г., Карышковский П.О.* Монеты скифского царя Скила // *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы: сборник науч. тр.* / Ред. В.Л. Янин. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 3–15.
- Карышковский П.О.* Монеты скифского царя Скила // *Киммерийцы и скифы: тез. докл. конф. Ч. I.* Кировоград, 1987. С. 66–68.
- Кузнецова Т.М.* Анахарсис и Скил // *КСИА.* 1984. Вып. 178. С. 11–17.
- Кузнецова Т.М.* Исторические персонажи и скифские курганы // *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: материалы междунар. науч. конф.* / Ред. В.Ю. Зуев. Ч. 2. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 141–150.
- Кузнецова Т.М.* О времени правления в Скифии царя Скила // *Старожитності степового Причерномор'я і Криму. Т. XI: Матеріали конференції: "Проблеми скіфосарматської археології Північного Причорномор'я" (до 105-річчя з дня народження Б.М. Гракова): 4-ті граківські читання* / За ред. П.П. Толочка. Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2004. С. 141–143.
- Кузнецова Т.М.* Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // *Проблемы современной археологии: сборник памяти В.А. Башилова* / Ред. М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2008. С. 173–198.
- Кузнецова Т.М.* Αποθεύειος скифской хронологии // *Древность: историческое знание и специфика источника: материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского* / Ред. А.С. Бахлаванцев. Вып. V. М.: ИВ РАН, 2011. С. 121–124.
- Кузнецова Т.М.* Бідолашний Орік // *Археологія.* 2012. № 3. Київ. С. 45–51.
- Кузнецова Т.М.* Серебряный килик из кургана "Солоха" и некоторые аспекты скифской хронологии // *Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы.* СПб.: Изд-во ГЭ (в печати).
- Куклина И.В.* Анахарсис // *ВДИ.* 1971. № 3. С. 113–125.
- Манцевич А.П.* Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа // *Исследования по археологии СССР: сборник ст. в честь проф. М.И. Артамонова* / Ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 145–150.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987. 142 с.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: СГУ, 1999. 678 с.

- Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М.: Наука, 1970. САИ. Д1–27. 211 с.
- Поляков Ю.М. Апофегей. М.: АСТ: Астрель, 2010. 220 с.
- Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск: Пороги, 2009. 251 с.
- Скорый С.А., Ромашко В.А. Об одном из аспектов скифской династической истории // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XV: Матеріали конференції: "Проблеми скифо-сарматської археології Північного Причорномор'я" (до 110-річчя з дня народження Б.М.Гракова) / За ред. П.П. Толочка. Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2009. С. 173–178.
- Смолин В.Ф. Главная династия скифских царей по Геродоту // Гермес. 1915. № 17–18. С. 390–394.
- Фіалко О.Є. Золоті аплікації з Бердянського кургану // Вісник Київського інституту "Слов'янський університет". Київ, 2001. № 11. С. 292–303.
- Чередниченко Н.Н., Фіалко Е.Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. 1988. № 2. С. 149–166.
- Шалганова Т. ΣΚΥ в съдове от Древна Тракия // МИФ 15. Юбилейно издание за 15-годишнината от създаването на Департамент "История на културата" на НБУ. София: Издателство на Нов Български Университет, 2010. С. 77–91.
- Alekseyev A. Yu. Scythian Kings and "Royal" Burial-Mounds of the Fifth and Fourth Centuries BC // Scythians and Greeks: Cultural Interaction in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC to first century AD) / Ed. D. Braund. Exeter: University of Exeter Press, 2005. P. 39–55.
- Tesori delle Steppe. Cimмери, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari. Milano: Galleria Ottavo Piano, La Rinascente, 1995. 211 p., ill.

SCYTHIAN BARROWS AND HISTORICAL PERSONS OF THE 5TH–4TH CENTURIES BC

Tatjana M. Kuznetsova

Institute of Archaeology of RAS, Moscow (mamulya-kuznecova@yandex.ru)

The article considers disputable issues of the Scythian archaeology related to the reconstruction of the chronology of the Scythian kings' regency known from the Herodotus' "History". A special attention is paid to the methodology of comparison of the information from the written sources concerning the Scythian kings with the archaeological data. It is shown that non-compliance with the methodology discussed can lead to distortion of the result searched; it is also emphasized that in such comparisons the date of the barrow based on the complex chronology should stay in priority, because only the date allows connecting archaeology and the history of Scythia.

Key words: the Scythes, genealogy, dynasty, chronology, kings, barrows, tombs.

REFERENCES

- Alekseev A. Yu., 1992. Skifskaya khronika (Skify v VII–V vv. do n.e. Istoriko-arkheologicheskiy ocherk) [Scythian chronicles (Scythes in 7–5 cc. BC (Historical-archaeological study)]. St. Petersburg: Peterburgkomstat. 206 p.
- Alekseev A. Yu., 1994. K identifikatsii pogrebeniy kurgana Solokha [On the identification of the barrow Solokha burials]. *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomor'ya: tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 95-letiyu so dnya rozhdeniya professora B.N. Grakova* [Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Black Sea region: theses of the International conference devoted to 95 anniversary of Professor B.N. Grakov], II. Zaporozh'e: Zaporozhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 7–9.
- Alekseev A. Yu., 1996. Skifskie tsari i "tsarskie" kurgany V–IV vv. do n.e. [Scythian Kings and "Royal" burial grounds of 5–4 cc. BC]. *Vestnik drevney istorii* [J. of Ancient History], 3, pp. 99–113.
- Alekseev A. Yu., 2003. Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vekov do n.e. [Chronography of European Scythia of 7–4 cc. BC]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 416 p.
- Alekseev A. Yu., 2012. Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha [The Scythian Kings' gold in the Hermitage collection]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 271 p.
- Alekseyev A. Yu., 2005. Scythian Kings and 'Royal' Burial-Mounds of the Fifth and Fourth Centuries BC. *Scythians and Greeks: Cultural Interaction in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC to first century*

- AD). D. Braund, ed. Exeter: University of Exeter Press, pp. 39–55.
- Bessonova S.S., 1983. Religioznye predstavleniya skifov [Religious beliefs of Scythes]. Kiev: Naukova dumka. 137 p.
- Bidzilya V.I., Polin S.V., 2012. Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila [Scythian King burial ground Gaymanov grave]. Kiev: Izdatel'skiy dom "Skif". 751, 64 p.
- Boltrik Yu.V., 2001. Poisk usypal'nits Ariapifa i ego synovey [The search of Ariapif and his sons' table-tombs]. *Ol'viya ta antichniy svit: materialy naukovikh chitan' prisvyachenikh 75-richchya utvorenniya istoriko-kul'turnogo zapovidnika "Ol'viya" Natsional'noi akademii nauk Ukraini [Olbia and the ancient world: proceedings devoted to the 75 anniversary of the creating of historical-cultural conservation area "Olbia" by the National Academy of Sciences of the Ukraine]*. Kiïv, pp. 29–31.
- Boltrik Yu.V., 2011. Elitnye kurgany kak markery territorial'noy struktury Skifii [Elite burial grounds as markers of territorial structure of Scythia]. *Recherches Archéologiques. Nouvelle Serie 3*, Kraków, pp. 101–112.
- Boltrik Yu.V., 2013. Territorial'nye tsentry Skifii [Territorial centres of Scythia]. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya [Black Sea region in Antiquity and early Medieval Ages]*. Rostov-na-Donu: "OOO Laki-Pak", pp. 193–202.
- Boltrik Yu.V., Fialko E.E., Cherednichenko N.N., 1994. Berdyanskiy kurgan [Berdyansk burial ground]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 4, pp. 140–155.
- Boteva-Boyanova D., 2000. Problemi na trakiyskata istoriya i kultura. Nov pogled v'rkuh svedeniya na Kherodot i Tukidid [Problems of Thracian history and culture. New view on the information from Herodotus and Thucydides]. Sofiya: Izdatelska k'shcha "Gutenberg". 179 p.
- Cherednichenko N.N., Fialko E.E., 1988. Pogrebenie zhritsy iz Berdyanskogo kurgana [The burial of a priestess from Berdyansk burial ground]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 2, pp. 149 – 166.
- Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A., 1982. Narody nashey strany v "Istorii" Gerodota [The people of our country in Herodotus "History"]. Moscow: Nauka. 455 p.
- D'yakonova V.P., 1975. Pogrebal'nyy obryad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskiy istochnik [The funeral rite of the Tuva people as a historical-ethnographical resource]. Leningrad: Nauka. 163 p.
- Evraziya v skifskuyu epokhu: radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya [Eurasia in the Scythian Age: radiocarbon and archaeological chronology], 2005. St.Petersburg: Teza. 290 p.
- Fialko O.C., 2001. Zoloti aplikatsii z Berdyanskogo kurganu [Golden applications from Berdyansk burial ground]. *Visnik Kiïvs'kogo institutu "Slov'yans'kiy universitet" [Bulletin of Kyiv Institute "Slavic University"]*, 11, pp. 292–303.
- Gorburnova K.S., 1971. Serebryanye kiliki s gravirovannymi izobrazheniyami iz Semibratnikh kurganov [Silver kylixes with engraved depictions from Semibratinsk burial grounds]. *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira [Culture and Art of Classical Antiquity]*. Leningrad: Avrora, pp. 18–38.
- Grakov B.N., 1950. Skifskiy Gerakl [Scythian Heracles]. *KSIIMK [BCIMCH]*, XXXIV, pp. 7–19.
- Karyshkovskiy P.O., 1987. Monety skifskogo tsarya Skila [Coins of the Scythian King Scyles]. *Kimmeriysy i skify: tezis dokladov konferentsii [The Cimmerians Scythes: theses of a conference]*, I. Kirovograd, pp. 66–68.
- Kuklina I.V., 1971. Anakharsis [Anacharsis]. *Vestnik drevney istorii [J. of Ancient History]*, 3, pp. 113–125.
- Kuznetsova T.M., 1984. Anakharsis i Skil [Anacharsis and Scyles]. *KSIA [BCIA]*, 178, pp. 11–17.
- Kuznetsova T.M., 2001. Istoricheskie personazhi i skifskie kurgany [Historical persons and Scythian burial grounds]. *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovaniye polisov, obrazovanie gosudarstva: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosphorian phenomena: region's colonization, policies' formation, state's formation : proceedings of a scientific conference]*, 2. St.Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 141–150.
- Kuznetsova T.M., 2004. O vremeni pravleniya v Skifii tsarya Skila [On the period of King Scyles reign in Scythia]. *Starozhitnosti stepovogo Prichernomora'ya i Krimu [Antiquities of the Black Sea region and the Crimea]*, XI. *Materialy konferentsii: "Problemi skifo-sarmats'koi arkheologii Pivnichnogo Prichernomora'ya" (do 105-richchya z dnya narodzhennya B.M.Grakova): 4-ti grakivs'ki chitannya" [Proceedings of the conference "Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Black Sea region (105 anniversary of B.N. Grakov): 4 Grakov's Conference]*. P.P. Tolochko, ed. Zaporizhzhya: Zaporiz'kiy natsional'niy universitet, pp. 141–143.
- Kuznetsova T.M., 2008. Sotsial'nye indikatory v pogrebal'nom obryade skifov (bronzovye kotly) [Social indicators in the funeral rite of the Scythes (bronze cauldrons)]. *Problemy sovremennoy arkheologii: sbornik pamyati V.A. Bashilova [Problems of modern archaeology: collection to the memory of V.A. Bashilov]*. Moscow: Taus, pp. 173–198.
- Kuznetsova T.M., 2011. Αποθεγεῖος skifskoy khronologii [Αποθεγεῖος of the Scythian chronology]. *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati E.A. Grantovskogo i D.S. Raevskogo [Antiquity: historical knowledge and the specific character of the source: proceedings of a scientific conference devoted to the memory of E.A. Grantovsky and D.S. Raevsky]*, V. Moscow: Institut vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 121–124.
- Kuznetsova T.M., 2012. Bidolashniy Orík [Unlucky Orík]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 3. Kiïv, pp. 45–51.

- Kuznetsova T.M., in print. Serebryanyy kilik iz kurgana "Solokha" i nekotorye aspekty skifskoy khronologii [Kuznetsova T.M. Silver cylix from the Solokha kurgan and some aspects of Scythian chronology]. *Arkheologiya bez granits: kolleksii, problemy, issledovaniya, gipotezy. [Archaeology without borders: collections, problems, investigations, hypotheses]*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha.
- Mantsevizh A.P., 1987. Kurgan Solokha [Burial ground Solokha]. Leningrad: Iskustvo. 142 p.
- Mantsevizh A.P., 1961. Bronzovye kotly v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Bronze cauldrons in the Hermitage collection]. *Issledovaniya po arkheologii USSR: sbornik statey v chest' professora M.I. Artamonova [Archaeological researches in the USSR: collection of articles in honor of Professor M.I. Artamonov]*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 145–150.
- Monakhov S.Yu., 1999. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e. [Greek amphorae in the Black Sea region. Complexes of the ceramic ware of 7–2 cc. BC]. Saratov: Saratovskiy universitet. 678 p.
- Onayko N.A., 1970. Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV–II vv. do n. e. [Onayko N.A. Classic imports in Dnieper and Bug regions in 4–2 cc.]. Moscow: Nauka. 211 p. (Arkheologiya USSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-27).
- Polyakov Yu.M., 2010. Apofegey [Apophege]. Moscow: AST: Astrel'. 220 p.
- Romashko V.A., Skoryy S.A., 2009. Bliznets-2: skifskiy aristokraticheskiy kurgan v Dneprovskom pravoberezhnom Nadporozh'e [Gemini-2: Scythian elite burial ground in Dnepropetrovsk right bank Nadporozh'e]. Dnepropetrovsk: Porogi. 251 p.
- Shalghanova T., 2010. ΣΚΥ v s"do ve ot Drevna Trakiya [ΣΚΥ on ware of ancient Thrace]. *MIF 15: Yubileyno izdanie za 15-godishninata ot s"zdavaneto na Departament "Istoriya na kulturata" na Nov B"lgarski Universitet [IHF 15: a 15 anniversary issue on the foundation of the "Cultural History" department of the New Bulgarian University]*. Sofiya: Izdatelstvo na Nov B"lgarski Universitet, pp. 77–91.
- Skoryy S.A., Romashko V.A., 2009. Ob odnom iz aspektov skifskoy dinasticheskoy istorii [On one of the aspects of Scythian dynastic history]. *Starozhitnosti stepovogo Prichernomor'ya i Krimu, XV [Antiquities of the Black Sea region and the Crimea]*. Materiali konferentsii: "Problemi skifo-sarmats'koi arkheologii Pivnichnogo Prichernomor'ya" (do 110-richchya z dnya narodzhennya B.M.Grakova) [Proceedings of the conference "Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Black Sea region (110 anniversary of B.N. Grakov): 4 Grakov's Conference]. P.P. Tolochko, ed. Zaporizhzhya: Zaporiz'kiy natsional'niy universitet, pp. 173–178.
- Smolin V.F., 1915. Glavnaya dinastiya skifskikh tsarey po Gerodotu [Main dynasty of the Scythian Kings according to Herodotus]. *Germes [Hermes]*, 17–18, pp. 390–394.
- Tesori delle Steppe. Cimмери, Скиты, Сарматы, Унны, Авары и Казари, 1995. A cura di M.G. Curletti. Milano: Galleria Ottavo Piano, La Rinascente. 211 p., ill.
- Velkov I., 1932. Mogilni grobni nakhodki ot Duvanliy [Finds from barrows graves from Duvanlii]. *Izvestiya na B "Igarskiya Arkheologicheski Institut" [Transactions of Bulgarian Archaeological Institute]*, 1930–1931, VI. Sofiya: D"rzhavna pechatnitsa, pp. 1–44.
- Venedikov I., Gerasimov T., 1973. Trakiyskoto izkustvo [Thracian art]. Sofiya: Izdatelstvo B"lgarski khudozhnik. 407 p.
- Vinogradov Yu.G., 1980. Persten' tsarya Skila [Finger ring of the King Scyles]. *Sovetskaya arkheologiya [SA]*, 3, pp. 92–109.
- Vinogradov Yu.G., 1989. Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa VII–I vv. do n.e.: Istoriko-epigraficheskoe issledovanie [Political history of Olbia in 7–1 cc. BC: historical-epigraphical research]. Moscow: Nauka. 284 p.
- Zaginaylo A.G., Karyshkovskiy P.O., 1990. Monety skifskogo tsarya Skila [Coins of the Scythian King Scyles]. *Numizmaticheskie issledovaniya po istorii Yugo-Vostochnoy Evropy: sbornik nauchnykh trudov [Numismatic researches of the southern-eastern Europe history: transactions]*. Kishinev: Shtiintsa, pp. 3–15.
- Zaginaylo A.G., 1989. Litye monety tsarya Skila iz Nikoniya [Cast coins of King Scyles from Nikonion]. *Drevnee Prichernomor'e: chteniya pamyati professora P.O. Karyshkovskogo: tezisy dokladov konferentsii [Ancient Black Sea region: Conference to the memory of Professor P.O. Karyshkovsky: theses of the conference]*. A.V. Gudkova, ed. Odessa: Odesskiy gosudarstvennyy universitet imeni I.I. Mechnikova, pp. 27–29.
- Zaginaylo A.G., 1990. Litye monety tsarya Skila [Cast coins of King Scyles from Nikoniya]. *Drevnee Prichernomor'e (materialy I Vsesoyuznykh chteniy pamyati professora P.O. Karyshkovskogo) [Ancient Black Sea region (proceedings of the I all-Soviet Union Conference to the memory of Professor P.O. Karyshkovsky)]*. Yu.G. Vinogradov, ed. Odessa: Odesskiy gosudarstvennyy universitet imeni I.I. Mechnikova, pp. 64–71.
- Zaginaylo A.G., 1991. Litye monety iz Nikoniya (K vo-prosu ob ekonomicheskikh svyazyakh goroda v VI–IV vv. do n.e.) [Cast coins from Nikonion (To the problem of economic relationships of the city in 6–4 cc. BC)]. *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e – kontaktnaya zona drevnikh kul'tur [Northern-Western Black Sea region – contact zone of ancient cultures]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 52–61.

ИМПОРТ СТЕКЛА НА ТАМАНЬ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2015 г. О.С. Румянцева, С.В. Ольховский

*Институт археологии РАН, Москва
(o.roumiantseva@mail.ru, ptakkon@yandex.ru)*

В статье рассмотрено необработанное стекло, обнаруженное в подводном раскопе Фанагории при расчистке портового сооружения. Сопутствующие этим находкам материалы позволяют датировать их второй половиной III – IV в. н.э. Комплекс данных анализа химического состава стекла и изотопного позволяет заключить, что стекло, скорее всего, происходит из Сиро-Палестинского региона и, возможно, из Юго-Восточного Средиземноморья. В случае если полученные выводы верны, можно говорить о наличии в Фанагории вторичных мастерских, работавших на полуфабрикатах – предметах далекого импорта. Следовательно, производственные центры азиатского Боспора были включены в единую средиземноморскую систему торговли полуфабрикатами стекла.

Ключевые слова: стеклоделательное производство, римское время, Северное Причерноморье, химический состав стекла, изотопный анализ.

Свидетельства позднеантичного–раннесредневекового стеклоделия в Северном Причерноморье ограничиваются единичными комплексами, интерпретированными исследователями как остатки стеклоделательных мастерских. Ранее они рассматривались в литературе, однако большинство из них так и не были полностью опубликованы. В последние годы интерес к данной теме угас. Исключение составляет публикация стекла из античной Горгии, в которой представлены и возможные свидетельства местного производства первой половины III в. (Алексеева, Сорокина, 2007. С. 22–45). В то же время методики и подходы к изучению стеклоделательного производства, в последнее время активно разрабатываемые на материалах Восточного Средиземноморья и западной части Римской империи, позволяют на новом уровне интерпретировать находки, связанные с древним стеклоделием; устанавливать происхождение стекла, характер и специализацию мастерских. В связи с этим возвращение к данной теме представляется актуальным.

Вновь обратиться к проблеме стеклоделательного производства¹ на Тамани позволяет серия находок, сделанных в 2007–2010 гг. в затопленной части Фанагории (Ольховский, Румянцева, 2011). Этот античный город был обозначен Ю.Л. Щаповой как

возможный центр производства стекла благодаря находкам “остатков невыработанной стекломассы”, сделанным В.С. Долгоруковым в сопровождении материалов III в. н.э. (Щапова, 1983. С. 163; Николаева, 1991. С. 50). Изучив их состав, Ю.Л. Щапова пришла к выводу о том, что они были изготовлены в традициях провинциально-римского стеклоделия, однако специальные материалы из Фанагории не публиковались.

Изучаемые в статье находки представляют собой обломки стекла неправильной формы (рис. 1) с острыми сколами (один слегка оплавлен – рис. 1, 2) размерами от 1.5 до 5 см в максимальном измерении и весом от 1.3 до 66 г. Стекло прозрачное, высокого качества, с малым количеством пузырьков. Шесть фрагментов изготовлены из неокрашенного прозрачного стекла, имеющего естественный светло-зеленый, голубовато-зеленый или оливковый оттенки (рис. 1, 1–3, 5, 6, 7), один окрашен в фиолетовый цвет (рис. 1, 4). Неправильная форма и большая толщина (0.8–4.3 см) исключают возможность того, что они являются фрагментами готовых стеклянных изделий – посуды или оконного стекла.

Подобные находки типичны для мастерских – как стекловаренных, так и стеклообрабатывающих. Производство стеклянных изделий в первой половине – середине I тыс. н.э. было разделено на два этапа: собственно стекловарение и изготовление готовой продукции из полуфабрикатов. Данные

¹ Следуя отечественной историографической традиции, в статье используется термин “стеклоделательное производство”, подразумевающий как стекловаренное производство, так и стеклообрабатывающее.

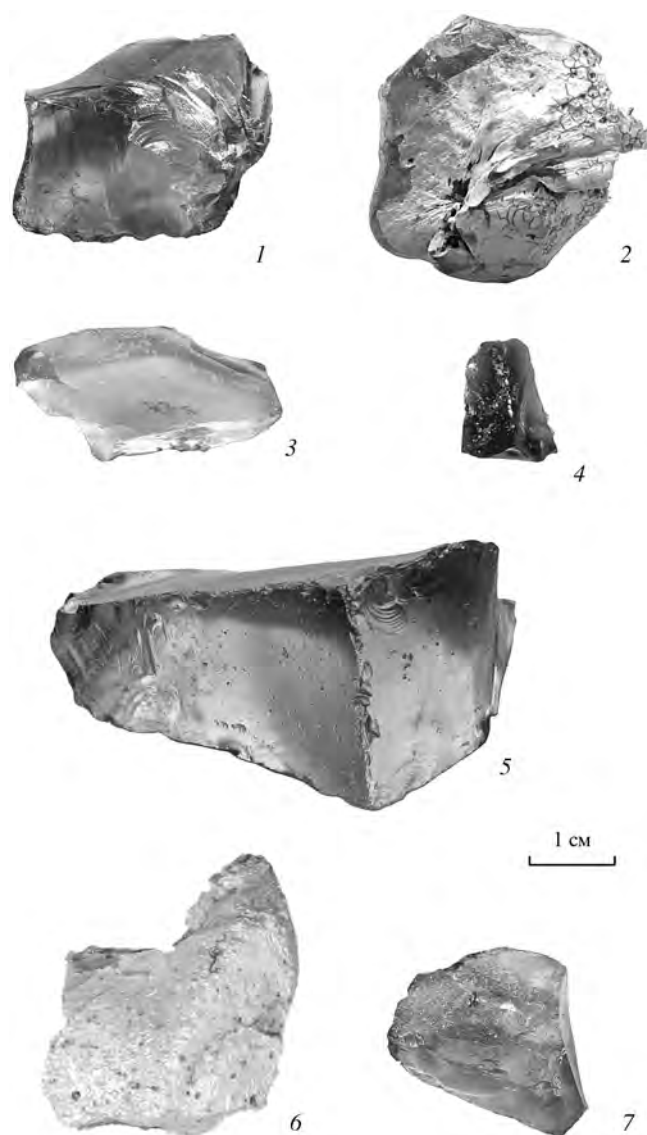

Рис. 1. Необработанное стекло из подводного раскопа Фанагории. 1 – 2007 г., № 858; 2 – 2007 г., № 746 (оплавленный); 3 – без номера; 4 – 2007 г., № 864; 5 – 2009 г., № 168; 6 – 2009 г., № 1033 (расстеклованный); 7 – 2008 г., № 722. 1–3, 5, 6 – зелено-голубое прозрачное; 4 – фиолетовое прозрачное; 7 – оливковое прозрачное.

процессы происходили в разных мастерских, нередко отделенных друг от друга огромными расстояниями. Значительная (если не большая) часть стекла, обрабатываемого в мастерских, расположенных на европейской территории Римской империи, поступала сюда с левантийского побережья и из Юго-Восточного Средиземноморья. Это подтверждается как данными археометрических исследований (результатами анализов химического состава стекла и изотопного), так и находками в водах Средиземного моря затонувших кораблей, перевозивших “необработанное” стекло на дальние расстояния

(ссылки на литературу см.: Румянцева, 2011). На территории Израиля, Ливана и Египта римского и византийского/раннеисламского времени известны находки стекловаренных центров с ванными печами, производивших стекло в виде плит весом восемь и более тонн (Gorin-Rosen, 1995; 2000; Nenna, 2007; Kowalt et al., 2008 и др.). Данные плиты, предназначенные для продажи, раскалывались на месте и транспортировались в виде кусков неправильной формы. Находки из Фанагории представляют собой аналогичные куски стекла малых размеров.

В европейской литературе для определения подобных предметов используется термин “raw glass” (англ.) (“verre brut” и “rohglas” – соответственно во французском и немецком языках), означающий “необработанное стекло” или “стекло-сырец”. Под ним подразумевают “стекло, предназначенное для вторичного производства (secondary production)” (Ignatiadou, Antonaras, 2008. Р. 200), т.е. изготовления изделий из ранее сваренного стекла (Ignatiadou, Antonaras, 2008. Р. 166). По сути, подобные находки являются полуфабрикатами, однако мелкие куски сырьевого стекла нередко находят и среди отходов производства мастерских.

Место обнаружения и обстоятельства находки. Подводно-археологические исследования прибрежной террасы Фанагории, затопленной в начале I тыс. н.э. в результате трансгрессии уровня моря, выявили ряд объектов, крупнейший из которых – портовое сооружение, обозначенное в предшествующих публикациях как подводный фундамент или ряж, в зоне которого концентрировались публикуемые находки (рис. 2).

В 2005–2011 гг. верхняя поверхность и фасы подводного фундамента были расчищены и зачерчены (без разборки конструкции), а также послойно расчищен до материка прилегающий участок дна на площади до 1500 м². Чертежная фиксация конструкции фундамента и индивидуальных находок вокруг него производилась методом триангуляционных обмеров от точек с известными координатами, помещенных в САПР Autocad. Детальные контуры верхней поверхности фундамента оцифрованы на основе фотопланшетов. С запада, севера и востока к фундаменту примыкает многоуровневый каменный завал шириной до 5–6 м, состоящий из рваного камня, строительных блоков, архитектурных деталей, фрагментов надгробий и скульптур.

Конструкция вытянута перпендикулярно берегу по линии С–Ю, ее ближний край локализован в 120 м от современного уреза воды, а дальний – в 160. Фундамент состоит из трех деревянных клеток, забитых бутовым камнем и частично перекрытых обработанными плитами, происходящими из

разрушенных общественных зданий и некрополя Фанагории.

Изучая конструкцию фундамента, можно предположить, что его строительство велось не менее чем в два этапа. Об этом свидетельствуют существенные отличия конструкции северной клетки, наиболее удаленной от берега, от центральной и южной клеток, явно сооруженных одновременно. Вероятно, именно они были сооружены на первом этапе, так как их конструкции отличаются высоким качеством обработки деревянных элементов и тщательной подгонкой высоты плит, использованных для выкладки их верхней поверхности. Северная клеть, несколько развернутая к востоку относительно других, не примыкала к ним непосредственно, существенно отличаясь по конструкции.

Датировать период функционирования фундамента возможно на основе материалов, использованных для его постройки, и комплекса находок, обнаруженных в непосредственной близости от него. Для выкладки верхней поверхности северной клетки были использованы надгробие с эпитафией и архитектурные детали с посвятельными надписями, самая поздняя из которых датируется 220 г. н.э. Среди керамики, обнаруженной вокруг северной и центральной клеток, преобладают светлоглиняные узкогорлые амфоры типов D и F (вторая половина III – IV в. н.э.) (Шелов, 1978. С. 17. Рис. 8, 10; Сазанов, 1993. С. 19), среди стекла – фрагменты сосудов римского времени. Более тысячи монет, обнаруженных на верхней поверхности клеток и вокруг них, по преимуществу определены как боспорские статыры второй половины III – первой четверти IV в. н.э. (рис. 3). Хронологически иной комплекс находок отмечен к северо-востоку от северной клетки, где среди развала крупных строительных блоков найдены фрагменты ранневизантийских амфор V–VI вв. н.э. (Голофаст, Ольховский, 2013) при почти полном отсутствии более раннего материала.

Определяя функциональное назначение фундамента, можно предположить следующее. Постепенная трансгрессия уровня Черного моря к III в. н.э. привела к затоплению ранних портовых сооружений Фанагории и прибрежной террасы, освоенной в первые века развития города. Потребность в портовой инфраструктуре вынудила построить причальные сооружения на новой береговой линии. Вероятно, из-за крайне малых глубин на пологой затопленной прибрежной террасе новый причал было целесообразно построить сколь возможно мористей для обеспечения подхода лодок. Представляется, что для этого в первую очередь были сооружены центральная и южная клетки, верхняя каменная выкладка которых возвышалась над

водой не более чем на 20–30 см. Возможно, малая (около 0.5 м) глубина у северного торца центральной клетки была недостаточной для подхода груженых лодок, в связи с чем строительство было продолжено и северная клеть была сооружена вблизи берегового свала, возвышаясь над тогдашним уровнем дна не менее чем на 0.8 м. Активное и продолжительное хозяйственное использование северной и центральной клеток подтверждается обнаружением на их верхней поверхности и вокруг нескольких тысяч фрагментов керамических и стеклянных сосудов, монет, свинцовых и керамических рыболовных грузил, бронзовых рыболовных крючков, ювелирных украшений, костей животных.

Фрагменты сырцового стекла (№ 1–5, 7) обнаружены к востоку от центральной клетки, к востоку и северу от северной клетки, со стороны причальной стенки, применявшейся для погрузочно-разгрузочных работ. Среди них – оплавленный экземпляр (№ 2). Они находились среди массы находок, попавших в море в ходе хозяйственного использования причала: рыболовных крючков и грузил, костей животных, осколков керамической тары, стеклянных изделий, монет. Кусок стекла (№ 6) найден в забутовке центральной клетки среди мелких камней и битой керамики (рис. 2).

Как и в Фанагории, находки кусков необработанного стекла встречаются в портовых зонах Западного и Восточного Средиземноморья. Особого упоминания заслуживают полуфабрикаты, найденные в порту Аполлонии-Арзуфа/*Apollonia-Arsuf* (Израиль), где раскопками был изучен крупный стекловаренный центр. Как считается, они могли упасть в воду в процессе загрузки на корабль. Куски необработанного стекла происходят также из портов Аполлонии Киренаики (Северная Африка, современная Ливия), Марсейана (Лангедок, Франция), залива Фос (Истр, Франция) и Марселя. Необработанное стекло из Порт-Вандр *1/Port-Vendres 1* (Франция) может происходить как из затонувшего здесь корабля первой половины V в., так и быть связано с деятельностью порта в более позднее время (Foy, Nenna, 2001. P. 106–112).

Локализация находок в подводном раскопе Фанагории позволяет выдвинуть следующие версии их происхождения. Согласно первой, они могли попасть в море при перевалке на причал корабельного груза, включавшего полуфабрикаты стекла для одной из стеклообрабатывающих мастерских Фанагории, производившей посуду или иные изделия. Свидетельства транспортировки полуфабрикатов стекла на дальние расстояния хорошо известны по материалам Средиземноморья: прежде всего это находки затонувших кораблей разных

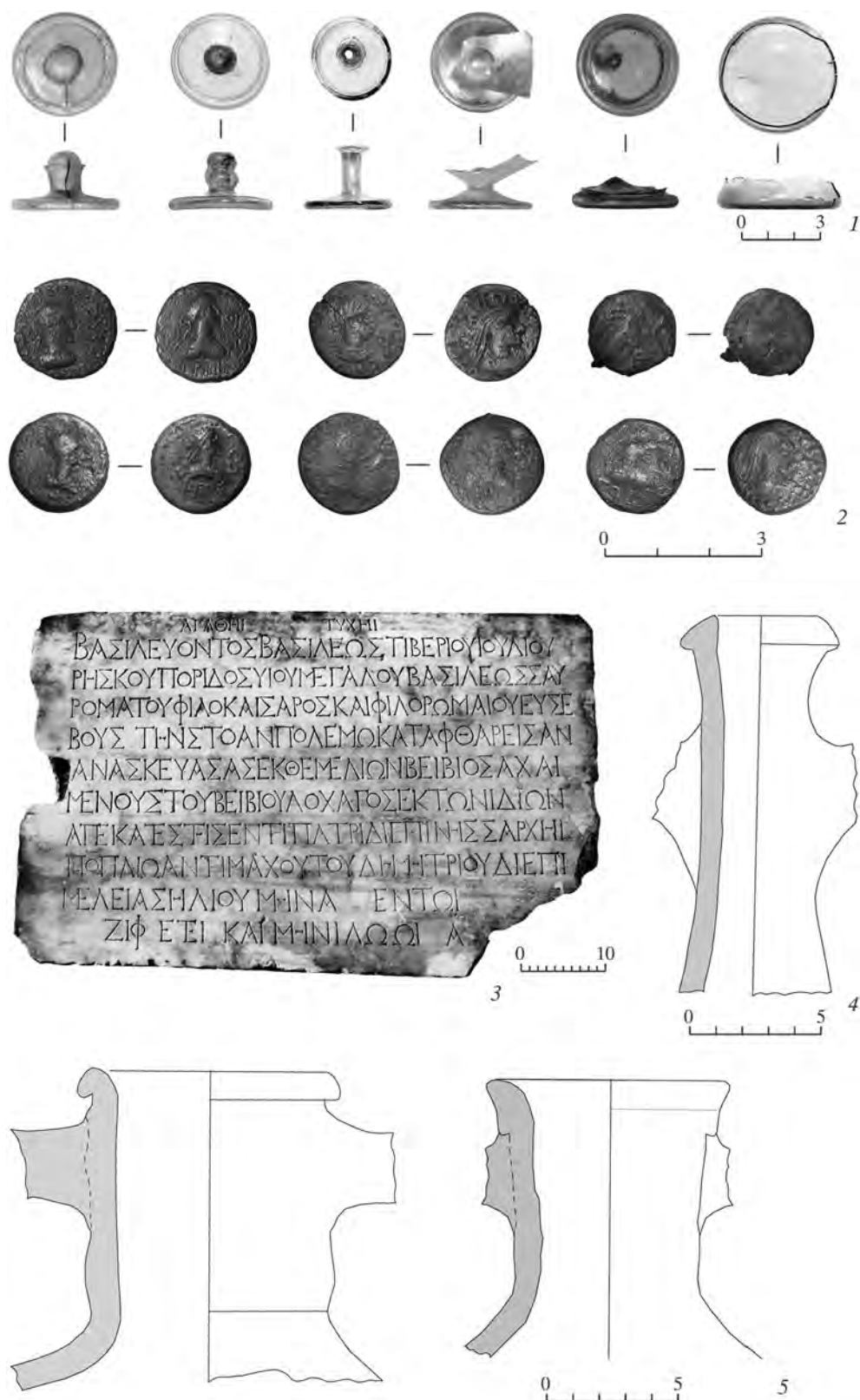

Рис. 3. Находки из подводного раскопа Фанагории. 1 – фрагменты стеклянных сосудов; 2 – боспорские статеры, III–IV вв. н.э.; 3 – строительная надпись, 220 г. н.э.; 4 – сероглиняная амфора, III – первая половина IV в. н.э.; 5 – красноглиняные амфоры, III–IV вв. н.э.

исторических эпох, содержавших подобные стеклянные блоки. В качестве примеров наиболее ярких из них стоит упомянуть остатки груза корабля Сангинер А (*Sanguinaires A*), найденного к югу от Корсики (вторая половина III в. до н.э.), перевозившего более 550 кг необработанного стекла в виде кусков неправильной формы. К первым векам н.э. относится серия находок, самая примечательная из которых – корабль, затонувший недалеко от о. Амбье/*Ouest Embiez 2* (Франция, недалеко от г. Тулон, вторая половина II – начало III в.), содержавший порядка 10–15 т стеклянных полуфабрикатов. Еще одно открытие было сделано вблизи о. Млеет/*Mjet* (недалеко от Нарона, Хорватия, вторая половина I в. н.э.), где со дна было поднято более 100 кг блоков необработанного стекла, перевозившегося затонувшим здесь судном. Затонувшие корабли со стеклом, предназначенным для обработки во вторичных мастерских, известны также по находкам из Марселя (Франция, конец I – начало II в.) и Меллиехи (Мальта, первая половина III в.) (Foy, Nenna, 2001. Р. 100–112). В пользу первой версии происхождения фанагорийских находок говорит их локализация в определенной зоне относительно изученной конструкции; в то же время можно предположить, что в этом случае находки, скорее всего, были бы более многочисленными и крупными. Для сравнения, куски стекла с судна Амбье имеют в среднем вес от 350 до 700 г, в то время как самый крупный обломок из Фанагории – 66 г.

Согласно второй версии, мелкие фрагменты необработанного стекла попали на причал вместе со строительным материалом и мусором, использованным для забутовки его конструкции, и оказались среди каменного завала в результате постепенного оползания верхней части кладки. В пользу этой версии свидетельствует обнаружение одного из кусков стекла среди забутовки центральной клетки наряду с многочисленными осколками керамики, а также наличие среди находок одного оплавленного обломка.

Третья версия допускает, что необработанные фрагменты стекла появились около причальных сооружений в результате разноса по дну полуфабрикатного стекла из груза корабля, затонувшего неподалеку от Фанагории. Вероятность этого предположения невелика ввиду свойств донных отложений в этой части Таманского залива, представляющих собой вязкие иловато-песчаные слои, быстро перекрывающие и удерживающие любые оказавшиеся на дне предметы.

Химический состав и возможное происхождение стекла. Химический состав стекла изучался независимо в трех лабораториях: эмиссионно-

спектральный анализ проводился в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (аналитик – канд. техн. наук А.Н. Егорьков) и в реставрационном отделе Музея археологии Республики Татарстан, Казань (аналитик – канд. физико-матем. наук Р.Х. Храмченкова); в НТК “Институт монокристаллов” НАНУ был выполнен рентгено-флуоресцентный анализ (аналитик – канд. хим. наук К.Н. Беликов) (табл. 1–3). Во всех случаях в качестве стандартных использовали эталонные образцы *Corning Museum of Glass*.

По данным всех проведенных исследований, изучаемое стекло относится к классу Na-Ca-Si; низкие (до 1.5%) содержания калия и магния свидетельствуют о том, что оно было сварено на основе природной соды (Галибин, 2001. С. 69). В качестве обесцвечивателя во всех случаях использовался марганец.

Современное состояние источника позволяет в ряде случаев определять происхождение содового стекла, прежде всего – неокрашенного, для производства которого использовались только песок, природная сода и обесцвечиватель², так как при этом некоторые элементы характеризует практически исключительно состав песка, позволяя выявлять общие его источники, использованные стеклоделами. С этой целью полученные результаты были сопоставлены с данными анализов серий стекла, происхождение которого установлено с высокой степенью достоверности. Наиболее показательны для сравнительного анализа элементы, характеризующие состав песка, использованного стеклоделами, – кальций, алюминий и железо (рис. 4; 5) (Nenna et al., 1997; Freestone et al., 2000; 2002; Foy et al., 2003; Drauschke J., Greiff S., 2010 и др.).

В средиземноморском регионе на сегодня выделяются шесть серий стекла, обесцвеченного марганцем или не содержащего обесцвечиватель, из которых три имели широкое хождение в римской Европе в первой половине – середине I тыс. н.э. как предмет средиземноморской торговли. Так называемое римское стекло получает распространение в I–III вв. н.э. Оно достаточно однородно по химическому составу, однако данные изотопного анализа позволяют заключить, что часть его была произведена в Восточном Средиземноморье, а часть могла быть сварена на песке из Западного Средиземноморья или Северной Европы (Degryse, Schneider, 2008). Стекло левантийской I серии

² Авторы придерживаются гипотезы о том, что в эпоху поздней античности шихта всегда была двухкомпонентной: песок + природная сода или зола солончаковых растений. Роль извести как стабилизатора стала известна стеклоделам гораздо позже (Румянцева, 2011; В печати).

Таблица 1. Результаты эмиссионно-спектрального анализа стекла из Фанагории (Лаборатория археологической технологии ИИМК РАН, аналитик – А.Н. Егорьев) (1–6) и данные о составе стекла левантийской I группы (7, 8; по: Foster, Jackson, 2009)

№	Шифр лабораторной группы	№ на рис. 1, 2, 4, 5	Год и № находки	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃ /FeO	MnO	TiO ₂	PbO	SnO ₂	CuO	CoO	Sb ₂ O ₅	AgO	NiO
1	855–13	5	2009, 168	Осн.	16	1	8.3	0.8	2.8	0.8/0.72	1.3	0.1	–	–	–	–	–	–	0.02
2	855–14	1	2007, 858	Осн.	16	н/о	8.8	1.1	2.6	0.4/0.36	0.9	0.1	–	–	–	–	–	–	0.02
3	855–15	3	2007, 6/н	Осн.	17	н/о	7.3	0.6	2.7	0.7/0.63	1.1	0.07	–	–	–	–	–	–	–
4	855–16	4	2007, 864	Осн.	16	1.1	9.1	1.3	2.7	0.9/0.81	1.7	0.1	–	–	–	–	–	–	–
5	855–17	2	2007, 746	Осн.	16	н/о	8.8	1	3.3	0.4/0.36	1.1	0.1	–	–	–	–	–	–	–
6	Среднее значение (1–5)			–	16.2	–	8.46	0.96	2.82	0.64/0.58	1.22	0.09	–	–	–	–	–	–	–
7	Джаламе (левантийская I), стекловой, т			–	15.62	0.87	9.08	0.54	2.68	0.49/0.44	2.83	0.09	–	–	–	–	–	–	–
8	Джаламе (левантийская I), посуда, т			–	16.09	0.75	8.55	0.62	2.65	0.44/0.4	1.29	0.08	–	–	–	–	–	–	–

Примечание. За значимые приняты содержания от 0.01%, для значений ниже 1% приводится одна значащая цифра, выше – две, достижимая чувствительность по K₂O – около 1%.

известно по материалам мастерских Сиро-Палестинского региона в Джаламе/*Jalame* (IV в.), Доре/*Dor* и Аполлонии-Арзуфе (VI–VII вв.). На западе Римской империи оно получает распространение с IV в. н.э. (Freestone et al., 2000), его левантийское происхождение подтверждают данные химического состава и анализ изотопов (Freestone, 2005). Серия стекла “НМТ” (“*high iron, titan, manganese*”) известна начиная с IV–V вв. н.э. Данные археологии, элементного и изотопного анализов позволяют предположить, что это стекло происходит из Юго-Восточного Средиземноморья, возможно, из Египта или с Синая (Freestone et al., 2005). Сведений о массовом импорте стекла еще трех серий на территорию Европы изучаемого периода на сегодня нет. К ним относятся левантийская II серия, известная по материалам раскопок стекловаренного центра в Бет Элизере/*Bet Eli'ezer* (Израиль) поздневизантийского/раннеисламского времени; египетские I и II серии, выделенные на материалах египетских весовых гирек. Стеклу египетской I серии близка по составу продукция Вади Натруна, время ее распространения на сегодня может быть определено от первых веков н.э. до VIII в. Стекло египетской II серии было распространено в Северной Африке и Восточном Средиземноморье в VIII–IX вв., отдельные образцы происходят из мастерской IX в., расположенной на территории Италии (Gorin-Rosen, 2000; Freestone et al., 2000; 2003).

Результаты анализов стекла из Фанагории, полученные в разных лабораториях, разнятся между собой. По данным лаборатории ИИМК РАН, по содержанию натрия, кальция, алюминия, железа и титана изучаемое стекло наиболее близко левантийской I серии, однако по концентрации магния оно отличается от левантийского (табл. 1, 6–8; рис. 4; 5). Согласно результатам, полученным в Музее археологии Республики Татарстан, состав образцов отличается от стекла левантийской I серии более низкими концентрациями натрия и, в меньшей степени, алюминия и железа, а также более высоким средним содержанием кальция, сближающим его со стеклом египетской II серии (для которого, однако, характерны более высокие содержания титана и железа при более низкой концентрации калия). По паре алюминий-железо образцы близки, скорее, “римскому” стеклу (рис. 4; 5; табл. 2, 7–11). По данным лаборатории НТП “Институт монокристаллов”, состав образцов занимает промежуточное положение между римским стеклом из Европы и стеклом левантийской I серии, отличаясь при этом более низким содержанием титана (табл. 3, 6–10; рис. 4; 5). По содержанию кальция, алюминия и железа состав изучаемого стекла, согласно данным лаборатории НТП “Институт монокристаллов”,

Таблица 3. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа стекла из Фанагории (НТК “Институт монокристаллов”, Харьков, аналитик – К.Н. Беликов), единицы – % (1–5) и данные о составе “римского и левантийского” стекла (по: Jackson et al., 1991; Foster, Jackson, 2009)

№	№ на рис. 1, 2, 4, 5	Год и № находки	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃ /FeO	SrO	ZrO ₂	Sb ₂ O ₅	PbO
1	5	2009, 168	16.04	0.51	2.19	67.42	0.87	7.97	0.04	1.12	0.51/0.46	0.06	0.01	–	–
2	1	2007, 858	17.05	0.70	2.04	64.37	1.30	8.60	0.03	0.94	0.81/0.73	0.07	0.01	–	–
3	3	2007, 6/н	15.67	0.82	2.79	69.69	1.05	7.88	0.03	1.02	0.57/0.51	0.06	0.01	–	–
4	2	2007, 746	14.04	0.90	1.81	71.91	0.87	7.66	0.04	0.40	0.51/0.46	0.05	0.01	–	–
5	7	2008, 722	14.99	0.30	1.96	71.71	0.41	6.94	0.02	1.37	0.42/0.38	0.06	0.01	–	–
6	Среднее значение (1–5)		15.56	0.65	2.16	69.02	0.9	7.81	0.03	0.97	0.57/0.51	0.06	0.01	–	–
7	Мансеттер, Британия (“римское” стекло), отходы производства, посуда, <i>т</i>		17.5	0.54	2.44	–	0.7	7.09	0.08	0.41	0.48/0.43	–	–	–	–
8	Лейстер, Британия (“римское” стекло), отходы производства, стеклобой, <i>т</i>		18.4	0.55	2.33	70.70	0.69	6.43	0.1	0.26	0.66/0.60	–	–	–	–
9	Джаламе (левантийская I), стеклобой, <i>т</i>		15.62	0.54	2.68	–	0.87	9.08	0.09	2.83	0.49/0.44	–	–	–	–
10	Джаламе (левантийская I), посуда, <i>т</i>		16.09	0.62	2.65	–	0.75	8.55	0.08	1.29	0.44/0.4	–	–	–	–

близок и отдельным образцам серии “НИМТ”. Для последних характерна устойчивая корреляция между содержаниями железа, титана, марганца, магния и алюминия (Freestone et al., 2005), отсутствующая в фанагорийских образцах, поэтому принадлежность всей изучаемой выборки к данной серии маловероятна. Однако часть из них могла относиться к этой серии, в частности, образец № 7 (рис. 1; 2; табл. 2, 6; 3, 5), имеющий не только близкие данному стеклу концентрации железа, алюминия и кальция, но и оливковый оттенок, не типичный для римского и левантийского стекла, отличающегося зелено-голубым цветом (Foy et al., 2003. Р. 48).

Разница в результатах анализов, полученных в разных лабораториях, не позволяет однозначно соотнести изучаемое стекло с какой-либо из известных нам серий. Однако, учитывая все полученные данные, можно говорить о том, что в целом оно достаточно близко по составу распространенным в синхронный период левантийской I серии (выделенной на материалах IV–VII вв. и получившей распространение в Европе начиная с IV в.) и римскому стеклу из Европы I–III вв. Серия “НИМТ”, к которой также могут принадлежать отдельные образцы стекла из Фанагории, была распространена начиная с IV в. н.э. (Freestone et al., 2005).

Одна из особенностей проанализированных материалов – следы вторичного использования стекла, зафиксированные в образцах № 1, 2, 4. Они маркируются присутствием олова, сурьмы (табл. 2, 4) и, возможно, никеля (ср. табл. 1, 1, 2 и 2, 1, 2). Добавлять в стекломассу стекольный бой могли как в стекловаренных, так и в стеклообрабатывающих мастерских (Foy, 2003. Р. 273; Freestone et al., 2003. Р. 22).

Происхождение стекла по данным изотопного анализа. Изотопный анализ пяти образцов стекла из Фанагории был проведен в Лаборатории изотопной геохимии и геохронологии ИГЕМ РАН³ (термоинициальная многоколлекторная масс-спектрометрия, аналитик – канд. геолого-минералог. наук Ю.О. Ларионова) (табл. 4). В последнее время данный метод наряду с изучением химического состава стекла все более активно применяется при определении его возможного происхождения. Наиболее информативны для решения подобных задач изотопы стронция (⁸⁷Sr/⁸⁶Sr) и неодима (¹⁴³Nd и ¹⁴⁴Nd).

Изотопы стронция (⁸⁷Sr/⁸⁶Sr) дают возможность определить источник кальция, выполнявшего в стекле роль стабилизатора. В содовое стекло он

³ Выражаем благодарность сотруднику ИГЕМ РАН Т.И. Олейниковой за ее любезные консультации и содействие в проведении анализа.

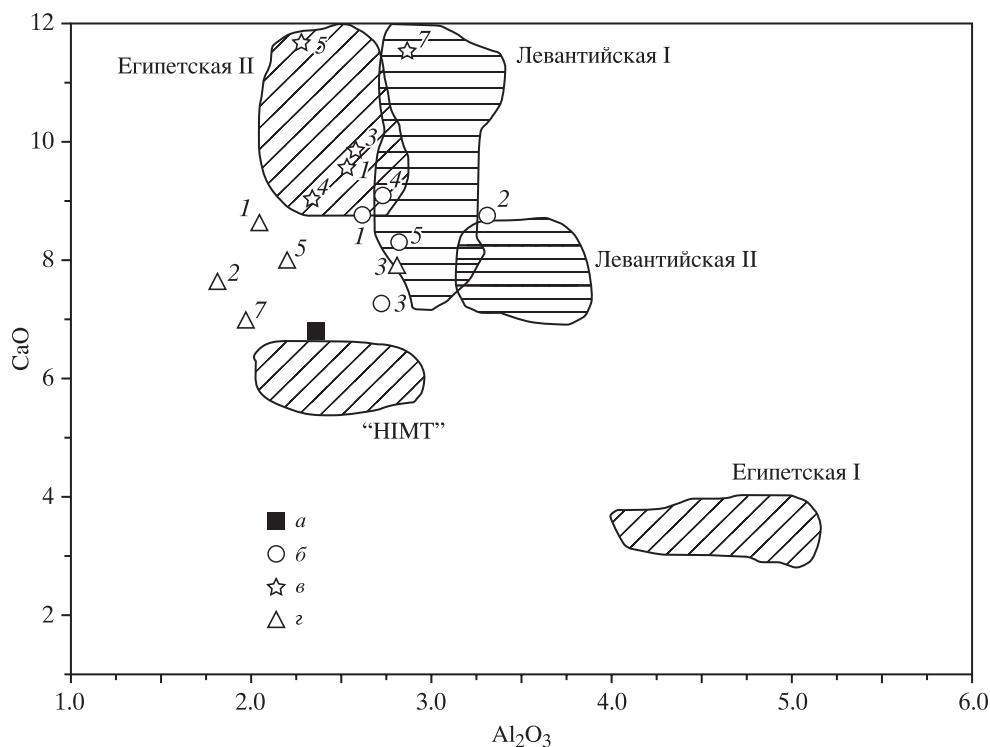

Рис. 4. Находки из подводного раскопа Фанагории и средиземноморские серии стекла (по: Drauschke, Greiff, 2010). Процентное соотношение оксидов алюминия (Al₂O₃) и кальция (CaO). Условные обозначения: *a* – среднее соотношение Al₂O₃/CaO в римском стекле I–III вв.; *б* – стекло из Фанагории по данным Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН; *в* – стекло из Фанагории по данным реставрационного отдела Музея археологии Республики Татарстан; *г* – стекло из Фанагории по данным НТК “Институт монокристаллов”.

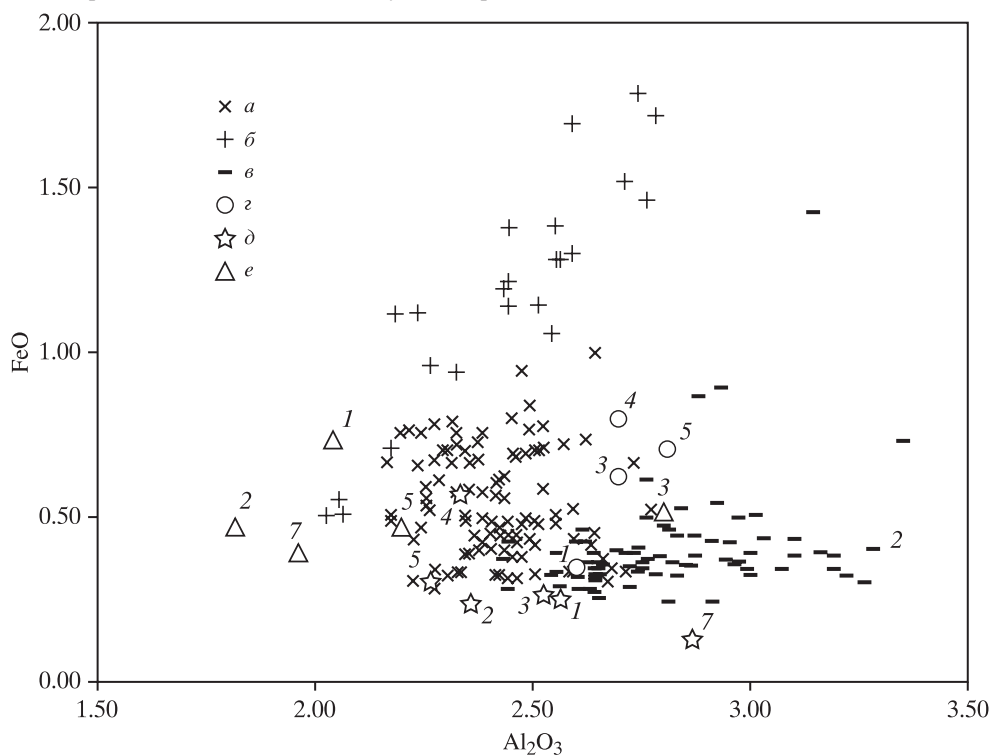

Рис. 5. Находки из подводного раскопа Фанагории и средиземноморские серии стекла (по: Freestone et al., 2002). Процентное соотношение оксидов алюминия (Al₂O₃) и железа (FeO). Условные обозначения: *а* – римское стекло I–III вв.; *б* – стекло серии “НИМТ”; *в* – стекло левантийской I серии; *г* – стекло из Фанагории по данным Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН; *д* – стекло из Фанагории по данным реставрационного отдела Музея археологии Республики Татарстан; *е* – стекло из Фанагории по данным НТК “Институт монокристаллов”.

Таблица 4. Результаты изотопного анализа стекла из Фанагории (Лаборатория изотопной геохимии и геохронологии ИГЕМ РАН, аналитик – канд. геолого-минералог. наук Ю.О. Ларионова)

№	№ на рис. 1, 2	Год и № находки	Sr, ppm	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	Nd, ppm	$^{143}\text{Nd}/^{144}\text{Nd}$	ϵNd
1	5	2009, 168	533	0.708739	6.761269	0.512417	–4.3
2	1	2007, 858	621	0.708684	7.291628	0.512391	–4.8
3	3	2007, б/н	600	0.708810	7.168217	0.512377	–5.1
4	4	2007, 864	628	0.708767	7.12	0.512389	–4.9
5	2	2007, 746	510	0.708887	6.514408	0.512390	–4.8

мог вводиться в виде раковин моллюсков, содержащихся в песке, используемом стеклоделами в качестве сырья, или известняков. Вопрос о том, являлись ли последние самостоятельным компонентом шихты или содержались в песке, дискуссионен и выходит за рамки данного исследования. Показатели, близкие к значению $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, характеризующему океанскую воду эпохи голоцена (0.7089), свидетельствуют о том, что источником извести в стекле служат обломки раковин моллюсков. В этом случае он отражает состав современной морской воды, в которой они выросли. Для морской воды четвертичного периода, когда формировались известняки, характерно более низкое значение $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ (Freestone et al., 2003). Поэтому если источник кальция – это известняки (геологически более древние), то показатель $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ будет ниже.

В стекле из Фанагории значение $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ близко к значениям, характеризующим современную морскую воду (0.708684–0.708889), т.е. в качестве сырья для них, вероятно, выступал песок, содержащий обломки раковин моллюсков. В стекле левантийских I и II серий, а также в большинстве образцов римского стекла значения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ также близки тем, которые характеризуют состав современной морской воды (Freestone et al., 2003. Tabl. 2; Degryse, Schneider, 2008. Tabl. 1). В стекле серии “НІМТ” данный показатель варьирует от 0.708079 до 0.708858 (Freestone et al., 2009. P. 42. Tabl. 1.2), т.е. сопоставим со значениями, характеризующими стекло из Фанагории. В стекле же египетской II серии, судя по данным анализов материалов Телль эль Ашмунейна, расположенного в Среднем Египте, роль стабилизатора выполняли известняки. Значение $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в них ниже и составляет 0.70794–0.70798 (Freestone et al., 2003. Tabl. 2). Высокое содержание стронция в образцах из Фанагории, составляющее 510–621 ppm, подтверждает версию о том, что источником кальция в нем были обломки морских раковин (Freestone et al., 2003. P. 21).

Изотопы неодима ^{143}Nd и ^{144}Nd используются как индикатор происхождения обломочных отложений, попадавших в стекло с тяжелыми минералами пес-

ка (Degryse, Schneider, 2008. P. 1994). Они дают возможность определить регион, из которого происходит песок, использовавшийся стеклоделами, в частности, различать стекло, которое было произведено в Юго-Восточном Средиземноморье и на европейской территории Римской империи. Напомним, что о стекловарении на территории Европы римского времени известно по данным письменных источников, а археологически изученных мастерских, однозначно определяемых как стекловаренные, а не стеклообрабатывающие, в римской Европе на сегодня не зафиксировано (см: Румянцова, 2011). В прибрежных районах между дельтой Нила и г. Акко доминируют осадочные отложения, приносимые течением Нила, оказывающие решающее влияние на изотопный состав песков региона и производимого из них стекла. Исходя из этого, значения ϵNd в левантийском стекле должны варьировать в диапазоне от –1 до –4.8 (Freestone et al., 2009. P. 32; Degryse, Schneider, 2008. P. 1998). Большая же часть стекла из различных районов Западного Средиземноморья, в которых, согласно данным письменных источников, в римское время также существовали стекловаренные центры, должна иметь значение ϵNd ниже, чем –7. Исключение составляет Сицилия, пески которой имеют ϵNd от –5 до –6.8, т.е. близкие к левантийским (Degryse, Schneider, 2008. P. 1997), однако данных о стекле, сваренном в этом регионе, на сегодняшний день нет.

На практике полуфабрикаты из стекловаренных мастерских Израиля (Бет Элиезер, Аполлония) характеризуют чуть более низкие значения – от –6.0 до –5.0 (Freestone et al., 2009. P. 32). Значения ϵNd стекла серии “НІМТ”, как и у левантийского, находятся в диапазоне –6.0...–5.0 (Freestone et al., 2009. P. 44). Среди римского стекла I–III вв. встречаются образцы как со значениями ϵNd , характерными для Восточного Средиземноморья (от –2.5 до –6.0), так и с более низкими (от –6.4 до –10.8), позволяющими предположить его происхождение из Западного Средиземноморья или Северо-Западной Европы (Degryse, Schneider, 2008. P. 1996–1999). Данными

по изотопам неодима в стекле египетской II серии мы не располагаем.

Стекло из Фанагории характеризуют значения ϵNd от -4.3 до -5.1 , т.е. типичные для песков Восточного Средиземноморья и близкие тем, что характеризуют стекло левантийского происхождения и серии "НИМТ".

Куски необработанного стекла, происходящие из подводного раскопа Фанагории, имеют отношение к стеклоделательному производству и, очевидно, являются предметом импорта на территорию азиатского Боспора в позднеримское время. По химическому составу изученное стекло близко сериям, имеющим широкое хождение в Восточном Средиземноморье и в европейской части Римской империи в первой половине – середине I тыс. н.э. Не сопоставимые между собой результаты анализов химического состава, проведенных в разных лабораториях, ограничивают возможность определения его происхождения. В то же время данные анализа изотопного указывают на то, что сырьем для производства изучаемого стекла служил песок из Восточного Средиземноморья, содержащий обломки раковин моллюсков. Пригодные для стеклоделия пески с примесью морских раковин, судя по письменным источникам, происходят, в частности, из устья р. Бел и с побережья между г. Акко и заливом Хайфы (Страбон, География, 16.2.25; Плиний Старший, Естественная история, 7.36.66; Иосиф Флавий, Иудейская война, 2.10.2), что подтверждают и современные исследования (Brill, 1988. Р. 265–267), в том числе результаты изотопного анализа полуфабрикатов, происходящих из левантийских стекловаренных центров (Freestone et al., 2003). По комплексу данных анализов химического состава и изотопного стекло из Фанагории наиболее близко сериям римского и левантийского (I) стекла, имевшим хождение в Средиземноморье и на территории Европы соответственно в I–III вв. и начиная с IV в., а в некоторых случаях, возможно, стеклу "НИМТ" серии (IV–V вв.). Если полученные выводы верны, то можно говорить о наличии в Фанагории вторичных стеклообрабатывающих мастерских, работавших на полуфабрикатах стекла – предметах далекого импорта, происходивших, вероятнее всего, с левантийского побережья и, возможно, из Юго-Восточного Средиземноморья. Если рассматривать данный вывод с точки зрения реконструкции экономических отношений античных центров Северного Причерноморья и Римской империи, а также организации стеклоделательного производства в позднеантичное время в целом, то полученный результат позволяет заключить, что стеклообрабатывающие центры азиатского Боспо-

ра были включены в единую средиземноморскую систему торговли полуфабрикатами стекла. По-видимому, импорт полуфабрикатов стекла с экономической точки зрения был выгоднее, чем организация стекловарения на месте, предполагавшая в первую очередь эмпирический поиск источников пригодного сырья, а также импорт природной соды и расположение в непосредственной близости от производства колоссальных источников топлива. По данным исследований материалов из западной части Римской империи, значительная, если не большая часть стекла поступала в мастерские римского запада также в виде полуфабрикатов с Востока, хотя объемы производимых там стеклянных изделий были существенно больше, чем в Северном Причерноморье.

Учитывая как малый объем выборки и сложности, возникшие при интерпретации результатов анализов фанагорийских находок, так и относительно новую мировую практику применения изотопного анализа для определения происхождения стекла, чем обусловлен сравнительно небольшой объем накопленных данных, представленные результаты могут рассматриваться лишь как предварительные. К сожалению, мы не располагаем данными по изотопному составу песков черноморского региона, которые позволили бы получить более достоверные выводы о происхождении находок. Ввиду этого невозможно полностью исключить версию местного производства стекла, близкого по составу известным средиземноморским сериям.

Таким образом, проблема организации стеклоделательного производства в Северном Причерноморье, вопросы о его характере, возможных источниках сырья и взаимосвязи со средиземноморской торгово-производственной системой далеки от разрешения и остаются актуальными.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Президиума РАН, программа "Традиции и инновации в истории и культуре".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгии (I–III вв.). М.: Интербук-бизнес, 2007. 160 с.
- Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 216 с.
- Голофаст Л.А., Ольховский В.С. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // ПИФК. 2013. № 2. С. 55–78.
- Николаева Э.Я. Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 1991. Вып. 204: Античный мир и варвары Евразии. С. 50–57.

- Ольховский С.В., Румянцова О.С. Новая категория находок и проблема стеклоделия на Таманском полуострове в римское время // Тр. III (XIX) ВАС / Отв. ред.: Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. С. 320, 321.
- Румянцова О.С. Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего средневековья: источники, факты, гипотезы // РА. 2011. № 3. С. 99–110.
- Румянцова О.С. Золотостеклянные бусы позднеантичного времени: проблема происхождения // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время. В печати.
- Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. Вып. III / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1993. С. 16–21.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. // КСИА. 1978. № 156. С. 16–21.
- Щанова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Изд-во МГУ, 1983. 200 с.
- Brill R.H. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds // Weinberg G.D. Excavations at Jalame: Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia: University of Missouri, 1988. P. 257–294.
- Degryse P., Schneider J. Pliny the Elder and Sr-Nd isotopes: tracing the provenance of raw materials for Roman glass production // JAS. 2008. 35. P. 1993–2000.
- Drauschke J., Greiff S. Chemical aspects of Byzantine glass from Caričin Grad/Iustiniana Prima (Serbia) // Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses: International: Workshop organized by the Byzantine Archaeology, Mainz, 17th–18th of January 2008, Römisch-Germanischen Zentralmuseum / Eds J. Drauschke, D. Keller. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2010. P. 25–46.
- Foster H.E., Jackson C.M. The composition of “naturally coloured” late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply // JAS. 2009. 36. P. 189–204.
- Foy D. Recyclages et réemplois dans l’artisanat du verre. Quelques exemples antiques et médiévaux // La ville et ses déchets dans le monde romain. Rebut et recyclages: Actes du colloque 19–21 sept. 2002, Poitiers / Eds P. Ballet, P. Cordier, N. Dieudonné-Glad. Montagnac, 2003. P. 271–276.
- Foy D., Nenna M.-D. Tout feu, tout sable. Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence: Musées de Marseille: Éditions Édisud, 2001. 256 p.
- Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V. Caractérisation des verres de la fin de l’Antiquité en Méditerranée occidentale: l’émergence de nouveaux courants commerciaux // Échanges et commerce du verre dans le monde antique: Actes du colloque de l’Association Française pour l’Archéologie du Verre. Aix-en-Provence et Marseille, 7–9 juin 2001 / Eds D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac: Éditions Monique Mergoïl, 2003. P. 41–78.
- Freestone I.C. The Provenance of Ancient Glass through Compositional Analysis // Materials Issues in Art and Archaeology. VII: Materials Research Society Symposium Proceedings / Eds P.B. Vandiver, J.L. Mass, A. Murray. Warrendale: Cambridge University Press, 2005. P. 195–208.
- Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Hughes M.J. Composition of primary glass from Israel // Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millénaire av. J.-C. au Moyen Âge / Ed. M.-D. Nenna. Lyon, 2000. P. 65–84 (Travaux de la Maison de l’Orient Méditerranéen; 33).
- Freestone I.C., Leslie K.A., Thirlwall M., Gorin-Rosen Y. Strontium isotopes in the investigation of early glass production: Byzantine and early Islamic glass from the Near East // Archaeometry. 2003. 45. P. 19–32.
- Freestone I.C., Ponting M., Hughes M.J. Origins of Byzantine glass from Maroni Petrera, Cyprus // Archaeometry. 2002. 44. P. 257–272.
- Freestone I.C., Wolf S., Thirlwall M. The production of HIMT glass: Elemental and Isotopic evidence // Annals du 16e Congrès de l’Association Internationale pour l’Histoire du Verre (L., 2003). Nottingham: AIHV, 2005. P. 153–157.
- Freestone I. C., Wolf S., Thirlwall M. Isotopic composition of glass from the Levant and south-eastern Mediterranean Region // Isotopes in Vitreous Materials / Eds P. Degryse, J. Henderson, G. Hodgson. Leuven: Leuven University Press, 2009. P. 31–52.
- Gorin-Rosen J. Hadera, Bet Eli’ezer // Excavations and surveys in Izrael. 1995. V. 13. P. 42, 43.
- Gorin-Rosen J. The Ancient Glass Industry in Israel: Summary of the Finds and New Discoveries // La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millénaire av. J.-C. au Moyen Âge / Ed. M.-D. Nenna. Lyon, 2000. P. 49–64 (Travaux de la Maison de l’Orient Méditerranéen; 33).
- Ignatiadou D., Antonaras A. Glassworking ancient and medieval: Terminology, technology and typology // A Greek-English, English-Greek Dictionary. Thessaloniki: Center for the Greek Language, 2008. 224 p.
- Jackson C.M., Hunter J.R., Warren S.E., Cool H.E.M. The analysis of blue-green glass and glassy waste from two Romano-British glass working sites // Archaeometry. 1991. 90. P. 295–304.
- Kowalti I., Curvers H.H., Sturt B., Sablerolles Y., Henderson J., Reynolds P. A pottery and glass production site in Beirut // Bulletin d’Archéologie et d’Architecture Libanaise. 2008. 10. P. 103–129.
- Nenna M.-D. Production et commerce du verre à l’époque impériale: nouvelles découvertes et problématiques // Facta. 2007. № 1. P. 125–148.
- Nenna M.-D., Picon M., Vichy M. L’atelier de verrier de Lyon et l’origine des verres “romains” // Revue d’archéométrie. 1997. 21. P. 81–87.

RAW GLASS IMPORT TO TAMAN IN THE LATE ROMAN TIME: FIRST RESULTS AND INTERPRETATION

Ol'ga S. Rumyantseva, Sergey V. Olkhovskiy

(o.roumiantseva@mail.ru, ptakkon@yandex.ru)

Pieces of raw glass were found in the submarine excavation of Phanagoria while investigating the port construction. The archaeological context of the finds allows dating them back to the 3rd–4th cc. AD. The complex of elemental and isotopic analysis data makes it possible to suppose that the glass originates from the Levant, and probably, from the Southeastern Mediterranean. Assuming that, secondary workshops of Asian Bosphorus used the imported semi-products, being part of the Mediterranean system of raw glass trading.

Key words: glass working production, Roman time, Northern Black Sea region, chemical composition of glass, isotopic analysis.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., Sorokina N.P., 2007. Kolleksiya stekla antichnoy Gorgippii (I–III vv.) [Collection of glass of the antique Gorgippia (1–3 cc.)]. Moscow: Interbuk-biznes. 160 p.
- Brill R.H., 1988. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds. Weinberg G.D. *Excavations at Jalame: Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine*. Columbia: University of Missouri, pp. 257–294.
- Degryse P., Schneider J., 2008. Pliny the Elder and Sr-Nd isotopes: tracing the provenance of raw materials for Roman glass production. *Journal of archaeological science*, 35, pp. 1993–2000.
- Drauschke J., Greiff S., 2010. Chemical aspects of Byzantine glass from Caričin Grad/ Justiniana Prima (Serbia). *Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses: International: Workshop organised by the Byzantine Archaeology*. J. Drauschke, D. Keller, eds. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, pp. 25–46.
- Foster H.E., Jackson C.M., 2009. The composition of “naturally coloured” late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply. *Journal of archaeological science*, 36, pp. 189–204.
- Foy D., Nenna M.-D., 2001. Tout feu, tout sable. Mille ans de verre antique dans le Midi de la France. Aix-en-Provence: Musées de Marseille: Éditions Édisud. 256 p.
- Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V., 2003. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux. *Échanges et commerce du verre dans le monde antique: Actes du colloque de l'Association Française pour l'Archéologie du Verre*. D. Foy, M.-D. Nenna, eds. Montagnac: Éditions Monique Mergoïl, pp. 41–78.
- Foy D., 2003. Recyclages et réemplois dans l'artisanat du verre. Quelques exemples antiques et médiévaux. *La ville et ses déchets dans le monde romain. Rebut et recyclage*: Actes du colloque. P. Ballet, P. Cordier, N. Dieudonné-Glad, eds. Montagnac, pp. 271–276.
- Freestone I.C., Wolf S., Thirlwall M., 2009. Isotopic composition of glass from the Levant and south-eastern Mediterranean Region. *Isotopes in Vitreous Materials*. P. Degryse, J. Henderson, G. Hodgson, eds. Leuven: Leuven University Press, pp. 31–52.
- Freestone I.C., 2005. The Provenance of Ancient Glass through Compositional Analysis. *Materials Issues in Art and Archaeology. VII. Materials Research Society Symposium Proceedings*. P.B. Vandiver, J.L. Mass, A. Murray, eds. Warrendale: Cambridge University Press, pp. 195–208.
- Freestone I.C., Gorin-Rosen Y., Hughes M.J., 2000. Composition of primary glass from Israel. *Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millinaire av. J.-C. au Moyen-Âge*. M.-D. Nenna, ed. Lyon, pp. 65–84 (Travaux de la Maison de l'Orient Méditerranéen, 33).
- Freestone I.C., Leslie K.A., Thirlwall M., Gorin-Rosen Y., 2003. Strontium isotopes in the investigation of early glass production: Byzantine and early Islamic glass from the Near East. *Archaeometry*, 45, pp. 19–32.
- Freestone I.C., Ponting M., Hughes M.J., 2002. Origins of Byzantine glass from Maroni Petrera, Cyprus. *Archaeometry*, 44, pp. 257–272.
- Freestone I.C., Wolf S., Thirlwall M., 2005. The production of HIMT glass: Elemental and Isotopic evidence. *Annals du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Nottingham: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, pp. 153–157.
- Galibin V.A., 2001. Sostav stekla kak arkhéologicheskii istochnik [Glass composition as an archaeological source]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 216 p.
- Golofast L.A., Ol'khovskiy V.S., 2013. Amfornaya tara iz podvodnykh raskopok v akvatorii Fanagoriyskoy gavani [Amphorae from the submarine excavations in the water area of Phanagoria harbor]. *Problemy istorii, filologii,*

- kul'tury [Problems of history, philology and culture]*, 2, pp. 55–78.
- Gorin-Rosen J., 1995. Hadera, Bet Eli'ezer. *Excavations and surveys in Israel*, 13, pp. 42, 43.
- Gorin-Rosen J., 2000. The Ancient Glass Industry in Israel: Summary of the Finds and New Discoveries. *La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millénaire av. J.-C. au Moyen Âge*. M.-D. Nenna, ed. Lyon, pp. 49–64 (Travaux de la Maison de l'Orient Méditerranéen, 33).
- Ignatiadou D., Antonaras A., 2008. Glassworking ancient and medieval: Terminology, technology and typology. A Greek-English, English-Greek Dictionary. Thessaloniki: Center for the Greek Language. 224 p.
- Jackson C.M., Hunter J.R., Warren S.E., Cool H.E.M., 1991. The analysis of blue-green glass and glassy waste from two Romano-British glass working sites. *Archaeometry*, 90, pp. 295–304.
- Kowalti I., Curvers H.H., Sturt B., Sablerolles Y., Henderson J., Reynolds P., 2008. A pottery and glass production site in Beirut. *Bulletin d'Archéologie et d'Architecture Libanaise*, 10, pp. 103–129.
- Nenna M.-D., 2007. Production et commerce du verre à l'époque impériale: nouvelles découvertes et problématiques. *Facta*, 1, pp. 125–148.
- Nenna M.-D., Picon M., Vichy M., 1997. L'atelier de verrier de Lyon et l'origine des verres "romains". *Revue d'archéométrie*, 21, pp. 81–87.
- Nikolaeva E.Ya., 1991. Steklodelie na Bospore [Glassworking on Bosphorus]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [BCIA]*, 204, pp. 50–57.
- Ol'khovskiy S.V., Rumyantseva O.S., 2011. Novaya kategoriya nakhodok i problema steklodeliya na Taman-skom poluostrove v rimskoe vremya [New category of finds and the problem of glassworking on the Taman peninsula in Roman times]. *Trudy III (XIX) Vse-rossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda [Transactions of 3 (XIX) All-Russian archaeological Congress]*, I. N.A. Makarov, E.N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Novgorodskiy tekhnopark, pp. 320–321.
- Rumyantseva O.S., 2011. Steklodelatel'noe proizvodstvo v rimskoe vremya i epokhu rannego srednevekov'ya: istochniki, fakty, gipotezy [Glass production in Roman time and early Middle Ages: sources, facts and hypotheses]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 3, pp. 99–110.
- Rumyantseva O.S., in print. Zolotosteklyannye busy pozdneantichnogo vremeni: problema proiskhozhdeniya [Goldglass beads of the late Ancient times: problems of origin]. *Steklo Vostochnoy Evropy v drevnosti, Srednevekov'e i Novoe vremya [Glass in Eastern Europe in the Antiquity, Middle Ages and Modern Age]*.
- Sazanov A.V., 1993. Pozdnie tipy uzkogorlykh svetloglin-yanykh amfor [Late types of narrow neck light clay amphorae]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the archaeology, history and ethnography of Tauria]*, III. A.I. Aybabin, ed., comp. Simf-eropol': Tavriya, pp. 16–21.
- Shchapova Yu.L., 1983. Ocherki istorii drevnego steklodeliya: (po materialam doliny Nila, Blizhnego Vostoka i Evropy) [Essays of the history of ancient glassworking: (on the materials of the river valley Nile, Middle East and Europe)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 200 p.
- Shelov D.B., 1978. Uzogorlye svetloglinyanye amfory pervykh vekov n.e. [Narrow neck light clay amphorae of the first centuries AD]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [BCIA]*, 156, pp. 16–21.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ ЕДИНСТВЕ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

© 2015 г. А.Л. Белицкая

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар
(belitskaia522@yandex.ru)*

В настоящей статье предпринята попытка определения степени близости Юванаягского, Шойнаягского, Боргангельского, Веслянского I и Сэбысьского курганных могильников, функционировавших на Европейском Северо-Востоке в конце V – VII в. Применение формально-статистических методов позволило представить погребальный обряд в виде совокупности категорий и разделить на ряд ключевых для курганных могильников признаков. Все некрополи, несмотря на большую близость к могильникам ломоватовской и неволинской культур Прикамья, имеют отличия в погребальном обряде, позволяющие выделить их в единую группу памятников типа Веслянского I могильника. Юванаягский и Боргангельский могильники составляют ядро этой группы. Сэбысьский могильник, расположенный в Припечорье, обнаруживает отличия, которые могут объясняться взаимодействием носителей различных культурных традиций.

Ключевые слова: археологические памятники, погребальный обряд, курганный могильник, формально-статистический метод, культурное единство, миграции.

Погребальные памятники – один из ценнейших источников для изучения древних человеческих обществ, содержащий информацию о религиозно-мифологическом, социальном, экономическом аспектах их существования, которые, с одной стороны, отражают уровень развития социума, с другой, показывают изменения, происходящие в нем. В изучении вопросов, связанных с погребальными памятниками, важное место занимает исследование особенностей погребального обряда древних некрополей.

“В отличие от этнографии, где под этим понимается сам процесс захоронения умершего и различные ритуальные действия, в археологии имеются в виду лишь конечные результаты той деятельности, которая оказалась овеществленной, опредмеченной в остатках сооружений, вещах, положении костей животных да и остатках скелета. По этим остаткам возможно реконструировать весь процесс как последовательную цепь действий. Погребальный обряд отражает определенные духовные и мировоззренческие представления, поэтому он унаследовал и основные черты этих явлений – традиционность и консерватизм” (Генинг, Борзунов, 1975. С. 42). В.С. Ольховский отмечает, что консерватизм присущ в первую очередь религиозно-идеологической сфере, в сфере практической он более гибок, чем и объясняются примеры поливариантности раз-

личных акций погребального обряда в рамках одной культурной общности и даже культуры (1986. С. 67–73).

В настоящей работе на основании данных погребального обряда предпринимается попытка решения вопроса о культурной принадлежности и культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-Востока (далее ЕСВ). Источниковую базу исследования составили данные 58 курганов и 139 погребений Юванаягского, Боргангельского, Веслянского I, Сэбысьского, Шойнаягского могильников. Небольшие размеры Вомыньягского могильника и незначительное число материала не позволяют использовать его данные в силу нерепрезентативности выборки; открытый В.Н. Кармановым в 2013 г. Эжольский могильник находится в процессе изучения.

Курганные могильники представляют одно из самых ярких явлений в археологии ЕСВ. Их изучение начинается со времени открытия Э.А. Савельевой Веслянского I могильника в 1961 г. В 1980–2000 гг. исследовались пять памятников: Юванаягский, Боргангельский, Вомыньягский, Шойнаягский, Сэбысьский могильники. В 2013 г. был открыт еще один некрополь – Эжольский. В настоящее время на территории ЕСВ известно семь курганных некрополей, шесть из

которых находятся в бассейне р. Вычегда, один – Сэбысьский – расположен в Припечорье. Проблема их культурного единства имеет в своем рассмотрении два аспекта: соотношение степени близости курганных могильников на территории ЕСВ; определение степени их близости с памятниками соседних территорий. Первый аспект – предмет рассмотрения настоящей статьи, относительно второго можно отметить, что все исследователи, занимавшиеся проблемами функционирования некрополей, сходятся в том, что курганные могильники ЕСВ составляют единую культурную общность с территорией Прикамья. Однако они по-разному рассматривают вопрос о степени их близости к синхронным памятникам прикамских территорий.

Р.Д. Голдина и Л.И. Ашихмина напрямую связывают эти памятники с харинским этапом ломоватовской археологической культуры. Л.И. Ашихмина высказала мнение, что “курганные могильники ЕСВ составляют пятую, более северную, Вычегдскую группу харинских древностей” (1988б. С. 16). Р.Д. Голдина признает синхронность бытования памятников на территории Верхнего Прикамья и Повычегдья. Изучение вещевого инвентаря позволило ей соотнести материалы могильников ЕСВ с харинским типом вещей. Она отметила, что “выделяется три локальных района расселения пришельцев: верховья Выми (Весляна I), бассейн Нившеры (Боргангель и Ювана-яг) и Сысолы (Шойна-яг)” (Голдина, 2004. С. 269).

Э.А. Савельева, признавая культурную общность курганных некрополей Прикамья и ЕСВ, выделяет их в особый культурный тип – памятники типа Веслянского I могильника, не соотнося ни с одной из групп прикамских памятников (Археология Республики Коми, 1997. С. 422).

И.О. Васкул и Ф.В. Овчинников в публикации материалов Шойнаягского могильника высказали предположение о том, что данный памятник имеет признаки, отличающие от других подобных ему на территории ЕСВ, что сближает Шойнаягский могильник с харинскими памятниками Верхнего Прикамья (1999. С. 55, 56).

А.Л. Багин, автор раскопок Сэбысьского могильника, заметил, что этот памятник по ряду элементов погребального обряда сближается с курганными могильниками Повычегдья и Прикамья, но в то же время имеет ряд особенностей, связанных с взаимодействием с припечорским населением (2007. С. 108).

Ниже приведены основные сведения о курганных могильниках ЕСВ, отражающие характерные элементы погребального обряда (таблица).

В погребальном обряде могильников прослеживаются как общие черты, так и различия. Более ранние по времени сооружения курганы окружены кольцевидными и серповидными канавками, позднее – ямами, из которых брался грунт для сооружения насыпи. Для всех могильников, за исключением Сэбысьского, характерно размыкание канавок со стороны реки. На Юванаягском могильнике канавки разомкнуты с юга и юго-востока, на Боргангельском – с запада и востока, Шойнаягском – с севера и запада, на Сэбысьском – с юга. На Веслянском I могильнике этот конструктивный элемент не зафиксирован.

Следует отметить большую роль огня в погребальном обряде. Под насыпями курганов встречаются углистые прослойки и остатки горелого дерева, что позволяет предполагать наличие дополнительных конструкций, возведенных при создании насыпи и сожженных в результате поминальных действий. В заполнении ровиков Боргангельского и Шойнаягского могильников зафиксированы угли. На Сэбысьском и Веслянском I могильниках в заполнении могил прослеживаются углисто-золевые прослойки.

Костные останки в могильниках сохранились плохо, однако, судя по фрагментам и костному тлену, ингумация была преобладающим способом захоронения. Л.И. Ашихмина в одном случае на Юванаягском (1987. С. 13) и Э.А. Савельева в трех на Веслянском I (1963. С. 94) могильниках предполагают возможное трупосожжение. Характерная поза умерших – вытянуто на спине, головой к реке. В одной могиле Боргангельского могильника умерший лежал скорченно на боку (Ашихмина, 1988б. С. 9).

Характерно расположение погребального инвентаря в основном на дне погребений, в анатомическом порядке. На Шойнаягском и Веслянском I могильниках единичные предметы найдены в межмогильном пространстве, на Боргангельском – в заполнении ровиков. Предметы из засыпи погребений могли попасть туда в результате грабительских действий.

Среди видов оружия – мечи, кинжалы, боевые топоры, наконечники копий и стрел, преобладают первые два вида. Кинжалы иногда сопровождалась находками ножен. На всех могильниках, кроме Боргангельского, исследованы захоронения с кольчугами, которые Л.И. Ашихмина считает погребениями знати (1987. С. 13). Предметы вооружения размещались на дне погребений, сбоку от умершего на уровне пояса или в области головы, редко – в засыпи погребений.

Сведения о курганных могильниках Европейского Северо-Востока

Могильник	Юванаягский	Борганьельский	Шойнаягский	Веслянский I	Сэбысьский
Датировка	Конец V–VI в.	VI–VII вв.	Вторая половина V – первая половина VI в.	VI–VII вв.	Конец V–VI в.
Расположение	На возвышенности параллельно старичному оз. Ивкаты. 3 км к юго-востоку от д. Ивановка, Корткеросский р-н РК	На песчаной гриве террасы параллельно руслу р. Нившера. 2.5 км к северо-востоку от д. Алексеевка, Корткеросский р-н РК	На гриве старичного озера р. Сысола перпендикулярно ему ¹ . 1.5 км к востоку от д. Кагорт, Сыктывдинский р-н РК	На левом берегу р. Вымь параллельно течению. 1 км к северу от д. Весляна, Княжпогостский р-н РК	На правом берегу р. Ижма перпендикулярно течению. 2.5 км к западу от с. Ижма, Ижемский р-н РК
Количество курганов, погребений ²	9 курганов, 23 погребения (4 грунтовые)	25 курганов, 48 погребений (5 грунтовые)	17 курганов, 23 погребения (2 грунтовые). В работе задействованы материалы 16 курганов и 22 погребений ³	2 кургана, 27 погребений (14 грунтовые ⁴)	6 курганов, 38 погребений. В работе задействованы материалы 19 погребений ⁵
Количество курганных рядов, их ориентировка	Два ряда, ВЮВ–ЗСЗ и ЮВ–СЗ	Один ряд, ЮЗ–СВ	Два ряда, С–Ю	Один ряд, С–Ю	Один ряд, СЗ–ЮВ
Форма насыпи (%): овальная прямоугольная иная	88.9 – 11.1	52 40 8	68.8 25 6.2	100 – –	33.3 16.7 50
Размеры насыпей (м)	4–14.5 × 3–6	2.85–11.5 × 1.6–8.5	1.9–6.8 × 2.5–6.2	4 × 6 и 18 × 6	2–3.5 × 1.5–4
Высота насыпи (%): 0.1–0.2 м 0.2–0.3 м 0.3–0.5 м	44.4 22.2 11.1	40 52 –	17.6 17.6 58.8	50 – 50	– – –
Преобладающая ориентировка насыпей (%)	ЮЗ–СВ и ЮЮЗ–ССВ (по 33.3)	СЗ–ЮВ и З–В (по 36)	З–В (56.3)	–	–
Погребений под насыпью (%): одно два три и более	66.7 11.1 22.2	68 20 12	70.6 23.5 5.9	– – 100	66.7 – 33.3
Впускные погребения (%)	8.7	4.2	–	7.4	15.8
Тип ям (%): простые с уступами	69.6 30.4	89.6 10.4	100 –	92.6 7.4	89.5 10.5
Форма ям (%): овальные прямоугольные	14.3 78.3	12.5 81.3	36.4 27.2	18.5 77.8	15.8 42.1

Могильник	Юванаягский	Борганьельский	Шойнаягский	Веслянский I	Сэбысьский
Стенки ям (%): прямые наклонные	43.5 39.1	20.8 22.9	22.7 77.3	33.3 33.3	47.4 47.4
Преобладающая ориентировка ям (%)	ЮЮЗ–ССВ (52.2)	ЗСЗ–ВЮВ (58.3)	СЗ–ЮВ (40.9)	З–В (63)	С–Ю (36.8)
Внутримогильные сооружения (%)	60.7	66.7	40.9	22.2	26.3
Оборачивание берестой (%)	43.5	41.7	–	40.7	5.3
Инвентарь (%): вооружение украшения керамика предметы быта ножи поясная гарнитура обувные пряжки предметы культа	95.7 13.6 29.4 18.1 – 72.7 36.4 50 9.1	87.5 26.2 45.2 21.4 16.7 54.8 47.6 33.3 16.7	81.8 27.8 38.9 22.2 – 22.2 27.8 11.1 16.7	88.9 20.8 62.5 12.5 12.5 20.8 50 12.5 20.8	100 10.5 21.1 36.8 10.5 10.5 36.8 5.3 5.3

¹ Описание топографического положения курганных рядов и погребений проводится относительно старицы реки, так как на момент функционирования могильника, вероятно, это было ее русло.

² Грунтовые погребения могильников не имеют отличий от подкурганных по обряду захоронения.

³ Курган 17 и захоронение под ним полностью разрушены, погребение 3 кургана XVI было разрушено погребением 1 этого же кургана.

⁴ Выявлены Э.А. Савельевой. Возможно, часть погребений, отнесенных к грунтовым, является подкурганными.

⁵ Использованы материалы погребений, введенных в научный оборот.

Предметы хозяйственного инвентаря единичны: топор, шило, пинцет (?), мотыга (?), скобель, молоток, оселок. Изделия размещались в центре погребений, сбоку от покойного или в изголовье. Ножи как универсальное орудие были выделены в отдельную категорию вещевого инвентаря. Их клали в центр погребений, сбоку от покойного, в изголовье или в ногах. Также обломки ножей встречены в насыпи погребений. Большая их часть плохой сохранности, что не позволяет установить функциональное назначение.

Керамический комплекс памятников, как правило, небогат, самая многочисленная коллекция на Сэбысьском могильнике. Большая часть найденной посуды располагалась вверх дном под насыпью курганов на уровне древней поверхности. Также керамика встречается в заполнении погребений, на их дне и, как указывалось выше, в заполнении ровиков. Посуда чашевидной формы, украшена многорядными шнуровыми линиями, зубчатыми штампом и ямками.

Самая распространенная категория погребального инвентаря – украшения, более разнообразны коллекции Борганьельского и Веслянского I могильников. Среди них янтарные, каменные, металлические и стеклянные бусы, гривны, браслеты, височные подвески и кольца, спиралевидные, зооморфные и орнитоморфные пронизки, цепедержатели, геммы и пр. Украшения (за исключением бус, которые могли рассыпаться в ногах) располагались на дне могилы так, как носились при жизни или были сложены в жертвенные комплексы в центре погребений. Жертвенные комплексы представляют собой берестяные коробочки или кожаные мешочки (Веслянский I могильник), расположенные в центре погребения, в которых содержались подношения предкам. За исключением Сэбысьского могильника, все памятники содержали жертвенные комплексы.

Судя по положению деталей поясной гарнитуры, которые находились на дне могил, пояс мог быть надет на покойника или находиться разомкнутым сбоку от него, на Веслянском I могильнике один эк-

земляр был сложен в ногах. Обувные пряжки, как правило, располагались в области ног. Л.И. Ашихмина, проанализировав их местоположение, сделала вывод, что обувь древнего населения была двух видов – с застежками у колен и у щиколоток (2003. С. 46, 47).

Культовое значение могли носить лицевые маски (наглазники и наротники), металлическая и деревянная посуда, монеты, дроты (бронзовые слитки). Чаши и дроты обычно лежали в центре погребения (за исключением тех, что были выброшены в грабительские ямы), сбоку от умершего, лицевые маски прослежены в области головы, в единственном случае – в центре ямы. Монеты найдены только на Веслянском I могильнике, на дне и за пределами могильной ямы, на ее краю (Савельева, 1975. С. 13, 17).

В засыпи захоронений Юванаягского могильника зафиксирован тлен от костей животных (17.4%). Л.И. Ашихмина предполагает, что это были кони, уложенные головой в сторону водоема (1988а. С. 12).

Курганные могильники ЕСВ использовались довольно непродолжительное время, примерно полтора столетия и, тем не менее, их погребальный обряд, несмотря на столь короткий срок бытования памятников, не оставался неизменным. В первую очередь это проявляется в изживании обычая насыпать курганы и появлении грунтовых захоронений. Кроме того, различия в размерах погребений, их форме, конструктивных особенностях, погребальном инвентаре могли быть вызваны не только трансформацией погребального обряда, но и различиями в культурной традиции групп населения, оставившего их.

В качестве основы для определения степени культурного единства курганных могильников ЕСВ был использован метод, предложенный В.Ф. Генингом и В.А. Борзуновым (1975. С. 44–70)¹. В погребальном обряде было выделено пять фаз (надмогильное сооружение; могильная яма; внутримогильное сооружение; останки погребенного; погребальный инвентарь) и 62 признака, характеризующие его.

Надмогильное сооружение определяют форма, высота и ориентировка насыпи, наличие в ней погребального инвентаря.

При описании могильной ямы рассматривались количество погребений под насыпью, их форма и ориентировка, размеры и конструктивные особен-

ности, наличие впускных сооружений в насыпь. Размеры погребений варьируют, поэтому для удобства статистических подсчетов искусственно были выведены общие интервалы длины, ширины и глубины. Малыми считались погребения размерами 80–173 × 35–98 × 20–53 см, средними – 172–266 × 99–163 × 54–86, большими – 267–328 × 164–205 × 87–120.

Вид внутримогильного сооружения сложно определить из-за плохой сохранности (исследователями выделены колода или гробовище, сруб, настилы из плах; на Юванаягском и Борганьельском могильниках отмечены захоронения в лодках), поэтому для внутримогильных сооружений отмечалось только их наличие и оборачивание берестой покойного.

При характеристике умершего отмечался способ его захоронения и положение в могиле (в тех случаях, когда это удавалось определить).

При описании погребального инвентаря учитывалось наличие его основных категорий: предметов вооружения, украшений, культовых предметов, керамики, поясных наборов и обувных пряжек, ножей.

Кости животных, найденные на Юванаягском могильнике, отнесены к обрядовым действиям. Некоторыми исследователями они трактуются как погребальный кортеж (Ольховский, 1986. С. 27).

Полученные в ходе работы результаты отразили степень сходства (в %) памятников: I ранг – Борганьельский и Юванаягский могильники (79.9), II ранг – Борганьельский и Веслянский I могильники (78), III ранг – Шойнаягский и Борганьельский могильники (76.7), IV ранг – Шойнаягский и Сэбысьский могильники (74.2), V ранг – Веслянский I и Сэбысьский могильники (73.6), VI ранг – Юванаягский и Веслянский I могильники (73.3), VII ранг – Борганьельский и Сэбысьский могильники (73.1), VIII ранг – Шойнаягский и Юванаягский могильники (72.8), IX ранг – Юванаягский и Сэбысьский могильники (72.6), X ранг – Шойнаягский и Веслянский I могильники (70.2).

Нужно отметить, что данные показатели довольно высоки и имеют небольшое значение между крайними цифрами – 9.7%. Для их интерпретации исследователи вводят искусственные интервалы, например, В.М. Массон выделял для локальных вариантов культуры интервал 100–50%, для культуры – 50–30, для культурной общности – 30–20 (Савельева, 1985. С. 5). В.Ф. Генинг и В.А. Борзунов использовали понятие “критерий значимости”, который носит субъективный характер. Вслед за указанными авторами в настоящей работе за заданный уровень был принят коэффициент 0.9. Критерий

¹ В указанной статье подробно описан весь механизм исследования, поэтому нет необходимости останавливаться на этом в настоящей работе.

значимости определяется путем умножения максимальной величины парного коэффициента сходства на заданный уровень:

$$R = 79.9 \times 0.9 = 71.9\%.$$

Таким образом, для курганных могильников ЕСВ принадлежащими к одной культуре будут памятники, парные коэффициенты сходства которых выше 71.9%. В матрице парных коэффициентов сходства первые девять рангов имеют значение выше заданного, лишь у пары Шойнаягский–Веслянский I могильники коэффициент ниже заданного уровня на 1.7%. Это может указывать на то, что памятники принадлежат к одной культурной общности, либо объясняться степенью их изученности и методикой исследования.

Среди памятников одной культуры могут выделяться локальные варианты. Для их выявления применима формула Г. Стреджерсса для вычисления интервалов:

$$F = \frac{x_{\max} - x_{\min}}{1 + 3.32 \cdot \lg n},$$

где x_{\max} – наибольшее значение среди парных коэффициентов сходства, а x_{\min} – наименьшее. Эта формула позволяет разделить памятники на группы и выделить уровни связей. При полученном интервале, равном 2.2%, выделяется пять уровней связей, которые делят курганные некрополи на группы по степени их близости: первая группа (79.1–81.2%) – Борганьельский и Юванаягский могильники; вторая группа (76.8–79%) – Борганьельский и Веслянский I могильники; третья группа (74.7–76.7%) – Борганьельский и Шойнаягский могильники; четвертая группа (72.5–74.6%) – Шойнаягский и Сэбысьский, Веслянский I и Сэбысьский, Юванаягский и Веслянский I, Борганьельский и Сэбысьский, Шойнаягский и Юванаягский, Юванаягский и Сэбысьский могильники; пятая группа (70.2–72.4%) – Шойнаягский и Веслянский I могильники.

Таким образом, полученные результаты указывают, что наибольшей близостью обладают Борганьельский и Юванаягский, а наименьшей – Шойнаягский и Веслянский I могильники. Первые три типологические группы объединяются наличием в парах Борганьельского могильника, практически во всех парах четвертой группы присутствует Сэбысьский могильник. Это говорит о том, что погребальный обряд Борганьельского могильника обнаруживает в себе общие черты, сближающие его с остальными памятниками, а Сэбысьский, напротив, не обнаруживает большой близости ни с одним из них. Данный факт подтверждается матрицей парных коэффициентов, которая позволяет

определить памятник, обладающий наиболее характерными чертами погребального обряда: первый ранг – Борганьельский могильник – 76.9%, второй ранг – Юванаягский могильник – 74.7, третий ранг – Веслянский I могильник – 73.8, четвертый ранг – Шойнаягский могильник – 73.5, пятый ранг – Сэбысьский могильник – 73.4.

Ключевое положение Борганьельского могильника объясняется, видимо, тем, что в его материалах нашли выражение самые характерные и существенные черты погребального обряда курганных могильников ЕСВ. Здесь четко прослеживается трансформация погребального обряда курганных могильников ЕСВ. Это обусловлено несколькими факторами: во-первых, размерами – Борганьельский могильник самый крупный курганный некрополь на ЕСВ; во-вторых, временем его бытования – VI в., когда Шойнаягский и Юванаягский могильники уже функционировали, а Веслянский I появился несколько позднее.

Далеко не самые высокие коэффициенты сходства Шойнаягского и Юванаягского могильников, использовавшихся в один период, позволяют предположить наличие двух одновременных параллельных волн миграции родственных племен на территорию ЕСВ, погребальный обряд которых, тем не менее, имел различия. Абсолютные коэффициенты сходства совокупностей признаков свидетельствуют, что эти памятники сближаются по способам обустройства могильной ямы и погребальному инвентарю, а по морфологическим и конструктивным особенностям надмогильных и внутримогильных сооружений имеют меньшее сходство.

Территориальная близость Юванаягского могильника к Борганьельскому и самый высокий парный коэффициент сходства позволяют утверждать, что эти курганные некрополи составляют локальную группу, оставленную, скорее всего, одной группой населения.

Сэбысьский могильник имеет средние процентные показатели в рангах сходства и группах связей, что говорит о некоторых особенностях погребального обряда этого памятника, которые выражаются в первую очередь в больших размерах погребений и большем количестве керамического материала. Наибольшие коэффициенты сходства он имеет с Шойнаягским и Юванаягским могильниками, что, возможно, обусловлено синхронностью их бытования. Отличия могут объясняться взаимодействием населения, оставившего Сэбысьский могильник, с группами припечорского населения. Дальнейшие исследования этого памятника позволят уточнить имеющиеся результаты.

Слабая по сравнению с остальными памятниками связь Юванаягского и Шойнаягского могильников с Веслянским I может быть вызвана несколькими причинами. Веслянский I могильник – самый поздний из всех курганных некрополей ЕСВ, отличия в его погребальном обряде могут объясняться изменениями в духовных представлениях, вызванными взаимодействием с автохтонным населением. Некрополи VII–VIII вв. на ЕСВ, оставленные группами местного населения, грунтовые, их погребальный обряд резко отличается от погребального обряда курганных могильников (Королев, 1997. С. 112–120). На Веслянском I могильнике к наиболее поздним относится группа грунтовых захоронений, расположенных обособленной группой (Савельева, 1979. С. 95, 96). Эти факты могут косвенно указывать на процесс ассимиляции пришлого населения.

Групповой анализ абсолютных коэффициентов сходства позволил проследить, по каким признакам все курганные памятники имеют наибольшую близость. Самые высокие показатели относятся к характеристикам могильной ямы и внутримогильных конструкций, погребального инвентаря и позы погребенного. Меньшие показатели по обустройству надмогильного сооружения, размерам могильной ямы. Слабую степень сходства памятники имеют по таким признакам, как ориентировка насыпей и могильных ям, но это вполне объяснимо. Курганные ряды ориентировались на воду, умерших старались хоронить головой к водоему (Юванаягский, Борганьельский и Веслянский I могильники) или параллельно ему (Шойнаягский и Сэбысьский могильник).

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что все рассмотренные памятники принадлежат к одному культурному типу, который вслед за Э.А. Савельевой предлагается назвать “памятниками типа Веслянского I могильника”. Выделяется три локальных варианта: А) Сэбысьский могильник; Б) Шойнаягский могильник; В) Юванаягский, Борганьельский и Веслянский I могильники. Последние три составляют его ядро, отличия в погребальном обряде Шойнаягского и Сэбысьского могильников могут объясняться отличиями в культурной традиции населения.

Вопрос об этнокультурной принадлежности групп населения, оставившего курганные некрополи на ЕСВ, по-прежнему остается открытым. Полученные в ходе работы результаты позволяют говорить о как минимум двух параллельных потоках переселенцев, шедших с территории Прикамья, где в конце V в. существуют две родственные культуры: ломоватовская и неволинская.

И.О. Васкул и Ф.В. Овчинников в публикации материалов Шойнаягского могильника отмечают, что он близок к курганам Косинской группы ломоватовских памятников, прежде всего Митинскому могильнику (1999. С. 56). С памятниками ломоватовской культуры его сближают такие признаки, как ориентировка погребений СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ, их размеры и форма; вид внутримогильных конструкций; расположение и состав погребального инвентаря.

Юванаягский и Борганьельский могильники обнаруживают большее сходство с памятниками неволинской культуры, которое проявляется в ориентировке насыпей и погребений, форме могильных ям, видах внутримогильных сооружений, обращении покойника берестой и его положении при захоронении, составу инвентаря. В погребальном инвентаре Веслянского I могильника прослеживаются аналогии с некрополями как ломоватовской, так и неволинской культур, но по ряду топографических признаков памятник сближается с неволинской культурой.

Как явление археологии Северного Приуралья курганные могильники ЕСВ стали отражением этнокультурных процессов, происходивших в Приуралье в середине I тыс. н.э., представляя собой единое явление для региона ЕСВ. Некрополи, отражающие события эпохи Великого переселения народов, представляют перспективную область исследования. Всестороннее их изучение позволит дать ответы на вопросы, связанные с переходным периодом от раннего железного века к раннему средневековью.

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект №12-П-6-1002.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.
- Аишхмина Л.И. Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1987 г. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. 1987. Ф. 5 Оп. 2. Д. 387.
- Аишхмина Л.И. Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского археологического отряда 1988 г. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. 1988а. Ф. 5. Оп. 2. Д. 404.
- Аишхмина Л.И. Погребальный обряд курганного могильника Борганьель // Серия препринтов “Научные доклады”. Вып. 191. Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1988б. 20 с.
- Аишхмина Л.И. “Модели” обуви с территории финно-угров // Интеграция археологических и этнографиче-

- ских исследований. Омск: Наука-Омск, 2003. С. 144–149.
- Багин А.Л. Первые результаты исследований могильника VI века Сэбысь в среднем Припечорье // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Мат-лы I Всерос. науч. конф. Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 107–109.
- Васкул И.О., Овчинников Ф.В. Шойнаягский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. С. 44–56. (Мат-лы по археологии Европейского Северо-Востока; Вып. 16).
- Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. Свердловск: УрГУ, 1975. С. 42–77.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 499 с.
- Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средние века. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 194 с.
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 65–76.
- Савельева Э.А. Первый Веслянский могильник // Историко-филологический сборник. Вып. 8. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1963. С. 87–99.
- Савельева Э.А. Отчет об археологических исследованиях Северо-Двинской экспедиции Коми филиала АН СССР 1974 г. // Архив Музея археологии и этнографии СыктГУ. 1975. Ф. 2. Д. 2.
- Савельева Э.А. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 91–96.
- Савельева Э.А. Этногенез коми-зырян (по данным археологии) // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. 1985. С. 3–19 (Тр. ИЯЛИ КФ АН СССР; Вып. 36).

ON THE QUESTION OF CULTURAL PROPINQUITY OF BURIAL MOUNDS OF THE EUROPEAN NORTH-EAST

Anastasia L. Belitskaya

*Institute of language, literature and history, Komi Scientific center,
Ural branch of RAS, Syktyvkar (belitskaia522@yandex.ru)*

The article makes an attempt to identify the degree of propinquity on the basis of analysis of burial rites of the Yuvanayagsky, Shoynayagsky, Borganyolsky, Veslyansky I and Sebysky burial mounds functioned in European North-East in the end of 5th–7th centuries. A formal statistical approach permits to conceive a funeral rite as a complex of categories and divide into a number of key signs for burial mounds. The results of analysis allow to draw a conclusion that in spite of the great propinquity to the relics of the Lomovatovsky and Nevolinsky cultures of Prikamye all the necropolises are different in funeral rites that permit to distinguish them into a united group of sites as, for example, Veslyansky I burial mound. The Yuvanayagsky and Borganyolsky burial mounds are the core of this group. The Sebysky burial mound, situated in Pripechorye, bears no resemblance to other Vychehodsky relics of the past. It shows differences which can be explained by the interaction of the inhabitants that had left it with the inhabitants of Pripechorye.

Key words: archaeological sites, funeral rite, burial mound, formal statistical approach, cultural propinquity, migrations.

REFERENCES

- Arkheologiya Respubliki Komi [Archaeology of the Komi Republic], 1997. E.A. Savel'eva, ed. Moscow: DiK. 758 p.
- Ashikhmina L.I., 1987. Otchet ob issledovaniyakh Vychehodsko-Vyatskogo otryada v 1987 g. [Report on the researches of Vyshegodsk-Vyatsk expeditions in 1987]. *Nauchnyy arkhiv Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otd. RAN* [Scientific Archive of the Komi Scientific centre of the Ural branch of RAS], F. 5, Op. 2. D. 387. (In Russian, unpublished).
- Ashikhmina L.I., 1988a. Otchet ob issledovaniyakh Vychehodsko-Vyatskogo arkhologicheskogo otryada 1988 g. [Report on the researches Vyshegodsk-Vyatsk in 1988]. *Nauchnyy arkhiv Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Archive of the Komi Scientific centre of the Ural branch of RAS], F. 5. Op. 2. D. 404. (In Russian, unpublished).
- Ashikhmina L.I., 1988b. Pogrebal'nyy obryad kurgannogo mogil'nika Borgan'el' [Funeral rite of the burial ground Borganjol]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otd. AN SSSR. 20 p. (Seriya preprintov "Nauchnye doklady", 191).

- Ashikhmina L.I., 2003. "Modeli" obuvi s territorii finno-ugrov [Shoe "makes" on the territory of the Finno-Ugric]. *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographical researches]. Omsk: Nauka-Omsk, pp. 144–149.
- Bagin A.L., 2007. Pervye rezul'taty issledovaniy mogil'nika VI veka Sebys' v srednem Pripechor'e [First results of the examination of the 6 c. barrow Sebys in the middle Pechora region]. *Permskie finny: arkhologicheskie kul'tury i etnosy: materialy I Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Perm Finns: archaeological cultures and ethnic groups: proceedings of I National scientific Conference]. Syktyvkar: Red.-izd. otdel IYLI Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otd. RAN, pp. 107–109.
- Gening V.F., Borzunov V.A., 1975. Metodika statisticheskoy kharakteristiki i sravnitel'nogo analiza pogrebal'nogo obryada [Method of statistic characteristics and comparative analysis of the burial ritual]. *Voprosy arkhologii Urala* [Problems of Ural Archaeology], 13. Sverdlovsk: Ural'skiy gos. univ., pp. 42–77.
- Goldina R.D., 2004. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda [Ancient and Medieval History of the Udmurtia people]. Izhevsk: Udmurtskiy gos. univ. 499 p.
- Korolev K.S., 1997. Naselenie sredney Vychehdy v drevnosti i srednie veka [Population of middle Vychehda in ancient times and Middle Ages]. Ekaterinburg: Ural'skoy otd. RAN. 194 p.
- Ol'khovskiy V.S., 1986. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' v sisteme vzaimosvyazannykh ponyatiy [Burial-obit ritualism in the system of interrelated notions]. *SA* [SA], 1, pp. 65–76.
- Savel'eva E.A., 1963. Pervyy Veslyanskiy mogil'nik [First Veslyansk barrow]. *Istoriko-filologicheskiiy sbornik* [Historical-Philological Collection], 8. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, pp. 87–99.
- Savel'eva E.A., 1975. Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh Severo-Dvinskoy ekspeditsii Komi filiala Akademii nauk SSSR 1974 g. [Report on archaeological researches of Northern Dvina expedition of the Komi Department of Academy of Sciences of the USSR in 1974]. *Arkhiv Muzeya arkhologii i etnografii Syktyvorskogo gos. univ.* [Archive of Archaeological and Ethnographical Museum of Syktyvkar State Univ.], F. 2. D. 2 (In Russian, unpublished).
- Savel'eva E.A., 1979. Khronologiya pogrebal'nykh kompleksov Veslyanskogo I mogil'nika [Chronology of the burial complexes of the burial ground Veslyansk I]. *KSIA* [BCIA], 158, pp. 91–96.
- Savel'eva E.A., 1985. Etnogenez komi-zyryan (po dannym arkhologii) [Ethno genesis of Komi-Zyrian (on archaeological data)]. *Problemy etnogeneza naroda komi* [Problems of ethno genesis of the Komi people]. Syktyvkar: Komi filial AN SSSR, pp. 3–19 (Trudy IYLI Komi filiala AN SSSR, 36).
- Vaskul I.O., Ovchinnikov F.V., 1999. Shoynayagskiy mogil'nik [Shoynayagsk barrow]. *Etnokul'turnye protsessy v drevnosti na Evropeyskom Severo-Vostoke (istochniki i issledovaniya)* [Ethno cultural processes in ancient times on the territory of European North-East (sources and researches)]. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otd. RAN, pp. 44–56 (Materialy po arkhologii Evropeyskogo Severo-Vostoka, 16).

ЛЕНТА ИЗ МОЩЕВОЙ БАЛКИ: ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ ИСТОЧНИКА

© 2015 г. С.Б. Сорочан*, В.С. Флёров**

* Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина

** Институт археологии РАН, Москва
(valerij-flyorov@yandex.ru)

Предмет исследования – шелковая лента византийского изготовления с надписью с упоминанием протоспафария Иваниса. Лента найдена в могильнике VIII–IX вв. Мощевая Балка, Карачаево-Черкесия, Северо-Западный Кавказ. Предложено новое прочтение надписи. Критически рассмотрены следующие возможности: использование ленты как полноценного исторического источника; определение ее узкой даты; выяснение обстоятельств, при которых лента оказалась в могильнике.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Византия, протоспафарий, крепость Хумара, болгары, хазары.

Уже на первой странице “Введения” к прекрасно изданной книге об известном могильнике Мощевая Балка ее автор А.А. Иерусалимская пишет о многих “загадках”, связанных с найденными в нем тканями, изображениями и надписями на них (2012. С. 10). К таким загадкам едва ли не в первую очередь относится и надпись на шелковой ленте византийского изготовления с упоминанием протоспафария Ибаноса/Ибана, как он именуется в книге (Иерусалимская, 2012. С. 31, 135).

Дискуссия о ленте не завершена, и авторы данной статьи нашли возможным принять в ней участие. Придерживаясь в целом общей позиции, но имея различную специализацию, мы решили выступить совместно, но, с одной стороны, сохранив при этом тексты каждого, не опасаясь некоторых повторов аргументаций, а, с другой стороны, сохранив особенности в трактовке памятника.

С.Б. Сорочан: Лента из Мощевой Балки приобретает все большую известность благодаря необычному сочетанию материала и формы предмета с содержанием его надписи, прочтение и понимание которой лежат в основе дальнейшего использования этого в равной степени исторического и археологического источника.

Первые прочтение и перевод надписи на именной шелковой ленте, выполненные В.С. Шандровской, в целом верны: “...Слава тебе (да здравствуй) достопочтенный (прославленный) господин Иване протоспафарий, процветанию и молодости [своим] [ты] радуешься...” (Иерусалимская, 1996. С. 80).

В последнем издании: “...Привет тебе, достопочтенный господин Ибана протоспафарий, ты процветашь в молодости [своей], торжествуешь (вариант: радуешься)...” (Иерусалимская, 2012. С. 135).

Как уточненный вариант можно было бы предложить следующее: ...ΙΜΕ ΧΑΙΡΕ ΕΝΔΟΞΕ ΚΥΡ[ΙΕ] ΙΒΑΝΗ ΠΡΟΤΟΣΠΑΦΑΡΙΕ ΑΝΘΗΣ ΣΥ[Ν] ΝΕΟΤΗΣ ΦΑΙΔΡΥΝΗ[Σ]... Перевод: “...приветствую досточтимый (прославленный) кир Ивани, протоспафарий, процветай с молодости (юности), радуйся (украшайся)...” Дело в том, что во второй публикации А.А. Иерусалимской в греческом тексте оказались пропущены или перепутаны некоторые буквы: ΧΑΙΕ (вместо ΧΑΙΡΕ – радуйся), ΑΝΘΗΧ (вместо ΑΝΘΗΣ; это *Coniunctivus praesentis activi*, 2 л. *Sing.* от гл. φαῖδρύνω – процветать; правильнее должно быть ΑΝΘΗΣ, но так как Ι не читается, то ее вполне могли опустить при написании уставным шрифтом), ΧΥ[Ν] (вместо ΣΥ[Ν] оригинала; это четко просматривается и означает предлог “с, вместе, совместно”, который требует дательного падежа, но стоящее после него существительное стоит в именительном падеже; возможно здесь ΣΥ[Ν] использовали не как предлог, а как приставку и оно составило одно слово с существительным), ΝΕΟΤΗΧ (вместо ΝΕΟΤΗΣ, т.е. от νεότης – молодость, юность, III склонение), ΦΑΙΔΡΥΝΗ[Ο] (вместо ΦΑΙΔΡΥΝΗ[Σ] или ΦΑΙΔΡΥΝΗΙΣ, *Coniunctivus praesentis activi*, 2 л. *Sing.* от гл. φαῖδρύνω). Видимо, такие отклонения от оригинала – следствие тривиальных опечаток при переносе предложенного В.С. Шандровской текста в издание монографии А.А. Иерусалимской 2012 г.

Недавно А.Ю. Виноградов, обратившись к памятнику, предложил свой вариант прочтения текста (IME XAIPEENΔOΞE KYPIBANHΠPOTOΣΠAΘAPIE ANΘHΣΣYHNEOTHΣ ΦAIDPYNH) и перевод, во многом совпадающий с нашим: "...радуйся, славный господин Иваний (или: Ваний) протоспафарий; пусть цветет твоя молодость, пусть сияет..." (Виноградов, 2013. С. 21–24). Имя IBANH (Ивани в рейхлиновом, Ибане в эразмовом произношении) читается совершенно ясно. Оно происходит от IBANHΣ (возможно, образованное от IOANNHΣ [IOANHΣ]) и, согласно византийской традиции должно читаться Иванис. Слово "кир" действительно переводится как "господин" (варианты – "хозяин, государь") и встречается в благопожелании – аккламации протоспафарию как вокатив KYPI, на что обратил внимание А.Ю. Виноградов (2013). Такое сокращение от KYPI[IE] в звательном падеже вполне допустимо, причем при обращении "господин" должно было бы быть множественное число XAIPETE. а не XAIPE, на что следует обратить внимание.

В ранней Византии *кир* мог быть титулом, который соответствовал высшему классу чиновных званий. Но, важно подчеркнуть, он же обозначал некоторых иноземных правителей и был близок по смыслу к топарху – "правителю местности". Так называли правителей независимых и полунезависимых политических образований, расположенных в приграничных районах Византии и находившихся в союзных с империей отношениях. В византийских источниках эквивалентом этого термина служили чаще всего титулы *архонт*, *игемон*, а в Таврике, очевидно, *кир*. В частности, так именовали должностное лицо в крымской архонтии и феме Херсон конца VIII – IX в., которое обладало имперскими санами (ипат, спафарокандидат) (Сорочан, Смычков, 2006. С. 207–216, 359, 361; Сорочан, 2011. С. 524, 726). Разница лишь в том, что при передаче византийской титулатуры сначала шел титул, а затем должность, тогда как в рассматриваемом варианте на ленте из Мощевой Балки сначала следует должность (если это должность, а не обращение, вокатив или имя собственное) и лишь затем титул, причем весьма престижный, значительный, хотя и не "чрезвычайно" (Иерусалимская, 2012. С. 135).

Протоспафарий дословно означало "первый меченосец". Так поначалу титуловали командира дворцового вооруженного отряда. Это был сан ниже патрикия и магистра, но достаточно высокий (11-е, начиная с низшего, место в Тактиконах IX в.). Как "генеральский" титул он стал использоваться гораздо раньше, вероятно, уже с конца VII – начала VIII в., и жаловался преимущественно военным или околвоенным, обычно стратигам

(военачальникам, правителям округа или фемы, комендантам городов), апостратигам (отставным стратигам), а также придворным и императорским слугам, "царевым мужам", включая иноземцев, почетным стражникам василевса, которые имели право участвовать в торжественных выходах царя и организации царских пиров (примеры – протоспафарию Хрисотриклина и Лавсиака). Согласно "Клиторологию" Филофея 899 г., различали два вида протоспафарию – "бородатых" (*barbatoi*) и евнухов (*ektomiai*), причем последние стояли выше. Важно отметить, что симеей (*simeia*), т.е. инсигнией, знаком власти носителей этого титула было никак не шелковая лента, подобная ленте из Мощевой Балки, а золотое оплечье – нашивной шелковый или из золота маниаккий (*maniakion*), украшенный жемчугом, и особая одежда – белая, украшенная золотом туника и красная накидка-мантия с золотой каймой. Не-евнухи вместе с титулом получали лично от василевса золотое ожерелье (*kloios*), украшенное драгоценными камнями, и, надо подчеркнуть, церемония вручения этой симеи происходила обязательно в Константинополе, при дворе. Все протоспафарию, исполнявшие придворные должности, именовались в целом официалами. В "Пире" Евстафия Ромея, юридическом трактате первой трети XI в., указывается, что лица, имевшие титул протоспафарию, как и лица, которым были присвоены еще более высокие титулы, являлись членами синклита – совещательного органа при императоре, который состоял из высших чиновников и военных, действительных и находившихся в отставке, и имел еще и судебные функции (Bury, 1911. P. 22, 123; Guiland, 1967. P. 99–131; Oikonomides, 1972. P. 297; Protospatharios, 1991. P. 1748; Сорочан, 2011. С. 663).

Насколько все это относимо к упомянутому на ленте протоспафарию, сказать трудно. Мог быть возможен и первый, и второй вариант. Но в любом случае обращение, как и сама надпись, и вообще великолепно выполненная узкая, шириной 1.1 см, тесьма-лента (налобная? наградная?), не традиционны для византийской административной, церемониальной или дипломатической практики. Судя по сохранившимся двум фрагментам (большому, с текстом указанным выше, и малому, с пятью-шестью сохранившимися буквами, из которых отчетливо разбираются лишь ПРО), а также остатку слова ...IME (возможно, ... HME) – началу обращения к протоспафарию, лента могла иметь одинаковую надпись спереди и сзади (общая сохранившаяся длина 46,1 см). Начертание букв ее уставного шрифта, как и общая датировка могильника, позволяют относить находку не только к VIII в., как полагает А.А. Иерусалимская, но и к

IX в., если не позже. К такому же выводу пришел и А.Ю. Виноградов (2013). Прежде я излишне доверчиво отнесся к публикации 1996 г. и, не имея возможности познакомиться с артефактом, вслед за А.А. Иерусалимской отнес ленту к свидетельствам сложных арабо-византийско-хазарских отношений на Северном Кавказе в 30–40-е годы VIII в. (Сорочан, 2005. С. 490, 491). Полных аналогий она действительно не имеет. Скорее всего, мы имеем дело не с обычным церемониальным предметом, знакомым атрибутом протосафария, неким вариантом пояса, золотого ожерелья или маниака, а с экстраординарным уникальным изделием, выпущенным в столичной византийской мастерской для некоего конкретного протосафария, причем не грека, к какому-то неизвестному нам событию.

Имя Иванис, переданное в греческой транскрипции, явно не ромейское, но и не тюркское. У болгар, насколько известно, в VIII–IX вв., до принятия христианства оно не встречалось, а появилось в славяно-болгарской ономастике не ранее конца IX – начала X в. (Иван и еще более поздний Иванко), на что уже обратил внимание С.Н. Малахов, но не учла в своих построениях А.А. Иерусалимская (Малахов, 2004. С. 221). Одно из таких первых свидетельств относится к Ивану, сыну болгарского царя Симеона (893–927 гг.), неудачному претенденту на трон, который в 927/928 г. поднял бунт против недавно унаследовавшего престол брата, царя Петра (927–969 гг.), и в итоге был брошен в тюрьму, а затем отправлен в Константинополь, с которым Петр заключил мир (Попконстантинов, 1994). Имя Иван (HBANN), написанное по-гречески, встречается на редком византийском моливдовуле из Перника (изображение св. Димитрия и надпись на обороте: “Господи, помоги рабу Иванн(и)”), т.е. на ней фигурирует переданное в греческой транскрипции болгарское крестильное имя византийского функционера, но печать относится к 1040–1070 гг., т.е. датируется скорее всего не ранее середины XI в., когда Болгария находилась под византийским владычеством и существовала практика награждать за службу местную знать (Юркова, 1983. С. 135. Табл. IV, 9)¹.

Впрочем, не исключены кавказские, грузинские (Иванэ, Иоване) или армянские (Ваанис, Вааниос, Ванис) аллюзии имени Иванис, но уверенности в этом тоже нет. Так, А.Ю. Виноградов считает возможным видеть на ленте указание на кира Ваниса, что позволило бы отнести функционера с таким именем к армянам IX в. Но это привлекательное исследовательское допущение ставило бы в тупик

современников, которые не знали, что им читать на ленте – имя Иванис или Ванис, поскольку знак разделения отсутствовал. Кроме того, это армянское имя, как правило, писалось с двумя “а” – Ваанис, что признает сам А.Ю. Виноградов (2013). Наконец, нельзя забывать и о славянской возможности этнонима Иванис (Малахов, 2004. С. 122). Странно, что имя протосафария и кира не было дано в греческой надписи в византийском крестильном варианте, каковым, скорее всего, стал бы Иоанн. Это можно объяснить только тем, что адресат ленты оставался не крещеным. Последнее обстоятельство тоже склоняет к предположению о его не ромейском происхождении.

Наконец, возможен и еще один, пока не учтенный другими исследователями вариант: Кир не обращение, а имя собственное, редкое, но известное в греческой ономастике ранневизантийского и средневизантийского периодов, особенно на Ближнем Востоке, и тогда дело идет о некоем крещеном “досточтимом Кире Иванисе”, где Иванис – фамильное имя, патроним. Отсюда обращение к нему ΧΑΙΡΕ, а не ΧΑΙΡΕΤΕ.

В любом случае, если (!) Иванис написано правильно, без ошибок и искажений, это был иноземец, инородец – “эфник”, хотя и на ромейской службе или, по меньшей мере, под ромейским влиянием. Что он делал в этом регионе и был ли в нем вообще, тоже остается в области догадок. Во всяком случае отождествлять его поле деятельности именно с Хумаринской крепостью и помещать туда ставку протосафария Иваниса нет абсолютно никаких оснований (Иерусалимская, 2012. С. 136). С таким же успехом появление ленты в районе важных во всех отношениях перевалов верховьев Лабы и Кубани можно соотнести с хорошо известными из сообщений Константина Багрянородного и Продолжателя Феофана событиями, связанными с присылкой хаганом и пехом Хазарии в 833 г. посольства в Константинополь с просьбой помочь отстроить крепость Саркел на Дону и весьма результативной экспедицией протосафария Петроны Каматира, который через Пафлагонию и Херсон отправился выполнять это поручение василевса Феофила. Этот регион, как и алано-абхазская граница, всегда находились в русле приоритетных стратегических интересов Византийской империи, тем более в неудачную для ромеев эпоху борьбы с арабами в Малой Азии, Колхиде, Абхазии в 30–50-е годы IX в., к перипетиям которой с неопределенной долей вероятности могло относиться появление именной шелковой ленты из Мошевой Балки.

Очевидно приоткрыть завесу тайны редкого артефакта мог бы анализ редкого имени его вла-

¹ Приносим благодарность проф. Георги Атанасову (Болгария) за помощь в этих разысканиях.

дельца, того, кому был вручен этот дар, но кто был его носителем этнически, остается неизвестным. В византийской ономастике Иваниса нам разыскать не удалось, и лишь косвенные факты допускают его славяно-болгарский вариант. Однако условия находки ленты открывают большой простор для домыслов, слишком много соединительных звеньев отсутствует.

Появление ленты на Северном Кавказе могло быть совершенно случайным, следствием предыдущих этапов перехода из рук в руки, например в виде военной добычи, причем даже с территории Балкан, как и последующая судьба, учитывая то прозаическое обстоятельство, что местные обитатели той же Мощевой Балки использовали шелка самого разного производства и рисунка, включая их лоскутки, которые сшивали между собой без учета сюжетов изображенного на них. Наконец, ее могла приспособить местная девочка или девушка в качестве налобной ленты, пример чему дает находка в одной из могил подобной ленты, украшенной нашитыми брактеатами с византийских монет (Иерусалимская, 2012. С. 72, 73). Содержание рисунков, как и надписи, даже если ее могли понять, нисколько не волновало таких “потребителей” экзотичной “красивости”. Похожая плотная шелковая лента из золотых и серебряных нитей с шахматным узором в виде мелких параллелограммов, но притороченная к круглой шапочке, известна в коллективной ранневизантийской гробнице – кимитирии из портового района крымского Херсона, где она покоилась на черепе молодого человека, похороненного в отличие от остальных в гробу (Раскопки в Херсонесе, 1906. С. 22; Косцюшко-Валюжинич, 1905. С. 38. Рис. 1, 2; Иванов, 1912. С. 315). В случае же с рассматриваемым протоспафарием это была самостоятельная, вероятно, налобная плотная лента-тесма или, точнее, облегченная диадема в виде дорогой шелковой ленты, что объясняет наличие на ней одинаковой надписи спереди и сзади. Подобные златотканые, но не именные шелковые ленты, украшенные жемчужинами, встречались даже в повседневном императорском обиходе, а не только в придворных церемониях (Сорочан, 2011. С. 44, 456).

Таким образом, вся информация, которую несет лента протоспафария, заключается в гипотетическом указании на некую существовавшую в исторической реальности политическую связь Кавказа, его туземных анклавов, пограничных лимитрофов с Византией в VIII–IX вв. Причем, учитывая особенности имени, как уже сказано, все же наиболее вероятно его славяно-болгарское происхождение, и в этом случае Иванис никак не мог появиться ранее

крещения Болгарии. Скорее всего, дорогую ленту-диадему в свое время вручали в Константинополе сравнительно юному, молодому иноземцу – эфнику, может быть, сыну иноземного правителя. Намек в благопожелании на цветущую молодость, юность данного лица не обязательно аллюзия на текст раздела 5 Псалом 102, как полагает А.Ю. Виноградов (2013). За услуги (оказанные или возможные в перспективе) его почтили саном протоспафарий с жалованьем 72 номисм, соответствующими выплатами, а, возможно, и другими дарами. Последнее было вполне в духе дипломатической практики ромеев, охотно использовавших такой вариант скрытого подкупа. Именно так армянский правитель Гурген Арцруни получил чин ипата от василевса Михаила III (Юзбашян, 1988. С. 97, 98). Случалось, что жаловали и титулом патрикия, а то и кесаря, как это можно видеть на примерах не крещеных болгарских вождей Органа-Орахана, Куврата, Тервела и прочих или даже крещеного “кира Симеона василевса Болгарии” (Люттвак, 2012. С. 252–256, 268).

В любом случае, подыскивая все новые и новые гипотезы и искусственно подгоняя их к находке, невозможно выйти из области предположений, в которой держит исследователей интерпретация уникального артефакта из Мощевой Балки.

В.С. Флёров: К византийской ленте из Мощевой Балки (далее М.Б.) А.А. Иерусалимская впервые, если не ошибаюсь, обратилась в небольшой публикации, заголовок которой заканчивался знаком “?” (Иерусалимская, 1996. С. 80, 81). Датировав тогда ленту VIII в., она предложила использовать ее “для реконструкции событий на самом Северном Кавказе”, при этом выразила уверенность в реальном пребывании в регионе протоспафария Ивана (имя в переводе З.С. Шандровской). Принимая версию Д. Моравчика о тюркских корнях этого предположительно болгарского имени, она тем самым определяет и этнос протоспафария. И если (здесь и далее курсив мой. – В.Ф.) он этнический болгарин, то оказывается “уместна” его отправка на Северный Кавказ, “одного или с войском” “для поддержки Хазарского каганата в противостоянии с арабами”. Мало того, “не исключено”, что Иван/Иванос одержал “какую-то победу”, за что и удостоен чествования с получением шелковой ленты с именным ему посвящением. Конкретизируется и место его пребывания – “вероятно” Хумаринская крепость.

Версия может показаться достаточно стройной, но создана исключительно на цепочке предположений, самым ненадежным в котором оказывается первое, основанное на обращении к труду Д. Мо-

равчика (Moravcsik, 1958. S. 136)². Но даже если исключить эту простительную ошибку и все-таки предположить болгарские корни и болгароязычие протосафария, то всплывает проблема этноса и языка погребенных в М.Б., населения Хумаринской крепости, да и в целом верховьев рек Большой Лабы и Кубани, а то и шире – Западного Предкавказья.

Будем объективны, версия о принадлежности скальных могильников болгарам существует. Последовательным сторонником тюркизации/болгаризации Западного Предкавказья выступает И.М. Чеченов. Так, к периоду VIII–IX вв., времени функционирования могильника М.Б., он относит “широкое распространение “государственного” тюркского (хазаро-булгарского) языка, появление письменности на тюркской основе” (Чеченов, 2002. С. 130). Действительно, знаки тюркской руники и даже надписи на стенах Хумаринской крепости присутствуют (Кузнецов, 1963; Биджиев, 1983. С. 82), но они не дешифрованы, и язык надписей остается под вопросом, как и язык надписей на блоках Маяцкой крепости³. Более определенно и с выводом о возможном существовании в указанном регионе тюрко-болгарского варианта “общегосударственной” салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата И.М. Чеченов пишет в другой публикации (2006). Помимо рунических надписей он привлекает для сравнения с Хумарою крепости Хазарского каганата, причем из совершенно разных его районов. Это – Маяцкая на северных окраинах с катакомбным, т.е. явно не болгарским могильником, и катакомбами на Маяцком поселении⁴; в центре каганата Правобережная Цимлянская, могильник которой не открыт; кирпичный Саркел также с не найденным могильником. И как указывает сам И.М. Чеченов, есть как сторонники болгарской принадлежности скальных могильников, так и ее противники. Другими словами, проблема их этноса продолжает быть предметом дискуссий. Однако, как бы они не завершились, итог никак не поможет установить, кем же был протосафарий Ивани, ибо его болгарская принадлежность постулирована на

неверном использовании А.А. Иерусалимской труда Д. Моравчика. Круг замкнулся.

Итоги археологического изучения М.Б. были подведены в неопубликованной диссертации Е.И. Савченко (1997), в основу которой легли материалы Северо-Кавказской экспедиции ИА СССР (Гей, Каменецкий, 1986. С. 49, 50). Только по статистике сохранившихся и разграбленных захоронений можно представить, какой огромный массив вещей, в том числе тех, которые, возможно, прояснили бы обстоятельства и время появления на р. Большая Лаба ленты протосафария, потерян: из 568 обследованных – не ограбленными или частично ограбленными оказались 36, т.е. 6.33% (Савченко, 1997. С. 9). Лента попала в руки исследователей не только без комплекса других вещей из того же погребения, но и на фоне ущербного археологического контекста. Нет возможности сколь-либо уточнить его дату, как и окружавших его погребений.

Утрата сопутствующих ленте вещей делает ненадежным следующее заключение А.А. Иерусалимской: “Есть основание датировать ленту VIII в. подобно ряду других византийских шелков, вторично использованных в Мошовой Балке”. Лента, будем верить авторитетному специалисту по византийским тканям, может относиться к VIII в., но дата погребения, в котором она оказалась, навсегда останется неизвестной, как и длина отрезка времени между изготовлением ленты и ее попадания в скальную могилу (мужчины, женщины, подростка?). Соответственно нет оснований уверенно связывать участие протосафария в сдерживании натиска арабов на Северный Кавказ в первой трети VIII в., независимо от того, был ли он болгарин (по А.А. Иерусалимской), и предполагать размещение его ставки в Хумаре.

Как обстоит дело с хронологией Хумаринской крепости? Объективный и обоснованный ответ на этот вопрос содержится в исследовании В.Н. Каминского и И.В. Цокур. Придя к выводу об участии в строительстве крепости византийских мастеров, они пишут: “Археологические материалы из Хумаринской крепости представлены в основном керамикой, которая в настоящее время слабо дифференцирована и имеет широкую датировку в рамках VIII–X вв. Поэтому материалы крепости, неоднократно публиковавшиеся Х.Х. Биджиевым, не позволяют точно датировать время возведения крепостных стен. К тому же, как отмечает Х.Х. Биджиев, гора Калеж, на которой возведена Хумаринская крепость, была заселена задолго до появления крепости [Биджиев, 1983, с. 95–97]” (Каминский, Цокур, 2001. С. 181). Далее авторы делают попытку отнести строительство Хумары к IX в., синхро-

² Глубокая признательность Сергею Григорьевичу Кляшторному, сообщившему в ответ на нашу просьбу о консультации следующее: «Я проверил ссылку А.А. Иерусалимской на Моравчика, там значится, что в форме “Иван” известна одна болгарская фамилия XII в., все остальные в форме Иоанн».

³ Две длинные рунические надписи давно открыты на Маяцком городище, но также остаются непрочитанными. Большой катакомбный могильник при Маяцкой крепости дает возможность предполагать, что руника маяцкого населения зафиксировала один из аланских диалектов, но попыток проверить это никто не сделал.

⁴ Ради точности укажу, что в составе Маяцкого комплекса среди десятков катакомбных есть отдельные ямные погребения, одно с подбоем, а также захоронения в хозяйственных ямах.

низируя ее с Саркелом (Каминский, Цокур, 2001. С. 182)⁵. Итак, по мнению А.А. Иерусалимской, лента датируется VIII в.; по археологическим данным, Хумаринская крепость датирована в широком диапазоне VIII–X вв. с упором на IX в.

Попыткам связать каким-либо образом предполагаемое болгарство протоспафария Ивани, крепость Хамару и могильник М.Б. препятствует следующее. Могильник Хумары, который мог бы дать сведения об этносе населения крепости, пока не обнаружен. Что касается этноса населения, оставившего могильник М.Б., то Е.И. Савченко дал весьма расплывчатое описание его погребального обряда: “В погребальном обряде прослежены как местные традиции, ведущие свое начало еще с эпохи бронзы, так и сармато-аланские черты”. В итоге же он объединял М.Б. с разнообразными могильниками Северо-Западного Кавказа (Нижний Архыз, Уллу-Кулак, могильник 1 Первомайского городища, у х. Ильич, в балке Каменистой на р. Большая Лаба и скальные захоронения на р. Теберда⁶) и салтово-маяцкой культурой (Савченко, 1996. С. 131). Разорение захоронений не дало возможности Е. И. Савченко более точно указать на параллели погребальному обряду М.Б. и уточнить этнос местного населения.

Свои построения по поводу истории ленты А.А. Иерусалимская с некоторыми вариациями повторяет в 2012 г.: “Имя протоспафария, значащееся на ленте из М.Б., – “Ибанос” (Ибанос) – специалисты *склонны считать* в такой его форме тюркским, приводя соответствующие примеры подобного имени, которое носили византийцы болгарского происхождения или знатные болгары [Moravcsik, 1958. S. 136]. В любом случае такая интерпретация имени протоспафария, посланного на Северный Кавказ Византией при обострении отношений с арабами для помощи местным племенам, была бы естественной. Незадолго до этого арабские военные силы систематически крушили алан, хазар и тюрко-болгар. В такой ситуации *представлялось бы* вполне уместным желание Византии укрепить свои позиции на Северном Кавказе, направив туда своего полководца (к тому же, *вероятно*, владевшего языком, имевшим хождение в этих местах). Ставка его *могла бы* находиться в Хумаринской крепости. Так или иначе, факт пребывания на Северо-Западном Кавказе византийского протоспафария, причем, видимо, добившегося известных успехов (арабы

так и не устремились в эти районы), – несомненен” (Иерусалимская, 2012. С. 135, 136; курсив везде мой. – В.Ф.).

Итак, осталась ссылка на исследование Д. Моравчика (не исключая, что упомянутая выше публикация С.Н. Малахова могла быть А.А. Иерусалимской не известна), за которой идет цепь предположений, опубликованных исследовательницей ранее. Совершенно очевидно, что А.А. Иерусалимская чрезмерно превысила уровень информации о протоспафарии, содержащейся в самом источнике, “дополнив” ее собственной реконструкцией. Что касается “известных успехов” протоспафария, то скорее можно предположить (столь же бездоказательно) его неудачу, если не гибель, в результате чего лента оказалась в чужих руках и в конечном итоге нашла пристанище в М.Б. В одном согласимся с А.А. Иерусалимской: все подробности, связанные с судьбой протоспафария и его ленты, “вряд ли когда-нибудь станут известны”.

Вторую версию происхождения протоспафария по имени Иван предложил С.Н. Малахов. В соответствии с ней протоспафарий отнесен ко второму поколению славян – переселенцев из Дунайской Болгарии в Малую Азию. Дальнейшая реконструкция появления протоспафария в Северо-Западном Предкавказье отличается от построений А.А. Иерусалимской лишь деталями⁷.

Подведем итоги, касающиеся информации, которую содержит рассматриваемый источник.

1. Материал, технология, язык надписи, упоминаемый ранг “протоспафарий”, несомненно, указывают на византийское происхождение ленты.

2. Текст надписи дошел в отрывке. Безусловно, она благопожелательная, аккламационная, приветственная, что отметил и С.Н. Малахов. Но в ней нет указаний на наградной характер. Заметим, определение “наградная” А.А. Иерусалимская взяла в кавычки. По какому случаю лента вручена протоспафарии, когда и где – неизвестно.

3. Ширина ленты, всего 11 мм, и высота букв 3–3.5 мм однозначно показывают, что надпись не предназначена для публичного обозрения. Стоит обратить внимание на аналогичную по ширине лен-

⁵ Новые соображения о стратиграфии и хронологии крепости Хумара см. Гаджиев, 2013.

⁶ В одном сборнике с тезисами Е.И. Савченко другой список могильников VII–VIII вв. представлен И.В. Каминской (Цокур). В него включена и Мощевая Балка (Каминская, 1996. С. 82).

⁷ Попутно отмечу, что связывать появление в М.Б., как это делает С.Н. Малахов (2004. С. 120), стеклянного сосуда с еврейской надписью (Иерусалимская, 2012. С. 353) с реформами Обадия нет никаких оснований (Флёров, 2012. С. 307). В погребальных обрядах М.Б. нет ничего от иудаизма, а время и обстоятельства его официального принятия в каганате, так называемого обращения, остаются на стадии обсуждения и поиска новых источников (Аликберов, 2010). Не понятно, какие иные стеклянные сосуды (*мн. число!*) с буквами древнееврейского алфавита имел в виду С.Н. Малахов.

ту с куфической надписью (Иерусалимская, 2012. С. 140. Ил. 74). Чем объяснить такое сходство? Не заметить его невозможно.

4. Носилась ли лента владельцем эпизодически или постоянно (как налобная повязка, диадема или иным способом), неизвестно.

5. Этническая принадлежность протоспафария не поддается определению.

6. Содержание ленты не несет указаний не пребывание ее владельца на Северном Кавказе, именно в крепости Хумара, верховьях Кубани или на р. Большая Лаба.

7. Обстоятельства, при каких лента попала в могильник М.Б., неизвестны.

8. Дата ленты определяется широко: верхней и нижней датами могильника.

К перечисленному выше надо добавить то, что сама лента — лишь одна из множества рядовых находок тканей в могильнике.

Лента привлекла внимание исследователей исключительно благодаря надписи и содержавшемуся в ней имени не известного по другим источникам протоспафария. В полной мере воспользоваться надписью можно будет только в том случае, если появится новое свидетельство об этом лице, безусловное, полноценное и не содержащее внутренних противоречий. При этом оба должны быть совершенно адекватными друг другу и не требующими очередных реконструкций исторических событий и натяжек (допущений, предположений) в выводах. Реконструкция в принципе не может использоваться как довод и служить основанием для последующих “выводов” в новых исследованиях. Именно такую неосторожную попытку и предпринял Г.Е. Афанасьев (2011. С. 118). С выходом книги А.А. Иерусалимской можно ожидать подобного и от других авторов, от чего нам хочется их предостеречь.

Понятие “расширенное/расширительное толкование” из области права следовало бы позаимствовать и в историко-археологические исследования, несколько изменив его содержание. Практика показывает, что чем короче и/или фрагментарнее, неполноценнее источник, тем более расширенному, но недостаточно обоснованному толкованию он подвергается. Именно так и происходит с лентой из Мошовой Балки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аликберов А.К. Ранние хазары (до 652/3 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история / Ред.-сост. Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Gesharim, 2010. С. 42–65.

Афанасьев Г.Е. Кто же действительно построил Левобережное Цимлянское городище? // РА. 2011. № 3. С. 108–119.

Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1983. 168 с.

Виноградов А.Ю. Византийская лента протоспафария из Мошовой балки // III “Анфимовские чтения” по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси. Мат.-лы конф. Краснодар: Краснодар. гос. истор.-археол. музей-заповедник, 2013. С. 21–24.

Гаджиев М.С. Хумара: некоторые строительные параллели и проблема датировки укреплений // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рожд. В.А. Кузнецова. М.: ИА РАН, 2013. С. 51–65.

Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 36–50.

Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1912. 374 с.

Иерусалимская А.А. Византийский военачальник на Северном Кавказе. Шелковая лента из Мошовой Балки // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX “Крупновские чтения”). Тез. докл. М.: ИА РАН, ГИМ, 1996. С. 80–81.

Иерусалимская А.А. Мошова Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 382 с.

Каминская И.В. Раскопки скального могильника в Отраденском районе близ х. Ильич // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX “Крупновские чтения”). М.: ИА РАН, ГИМ, 1996. С. 81–82.

Каминский В.Н., Цокур И.В. О фортификации у алан Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001. С. 168–197.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. Вып. 16. СПб., 1905. С. 37–110.

Кузнецов В.А. Надписи Хумаринского городища // СА. 1963. № 1. С. 298–305.

Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи / Пер. с англ. А.Н. Ковалю. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012. 645 с.

Малахов С.Н. Протоспафарий Иван в контексте византийско-хазарских отношений середины IX в. // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви. 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). Тез. докл. XVII Всерос. сессии византистов. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2004. С. 120–122.

Попконстантинов К. Эпиграфски бележки за Иван, царсимоновият син // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 3. Велико Търново: В-Търновски университет “Паисий Хилендарски”, 1994. С. 71–78.

- Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1903 год. СПб., 1906. С. 20–42.
- Савченко Е.И. Погребальный обряд Мощевой Балки // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX “Крупновские чтения”). М.: ИА РАН, ГИМ, 1996. С. 129–131.
- Савченко Е.И. Проблемы скальных могильников и формирование торговых путей на Северо-Западном Кавказе в VIII–IX вв. (на материалах могильника Мощевая Балка: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 22 с.
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков: Майдан, 2005. 677 с.
- Сорочан С.Б. Византия. Парадигмы быта, сознания, культуры. Харьков: Майдан, 2011. 952 с.
- Сорочан С.Б., Смычков К.Д. Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 16/1. М.; Магнитогорск: Магнитог. гос. ун-т, 2006. С. 207–216, 359, 361.
- Флёров В.С. Почему иудаизм не получил распространения в Хазарском каганате (в поисках ответа) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2012. С. 297–334.
- Чеченов И.М. К проблеме периодизации ранней истории тюрок Северного Кавказа (I тысячелетие н.э.) // XXII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ессентуки; Кисловодск: ГУП “Наследие”, “Возрождение”, 2002. С. 128–131.
- Чеченов И.М. О правомерности выделения в Центральнокавказском субрегионе тюрко-болгарского варианта салтово-маяцкой культуры // XXIV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Нальчик: ГУП “Наследие”, 2006. С. 190–193.
- Юзбашиян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М.: Наука, 1988. 301 с.
- Юркова И. Нумизматични и сфрагистични паметници (867–1195 / 1203) // Перник. Т. 2. София: Изд-во на БАН, 1983. С. 132–144.
- Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. L., 1911. 179 p.
- Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. T. 2. Berlin; Amsterdam, 1967. 397 p.
- Moravcsik G. Byzantinoturcica: Bd. 1–2. Bd. 2: Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. Berlin, 1958. 376 S.
- Oikonomides N. Les Listes de presequence byzantines de IXe et Xe siècles / Introd., texte, traduct. et comment. Paris, 1972. 404 p.
- Protospatharios // The Oxford Dictionary of Byzantium. N. Y., Oxford, 1991. P. 1748.

A TAPE FROM THE RELIC BEAM: THE QUESTION OF INTERPRETATION

Sergei B. Sorochan*, Valerii S. Fliorov**

* Kharkiv National University named after V.N. Karazin, Ukraine
(ssoro4an@yandex.ua)

** Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow
(valerij-flyorov@yandex.ru)

The subject of the research is a silk tape of the Byzantine manufacturing with an inscription with the mentioning of Protospatharios Ivanis. The tape has been found in a burial ground Moschevaya Balka Karachaevo-Cherkessiya, North-West Caucasus and dates back to the 8th–9th cc. AD. A new interpretation of the inscription has been offered. It has been critically considered the following possibilities: using the tape as a full-fledged history source; identifying its narrow date; investigation of the circumstances, under which the tape turned out to be in the burial ground.

Key words: North-West Caucasus, Byzantium, Protospatharios, fortress Khumara, the Bulgarians, the Khazar.

REFERENCES

- Afanas'ev G.E., 2011. Kto zhe deystvitel'no postroil Levoberezhnoe Tsimlyanskoe gorodishche? [Who really built the left bank Tsimlyansk fortified settlement?]. *RA [RA]*, 3, pp. 108–119.
- Alikberov A.K., 2010. Rannie khazary (do 652/3 g.), tyurki i Khazarskiy kaganat [Early Khazars (before (652/3), Turki and Khazar kaganat]. *Khazary: mif i istoriya [The Khazars: myths and history]*. E.E. Nosenko-Shteyn, ed. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gescharim, pp. 42–65.
- Bidzhiev Kh.Kh., 1983. Khumarinskoe gorodishche [Khumara fortified settlement]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskiy NIIEIYL. 168 p.
- Bury J.B., 1911. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. L.: Publ. for the British Academy. 179 p.

- Chechenov I.M., 2002. K probleme periodizatsii ranney istorii tyurok Severnogo Kavkaza (I tysyacheletie n.e.) [On the problem of periodization of the early history of the Turkis of the Northern Caucasus (I millennium AD)]. *XXII "Krupnovskie chteniya" po arkheologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov* [XXII "Krupnov Conference" on the archaeology of the Northern Caucasus: theses]. Essentuki; Kislovodsk: Nasledie: Vozrozhdenie, pp. 128–131.
- Chechenov I.M., 2006. O pravomernosti vydeleniya v Tsentral'nokavkazskom subregione tyurko-bolgarskogo varianta saltovo-mayatskoy kul'tury [On the justification of the identification of the Turkish Bulgarian variation of the Saltovo-Mayaki culture in the Central Caucasian sub region]. *XXIV "Krupnovskie chteniya" po arkheologii Severnogo Kavkaza* [XXIV "Krupnov Conference" on the archaeology of the Northern Caucasus]. Nal'chik: Nasledie, pp. 190–193.
- Flerov V.S., 2012. Pochemu iudaizm ne poluchil rasprostraneniya v Khazarskom kaganate (v poiskakh otveta) [Why Judaism did not spread in the Khazar kaganat (to seek the answer)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [European steppes in the Middle Ages], 9. *Khazarskoe vremya* [Khazarian Age]. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskyy nats. univ., pp. 297–334.
- Gadzhiev M.S., 2013. KKhumara: nekotorye stroitel'nye paralleli i problema datirovki ukrepleniya [Khumara: some construction parallels and problem of the fortification dating]. *Ocherki srednevekovoy arkheologii Kavkaza: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Kuznetsova* [Essays on the medieval history of Caucasus: to the 85 anniversary of V.A. Kuznetsov]. Moscow: IA RAN, pp. 51–65.
- Gey A.N., Kamenetskii I.S., 1986. Severo-Kavkazskaya ekspeditsiya v 1979–1983 gg. [Northern Caucasian expedition in 1979–1983]. *KSIA [BCIA]*, 183, pp. 36–50.
- Guilland R., 1967. Recherches sur les institutions byzantines, 2. Berlin: Akademie Verlag; Amsterdam: A.M. Hakker. 397 p.
- Ierusalimskaya A.A., 1996. Vizantiyskiy voenachal'nik na Severnom Kavkaze. Shelkovaya lenta iz Moshchevoy Balki [Byzantine commander at the Northern Caucasus. Silk ribbon from the Moschevaya Balka]. *Aktual'nye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza (XIX "Krupnovskie chteniya")*: tezisy dokladov [Relevant problems of the archaeology of the Northern Caucasus (XIX "Krupnov Conference")]: theses]. Moscow: IA RAN; GIM, pp. 80–81.
- Ierusalimskaya A.A., 2012. Moshchevaya Balka. Neobychnyy arkheologicheskiy pamyatnik na severokavkazskom Shelkovom puti [Moschevaya Balka. Unusual archaeological site on the Northern Caucasian Silk Way]. St. Petersburg: Izd. Gos. Ermitazha. 382 p.
- Ivanov E.E., 1912. Khersones Tavricheskiy. Istoriko-arkheologicheskiy ocherk [Tauric Chersonese. Historical and archaeological essay]. Simferopol'. 374 p. (Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii; 46).
- Kaminskaya I.V., 1996. Raskopki skal'nogo mogil'nika v Otradnenskom rayone bliz kh. Il'ich [Excavations of the rocky burial ground in Otradnensky District not far from the khutor Ilyich]. *Aktual'nye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza (XIX "Krupnovskie chteniya")*: tezisy dokladov [Relevant problems of the archaeology of the Northern Caucasus (XIX "Krupnov Conference")]: theses]. Moscow: IA RAN; GIM, pp. 81–82.
- Kaminskiy V.N., Tsokur I.V., 2001. O fortifikatsii u alan Severnogo Kavkaza [On the fortification at the Alans of the Northern Caucasus]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and researches on the archaeology of Kuban], 1. Krasnodar: Kubanskiy gos. univ., pp. 168–197.
- Kostysushko-Valyuzhinich K.K., 1905. Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1903 godu [Report on the excavations in Tauric Chersonese]. *IAK [Bulletin of the archaeological Committee]*, 16. St. Petersburg, pp. 37–110.
- Kuznetsov V.A., 1963. Nadpisi Khumarinskogo gorodishcha [Descriptions of the Khumara fortified settlement]. *SA [SA]*, 1, pp. 298–305.
- Lyutvak E.N., 2012. Strategiya Vizantiyskoy imperii [Strategy of the Byzantine Empire]. A.N. Koval', trans. Moscow: Univ. Dm. Pozharskogo. 645 p.
- Malakhov S.N., 2004. Protospafariy Ivan v kontekste vizantiysko-khazarskikh otnosheniy serediny IX v. [Protospatharios Ivanis in the context of Byzantine-Khazar relations of the middle of the IX c.]. *Vizantiya i Zapad (950-letie skhizmy khristianskoy tserkvi. 800-letie zakhvata Konstantinopolya krestonostsami)*: tezisy dokladov XVII Vseross. nauchnoy sessii vizantinistov [Byzantium and the West (950 anniversary of schism of the Christian Church. 800 anniversary of the siege of Constantinople by the Crusaders): theses of the XVII All-Russian scientific session of Byzantine scholars]. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN, pp. 120–122.
- Moravcsik G., 1958. Byzantinoturcica, 2. Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. Berlin: Deutsche Akademie Der Wissenschaften Zu Berlin. 376 p.
- Oikonomides N., 1972. Les Listes de preseance byzantines de IXe et Xe siècles. Paris: Éd. du Centre National de la Recherche Scientifique. 404 p.
- Popkonstantinov K., 1994. Epigrafski belezhki za Ivan, tsar-simeonoviyat sin [Epigraphic notes for Ivan, the son of the czar Simeon]. *B"lgarite v Severnoto Prichernomorje: izsledvaniya i materialy* [Bulgarians in the Northern Black Sea region: researches and materials], 3. Veliko T'movo: Velikot'movski universitet "Paisiy Khilenlarski", pp. 71–78.
- Protospatharios, 1991. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, p. 1748.
- Raskopki v Khersonese [Excavations in Chersonese], 1906. *Otchet IAK za 1903 god* [Report of the EAC from 1903]. St. Petersburg, pp. 20–42.

- Savchenko E.I., 1996. Pogrebal'nyy obryad Moshchevoy Balki [Funeral rite of Moschevaya Balka]. *Aktual'nye problemy arkheologii Severnogo Kavkaz (XIX "Krupnovskie chteniya")* [Relevant problems of the archaeology of the Northern Caucasus (XIX "Krupnov Conference")]. Moscow: IF RAN; GIM, pp. 129–131.
- Savchenko E.I., 1997. Problemy skal'nykh mogil'nikov i formirovanie torgovykh putey na Severo-Zapadnom Kavkaze v VIII–IX vv.: na materialakh mogil'nika Moshchevaya Balka: avtoref. diss. ... kandidata istoricheskikh nauk [Problems of rocky burial grounds and the formation of trade ways at the Northern-Western Caucasus in 8–9 cc.: on the materials of the burial ground Moschevaya Balka: author's abstract... candidate of historical sciences]. Moscow. 22 p.
- Sorochan S.B., Smychkov K.D., 2006. Kiry vizantiyskogo Khersona: problemy statusa i datirovki [Cyres of the Byzantine Chersonese: problems of status and dating]. *PIFK [Problems of history, philology, and culture]*, 16/1. Moscow; Magnitogorsk: Magnitogor. gos. univ., pp. 207–216, 359, 361.
- Sorochan S.B., 2005. Vizantiyskiy Kherson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury [Byzantine Chersonese (second half of 6th – first half of the 10th cc. Historical and cultural essays], 1. Khar'kov: Maydan. 677 p.
- Sorochan S.B., 2011. Vizantiya. Paradigmy byta, soznaniya, kul'tury [Byzantium. Paradigm of the way of life, consciousness, and culture]. Khar'kov: Maydan. 952 p.
- Vinogradov A.Yu., 2013. Vizantiyskaya lenta protospafariya iz Moshchevoy balki [Byzantine ribbon of Protospatharios from Moschevaya Balka]. *III "Anfimovskie chteniya" po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Pamyatniki rannego khristianstva na Zapadnom Kavkaze: K 1025-letiyu kreshcheniya Rusi: materialy konf. [III "Anfimov Conference" on the archaeology of the Western Caucasus. Sites of the Early Christianity at the Western Caucasus: On the 1025 anniversary of the Christianization of Rus': transactions of the conference]*. Krasnodar: Krasnodar. gos. istoriko-arkheologicheskiy muzey-zapovednik, pp. 21–24.
- Yurukova Y., 1983. Numizmatichni i sfragistichni pametnitsi (867–1195 / 1203) [Numismatic and sphragistic sites (867–1195 / 1203)]. *Pernik [Pernik]*, 2. Sofiya: Izdatelstvo na B'lgarskata akademiya na naukite, pp. 132–144.
- Yuzbashyan K.N., 1988. Armyanskie gosudarstva epokhi Bagratidov i Vizantiya IX–XI vv. [Armenian states of the Bagratuni Dynasty and Byzantium in 9–11 cc.]. Moscow: Nauka. 301 p.

ПОЛИВНАЯ ПОСУДА ИЗ БЕЛОРЕЧЕНСКИХ КУРГАНОВ XIV–XV вв. (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

© 2015 г. Е.А. Армарчук

*Институт археологии РАН, Москва
(katherine-ar@rambler.ru)*

В конце XIX – начале XX в. в Белореченских курганах были найдены семь поливных сосудов. Из них две кашинные чаши и два глиняных кувшина относятся к золотоордынской продукции Поволжья и Юго-Восточного Крыма XIV – первой половины XV в. Атрибуция ультрамариновой кружки и бирюзового кувшина с росписью золотом спорна и предполагает производство в Латинской Романии, Крыму или Малой Азии рубежа XIV–XV вв. Кувшин с росписью кобальтом, вероятно, относится к группе “Miletus ware” турецкой посуды XV в.

Ключевые слова: золотоордынские чаши, кувшины, кружка, керамика “Miletus ware”, воронковидный поддон, роспись золотом.

В 1896–1897 и 1906–1907 гг. Н.И. Веселовский раскопал на Кубани у станицы Белореченская 84 кургана. Они вошли в науку как “белореченские”, дав разнообразный материал XIV–XV вв., изученный еще не в полном объеме. Не считая первых публикаций в отчетах ИАК, обобщающей пока остается статья В.П. Левашевой с анализом погребального обряда и насыщенного инвентаря (ОАК..., 1898. С. 2–53; 1900. С. 17–20; 1909. С. 95–100; 1910. С. 85–88; Левашева, 1953. С. 166–210). Исследовались также отдельные категории вещей из металла и стекла (Ракитина, 1940; Крамаровский, 1984, 1985, 1988; Kramarovsky, 1998). На основании оценки курганов белореченского типа как историко-культурного явления в определенном контексте их ареал отождествляют с адыго-черкесской областью “Кремух” итальянских источников середины–конца XV в. (Кузнецов, 2000; Виноградов и др., 2001).

По В.П. Левашевой, в 38 белореченских погребениях (они оказались самыми богатыми) находилось 67 сосудов из металла, стекла и керамики. Керамических насчитывалось 10 в 10 курганах, где они почти поровну распределились по мужским и женским погребениям¹. Рассмотрим семь поливных сосудов: две чаши, кружку и четыре кувшина. Кроме чаш, все размещались в ногах усопших.

1. Чаша с черной и темно-синей росписью по белому ангобу с добавлением бирюзовых пятен и маз-

ков (рис. 1, цветная вклейка). Рисунок сделан тем же ангобом, выделяется легким рельефом и обведен черным контуром и мелкими точками, что имитирует точечный фон. На донном круге в зеркальном отражении с поворотом на 180° относительно друг друга нарисованы две утки среди растений. Выше расположены две концентрические зоны: нижняя с побегами, верхняя с косой сетчатой штриховкой. Снаружи роспись черно-синяя в виде “арочек” или “лепестков лотоса” в двойном обводе со штрихами внутри². Чаша диаметром 20 и высотой 10,5 см, сегментовидной формы, со слегка отогнутым краем и кольцевидным коническим поддоном.

Ее обломки лежали в насыпи (следы тризны?) кургана 1 с мужским погребением, которое оказалось самым богатым в том сезоне и имело свод-заклад из сырцовых кирпичей (ОАК..., 1898. С. 17–20. Рис. 85а, б). В.П. Левашева отнесла эту особенность к золотоордынскому влиянию, а само погребение приписала военачальнику из местных адыго-черкесов, вошедших в золотоордынское войско (1953. С. 209, 210). Этот существенный признак погребального обряда позволяет полагать, что в кургане захоронен выходец из Нижнего Поволжья, возможно, нойон. По поясному набору М.Г. Крама-

¹ К сожалению, не удалось детально изучить все сосуды, поскольку большинство их экспонируется в Гос. Эрмитаже (ГЭ). Некоторые опубликованы в каталоге выставки (Золотая Орда, 2005. С. 140, 145. № 553, 554, 641, 643).

² Чаша выставлена в ГЭ. В ее описание в упомянутом каталоге вкралась неверная отсылка к табл. XVII книги Э.К. Кверфельдта (1947) с изображением чаши из Сарая-Берке с уткой (Золотая Орда, 2005. С. 228. № 554). Атрибуция Э.К. Кверфельдтом чаш с такой росписью как хорезмских зиждилась на работах А.Ю. Якубовского, но раскопки Поволжской экспедицией золотоордынских городов и открытие там горнов для их обжига полностью ее опровергли.

Рис. 1. Кашинная чаша из белорученского кургана 1. Раскопки 1896 г.

ровский датировал погребение второй половиной XIV – началом XV в. (Сокровища Золотой Орды, 2001. С. 27).

2. Чаша с синей и зеленой росписью по белому ангобу, дополнительной расцветкой бирюзовой краской, без рельефа (рис. 2, 1). На дне нарисована звезда с прямыми лучами, на стенках – повторяющийся элемент “павлинье перо”. Край чаши подчеркнут темной линией. Снаружи стенки украшены крупными косыми крестами с кругами между ними, нанесенными тонкой кистью. Она типична для той группы чаш, куда входит данный экземпляр сегментовидной формы со слегка отогнутым краем высотой 6, диаметром 13 см. Поддон кольцевидный цилиндрический. Чаша с остатками маслянистого вещества найдена в кургане 8 справа за головой погребенной женщины (ОАК..., 1900. С. 87. Рис. 89а, б)³.

³ Находится в экспозиции ГЭ. В ее описании в каталоге есть мелкие ошибки: во-первых, первично сосуд был опубликован в ОАК; во-вторых, найден в кургане 8, а не 11 (Золотая Орда, 2005. С. 228. № 553).

Обе чаши из кашина, украшены подглазурной полихромной росписью под прозрачной бесцветной глазурью. Они различаются способом декора и гаммой росписи, но их форма, приемы изготовления и элементы рисунка имеют множество аналогий среди кашинных чаш середины–второй половины XIV в. из городов Нижнего Поволжья, где их делали и откуда привозили в Азов-Азак, Хорезм и другие места Золотой Орды и соседнюю Русь (Кверфельдт, 1947. Табл. XVII; Федоров-Давыдов, 1994. С. 79–115. Рис. 3, 15, 16, 19, 21; Золотая Орда, 2005. С. 140, 141; Масловский, 2006. С. 425. Рис. 47, 1, 2; Вишневская, 1958. С. 459, 460. Рис. 7, 1; Вактурская, 1959. С. 322, 323. Рис. 29, 1, 4; 32, 6; Коваль, 2010. С. 72–77, 93–100). На Северный Кавказ обе попали как прямой импорт из Поволжья, что полагала В.П. Левашева (1953. С. 174), либо опосредованно через Крым. Узкая датировка каждого сосуда по сопутствующему инвентарю не входила в задачу настоящей работы. Некоторые погребения можно датировать точнее, чем общими рамками XIV–XV вв. (Армарчук, 2004. С. 115).

Рис. 2. Сосуды из Белореченских курганов. 1 – кашинная чаша из к. 8, раскопки 1907 г. (по: ОАК..., 1910); 2 – глиняный кувшин с желтой поливой из к. 12, раскопки 1896 г. (по: ОАК..., 1898).

3. Кружка с ультрамариновой поливой находилась в кургане 9 в ногах погребенного мужчины (ОАК..., 1898. С. 25. Рис. 132), имеет зауженный к устью тюльпановидный корпус, петлевидную ручку и высокий воронковидный поддон (рис. 3, цветная вклейка № 4). Ручка уплощенного сечения крепится верхним концом под венчиком, нижним – к плечу над максимальным диаметром корпуса. С обеих сторон кружка покрыта блестящей глазурью ультрамаринового цвета, какой отличается золотоордынская поливная архитектурная и парадная столовая керамика группы “ладжвардина”. В первой публикации сказано, что “кувшин” сохранил следы росписи золотом в виде цветов. В эрмитажной экспозиции не удалось разглядеть ее остатки и определить прозрачность глазури. По М.Г. Крамаровскому, кружка изготовлена из желтой глины в Латинской Романии в конце XIV в.; диаметр ее устья – 8,3, ножки – 7,7, тулова – 11,7 см, а его высота почти равна диаметру (Золотая Орда, 2005. С. 234. № 641). В.П. Левашева отнесла этот “кубок” к западной индустрии (1953. С. 174).

Сравнивая “кубок” с иранскими поливными кружками XII в. по принципу “антианалогий”,

Рис. 3. Глиняная кружка с кобальтовой поливой и следами золотой росписи из белореченского кургана 9, раскопки 1896 г.

Рис. 4. Глиняный кувшин из Белореченского могильника (1) и аналогия (2). 1 – с росписью кобальтом, раскопки 1896 г.; 2 – с черной росписью, ст. Хамкетинская.

М.Г. Крамаровский отметил у них отсутствие высокой ножки. Этот морфологический признак не решающий в атрибуции изделия, поскольку на Востоке некоторые виды гончарной продукции XII–XIV вв. имели высокий воронковидный “пьедестальный” поддон. Например, иранские кашинные *fritware/stone-paste* изделия: чаша с подглазурной росписью из Султанабада 1276 г.; люстровая ваза XIII в. и ажурный кубок из Музея Виктории и Альберта; сирийские чаши-кубки из Ракки с зеленой и бирюзовой глазурью XII–XIV вв. и ваза с черной росписью и бирюзовой глазурью из того же музея; чаша XIV в. из Египта в берлинском Музее исламского искусства (*Islamische Keramik*, 1973. S. 140, 205, 206. Pl. 189, 190, 299; Lane, 1958. P. 45, 46. Pl. 89a, 94).

На распространение высоких поддонов у персидской керамики уже обращалось внимание (Волков, 2006. С. 417, 418). Этот признак европейские гончары заимствовали с Востока не позже XIII в., что доказывает керамика из Константинополя, Пергамона, Сардиса и других городов (Böhlendorf-Arslan, 2004. Taf. 1, 38; 32, 30, 694, 725; 96, 327;

115, 482). Высокий кольцевидный воронковидный поддон встречается у византийской белоглиняной поливной посуды и в предшествующее время. В Херсонесе есть красноглиняные кубки XIV в. с желтой и пятнистой глазурью и белоглиняные чаши XIII в. с такими поддонами (Романчук, 2003. С. 56. Табл. 30, 116–118; 203, 541; 204, 545, 546). Сосуды с “пьедестальной” ножкой имеются в керамике XIV–XVII вв. с востока и запада Средиземноморья. Это некоторые виды “валенсийских”, “испано-мавританских” фаянсов (винные кувшины и расписанные люстром двуручные закрытые сосуды), а также простые турецкие глиняные и фаянсовые чаши и блюда раннеоттоманского и последующего времени (Испано-мавританская керамика, 1940. С. 14. Табл. 6, 7; Revilla Negro, Rodríguez Aguilera, 1997. P. 371–373. Lam. 4; Hayes, 1992. Fig. 95, 42, 45; 104; От Китая до Европы..., 2008. С. 164. Ил. 113).

Важно констатировать, что одноручные чаши на поддонах редко делались в XII–XIV вв. в Византии, Малой Азии и Крыму и не были там распространенной формой (Böhlendorf-Arslan, 2004. Taf. 90, 291). В золотоордынском Крыму изготав-

Рис. 1

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

ливали приземистые одноручные чаши без глазури снаружи с низким поддоном и росписью ангобом и поставляли в Азак (Масловский, 2006. С. 362. Рис. 21, 16, 17). Среди перечисленных видов нет и отдаленных аналогий белореченской кружки, почему ее трактовка М.Г. Крамаровским выглядит спорной.

4. *Глиняный одноручный кувшин с синей росписью* (ОАК..., 1898. С. 11. Рис. 64)⁴ имеет высокое бочковидное горло с расширением посреди и припухлым валиком в основании, реповидное тулово с максимальным диаметром в нижней трети и высокий воронковидный поддон (или придонную часть тулова?). Ручка крепится длинным выпуклым корнем к плечу с туловом, верхним – к середине горла, поднимаясь над прилепом. Высота сосуда по фотографии – 28, диаметры: устья – 5.2, горла – 6, тулова – 11.2, поддона – 8 см (рис. 4, 1, цветная вклейка № 4).

Подглазурная роспись сделана кобальтом (?) по светлому ангобу, глазурь прозрачная бесцветная с мелким цеком. Двухъярусная роспись горла и тулова сочетает растительные и псевдоэпиграфические мотивы. На чистом фоне горла широкими мазками нарисованы два крупных веерных листа, а между ними против ручки – ветвь с супротивными заостренными листьями на тонких черенках. Тулово украшено четырьмя группами вертикальных мазков с заостренным клювовидным завершением, подражающих арабской букве “алиф”, по три мазка в каждой. Четвертая, правая “буква” каждой группы превращена в “ленту”, горизонтально опутывающую остальные “буквы”. По низу группы разделяет округлый завиток. Фон тулова “пунктированный”, с мелкими точками; фон внутри завитков чистый. На горло и тулово между рисунком нанесены капли неправильной формы. Оба орнаментированных яруса сверху и внизу окаймлены двойными линиями; еще две линии подчеркивают валик в основании горла, разделяющий ярусы. Ручка овального сечения украшена поперечными мазками.

Кувшин отличают стройность, удлинённые пропорции и своеобразная форма. Он почти не имеет аналогий в керамике причерноморских областей, не говоря о Северо-Восточном Причерноморье и Северо-Западном Кавказе, где находки поливной посуды относительно редки, и пока нет данных о ее местном производстве. Говоря о Северо-Восточном Причерноморье, следует исключить Таманское городище, средневековые поселения на Таманском п-ове и почти неисследованные слои турецкого

времени в Анапе, где следует ожидать поливную керамику. В.П. Левашева отнесла кувшин к “восточной группе” белореченской посуды, определив его орнамент как псевдонадпись (1953. С. 174).

Удалось отыскать лишь несколько изделий, из которых одно морфологически аналогично этому кувшину, а другие соответствуют ему по отдельным признакам. Первое изделие – сосуд идентичной формы в экспозиции Эрмитажа (рис. 4, 2, цветная вклейка № 4). С белореченским его объединяют одинаковые приемы и стиль росписи и форма вплоть до деталей (валик в основании горла и выпуклый длинный корень ручки). Отличие в том, что он расписан лилово-черной краской (марганцем?) по светлому розоватому ангобу. Рисунок на горле и корпусе представляет собой арки с перистым листом-ветвью внутри и крапинами, а уплощенная ручка и два валика под венчиком и в основании горла украшены поперечными и косыми мазками. Листья ветвей округлые на конце и нарисованы широкой кистью, стебли – тонкой. По М.Г. Крамаровскому, кувшин происходит из раскопок Н.И. Веселовского у станицы Хамкетинская Кубанской области, имеет черную роспись и, предположительно, сделан в крымской Каффе в XIV–XV вв. для латинского населения генуэзских колоний. Он имеет “кольцевой” поддон, близкие размеры и изготовлен способом вытягивания тулова на круге, при котором “полезный объем сосуда начинается прямо от плоскости пьедестальной ножки”: такой способ формовки и манера росписи кувшина могли прийти в Крым из Южной Европы, Италии (Золотая Орда, 2005. С. 234. № 642)⁵.

Здесь кроется противоречие: кольцевой поддон обычно изготавливался путем вырезания ножом полости внутри поддона либо путем налёпа кольца из той же массы на дно сосуда (Волков, 2005. С. 135; 2007а. С. 34)⁶. Если весь сосуд вытягивался из одного комка формовочной массы, поддон не мог быть кольцевым прямо от плоскости ножки. М.Г. Крамаровский предполагает роль западной, итальянской керамики в появлении этой формы

⁴ В публикации нет сведений, из какого кургана он происходит. Возможно, это указано в полевом отчете Н.И. Веселовского. Кувшин экспонируется в ГЭ.

⁵ Поиск в ОАК информации об этом сосуде результатов не дал. Станица Хамкетинская упоминается один раз в связи с раскопками кургана белореченского типа с одним погребением, но среди его инвентаря кувшин не значится, а его рисунок в отчете отсутствует (ОАК..., 1900. С. 20, 21; Альбом рисунков..., 1906).

⁶ Усложненный пример лепки поддона демонстрирует малоазиатская керамика “милетской” группы, где он внешне кольцевой, а внутренний объем сосуда начинается не с нижнего среза поддона, а с места прилепа к нему донца (Тесленко, 2005. С. 386, 387). Дальнейшее изучение обоих северокавказских кувшинов поможет снять вопрос о профиле и способе формовки их поддонов.

в Крыму и считает, что на облик выпускавшихся в Северной Италии майоликовых кувшинов повлияли, в свою очередь, византийские малоазийские поливные сосуды “сграффито” второй половины XIII в. “на высокой пьедестальной ножке” (Крамаровский, 2009. С. 344, прим. 23). Его анализ иконы “Величие” 1308–1311 гг. кисти Буонинсеня показал, что византийские прототипы попадали в Италию на рубеже XIV в. (Крамаровский, 2009. С. 339, 340. Цв. ил. 3, 4). Это светлоангобированные красноглиняные кувшины под бесцветной, желтой, оливковой или зеленой прозрачной глазурью с устойчивым набором мотивов (плетенка, “шахматная доска”, своеобразные “кипарисы”, “чешуя”, косая штриховка) и приемов (“сграффито” и “шамплеве”-резерв) орнаментации. “Пьедестальной” ножкой снабжены преимущественно их узкогорлые формы. А.А. Кравченко называет их поддон “высоким плоскодонным”, понимая под этим всю нижнюю часть сосуда (1991. С. 116).

Кувшины с этими признаками найдены при раскопках Константинополя; Херсонеса, Солхата, Судака и Каффы; Азова-Азака и Белгорода-Днестровского; золотоордынских городов Нижнего Поволжья, Самосдельского городища и в Болгарии. В Херсонесе это плоскодонные узкогорлые сосуды группы III. 2. по А.И. Романчук, из слоя пожара XIV в. в портовом квартале. Их придонная часть лишь имитирует высокий воронковидный или конический поддон (Романчук, 2003. С. 81, 82, 92. Табл. 77, 239, 240; 78, 242). В Азове такие кувшины малочисленно, но стабильно присутствуют в комплексах первой половины XIV в. в разных вариантах, в том числе с “ложным” коническим поддоном (Белинский, Масловский, 2005. С. 162. Рис. 8, 4; Масловский, 2006. С. 399. Рис. 36). В Судак и Поволжье их фрагменты редки и не выходят за XIV в. (Баранов, 2004. С. 547. Рис. 20; Федоров-Давыдов, 1994. С. 131; Болдырева, 2012. С. 125–129).

М.Г. Крамаровский исследовал в целом византийскую посуду этой группы и датировал ее второй половиной XIII–XIV в. (1996. С. 99–108). К кувшинам именно этой группы надо отнести данное им технологическое описание хамкетинского сосуда. О ее влиянии на итальянскую керамику заметим, что посредством аналогичной формовки из одного куса теста изготавливались сосуды не только на севере, но и на юге Италии, скажем, поливной кувшин второй половины XIV в. из Джераче в Калабрии (Di Gangi, Lebole, 1997. P. 162. Fig. 4, 49).

Другие примеры не являются прямыми аналогиями белореченскому и хамкетинскому кувшинам, но по форме горла и тулова относятся к тому же морфологическому таксону и датируются XIV в.

Один – поливной кувшин со штампованным туловом из Азака, сделанный в Юго-Восточном Крыму (Судак?) (Масловский, 2006. С. 368. Рис. 24, 2). Он отличается от северокавказских низким поддоном, более раздутым горлом и иным изгибом ручки⁷. Второй найден в доме-помещении “В” ремесленного комплекса на XIV куртине Судакской крепости: это местный круговой кувшин под прозрачной желтой поливой по розовому ангобу. Он выделан грубее белореченского, имеет иные пропорции и невысокий поддон. По мнению автора раскопок, этот кувшин формой горла и тулова подражает западноевропейским сосудам из бронзы и олова (Баранов, 2004. С. 530, 532. Рис. 2, 2). Ему близок красноглиняный поливной кувшин с темным черепком из Укека (Недашковский, 2000. С. 104. Рис. 28, 3). Отметим также, что в Судак при раскопках дома ремесленника у Главных ворот, погибшего в последней четверти XIV в., найден другой поливной кувшин с бочковидным горлом и биконическим туловом без высокого поддона, облитый сверху зеленой глазурью по белому ангобу. В его морфологии тоже увидели латинские черты (Баранов, 1991. С. 110, 111. Рис. 4, 1). Для поддержки этого мнения можно было бы привести поливные высоко- и узкогорлые кувшины X–XI вв. из португальской Мертолы, но сходство в данном случае, похоже, случайное, а временной разрыв слишком большой (Gómez Martínez, 1997. P. 317, 325. Fig. 5, 34, 35). Любопытно, что в женском погребении белореченского кургана 41 находился импортный (западноевропейский?) бронзовый посеребренный кувшин с бочковидным горлом, почти сферическим корпусом и высоким поддоном (ОАК..., 1898. С. 48. Рис. 246).

В Причерноморье и Средиземноморье с XV до третьей четверти XVI в. распространилась красноглиняная керамика группы “Miletus ware” с доминирующей росписью кобальтом по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью, которую делали в турецком Изнике и, вероятно, других анатолийских мастерских. Белореченский и хамкетинский кувшины сопоставимы с ней по основным технологическим признакам, манере и деталям росписи. Приведу свои наблюдения.

Первое: среди крымских находок “милетских” изделий есть фрагмент блюда из Алустана с мотивами многолепестковой розетки и перистых листьев. Он расписан жидкой краской, широкой кистью и округлыми мазками со сгущением-наплывом краски в конце мазка (Тесленко, 2005. Рис. 5). Эти

⁷ Фрагмент штампованного кувшина этого таксона найден и на поселении Гаркуша на Таманском п-ове (Волков, Петерс, 2003. С. 251. Рис. 6, 19).

приемы демонстрируют белореченский и хамкетинский сосуды и остальные “милетские” чаши из Алустона и других крымских памятников (Тесленко, 2005. Рис. 6–9). На “милетской” посуде второй половины XV – первой четверти XVI в. из Сарачан можно увидеть идентичные веерные листья, ветви с супротивными листьями и подтреугольные широкие мазки-“leaves”, как и на северокавказских кувшинах (Hayes, 1992. Pl. 26, 1; 27, 7; 28, 22).

Второе: глазурь некоторых “милетских” чаш и фрагментов из Крыма и Азова имеет аналогичный белореченскому сплошной мелкий цек (Тесленко, 2005. Рис. 1, 5; Гусач, 2006а. Рис. 5, 1). Цек – распространенный дефект поливной посуды, но в данном случае мог возникнуть из-за какой-то особенности состава и свойств глазури, что влияет на неадекватное расширение ее и основы-черепка при нагреве.

Третье: белореченский кувшин имеет характерное для “милетской” группы покрытие обеих сторон изделия разной глазурью (Hayes, 1992. P. 239; Тесленко, 2005. С. 387). В отличие от “милетских” чаш и блюд он облит светло-зеленой глазурью внутри, а не снаружи, но расписанная поверхность покрыта бесцветной, как и у них. Этот прием применялся и в производстве крымской посуды, но там цвет внешней и внутренней глазури варьируется и не связан с определенной стороной сосуда. В экспозиции трудно увидеть внутреннее покрытие хамкетинского кувшина.

Четвертое: в декоре “Miletus ware” наряду с преобладающим кобальтовым применялись другие красители: черный, “лиловый марганец” или *purple/black* по Дж. Хэйсу, а иногда бирюзовый, красный и зеленый. Черный обычно сочетался с синим, редко с бирюзовым (Hayes, 1992. P. 239; Тесленко, 2005. С. 387; Гусач, 2006б. С. 309). Роспись хамкетинского кувшина вписывается в гамму красок этой группы керамики, но в его декоре отсутствует кобальт.

Что мешает причислить оба северокавказских кувшина к “милетской” группе? Во-первых, закрытые сосуды встречаются в ней очень редко. Их фрагменты из храма на Аю-Даге в Крыму и Сарачан в Стамбуле почти ничего не говорят о профиле (Тесленко, 2005. С. 386, 392; Hayes, 1992. P. 239). Во-вторых, “Miletus ware” отличает оригинальный прием изготовления кольцевидного поддона, прослеженный у крымских открытых форм, определить который в данном случае не удалось (Тесленко, 2005. С. 386, 387). В-третьих, на “милетской” посуде почти отсутствуют эпиграфические и псевдоэпиграфические мотивы, что не исключает единичное их применение с учетом общепризнанных

восточных влияний на орнаментацию этой группы (Hayes, 1992. P. 238).

В итоге контрдоводы уступают аргументам, что дает возможность с большой осторожностью предварительно отнести белореченский и хамкетинский кувшины к “милетской” группе малоазиатской керамики XV в.

5. *Одноручный кувшин с глухой бирюзовой глазурью и росписью золотом* из женского погребения кургана 10 (ОАК..., 1898. С. 34–36. Рис. 196). Сосуд лежал возле голени, убранный в деревянный футляр, судя по древесному тлену вокруг него. Имеет высокое горло с небольшим расширением на половине высоты, почти сферическое тулово и конический высокий поддон (рис. 5, 1, цветная вклейка № 4). Петельчатая ручка уплощенного сечения верхним концом крепится ниже венчика, чуть поднимаясь над прилепом, а корнем – к плечу. Слегка отогнутый венчик снаружи подчеркнут врезной линией. В основании горла есть едва заметный валик. Кувшин внутри и снаружи, включая поддон, покрыт бирюзовой (глухой?) глазурью чистого тона с ярким блеском. По М.Г. Крамаровскому, сосуд изготовлен из кашина; его высота – 21, диаметр устья – 7, тулова – 13, поддона – 8,8, а ширина ручки – 1,4 см (Золотая Орда, 2005. С. 234. № 643).

Роспись кувшина осыпалась, но представление о ней дает фотография в первой публикации (рис. 5, 2). Рисунок покрывал тулово и включал в себя четыре крупных миндалевидных медальона из ветвей с узкими листьями, обращенными наружу. Медальоны заполнял “крупночешуйчатый” орнамент со штриховкой, возможно, имитирующий сомкнутые цветы. Между медальонами вверху и внизу – по одному симметричному стеблю с листьями и цветком, такие же стебли изображены на горле. Вся композиция имеет отвесное расположение. Основание горла и тулова украшено поясками косою штриховки из тех же ветвей, что у медальонов. Современное состояние и старая фотография показывают, что роспись была монохромной бесконтурной.

“Чешуйчатый” рисунок на кувшине схож с узором в подобных медальонах на иранской чаше XV в. с кобальтовой и черной росписью (Islamische Keramik, 1996. Pl. 77). Поливариантный мотив “чешуи” в XIII–XIV вв. наносили на керамику Золотой Орды и Византии, а позже на турецкие фаянсы. В Италии им расписывали стеклянные сосуды, о чем свидетельствует венецианский кувшин XV в. из белореченского кургана 38; им украшали более позднюю майолику (Золотая Орда, 2005. С. 78, 240. № 729; Hayes, 1992. P. 265. Pl. 39, 4).

Рис. 5. Кашинный кувшин с остатками золотой росписи из белореченского кургана 10. 1 – современное состояние; 2 – сохранность росписи на момент раскопок 1896 г. (по: ОАК..., 1898).

По В.П. Левашевой (1953. С. 174), этот кувшин является западным изделием, как и ультрамариновая кружка. М.Г. Крамаровский связывает его с Крымом или Малой Азией, датируя XIV – началом XV в. (Золотая Орда, 2005. С. 234. № 642). Представляется, что форма сосуда восходит к персидским кашинным кувшинам XIII в., не повторяя ее второстепенные детали. Это доказывают многие примеры, в том числе сосуд с аналогичной поливой (Lane, 1958. II. 65a; *Islamische Keramik*, 1973. P. 166, 169. II. 229, 190, 235; 1996. II. 73). В отличие от формы способ росписи белореченского кувшина довольно редкий. Вот, к примеру, лишь один образец с надглазурным золочением без контура – персидский кашинный горшковидный сосуд XIII в. с двумя носиками, львинофигурными ручками и глухой бирюзовой глазурью (*Islamische Keramik*, 1996. P. 151. II. 52). Он представляет собой реплику люстровых кашинных сосудов с крышкой, сделанных в такой же матрице. В керамической индустрии Ирана XII–XIV вв. золочение использовалось на завершающей стадии декора кашинных изделий групп “минаи” и “ладжвардина” с полихромной росписью. Оно играло дополнительную роль и наносилось поверх глазури в виде тончай-

шей фольги с обязательным темно-красным контуром для ее фиксации (Кверфельдт, 1948. С. 46; Стародуб, 1988. С. 198; Федоров-Давыдов, 1994. С. 122; Degeorge, Porter, 2002. P. 18, 278; Коваль, 2009. С. 134, 135).

В этой связи интересны изразцы Голубой мечети Goy Masjid 1465 г. в Тебризе, которыми внутри облицован купол молельни Джахан-шаха из династии Кара-Коюнлу. Они имеют силикатную основу и расписаны золотом без контура по ультрамариновой поливе. Такая роспись по ультрамариновой, желтой или другого цвета глазури называется на фарси “зарингар” или “тилло часпан” и покрывает изразцы другой тебризской “мечети Хасана Падишаха” 1477–1485 гг.⁸ Предположим, что эту технику демонстрирует упомянутый сосуд XIII в. с львинофигурными ручками. Тогда можно думать, что персидские гончары пытались раньше применять ее в украшении посуды, но по каким-то причинам она не прижилась и была вытеснена

⁸ Информация получена в ходе натурного обследования памятников в ноябре 2009 г., за что приношу благодарность археологу Саиду Мослехи и реставратору Мохаммаду Аминьяну из Тебриза.

продукцией “минаи” и “ладжвардина” с другим золочением.

В публикациях малоазийских, сирийских, крымских и поволжских материалов поливная керамика с монокромной росписью золотом не найдена. Она не применялась на испанских и итальянских фаянсах XIV–XVI вв., а спорадическое золочение полихромного декора турецких фаянсов стиля “родос” не стало общей нормой в их производстве (Кверфельдт, 1948. С. 122). Все сказанное не позволяет бесспорно атрибутировать белореченский кувшин как “западный”. Отметим также, что распространение в Крыму испанской керамики с люстровой росписью проследила И.Б. Тесленко. Привлеченные ею стратифицированные материалы из крымских средневековых памятников показывают, что продукция мастеров округа Валенсия достигала полуострова уже во второй половине–последней четверти XIV в., расцвет импорта пришелся на первую половину XV в., а массовое его прекращение связано с захватом турками Константинополя (Тесленко, 2004. С. 467–494. Рис. 1–4). Среди найденного в Крыму испанского импорта нет форм, напоминающих белореченские сосуды.

О керамике с глухой бирюзовой глазурью без росписи можно сказать, что в Азаке это малочисленные глиняные узкогорлые кувшины и чашечки; в Каффе и Мангупе она есть среди посуды XV в. Ее производство неопределенно локализуется западнее Азака (Масловский, 2006. С. 430. Рис. 49, 1, 2). Предполагается ее поступление из Поволжья в западные золотоордынские города Белгород-Днепровский, Костешты и Старый Орхей (Кравченко, 1986. С. 79, 80). Глиняную посуду с глухой бирюзовой глазурью делали в золотоордынском Маджаре на Кавказе, но ее формы пока не известны, а штампованные кувшины с частичным глазурованием ею орнамента не в счет (Волков, 2007а. С. 35). Глиняная и кашинная золотоордынская посуда этого типа представлена в Нижнем Поволжье и Хорезме; она найдена у Биляра на Торецком поселении второй половины XIV – первой половины XV в. (Булатов, 1976. С. 76; Вактурская, 1959. С. 316, 326; Валиулина, 2004. Рис. 14, 2). Отсюда вытекает, что посуда с глухой голубой глазурью больше характерна для эпохи Золотой Орды, чем для предшествующего и последующего времени.

В итоге трудно определить происхождение белореченского кувшина из кургана 10. В его облике и способе росписи ощутимы восточные влияния, но отсутствие неоспоримых доказательств не позволяет связать его напрямую с каким-либо восточным регионом, будь-то Персия, Сирия или Турция.

6. *Одноручный красноглиняный кувшин под прозрачной желтой глазурью из женского погребения кургана 12 (ОАК..., 1898. С. 41. Рис. 213).* Сосуд находился за перегородкой в ногах усопшей. Характеризуется раздутым яйцевидным туловом, раструбообразным горлом с ойнохоевидным сливом и плоским дном с закраиной-расширением придонной части (рис. 2, 2). Переход тулова в горло резкий, без плавного изгиба стенок. Уплощенная ручка прилеплена верхним концом к середине горла, нижним – к плечу. Снаружи кувшин (включая ручку) на треть высоты облит глазурью по светлому ангобу. Границы ангоба и глазури не совпадают, ангоб чуть выступает из-под нее. Размеры кувшина по фотографии: высота – 19, диаметр горла в основании – 3.6, диаметр тулова – 10.8, диаметр дна – 7.6 см. Внутреннее покрытие неизвестно.

7. *Одноручный красноглиняный кувшин с рельефной росписью густым белым ангобом под прозрачной бледно-желтой глазурью из женского погребения кургана 8 (ОАК..., 1900. С. 20. Рис. 70)⁹.* Формой тулова сосуд близок к предыдущему, отличаясь от него плавным переходом плечиков в горло, слегка сужающееся кверху (рис. 6, цветная вклейка № 4). Горло имеет мелкий валик в основании и на середине высоты. Венчик без утолщения. Ручка крепится верхним концом под венчиком, чуть поднимаясь над ним, а корнем – к плечу над максимальным расширением тулова. Над корнем на плечиках прочерчены две бороздки. Тулово внизу имеет неаккуратную закраину типа валика. Дно дисковидное, грубой выделки. Размеры кувшина: высота – 19; диаметр горла в основании – 4, в устье – 3.8; диаметр тулова – 12, дна – 7–7.5 см.

Под глазурью горло и корпус кувшина до дна в шесть ярусов расписаны по светло-бежевому ангобу вертикальными, спирально изогнутыми и дуговидными мазками и крапинами густого белого ангоба. Рисунок выделяется легким рельефом, бледно-желтым цветом после глазурования и подражает арабской надписи. В отличие от него глазурь не доходит до поддона. Внутри сверху горло покрыто ангобом и глазурью. Уплощенная ручка с продольным ребром украшена вдоль двумя рядами ангобных крапин. Справа от корня ручки в тулове есть отверстие в 1 см. Черепок кувшина темно-красный.

Оба белореченских кувшина с желтой поливой В.П. Левашева отнесла к изделиям, “созданным на Северном Кавказе на основе местных сарматско-аланских форм” (1953. С. 174). Это опровергают

⁹ Кувшин хранится в ГИМ, инв. № Ц-02/И-3, оп. 338/№ 165. Приношу благодарность хранителю коллекции В.Г. Рудакову за сотрудничество и помощь в поиске этого экземпляра.

Рис. 6. Глиняный кувшин с ангобной росписью и желтой поливой из белореченского кургана 8, раскопки 1897 г. Фото автора.

современные данные о средневековой поливной керамике Северо-Западного Кавказа: во-первых, пока не найдены доказательства ее здешнего производства. Во-вторых, в тех ремесленных центрах (Матрега на Тамани и Маджар в Центральном Предкавказье), которые из-за территориальной близости в первую очередь могли обслуживать регион, такие кувшины не производились. Они изготавливались в Юго-Восточном Крыму в XIV–XV вв., откуда попадали на Северо-Западный Кавказ, включая причерноморскую зону, где и обнаруживаются в адыгских курганах. Это прежде всего относится к

монохромным ойнохоевидным кувшинам, покрытым сплошь внутри и частично снаружи зеленой и желтой глазурью (Баранов, 2004. С. 530. Рис. 2, 3; Волков, 2007б. С. 27. Рис. 2, 3; 3, 1; Армарчук, Дмитриев, в печати. Рис. 9, 3).

Наиболее близкие монохромному кувшину сосуды происходят из слоев пожара 1475 г. в башне Ашага-Куле генуэзской крепости Лусты (Алушта) и донжоне замка у селения Фуна в Крыму (Мыц, 2009. С. 334. Рис. 218, 3; 325, 2). Однако в том же белореченском кургане находилась шкатулка с золотоордынскими монетами, из которых самый

поздний номинал без года чекана принадлежит хану Сеид-Ахмету, 1402–1419 гг. Это позволяет датировать попадание кувшина в погребение не ранее конца первой четверти XV в.

Аналогии кувшину с рельефной ангобной росписью не обнаружены. Вся известная посуда с таким декором из Судака, Солхата, Азова, Матреги и восточнопричерноморских курганов XIV в., Белгорода-Днестровского и золотоордынских поволжских городов ограничивается открытыми формами (Баранов, 2004. С. 534. Рис. 4, 5, 6; 6: 4; Белинский, Масловский, 1998. С. 209, 210, 218. Рис. 15, 2; 2007. Рис. 9, 1–3; Финогенова, 1987. С. 206. Рис. 9, 2; Армарчук, Дмитриев, в печати. Рис. 6; Кравченко, 1986. С. 64, 65, 67. Рис. 25, 1, 2; 1991. С. 118. Рис. 1, 5, 6; Булатов, 1976. С. 79–81, 93. Табл. II; IX, 3; Федоров-Давыдов, 1994. С. 124–126. Рис. 24, 2). Исключением являются кувшины из портового района Херсона с наружной росписью вертикальными полосами, которые визуальнo сопоставимы только с поливной керамикой 1240–1260 гг. с поселения в Семеновской крепости Приазовья (Романчук, 2003. С. 26, 27. Табл. 2, 4–6; Волков, 2005. Рис. 20, 21).

Для золотоордынской посуды этой группы характерна именно рельефная роспись с частыми эпиграфическими и псевдоэпиграфическими мотивами. Не все исследователи согласны с ее производством в Юго-Восточном Крыму, относя ее к индустрии золотоордынского Поволжья (Кравченко, 1986. С. 64, 65, 67; 1991. С. 118, 119).

Итак, из семи поливных белореченских сосудов четыре бесспорно относятся к золотоордынскому производству – это кувшины с желтой глазурью и чаши. Из них только монохромный кувшин из Юго-Восточного Крыма датируется по аналогиям первой половиной XV в. Остальные три сосуда не моложе XIV в. и сделаны в Поволжье (чаши) и Юго-Восточном Крыму (кувшин с ангобной росписью). Они принадлежат к распространенной продукции Золотой Орды, по-разному концентрирующейся на ее территории.

Атрибуция и датировка ультрамариновой кружки и бирюзового кувшина затруднительны. Нужно иметь в виду повсеместную ограниченность такой дорогой, вероятно, заказной продукции, которая редко попадает в слои рядовых памятников, из чего вытекают трудности в подборе стратифицированных аналогий. По цвету и качеству глазури эти сосуды отвечают некоторым видам керамики Золотой Орды, Хорезма, тимуридских памятников Средней Азии и Ирана XIV – начала XV в. В их форме и декоре улавливается восточное воздействие, но связать их со среднеазиатским, иранским, египет-

ским, сирийским или малоазийским производством мешает отсутствие доказательств.

Расписанный кобальтом кувшин и его аналог с черной росписью получают новую, пока гипотетическую атрибуцию изделий “милетской” группы турецкой посуды XV в. Если это предположение в дальнейшем подтвердится, то исследованные сосуды – прекрасно сохранившиеся образцы почти неизвестных закрытых сосудов этой группы, а хамкетинский сосуд – еще и пример изделия с монохромной черной росписью. На Северный Кавказ они могли попадать из Крыма и Азака. О связях Северного Кавказа с Малой Азией свидетельствуют другие белореченские находки: предметы поясной гарнитуры киликийского происхождения и художественное стекло. Последнее из Египта и Сирии транзитом шло через Малую Азию, Крым и Северный Кавказ на Волгу в Золотую Орду, и прекрасные его экземпляры “осели по дороге” в белореченском социуме (Бусятская, 1972. С. 89, 90).

Белореченский могильник, где поливная посуда для питья фигурирует наравне с дорогой металлической и расписной стеклянной, демонстрирует ее особый статус на Северо-Западном Кавказе в XIV–XV вв. Она была импортом, ценилась, вероятно, благодаря ее эстетическим качествам и здешней редкости. Аналогичная картина наблюдается в Северо-Восточном Причерноморье того времени, где на поселениях поливной керамики крайне мало, но она изредка попадает в курганы. По гипотезе И.В. Волкова адыги Северо-Западного Кавказа использовали ее в XIV–XV вв. преимущественно в обрядовых погребальных целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альбом рисунков, помещенных в Отчетах Императорской Археологической Комиссии за 1882–1898 годы. СПб.: Тип. Гл. Управл. Уделов, 1906. 374 с., 2270 рис.
- Армарчук Е.А. Позднесредневековые погребения Борисовского могильника (раскопки В.В. Саханева 1912 г.) // КСИА. Вып. 217. 2004. С. 107–118.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Поливная посуда XIII–XIV веков из Северо-Восточного Причерноморья (в печати).
- Баранов И.А. Застройка византийского посада на участке Главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика / Ред. П.П. Толочко. Киев: Наук. думка, 1991. С. 101–121.
- Баранов И.А. Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдский сборник. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 524–559.
- Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-

- археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Вып. 15. Азов: Азов. краевед. музей, 1998. С. 179–251.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.* Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 160–177.
- Белинский И.В., Масловский А.Н.* Три закрытых комплекса из раскопок золотоордынского Азака // Средневековые древности Дона / Ред. Ю.К. Гугуев. М.; Иерусалим: Гешарим, 2007 (Матер. и исследования по археологии Дона; Вып. II). С. 325–344.
- Болдырева Е.М.* Поливные кувшины византийского происхождения на Самосдельском городище // РА. 2012. № 4. С. 125–129.
- Булатов Н.М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 73–107.
- Бусятская Н.Н.* Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X–XIV вв.) // Вестн. Моск. гос. ун-та, 1972. Серия: История. № 2. С. 83–90.
- Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 261–342.
- Валиулина С.И.* Балынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 157–191.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Е.* О локализации “области Кремух” и о Белореченских курганах // Матер. и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001. С. 124–137.
- Вишневская О.А.* Раскопки караван-сараев Ак-яйла и Талайхан-ага // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 431–466.
- Волков И.В.* Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 122–159.
- Волков И.В.* Об определении керамики и азовском соуде в технике “минаи” // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22 / Ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азов. музей-заповедник, 2006. С. 410–426.
- Волков И.В.* Поливная керамика Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. конф. Ялта: Крымский филиал Ин-та археологии НАН Украины, 2007а. С. 33–42.
- Волков И.В.* Поливная керамика могильника Черный Ерик-1 // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. конф. Ялта: Крымский филиал Ин-та археологии НАН Украины, 2007б. С. 26–32.
- Волков И.В., Петерс Б.Г.* Средневековый керамический комплекс поселения Гаркуша // Матер. и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. С. 244–261.
- Гусач И.Р.* Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21 / Ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азов. музей-заповедник, 2006а. С. 127–141.
- Гусач И.Р.* Керамика с росписью в стиле “Милет” из турецкого Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22 / Ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азов. музей-заповедник, 2006б. С. 300–322.
- Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
- Испано-мавританская керамика / Сост. А.Н. Кубе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940 (Каталоги собраний Эрмитажа; II). 125 с.
- Кверфельдт Э.К.* Керамика Ближнего Востока / Ред. А.Ю. Якубовский. Л.: Гос. Эрмитаж, 1947. 143 с.
- Коваль В.Ю.* О керамике “минаи” // Средневековая археология Поволжья / Ред. Ю.А. Зеленев, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2009 (Матер. и исследования по археологии Поволжья; Вып. 4). С. 133–150.
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре. Киев: Наук. думка, 1986. 132 с.
- Кравченко А.А.* Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского Археологического музея) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур / Ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наук. думка, 1991. С. 111–120.
- Крамаровский М.Г.* Художественный металл белореченских курганов: новые атрибуции // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп: Адыгейский НИИЭЯЛИ, ИА АН СССР, 1984. С. 25–26.
- Крамаровский М.Г.* Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIV–XV вв. (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока / Ред. В.Г. Луконин. Л.: Гос. Эрмитаж, 1985. С. 152–180.
- Крамаровский М.Г.* Кавказские находки итальянского стекла. (К характеристике торгового пути “Венеция – Лигурия – Крым – Северный Кавказ” в XV в.) // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала: ИИЯЛ Дагест. филиала АН СССР, 1988. С. 80–81.
- Крамаровский М.Г.* Три группы поливной керамики XIII–XIV вв. из Северного Причерноморья // Византия и византийские традиции / Ред. В.Н. Залесская. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 55–57.
- Крамаровский М.Г.* “Свадьба в Кане” Дуччо ди Буонинсенья (библейские контексты и археологический комментарий) // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Матер. конф. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 333–345.

- Кузнецов В.А. Забытый Кремух // Историко-археологический альманах. Вып. 6. Армавир; М.: Армавир. краевед. музей, 2000. С. 29–37.
- Левашева В.П. Белореченские курганы // Археологический сб. М., 1953 (Тр. ГИМ; Вып. XXII). С. 163–213.
- Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азов. музей-заповедник, 2006. С. 308–473.
- Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Вост. лит., 2000. 224 с.
- ОАК за 1896 г. СПб.: Тип. Гл. Управл. Уделов, 1898. 251 с.
- ОАК за 1897 г. СПб.: Тип. Гл. Управл. Уделов, 1900. 192 с.
- ОАК за 1906 г. СПб.: Тип. Гл. Управл. Уделов, 1909. 151 с.
- ОАК за 1907 г. СПб.: Тип. Гл. Управл. Уделов, 1910. 156 с.
- От Китая до Европы. Искусство исламского мира. Каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2008. 376 с.
- Ракитина К.А. Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV–XV вв. // Тр. отдела [истории культуры и искусства] Востока Эрмитажа. Вып. 3. Л.: Гос. Эрмитаж, 1940. С. 209–216.
- Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Екатеринбург: Волот, 2003. 223 с.
- Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: Славия. 2001. 33 с.
- Стародуб Т.Х. Иранская керамика с надглазурной полихромной росписью (минаи). Опыт атрибуции и классификации на материале коллекций СССР // Музей. 1988. № 9. С. 198–206.
- Тесленко И.Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 467–494.
- Тесленко И.Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 385–411.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.
- Финогенова С.И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. 1987. № 2. С. 192–211.
- Böhlendorf-Arslan B. Glasierte Byzantinische Keramik aus der Türkei. Istanbul, 2004. 552 p.
- Degeorge G., Porter Y. The Art of the Islamic Tile. Paris: Flammarion, 2002. 288 p.
- Di Gangi G., Lebole Ch.M. Anfore, Ceramica D'Uso Comune e Ceramica Rivestita tra VI e XIV Secolo in Calabria: Prima Classificazione e Osservazioni Sulla Distribuzione e la Circolazione Dei Manufatti // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes du VI-e Congrès de l'AIECM2. Aix-en-Provence (13–18 novembre 1995). Aix-en-Provence: Narration Éditions, 1997. P. 153–165.
- Hayes J.W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. V. 2: The Pottery. Princeton; N.J.; Oxford: Princeton Univ. Press, 1992. 455 p.
- Islamische Keramik / A. Klein, J. Zick-Nissen, E. Klinge. Düsseldorf; Berlin, 1973. 342 S.
- Islamische Keramik / M. Müller-Wiener. Frankfurt am Main: Museum für Kunsthandwerk, 1996. 173 S.
- Gómez Martínez S. Cerámica Decorada Islámica de Mértola – Portugal (ss. IX–XIII) // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes du VI-e Congrès de l'AIECM2. Aix-en-Provence (13–18 novembre 1995). Aix-en-Provence: Narration Édition, 1997. P. 311–325.
- Kramarovsky M. The Import and Manufacture of Glass in the Territories of the Golden Horde // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East / Ed. R. Ward. L.: British Museum Press, 1998. P. 96–100.
- Lane A. Early Islamic Pottery. L.: Fabrer and Faber, 1958. 52 p.
- Revilla Negro (de la) L., Rodríguez Aguilera A. La Cerámica Esgrafiada del Museo de la Alhambra. Origen y Evolución de la Cerámica Esgrafiada y Pintada en Manganeso Nazarí // La Céramique Médiévale en Méditerranée. Actes du VI-e Congrès de l'AIECM2. Aix-en-Provence (13–18 novembre 1995). Aix-en-Provence: Narration Éditions, 1997. P. 371–373.

GLAZED WARE FROM THE BELORECHENSK BARROWS OF THE 14TH–15TH cc. (NORTH CAUCASUS)

Ekaterina A. Armarchuk

*Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow
(katherine-ar@rambler.ru)*

At the end of the 19th – the beginning of the 20th cc. seven glazed vessels were found in Belorechensk barrow from which two cashine chalices and two clay jugs are considered to be of the Golden Horde production of the Volga River region and the south-east Crimea of the 14th – the first half of 15th cc. The attribution of the turquoise jug with the gold painting is disputable and suggests the production in Latin Romania, the Crimea or Asia Minor between the 14th–15th cc. The jug with the cobalt painting is, probably, considered to the group “Miletus ware” of the Turkish ware of the 15th c.

Key words: the Golden Horde chalices, jugs, a cup, ceramics “Miletus ware”, funnel base, golden painting.

REFERENCES

- Al'bom risunkov, pomeschennykh v Otchetakh Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii za 1882–1898 gody [Album of images included into the Reports of the Imperial Archaeological Committee], 1906. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 374 p., 2270 il.
- Armarchuk Ye.A., 2000. Pozdnesrednevekovyye pogrebeniya Borisovskogo mogil'nika (raskopki V.V. Sakhaneva 1912 g.) [Late medieval burials of the Borisovsk barrow (excavations of V.V. Sakhaneva in 1912)]. *KSIA [BCIA]*, 217, pp. 107–118.
- Armarchuk Ye.A., Dmitriyev A.V. Polivnaya posuda XIII–XIV vekov iz Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya [Glazed ware of 13–14 cc. from Northern-East Black Sea region] (In print).
- Baranov I.A., 1991. Zastroyka vizantiyskogo posada na uchastke Glavnykh vorot Sudakskoy kreposti [Development of Byzantine suburbs on the territory of the main gates of the Sudak fortress]. *Vizantiyskaya Tavrika [Byzantine Tauri]*. P.P. Tolochko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 101–121.
- Baranov I.A., 2004. Kompleks tret'yey chetverti XIV veka v Sudakskoy kreposti [Site of the third quarter of 14 c. in the Sudak fortress]. *Sugdeysky sbornik [Surozh collected works]*. N.V. Kukoval'skaya, ed. Kiev; Sudak: Akademperiodika, pp. 524–559.
- Belinsky I.V., Maslovsky A.N., 1998. Tipologicheskaya kharakteristika materialov raskopok uchastka zolotoordynskogo Azaka (g. Azov, ul. Moskovskaya, 7) [Typological characteristics of the excavations' materials of the plot of the Golden Horde Azak (Azov city, Moskovskaya st., bd.7)]. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 gg. [Historical and archaeological researches in Azov and on Lower Don in 1995–1997]*, 15. V.Ya. Kiyashko, ed. 15. Azov: Azovsky krayevedchesky muzey, pp. 179–251.
- Belinsky I.V., Maslovsky A.N., 2005. Importnaya polivnaya keramika Azaka (XIV v.) [Imported glazed pottery in Azak (14 c.)]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv. [Glazed pottery of the Mediterranean and Black Sea region of 10–18 cc.]*. S.G. Bocharov, V.L. Myts, eds. Kiev: Stilos, pp. 160–177.
- Belinsky I.V., Maslovsky A.N., 2007. Tri zakrytykh kompleksa iz raskopok zolotoordynskogo Azaka [Three closed complexes from the excavations of the Golden Horde Azak]. *Srednevekovyye drevnosti Dona [Medieval antiquities of Don]*. Yu.K. Guguyev, ed. Moscow; Ierusalim: Gesharim, pp. 325–344. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, II).
- Böhlendorf-Arslan B., 2004. Glasierte Byzantinische Keramik aus der Türkei. Istanbul: Ege Yayinlari. 552 p.
- Boldyreva Ye.M., 2012. Polivnyye kuvshiny vizantiyskogo proiskhozhdeniya na Samosdel'skom gorodishche [Glazed jugs of Byzantine origin in the Samosdelka settlement]. *RA [RA]*, 4, pp. 125–129.
- Bulatov N.M., 1976. Klassifikatsiya krasnoglinyanoy polivnoy keramiki zolotoordynskikh gorodov [Classification of red clay glazed pottery of the Golden Horde cities]. *Srednevekovyye pamyatniki Povolzh'ya [Medieval sites of the Volga region]*. A.P. Smirnov, G.A. Fedorov-Davydov, eds. Moscow: Nauka, pp. 73–107.
- Busyatskaya N.N., 1972. Khudozhestvennoye steklo stran Blizhnego Vostoka na territorii Vostochnoy Yevropy (X–XIV vv.) [Artistic glass from Near East on the territory of the Eastern Europe (10–14 cc.)]. *Vestnik Moskov. gos. univ. Ser. Istoriya [Bulletin of MSU. Ser. History]*, 2, pp. 83–90.
- DeGeorge G., Porter Y., 2002. The Art of the Islamic Tile. Paris: Flammarion. 288 p.
- Di Gangi G., Lebole Ch.M., 1997. Anfore, Ceramica D'Uso Comune e Ceramica Rivestita tra VI e XIV Secolo in Calabria: Prima Classificazione e Osservazioni Sulla Distribuzione e la Circolazione Dei Manufatti. *La Céramique Médiévale en Méditerranée: Actes du VI-e Congrès de l'AIECM2. (Aix-en-Provence, 13–18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration Éditions, pp. 153–165.
- Fedorov-Davydov G.A., 1994. Zolotoordynskiy gorod Povolzh'ya [The Golden Horde cities of the Volga region]. Moscow: Izdatel'stvo Moskov. univ. 232 p.
- Finogenova S.I., 1987. Polivnaya keramika iz raskopok Tamanskogo gorodishcha [Glazed pottery from the excavations of the Taman settlement]. *SA [SA]*, 2, pp. 192–211.
- Gómez Martínez S., 1997. Cerámica Decorada Islámica de Mértola – Portugal (ss. IX–XIII). *La Céramique Médiévale en Méditerranée: Actes du VI-e Congrès de l'AIECM2. (Aix-en-Provence, 13–18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration Édition, pp. 311–325.
- Gusach I.R., 2006a. Arkheologicheskiye issledovaniya na territorii turetskoy kreposti Azak [Archaeological researches on the territory of Turkish fortress Azak]. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu [Historical and archaeological researches in Azov and on Lower Don]*, 21. V.Ya. Kiyashko, ed. Azov: Azovsky muzey-zapovednik, pp. 127–141.
- Gusach I.R., 2006b. Keramika s rospis'yu v stile “Milet” iz turetskogo Azova [Pottery with painting in “Milet” style from the Turkish Azov]. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. [Historical and archaeological researches in Azov and on Lower Don in 2005]*, 22. V.Ya. Kiyashko, ed. Azov: Azovsky muzey-zapovednik, pp. 300–322.
- Hayes J.W., 1992. Excavations at Sarahane in Istanbul. V. 2: The Pottery. Princeton; N.J.; Oxford: Princeton Univ. Press. 455 p.
- Islamische Keramik, 1973. A. Klein, J. Zick-Nissen, E. Klinge. Düsseldorf; Berlin. 342 p.
- Islamische Keramik, 1996. M. Muller-Wiener. Frankfurt am Main: Museum für Kunsthandwerk. 173 p.

- Ispano-mavritanskaya keramika [Spanish Moresque ceramics], 1940. A.N. Kube, comp. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 125. (Katalogi sobrany Ermitazha, II).
- Koval' V.Yu., 2009. O keramike "minai" [On the "Minoan" pottery]. *Srednevekovaya arkheologiya Povolzh'ya* [Medieval archaeology of the Volga region]. Yu.A. Zeleneyev, B.S. Solov'yev, eds. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 133–150. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya, 4).
- Koval' V.Yu., 2010. Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII veka [Pottery of the East in Rus. 9–17 cc.]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Kramarovskiy M., 1998. The Import and Manufacture of Glass in the Territories of the Golden Horde. *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*. R. Ward, ed. L.: British Museum Press, pp. 96–100.
- Kramarovskiy M.G., 1984. Khudozhestvenny metall belorechenskikh kurganov: novyye atributsii [Artistic metal of Belorechensk barrows: new attributes]. *XIII Krupnovskiy chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza: tez. dokl.* [XIII Krupnov readings on archaeology of the Northern Caucasus: reports' theses]. Maykop: Adygeyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii; IA AN SSSR, pp. 25–26.
- Kramarovskiy M.G., 1985. Serebro Levanta i khudozhestvenny metall Severnogo Prichernomor'ya XIV–XV vv. (po materialam Kryma i Kavkaza) [Silver of the Levant and artistic metal of the Northern Black Sea region of the 14–15 cc.]. *Khudozhestvennyye pamyatniki i problemy kul'tury Vostoka* [Artistic sites and the problems of the Eastern culture]. V.G. Lukonin, ed. Leningrad: Gos. Ermitazh, pp. 152–180.
- Kramarovskiy M.G., 1988. Kavkazskiy nakhodka ital'yanskogo stekla. (K kharakteristike torgovogo puti "Veneto Liguriya – Krym – Severny Kavkaz" v XV v.) [Caucasian finds of the Italian glass. (On the characteristics of the trade way "Veneto Liguria – the Crimea – the Northern Caucasus" in 15 c.)]. *XV Krupnovskiy chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov* [XV Krupnov readings on archaeology of the Northern Caucasus: reports' theses]. Makhachkala: Institut istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, pp. 80–81.
- Kramarovskiy M.G., 1996. Tri gruppy polivnoy keramiki XIII–XIV vv. iz Severnogo Prichernomor'ya [Three groups of glazed pottery of 13–14 cc. from the Northern Black Sea region]. *Vizantiya i vizantiyskiye traditsii* [Byzantium and Byzantine traditions]. V.N. Zaleskaya, ed. St. Petersburg: Gos. Ermitazh, pp. 55–57.
- Kramarovskiy M.G., 2009. "Svad'ba v Kane" Duchcho di Buoninse'n'ya (bibleyskiye konteksty i arkheologicheskiy kommentariy) ["The wedding in Cannes" Duccio di Buoninsegna (Biblical contexts and archaeological commentaries)]. *Lazarevskiy chteniya. Iskustvo Vizantii, Drevney Rusi, Zapadnoy Yevropy: materialy konf.* [Lazarev readings. The Art of Byzantium, Ancient Rus, Western Europe: the materials of the conf.]. Moscow: Izdatel'stvo Moskov. univ., pp. 333–345.
- Kravchenko A.A., 1986. Srednevekovy Belgorod na Dnestre [Medieval Belgorod on Dniestr]. Kiev: Naukova dumka. 132 p.
- Kravchenko A.A., 1991. Importnaya polivnaya keramika XIII–XIV vv. iz Kaffy (Sobraniye Odesskogo Arkheologicheskogo muzeya) [Imported glazed pottery of 13–14 cc. from Kafa (Collection of Odessa Archaeological Museum)]. *Severo-Zapadnoye Prichernomor'ye – kontaktnaya zona drevnikh kul'tur* [Northern-West Black Sea region – contact zone of ancient cultures]. V.P. Vanchugov, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 111–120.
- Kuznetsov V.A., 2000. Zabyty Kremukh [Forgotten Kremukh]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh* [Historical and archaeological Anthology], 6. Armavir; Moscow: Armavirskiy krayevedcheskiy muzey, pp. 29–37.
- Kverfel'dt E.K., 1947. Keramika Blizhnego Vostoka [Pottery of Near East]. A.Yu. Yakubovskiy, ed. Leningrad: Gos. Ermitazh. 143 p.
- Lane A., 1958. Early Islamic Pottery. L.: Faber and Faber. 52 p.
- Levasheva V.P., 1953. Belorechenskiye kurgany [Belorechensk barrows]. *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological collected works]. Moscow, pp. 163–213. (Trudy Gos. Istoricheskogo muzeya, XXII).
- Maslovskiy A.N., 2006. Keramicheskiy kompleks Azaka. Kratkaya kharakteristika [Pottery complex of Azak. Brief characteristics]. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu* [Historical and archaeological researches in Azov and on Lower Don], 21. V.Ya. Kiyashko, ed. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, pp. 308–473.
- Myts V.L., 2009. Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty [Kafa nad Fiodorovo in 15 c. Contacts and conflicts]. Simferopol': Universum. 528 p.
- Nedashkovskiy L.F., 2000. Zolotoordynskiy gorod Ukek i yego okrug [Golden Horde city Ukek and its suburbs]. Moscow: Vostochnaya literatura. 224 p.
- Ot Kitaya do Yevropy, 2008. Iskustvo islamskogo mira: katalog vystavki [From China to Europe. The art of Islamic world: catalogue of the exhibition]. St. Petersburg: Chisty list. 376 p.
- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii za 1896 god [Report of the Imperial Archaeological Committee for 1896], 1898. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 251 p.
- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii za 1897 god [Report of the Imperial Archaeological Committee for 1897], 1900. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 192 p.

- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii za 1906 god [Report of the Imperial Archaeological Committee for 1906], 1909. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 151 p.
- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii za 1907 god [Report of the Imperial Archaeological Committee for 1907], 1910. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov. 156 p.
- Rakitina K.A., 1940. Gruppa serebryanykh ukrasheny iz kubanskikh mogil'nikov XIV–XV vv. [A group of silver jewelry from Kuban barrows of 14–15 cc.]. *Trudy otdela istorii kul'tury i iskusstva Vostoka [Transactions of the Department of History of Eastern Culture and Art]*, 3. Leningrad: Gos. Ermitazh, pp. 209–216.
- Revilla Negro (de la) L., Rodríguez Aguilera A., 1997. La Cerámica Esgrafiada del Museo de la Alhambra. Origen y Evolución de la Cerámica Esgrafiada y Pintada en Manganese Nazari. *La Céramique Médiévale en Méditerranée: Actes du VI-e Congrès de l'AIECM2 (Aix-en-Provence, 13–18 novembre 1995)*. Aix-en-Provence: Narration Éditions, pp. 371–373.
- Romanchuk A.I., 2003. Glazurovannaya posuda pozdnevi-zantiyskogo Khersona [Glazed ware of late Byzantine Kherson]. Yekaterinburg: Volot. 223 p.
- Sokrovishcha Zolotoy Ordyy, 2001. Katalog vystavki [The Golden Horde Treasures: catalogue of the exhibition]. St. Petersburg: Slaviya. 33 p.
- Starodub T.Kh., 1988. Iranskaya keramika s nadglazurnoy polikhromnoy rospis'yu (minai). Opyt atributsii i klassifikatsii na materiale kollektsiy SSSR [Irani pottery with above glazed polychromatic painting (minai). Experience of attribution and classification on the material of the USSR collections]. *Muзей [Museum]*, 9. S. 198–206.
- Teslenko I.B., 2004. Ispanskaya keramika s rospis'yu lyustrom v Krymu [Spanish pottery with luster painting in the Crimea]. *Sugdeysky sbornik [Surozh collected works]*. N.V. Kukoval'skaya, ed. Kiev; Sudak: Akademperiodika, pp. 467–494.
- Teslenko I.B., 2005. Turetskaya keramika s rospis'yu kobal'tom v Krymu [Turkish pottery with cobalt painting in the Crimea]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv. [Glazed pottery of the Mediterranean and the Black Sea region of 10–18 cc.]*. S.G. Bocharov, V.L. Myts, eds. Kiev: Stilos, pp. 385–411.
- Vakturskaya N.N., 1959. Khronologicheskaya klassifikatsiya srednevekovoy keramiki Khorezma (IX–XVII vv.) [Chronological classification of the medieval pottery of Chorasmia (9–17 cc.)]. *Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Transactions of the Chorasmian Archaeological and ethnographical expedition]*, IV. S.P. Tolstov, M.G. Solov'yeva, eds. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 261–342.
- Valiulina S.I., 2004. Balynguzskoye (Toretskoye) III selishche i problema preymstvennosti gorodskoy kul'tury v okruge Bilyarskogo gorodishcha v zolotoordynsky period [Balynguz (Toretsk) III ancient settlement and continuance of the city culture in the neighborhood of Bilyar settlement in the Golden Horde period]. *Tatarskaya arkheologiya [Tatar Archaeology]*, 1–2 (12–13), pp. 157–191.
- Vinogradov V.B., Narozhny Ye.I., Narozhnaya F.E., 2001. O lokalizatsii “oblasti Kremukh” i o Belorechenskikh kurganakh [On the localization of the “oblast Kremukh” and Belorechensk barrows]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani [Materials and Researches on the Archaeology of Kuban region]*, 1. I.I. Marchenko, ed. Krasnodar: Kubansky gos. univ., pp. 124–137.
- Vishnevskaya O.A., 1958. Raskopki karavan-sarayev Akayayla i Talaykhan-ata [Excavations of caravanserais of Akayayla and Talaykhan-ata]. *Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Transactions of the Chorasmian Archaeological and Ethnographical expedition]*, II. S.P. Tolstov, T.A. Zhdanko, eds. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 431–466.
- Volkov I.V., 2005. Polivnaya keramika kompleksa Kabardi (1240–1260) [Glazed pottery of the complex Kabardi (1240–1260)]. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X–XVIII vv. [Glazed pottery of the Mediterranean and the Black Sea region of 10–18 cc.]*. S.G. Bocharov, V.L. Myts, eds. Kiev: Stilos, pp. 122–159.
- Volkov I.V., 2006. Ob opredelenii keramiki i azovskom sosude v tekhnike “minai” [On the definition of pottery and Azov vessel in the “minai” technique]. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g. [Historical and Archaeological researches in Azov and on Lower Don in 2005]*, 22. V.Ya. Kiyashko. Azov: Azovsky muzey-zapovednik, pp. 410–426.
- Volkov I.V., 2007a. Polivnaya keramika Madzhara [Glazed pottery of Majar]. *Polivnaya keramika Vostochnoy Yevropy, Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v X–XVIII vv.: tez. konf. [Glazed pottery of the Eastern Europe, the Black Sea region and the Mediterranean in 10–18 cc.: conf. theses]*. Yalta: Krymsky filial IA NAN Ukrainy, pp. 33–42.
- Volkov I.V., 2007b. Polivnaya keramika mogil'nika Cherny Yerik-1 [Glazed pottery of the barrow Cherny Yerik-1]. *Polivnaya keramika Vo stochnoy Yevropy, Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya v X–XVIII vv.: tez. konf. [Glazed pottery of the Eastern Europe. The Black Sea region and the Mediterranean in 10–18 cc.: conf. theses]*. Yalta: Krymsky filial IA NAN Ukrainy, pp. 26–32.
- Volkov I.V., Peters B.G., 2003. Srednevekovy keramichesky kompleks poseleniya Garkusha [Medieval pottery complex of the settlement Garkusha]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani [Materials and researches on the archaeology of Kuban region]*, 3. I.I. Marchenko, ed. Krasnodar: Kubansky gos. univ., pp. 244–261.
- Zolotaya Orda. Istoriya i kul'tura, 2005. Katalog vystavki [Golden Horde. History and culture: catalogue of the exhibition]. St. Petersburg: Slaviya. 264 p.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА ИЗ НАХЧЫВАНА

© 2015 г. В.Б. Бахшалиев

Нахчыванское отделение Национальной академии наук Азербайджана, Нахчыван (velibahshaliev@mail.ru)

Исследование неолитических памятников Нахчывана началось в 50-х годах XX столетия. Однако, до последнего времени поселение Кюльтепе I являлось единственным памятником этого периода на территории Нахчывана. Материалы нижних неолитических горизонтов поселения Кюльтепе I мало опубликованы. Исследованиями 2013 года на памятниках в окрестностях поселения Кюльтепе I были найдены новые материалы эпох неолита и энеолита. На одном из них, поселении Шорсу, был заложен раскоп, где были выявлены в плане четырехугольные помещения, орудия из камня и керамические изделия. Керамика поселения Шорсу перекликается с аналогичными материалами памятников эпохи позднего неолита Кавказа, в том числе и Азербайджана. Большинство керамических изделий поселения Шорсу находит аналогии в материалах позднего неолита, поэтому этот памятник можно датировать серединой и концом VI тыс. до н.э. В 2010–2013 гг. в окрестностях поселения Кюльтепе I выявлены многочисленные памятники неолита и энеолита. Они расположены по берегу реки Шорсу и тянутся в сторону северной границы Нахчывана. Можно предположить, что энеолитические поселения, расположенные вдоль реки Шорсу, указывают один из путей передвижения к природным ресурсам, в частности, к месторождениям обсидиана.

Ключевые слова: неолит, поселение Шорсу, керамика с примесью якины, орудия труда, обсидиановые ресурсы

На территории Нахчывана памятник со слом эпохи неолита – Кюльтепе I – был выявлен исследованиями О.А. Абибуллаева в 50-х годах XX столетия (Həbibullayev, 1959. С. 14). Нижний слой памятника, обозначенный О.А. Абибуллаевым как “1a”, был отнесен к неолитическому, а слой “1б” – к энеолитическому периоду. Слой “1a” располагается на глубине от 19 до 22.2 м от вершины памятника (Həbibullayev, 1959. С. 14; Абибуллаев, 1982. С. 24). В дальнейших исследованиях О.А. Абибуллаев отказался от этой точки зрения и отнес оба слоя, “1a” и “1б”, к энеолитическому времени (Абибуллаев, 1982. С. 24). В археологической литературе материалы этих слоев также характеризовались как энеолитические (Мунчаев, 1982. С. 93–131). В настоящее время слой “1a” исследователи относят к неолиту (Нариманов, 1987. С. 133; Кушнарева, 1993. С. 32–34; Seyidov, 2003. С. 21, 39–40).

До последних лет Кюльтепе I являлось единственным памятником этого периода. Материалы нижних неолитических горизонтов поселения Кюльтепе I недостаточно подробно опубликованы, и вопрос о генезисе неолитической культуры этого края остается малоизученным. В настоящее время публикация материалов нижних горизонтов Кюль-

тепе I остается особенно важной¹. Однако исследованиями последних лет на территории Нахчывана выявлены также новые памятники, содержащие материалы эпохи неолита. Одним из таких памятников является, например, поселение Садарак. Керамические изделия энеолитического времени из этого памятника опубликованы еще В.Г. Алиевым (Əliyev, 1987. S. 61–67). Нашими исследованиями в Садаракском краеведческом музее выявлены три каменных орудия труда (Bakhshaliyev, Seyidov, 2013. S. 1, photo 1, photo 2), аналогии которым известны из неолитических памятников Кавказа (Abibullaev, 1982. Tabl. IV, 1; Badalyan et al., 2010. Fig. 3-1) и Центральной Европы (Археология Венгрии, 1980. С. 387. Рис. 238).

Новые материалы эпохи неолита были найдены также во время исследований 2013 года на самом поселении Кюльтепе I и на памятниках в окрестностях этого поселения. Были зарегистрированы также новые энеолитические памятники², в резуль-

¹ Для публикации материалов старых раскопок поселения Кюльтепе I нами разработана особая программа.

² Мы называем их энеолитическими, потому что радиоуглеродное датирование образцов пока не проведено, а диагностические материалы эпохи неолита не отмечены.

тате чего число последних в этом районе повысилось до 21.

На одном из этих памятников – поселении Шорсу – был заложен раскоп размером 10 × 10 м. Культурный слой на поселении толщиной 15–20 см сохранился очень плохо. Он представляет собой твердую обработанную глину с включениями белого тлена и керамики. Зола, следы кострищ и кости не встречались. Наиболее частыми находками были фрагменты керамических сосудов, реже – обсидиановые и кремневые отщепы. Число обсидиановых и кремневых изделий было ограниченным.

В раскопе были открыты каменные выкладки, первоначально принятые нами за основания стен помещений, имевших прямоугольную форму³. Всего обнаружено три таких выкладки (рис. 1). В одном из помещений находились предположительно заглубленные в пол большие хозяйственные сосуды (№ 1001 и № 1006) (рис. 2). Уровни полов установить было трудно, так как на них лежала рассыпанная глиняная обмазка стен легких конструкций. Третий хозяйственный сосуд находился не внутри помещения, а поблизости от него (№ 1007)⁴. Внутри помещений следы огня и золы не встречены. Единственный очаг отмечен за пределами помещений (№ 1008).

Орудия труда представлены обломками каменных зернотерок, изделиями из обсидиана и кремня. Зернотерки происходят из подъемного материала. Найдено всего 6 экз. подобных орудий. Все они сломаны. К сожалению, зернотерки не могут служить датировочным материалом: эти орудия, использовавшиеся в разные периоды, типологически практически не различаются. Кроме того, обнаружены также маленькие терочки (2 экз.).

При изготовлении прочих орудий (8 экз.) использовался прозрачный и полупрозрачный обсидиан. Из призматических пластин, обработанных односторонней ретушью, изготовлены вкладыши серпов (5 экз.) (рис. 3, 1–3, 5, 6). Вкладыши изготовлены также из кремня (1 экз.) (рис. 3, 4) и камня (1 экз.). Найдено два обсидиановых выемчатых скребка. Один из них изготовлен из трапециевидного отщепа, лезвие и боковые стороны которого обработаны односторонней ретушью (рис. 3, 8). Второй скребок изготовлен из призматической пластины. Лезвие и боковые стороны обработаны ретушью (рис. 3, 7). Эти орудия имеют близкие

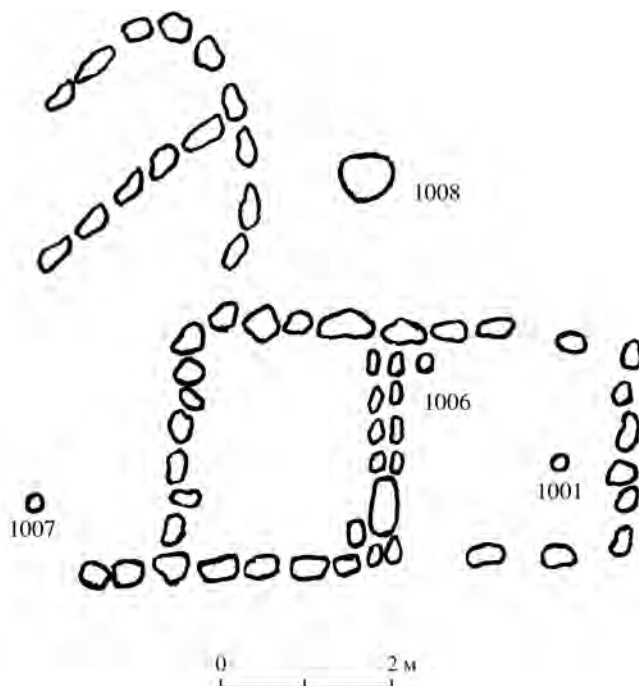

Рис. 1. Шорсу. Планы помещений.

Рис. 2. Шорсу. Хозяйственный сосуд в полу помещения 1006.

параллели в неолитических памятниках Кавказа, в том числе и докерамических (Connor, Sagona, 2007. Plate 2, 10; Черлёнок, 2013. Рис. 7, 1–3).

Более массовыми находками были фрагменты керамической посуды. По технологии изготовления их можно разделить на две группы. Первая группа представлена четырьмя экземплярами фрагментов. Сосуды изготовлены из плотной глины с примесью мякины. Изделия хорошо обожжены в красном цвете, обе стороны хорошо сглажены и слегка залощены, покрыты ангобом желтого цвета. Три фрагмента относятся к горшкам с отогнутым наружу венчиком. Один непрофилированный черепок окрашен красной краской.

³ По нашему мнению, выкладки представляли собой не стены, а обрамление помещений легкого типа, которые этнографически известны на территории Нахчывана.

⁴ Хозяйственные сосуды вне помещений были обнаружены нами также на поселении Овчулартепеси. Эти материалы пока не опубликованы.

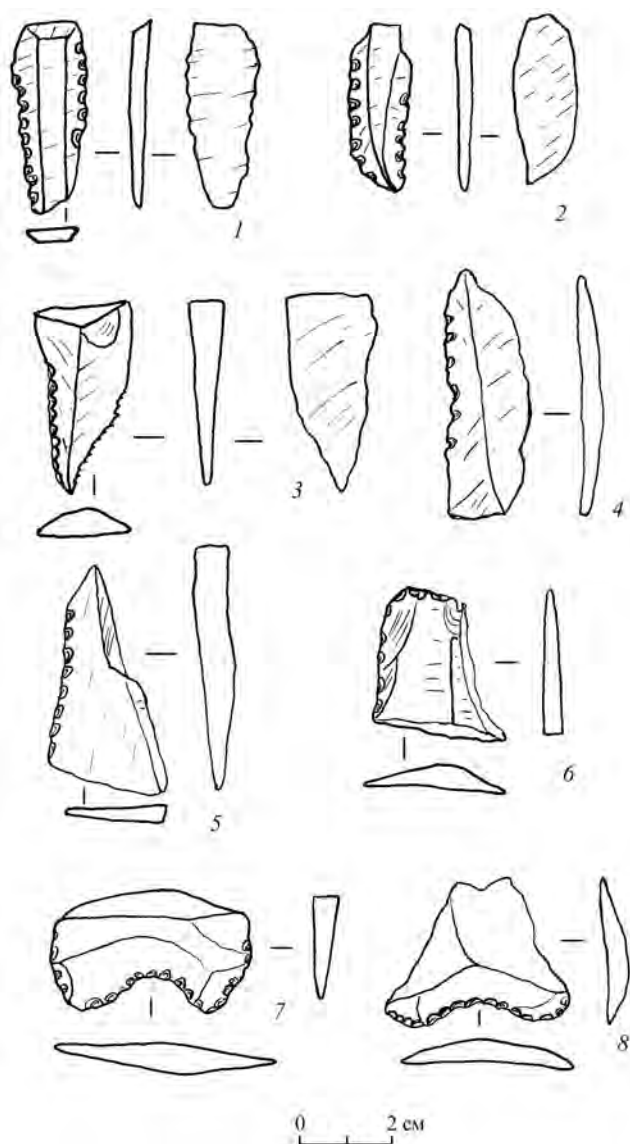

Рис. 3. Шорсу. Obsидиановые (1–3, 5–8) и кремневые (4) орудия.

Большинство керамических изделий относятся ко второй группе. Петрографический анализ керамических изделий пока не проведен. Большое число изделий изготовлено из глины с примесью мякины и песка (90.1%). Примесь мякины в одних сосудах незначительна, а в других концентрация высокая. Иногда в глине перемешан крупный песок и шамот. Количество фрагментов с примесью только песка незначительны (9.9%). Формовка изделий грубая. Поверхности некоторых сосудов бугристые и шероховатые, но встречаются также хорошо сглаженные изделия. Лощение отсутствует. Все сосуды сделаны от руки: края венчиков извилистые, иногда на поверхности видны следы пальцев. Обжиг хороший. Однако в профиле некоторых фрагментов

видны необожженные черные прослойки. Отмечены разные вариации красного цвета поверхностей. Фрагменты с желтым оттенком представлены только несколькими экземплярами (всего 4 экз.). Они ангобированы тем же цветом. Есть фрагменты серого или же черного цвета – 3 экз. Иногда встречаются серо-коричневые оттенки и закопченные фрагменты. Подобный набор цветов отмечен также в поселении Кюльтепе (Həbibullayev, 1959. С. 58) и Хаджи-Фируз (Voigt, 1983. Р. 99).

Керамические изделия представлены обломками горшков, банок, мисок и подносов⁵. Один вид горшков – с отогнутым наружу венчиком и цилиндрическим, а иногда коническим горлом (рис. 4, 1–4, 9–18). По формовке края венчиков они различны. Один из горшков по основанию венчика украшен ушковидным рельефным орнаментом (рис. 4, 5). Аналогичные сосуды известны из Акнашен-Хатунарх (Badalyan et al., 2010. Fig. 9-2, 22, 24), Кюльтепе I (Абибуллаев, 1982. Табл. IX, 1–4), Шомутепе (Ахундов, 2012. С. 56. Табл. 208, 4–108, 8–675), Араташен (Palumbi, 2007. Table 1, 6) и других памятников. Как известно, рельефный ушковидный орнамент широко распространен в таких памятниках Южного Кавказа эпохи неолита, как Шомутепе, Акнашен-Хатунарх, Гейтепе, Арухло (Ахундов, 2012. С. 56. Табл. 209, 210; Badalyan et al., 2010. Fig. 9-2; 5, 11; Kushnareva, 1997. Fig. 9, 1–2).

Второй вид горшков – также с отогнутым наружу венчиком и выпуклым корпусом (рис. 4, 6–8). Сосуды этого вида хорошо известны по материалам поселения Шомутепе (Ахундов, 2012. С. 56. Табл. 208, 8–258). Подобные сосуды происходят также из слоя “16” поселения Кюльтепе I (Həbibullayev, 1959. С. 60).

Миски являются распространенным типом сосудов. Они имеют выпуклый, цилиндроконический и конический корпус (рис. 5, 1–6, 7, 10, 12; рис. 6, 5, 7). На краю некоторых мисок под венчиком пробито сквозное (иногда недосверленное) отверстие (рис. 5, 1–6, 13–20). В некоторых мисках отверстия расположены в два ряда (рис. 5, 5). Миски с пробитыми отверстиями на краю венчика хорошо известны из неолитических памятников Кавказа, в том числе и Азербайджана. Они известны из Кюльтепе I (Həbibullayev, 1959. Tabl. 19, 3) Шомутепе (Ахундов, 2012. С. 56. Табл. 203, 7–14; 9-3; 10-458), Акнашен-Хатунарх (Badalyan et al., 2010. Fig. 9-2, 1–4) и других памятников Арапатской долины (Kushnareva, 1997. Fig. 10, 2–5). Миски с

⁵ Последний вид посуды некоторые исследователи называют сковородками (Badalyan et al., 2010. Р. 192). Однако на дне этих сосудов нет копти, поэтому мы предпочитаем называть их подносами.

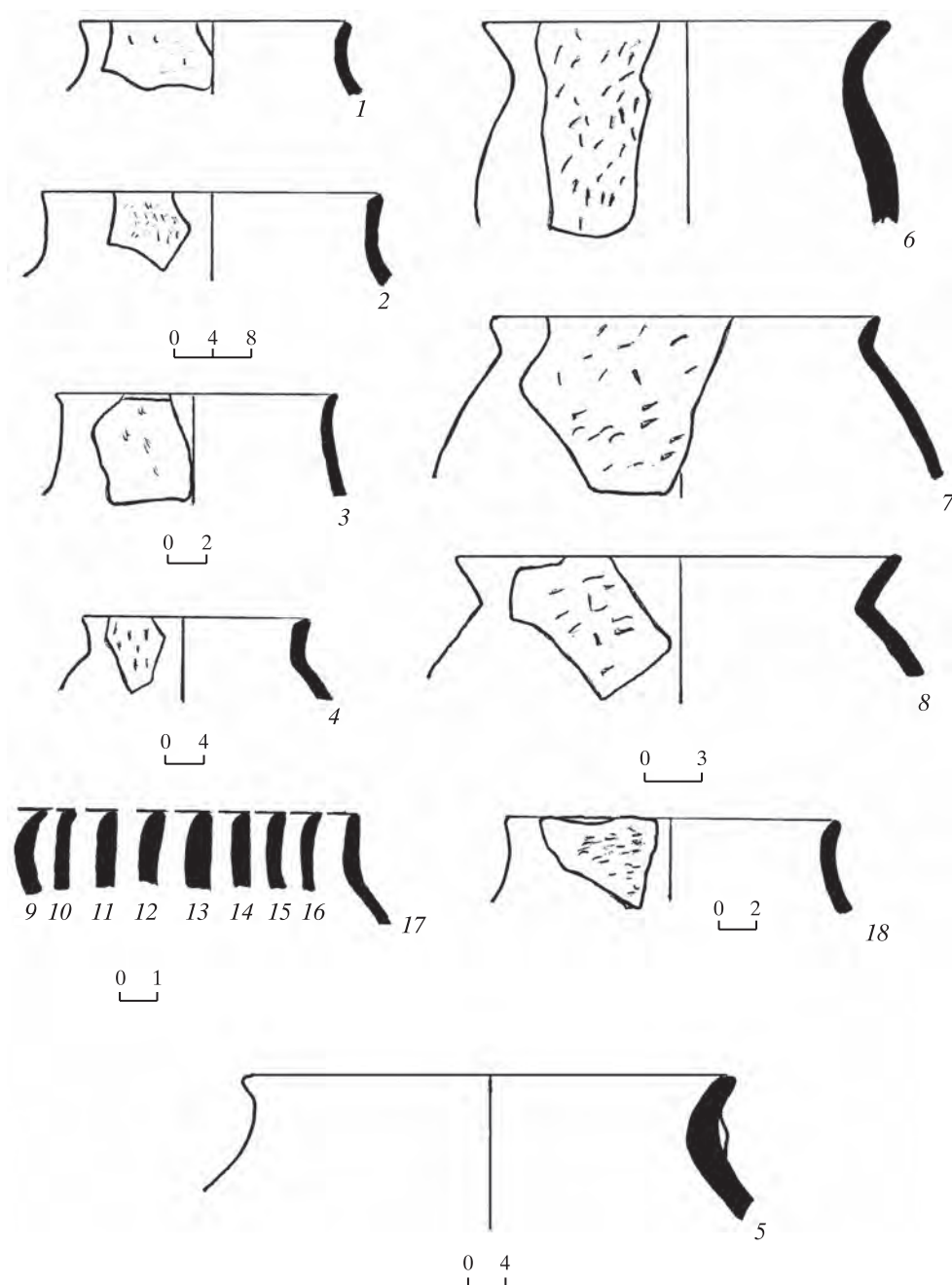

Рис. 4. Шорсу. Горшки.

пробитыми отверстиями под венчиком бытовали также в различных этапах энеолита. Они известны из Араташен, Кохне Пасрах (Maziar, 2010. Fig. 6), Овчулартепеси, Халадж (Seyidov, Baхşəliyev, 2010. Рис. 14, 4) и других памятников. Это свидетельствует о том, что подобная орнаментация бытовала длительно. Интересно, что аналогичный орнамент применялся также на керамических изделиях культуры Бюкк в Венгрии (Археология Венгрии, 1980. Рис. 125, 2; 130).

На поселении Шорсу встречаются различные формы мисок. На краю венчика некоторых экземпляров имеются дугообразные выступы (рис. 6, 3), близкие параллели которых встречаются в культуре Бюкк в Венгрии (Археология Венгрии, 1980. Рис. 125, 1). Следует отметить, что миски по форме очень близки подобным керамическим изделиям Хаджи-Фируз (Voigt, 1983. Fig. 74). Особенно совпадают формы конических мисок (рис. 5, 10, 12) (Voigt, 1983. Fig. 75). Край неко-

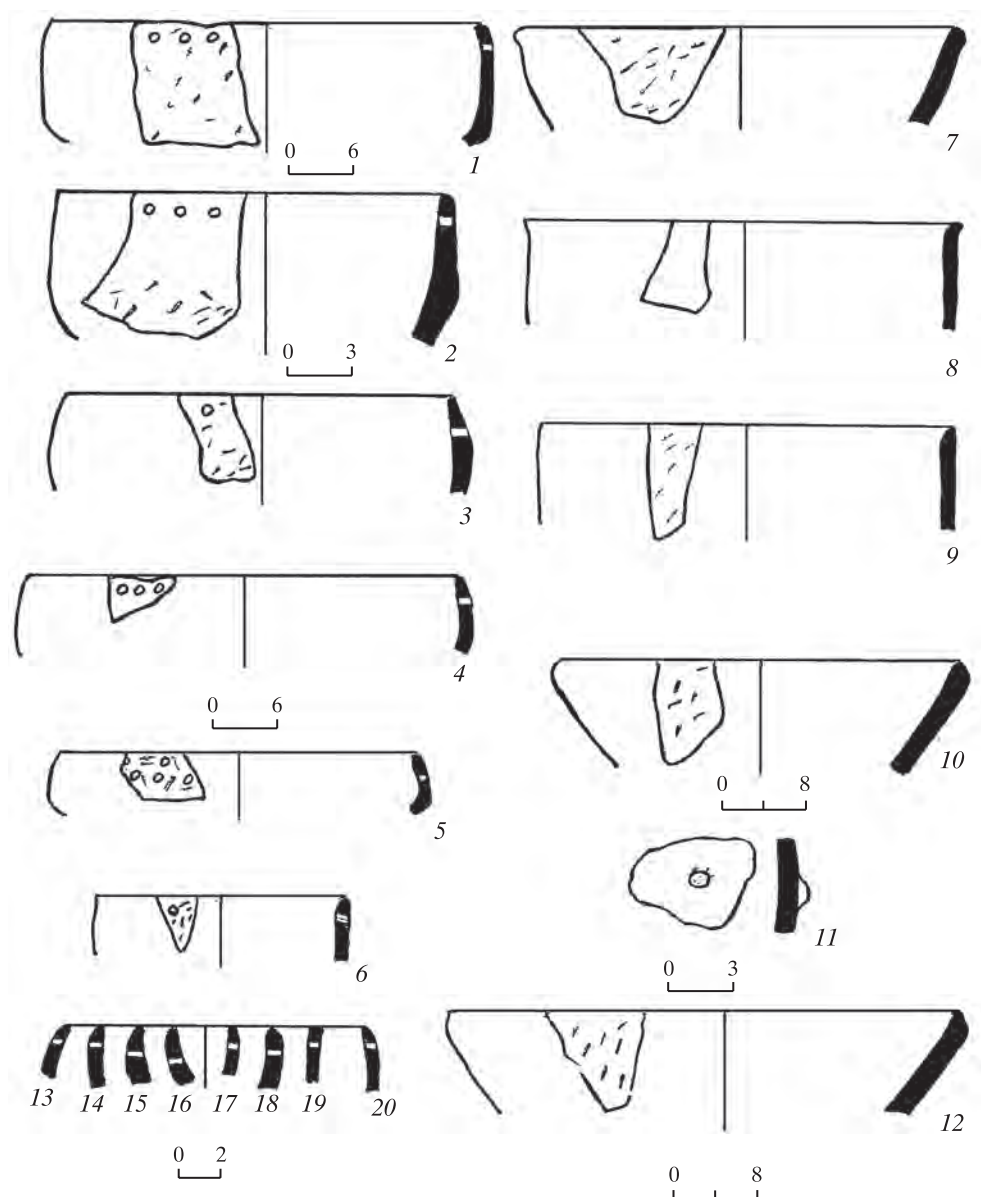

Рис. 5. Шорсу. Миски и банкообразные сосуды.

торых мисок неровный (рис. 6, 5). Миска с отогнутым наружу венчиком представлена одним экземпляром (рис. 6, 6).

Банкообразные сосуды с цилиндрическим корпусом представлены четырьмя экземплярами (рис. 5, 8, 9). На краю одного из них пробито сквозное отверстие (рис. 5, 19). Подобные сосуды хорошо известны из слоя "1а" и "1б" поселения Кюльтепе I (Həbibullayev, 1959, С. 59). По форме они близки аналогичным сосудам из Хаджи-Фируз (Voigt, 1983. Fig. 74, f, g). Такие сосуды известны также из поселения Акнашен-Хатунарх (Badalyan et al., 2010. Fig. 9-3, 1, 4, 6). Сосуд типа стакана представлен одним экземпляром (рис. 6, 4). Сосуды подобной формы

хорошо известны из слоя "1б" поселения Кюльтепе I (Həbibullayev, 1959. Tabl. 24, 4-8) и Овчулартепеси (Marro, Bakhshaliyev, Ashurov, 2009. Pl. XVIII, 4), что, вероятно, говорит о длительном бытовании подобных сосудов.

На тулове некоторых сосудов иногда встречаются рожковидные выступы (рис. 5, 11). Украшения подобными выступами являлись одним из характерных элементов культур керамического неолита. Разнообразные формы подобных украшений известны из неолитических памятников Кавказа, в том числе и Азербайджана (Həbibullayev, 1959. Tabl. 22, 3-4; Badalyan et al., 2010, Fig. 9-2, 2, 3, 5; Мусеибли, 2012. Табл. VI, 7).

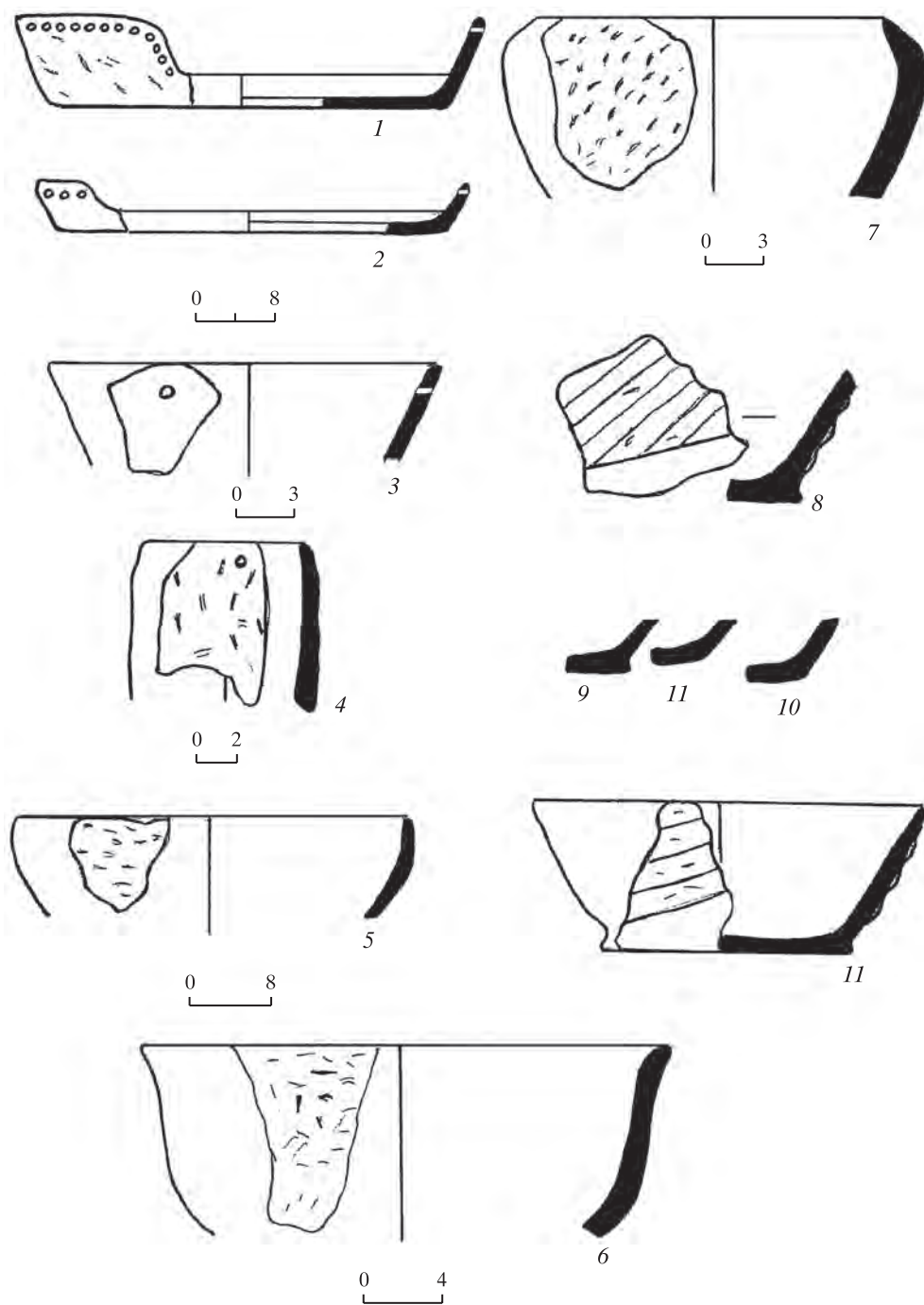

Рис. 6. Шорсу. Неолитические формы сосудов.

Особый интерес представляют сосуды типа подносов (5 экз.). Это низкие сосуды с конусовидным корпусом и двумя горизонтальными ручками. Под венчиками они украшены овальными сквозными отверстиями (рис. 6, 1–2). Сосуды отличаются друг от друга по размеру и формовке. Некоторые из них грубые, а другие с обеих сторон хорошо сглажены. Подобные сосуды известны из неолитических памятников Араратской долины

(Kushnareva, 1997. Fig. 10, 2). Аналогичные изделия, которые датируются исследователем средним энеолитом, известны также из Кохне Пасгах тепе (Maziar, 2010. Fig. 7, 3–4). По-видимому, некоторые формы сосудов продолжали существовать в более позднее время. Однако на поселении Овчулартепеси изделий подобной формы не обнаружено, несмотря на то, что памятник исследовался широкой площадью.

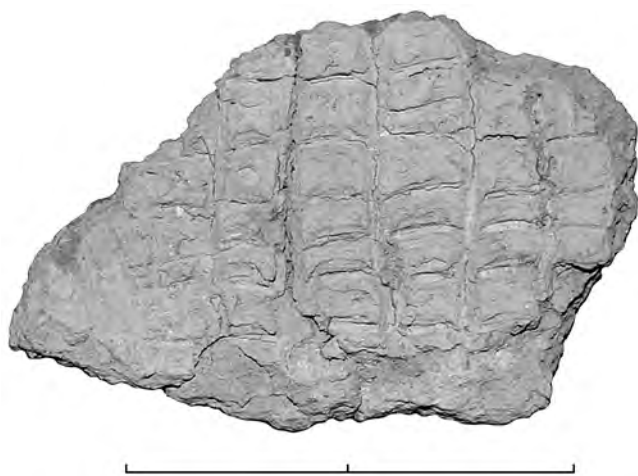

Рис. 7. Шорсу. Дно сосуда с отпечатками плетения.

Дно сосудов было плоским, часто выступающим наружу. Некоторые фрагменты доньев обработаны грубо. Формовка дна сосудов аналогична неолитическим изделиям. Сосуды с подобным дном выявлены из слоя “1а” Кюльтепе I (Нәбібуллаев, 1959. Табл. 20, 1–4), Шомутепе (Нариманов, 1987. Рис. 10; Ахундов, 2012. Табл. 211–216), Молла Наги тепеси (Мусеибли, 2012. Табл. VI, 3–6) и из других поселений. Два сосуда украшены рельефными линиями (рис. 6, 8–11). На дне одного из сосудов сохранились следы от плетеного камыша (рис. 7). Вероятно, сосуды формовались на плетеной основе. В других поселениях, например, Молла Наги тепеси (Мусеибли, 2012. Табл. VI, 3, 4) следы такого плетения встречаются обычно в наружной части сосудов.

Как известно, в неолитических памятниках типа Шомутепе в основном преобладают керамические изделия с примесью песка. По определению И.Г. Нариманова, основной зоной распространения подобной керамики является среднее течение р. Кура, на севере достигающее Дагестана, а на юге – р. Аракс и Араратской долины (Нариманов, 1987. С. 117). В поселении Шомутепе 85% глиняных изделий имели примесь песка, а 15% – растительную примесь (Ахундов, 2012. С. 53). В других поселениях процент изделий с растительной примесью больше. В Гейтепе подобная керамика составляла 38.9 % (Гулиев и др., 2009. С. 28). Аналогичное явление наблюдается также и в памятниках Араратской долины (Badalyan et al., 2010. P. 192). В отличие от них, в памятниках Нахчывана преобладает керамика с примесью мякины. Это наблюдается и в материалах поселения Кюльтепе I (Абибуллаев, 1982. С. 223), и в Шорсу. Керамические изделия поселения Кюльтепе I отличаются плотными примесями мякины. По мнению И.Г. Нариманова, к востоку от Араратской долины до Каспия

керамика с неорганическими примесями неизвестна (Нариманов, 1987. С. 117). Это подтверждается исследованиями последних лет и говорит о своеобразном развитии памятников Нахчывана, которые связаны с памятниками Северо-Западного Ирана и Мильско-Муганской зоны Азербайджана.

В ходе разведочных работ предшествующих годов мы заметили, что керамические изделия Шорсу отличаются архаичным обликом. Раскопки поселения подтвердили это предположение. Формы большинства сосудов находят параллели в памятниках бассейна оз. Урмии, Северо-Западного Ирана, Восточной Анатолии, и даже Центральной Европы. Эти памятники датируются в пределах VI–V тыс. до н.э. Неолитический слой поселения Акнашен-Хатунарх датируется 5986–5054 гг. до н.э. (Badalyan et al., 2010. P. 210). Радиоуглеродный анализ древесного угля из поселения Гасансу I показал дату 5994 г. до н.э. (Мусеибли, 2012. С. 43). Этим же периодом датируются поселения Хаджи-Фируз (Mellart, 1965. P. 74; Voigt, 1983. P. 351) и Шомутепе (Нариманов, 1987. С. 78). При этом привлекают особое внимание сосуды типа подносов (или сковородок) с отверстиями под венчиком. Подобные сосуды выявлены также в памятниках эпохи позднего энеолита, которые датируются первой половиной IV тыс. до н.э. Р.С. Бадалян объяснял это тем, что в поселении Акнашен-Хатунарх сосуды, украшенные отверстиями, представлены мисками и чашами, а сковородок в этом поселении нет (Badalyan et al., 2010. P. 192). Однако подобные сосуды из Кохне-Пасгах тепеси датируются началом IV тыс., 3955 гг. до н.э. (Maziar, 2010. P. 171). Орнамент в виде рядов отверстий под краем применялся также на сосудах поселения Овчулартепеси, которые датируются 4350–4000 гг. до н.э. (Marro, Bakhchaliyev, Ashurov, 2009. P. 54). Исследование памятников эпохи неолита показывает, что украшение сосудов сверлением в этот период широко практиковалось. Они хорошо представлены в материалах слоя “1а” Кюльтепе I, Шомутепе и Акнашен-Хатунарх.

Некоторые исследователи, в том числе О.А. Абибуллаев (Нәбібуллаев, 1959. С. 74), высказывали предположение, что на начальном этапе число типов сосудов было ограниченным, а потом оно возрастало. Но пока мы не имеем полного набора керамических изделий эпохи неолита.

Неолитические памятники с керамикой обычно датируются в пределах VI тыс. до н.э. (Connor, Sagona, 2007. P. 29; Badalyan et al., 2010. P. 191; Hansen, Mirtskhulava, Bastert-Lamprichs, 2009. P. 19; Гулиев и др., 2009. С. 28). А ранняя фаза энеолита в настоящее время относится исследователями к первой половине V тыс. до н.э. (Palumbi, 2007. P. 74),

иногда без уточнения – к V тыс. до н.э. (Connor, Sagona, 2007. Р. 30). Имея в виду то, что большинство керамических изделий Шорсу находят аналогии в памятниках позднего неолита, материалы этого поселения можно датировать серединой и концом VI тыс. до н.э. Возможно, что поселения типа Шорсу заселялись в различные периоды. Однако тонкость культурного слоя пока не позволяет определить продолжительность отдельных периодов. Думаем, что вопросы хронологии будут развешиваться в ходе дальнейших исследований.

Изучение памятников, расположенных в окрестностях Кюльтепе I, показывает, что древние поселенцы края хорошо знали окружающую среду и частично вели подвижный образ жизни. Несмотря на то что следы перехода к такому образу жизни обнаружены на поселении Акнашен-Хатунарх (Badalyan et al., 2010. Р. 186, 205), в Шорсу материально-культурные остатки, связанные со скотоводством, пока не выявлены. По-видимому, при наличии производящего хозяйства практиковалось также и собирательство. Территория Нахчывана была богата дикорастущими хлебными злаками (Абибуллаев, 1982. С. 206; Мустафаев, 1961. С. 56) и полезными ископаемыми (Бахшалиев, 2005. С. 16–29). Не исключено, что сезонные поселения связаны не только со скотоводством, но также с поиском полезных ископаемых.

Как известно, поселение Кюльтепе I было отнесено исследователями к нахчыванско-мильско-муганской территориальной группе (Мунчаев, 1982. С. 93–131). Однако очевидное сходство наблюдается и с памятниками Араратской долины, северо-западного Ирана и Восточной Анатолии. Связи с отдаленными регионами подтверждаются также использованием обсидиана. Таких ресурсов на территории Нахчывана и Северо-западного Ирана нет. Самые близкие месторождения расположены на Зангезурском хребте. Однако не удивительно, что поселенцы Кюльтепе использовали обсидиан с таких отдаленных месторождений как Гегхасар и Гутансар (Бадалян и др., 1996. С. 257). Большое число обсидиана поступало из месторождений Гегхасар (50%) и Сюник (28%). Количество обсидиана из других месторождений незначительно. Обсидиан Гегхасара преобладал также в памятниках Карабахской равнины Чалагантпе и Лейлатепе (Бадалян и др., 1996. С. 257). Использование обсидиана таких отдаленных месторождений (Бадалян и др., 1996. С. 253–256), как Артени (7–10%) и Гутансар (7%) говорит о наличии культурных связей с отдаленными странами. Выяснено, что поселенцы Кюльтепе близ Маранда в основном использовали Сюникский обсидиан (Farhang Khademi et al., 2013.

Р. 1964). Большое число обсидиана (85%) энеолитического поселения Аликемектепеси доставлено также из Сюника (Бадалян и др., 1996. С. 259). Аналогичное явление наблюдается также в памятниках бассейна озера Урмия. По-видимому, географическое положение Кюльтепе I позволяло снабжать через него обсидианом и другие поселения старого света. Можно предположить, что энеолитические поселения, расположенные вдоль реки Шорсу, указывают на один из путей передвижения древних племен.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда развития науки при Президенте Азербайджанской Республики, грант № EIF-2012-2(6)-39/28/5/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибуллаев О.А. Энеолит и бронза на территории Нахчыванской АССР. Баку: Элм, 1982. 316 с.
- Археология Венгрии (Каменный век) / Отв. ред.: В.С. Титов, И. Эрдели, М. Габори. Москва: Наука, 1980. 420 с.
- Ахундов Т.И. У истоков Кавказской цивилизации: Неолит Азербайджана. Кн. 1: Шомутепе. Баку: Наука, 2013. 386 с.
- Бадалян Р.С., Кикодзе З.К., Коль Ф.Л. Кавказский обсидиан: источники и модели утилизации и снабжения (результаты анализов нейтронной активации) // Историко-филологический журнал. 1996. № 1–2. С. 245–264
- Бахшалиев В.Б. Древняя металлургия и металлообработка на территории Нахчывани. Баку: Элм, 2005. 120 с.
- Гулиев Ф., Гусейнов Ф., Алмамедов Х. Раскопки неолитического поселения VI тыс. до н.э. на холме Гойтепе (Азербайджан) // Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период “первой глобализации” VII–IV тыс. до н.э.: материалы междунар. симпозиума (Баку, 1–3 апреля 2009 г.). Баку: German Embassy, 2009. С. 26–30.
- Мунчаев Р.М. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР / Отв. ред.: В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1982. С. 93–131 (Археология СССР).
- Мусеибли Н. Вопрос происхождения Шомутепинской культуры в контексте новых раскопок // Раннеземледельческие культуры Кавказа: сб. материалов междунар. конф. Баку: Элм, 2012. С. 40–50.
- Мустафаев И.Д. Материал по изучению пшениц, ржи ячменя и эгилопсов Азербайджана. Баку: Азернешр, 1961. 96 с.
- Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. (Эпоха энеолита VI–IV тысячелетия до н. э.). Баку: Элм, 1987. 260 с.

- Черлёнок Е.А. Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит): учебно-методическое пособие. СПб.: Санкт-Петербургский ГУ, 2013. 54 с.
- Əliyev V.H. Sədərək eneolit yaşayış yeri // Azərbaycan SSR EA Xəbərləri. 1985. № 2. S. 61–67.
- Badalyan R.S., Harutyunyan A.A., Chataigner Ch., Le Mort F., Chabot J., Brochier J.E., Balasescu A., Radu V., Hovsepian R. The Settlement of Akhnashen-Khatunarkh, A Neolithic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004–2009 // TÜBA-AR. 2010. 13. P. 185–218.
- Bakhshaliyev V., Seyidov A. New Findings from the Settlement of Sadarak (Nakhchivan-Azerbaijan) // *Anatolia Antiqua*. 2013. XXI. P. 1–21.
- Connor S., Sagona A. Environment and society in the late prehistory of southern Georgia, Caucasus // *Les Cultures du Caucase (VI-III millénaires avant notre ère): Leurs Relations avec le Proche-Orient / Sur la direction Bertille* Lyonnet. P.: CNRS Editions, 2007. P. 21–36.
- Hansen S., Mirtskhulava G., Bastert-Lamprichs K. Aruchlo: a Neolithic Settlement Mound in the Republic of Georgia // *Азербайджан – страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период “первой глобализации” VII-IV тыс. до н.э.: материалы междунар. симпозиума (Баку, 1-3 апреля 2009 г.)*. Баку: German Embassy, 2009. С. 19–25.
- Həbibullayev O.H. Kültəpədə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı, 1959. 134 s.
- Khademi Nadooshan F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazaec M. Provenance of prehistoric obsidian artifacts from Kul Tepe, northwestern Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis // *Journal of Archaeological Science*. 2013. V. 40. № 4. P. 1956–1965.
- Kushnareva K.Kh. Southern Caucasus in prehistory: Stage of Cultural and Socioeconomic Development from the Eighth to the Second Millennium B.C. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1997. 229 p.
- Marro C., Bakhshaliyev V. and Ashurov S. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). First preliminary report: the 2006-2008 seasons // *Anatolia Antiqua*. 2009. XVII. P. 31–87.
- Mellart J. *Earliest Civilizations of the Near East*. London: McGraw-Hill, 1965. 145 p.
- Maziar Sepideh. Excavations at Kohne Pasgah Tepesi, the Araxes Valley, the Northwest Iran: First Preliminary Report // *ANES*. 2010. 47. P. 165–193.
- Palumbi G. A Preliminary Analysis on the Prehistoric Pottery from Aratashen (Armenia) // *Les Cultures du Caucase (VI-IIIème millénaires avant notre ère). Leurs Relations avec le Proche-Orient / Sur la direction Bertille* Lyonnet. P.: CNRS Editions, 2007. P. 63–76.
- Seyidov A.Q. Naxçıvan e.ə. VII–II minillikdə. Bakı: Elm, 2003. 339 s.
- Seyidov A., Baxşəliyev V. Xələc. Bakı: Elm, 2010. 220 s.
- Voigt M.M. Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1983. 396 p.

NEW MATERIALS OF THE NEOLITHIC AND CHALCOLITHIC AGES IN NAKHCHIVAN

Veli B. Bakhshaliyev

*Nakhchivan branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Nakhchivan
(velibakhshaliyev@mail.ru)*

The research of the Neolithic sites of Nakhchivan began in 1950-s. However, until recently the settlement Kultepe I was the only site of this period in Nakhchivan. The materials of the bottom horizons of the settlement Kultepe I have been published badly. Therefore the questions, connected with the origin and the genesis of the Neolithic Age of this region, have been studied little. New materials of the Neolithic Age were found in 2013 in the sites of a vicinity of the settlement Kultepe I. During the research new Chalcolithic sites were also registered. In one of them, in the settlement Shorsu the excavation trench was 10×10 m. Four-cornered rooms, stone tools and ceramics were revealed. The majority of archaeological materials are presented by ceramics. It is made of clay with chaff and sand temper, hand molded, burned to different shades of red. The ceramics of the settlement Shorsu has something in common with similar materials of the sites from the Caucasian Late Neolithic Age, including Azerbaijan. Meaning that the majority of the ceramics of the settlement Shorsu is similar to the pottery sites of the Late Neolithic Age, it is possible to date the middle and the end of the 6th millennium BC. In 2010–2013 in a vicinity of the settlement Kultepe I the numerous sites dating back to the Neolithic and Chalcolithic Age were revealed. These sites are located on the bank of the Shorsu River and continued to the northern border of Nakhchivan. Apparently, a border position of Kultepe I allowed supplying with obsidian the other settlements of the Old World too. It is possible to assume that the Chalcolithic settlements located along the Shorsu river specify one of the ways of the ancient tribes' movement to the natural resources of obsidian.

Key words: the Neolithic Age, the Chalcolithic Age, Shorsu settlement, chaff-tempered pottery, obsidian tools, obsidian resources.

REFERENCES

- Abibullaev O.A., 1982. Eneolit i bronza na territorii Nakhichevskoy ASSR [Eneolith and Bronze Age on the territory of Nakhchivan ASSR]. Baku: Elm. 316 p.
- Akhundov T.I., 2013. U istokov Kavkazskoy tsivilizatsii: Neolit Azerbaydzhan [At the origins of the Caucasian civilization: Neolithic Azerbaijan], 1. Shomutepe [Shomutepe]. Baku: Nauka. 386 p.
- Arkheologiya Vengrii (Kamennyy vek) [Hungarian Archaeology (Stone Age)], 1980. V.S. Titov, I. Erdeli, eds. Moscow: Nauka. 420 s.
- Badalyan R.S., Kikodze Z.K., Kol' F.L., 1996. Kavkazskiy obsidian: istochniki i modeli utilizatsii i snabzheniya (rezul'taty analizov neytronnoy aktivatsii) [Caucasian obsidian: origins and models of utilization and supply (the results of neutron activation analyses)]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal* [Historical-Philological Journal], 1-2, pp. 245–264
- Badalyan R.S., Harutyunyan A.A., Chataigner Ch., Le Mort F., Chabot J., Brochier J.E., Balasescu A., Radu V., Hovsepian R., 2010. The Settlement of Aknashen-Khatunarkh, A Neolithic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004-2009. *TÜBA-AR*, 13, pp. 185–218.
- Bakhshaliev V.B., 2005. Drevnyaya metallurgiya i metalloobrabotka na territorii Nakhichevani [Ancient metallurgy and metal-working on the territory of Nakhchivan]. Baku: Elm. 120 p.
- Bakhshaliev V., Seyidov A., 2013. New Findings from the Settlement of Sadarak (Nakhchivan-Azerbaijan). *Anatolia Antiqua*, XXI, pp. 1–21.
- Cherlenok E.A., 2013. Arkheologiya Kavkaza (mezolit, neolit, eneolit): uchebno-metodicheskoe posobie [Caucasian Archaeology (Mesolith, Neolith, and Eneolith): study guide]. St.Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Gosudarstvennyy universitet. 54 p.
- Connor S., Sagona A., 2007. Environment and society in the late prehistory of southern Georgia, Caucasus. *Les Cultures du Caucase (VI–III millénaires avant notre ère): Leurs Relations avec le Proche-Orient*. Bertille Lyonnet, ed. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, pp. 21–36.
- Əliyev V.H., 1985. Sədərak eneolit yaşayış yeri. *Azərbaycan SSR EA Xəbərləri*, 2, pp. 61–67.
- Guliev F., Guseynov F., Almamedov Kh., 2009. Raskopki neoliticheskogo poseleniya VI tys. do n. e. na kholme Goytepe (Azerbaydzhan) [Excavations of the Neolithic settlement of the 6 millennium BC on the hill Goytepe (Azerbaijan)]. *Azerbaydzhan – strana, svyazyvayushchaya vostok i zapad. Obmen znaniyami i tekhnologiyami v period “pervoy globalizatsii” VII–IV tys. do n.e.: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Azerbaijan, the country connected the East with the West. The knowledge and technology exchange in the period of “the first globalization” 7–4 millenniums BC: proceedings of the International Symposium]. Baku: German Embassy, pp. 26–30.
- Hansen S., Mirtschkulava G., Bastert-Lamprichs K., 2009. Aruchlo: a Neolithic Settlement Mound in the Republic of Georgia. *Azerbaydzhan – strana, svyazyvayushchaya vostok i zapad. Obmen znaniyami i tekhnologiyami v period “pervoy globalizatsii” VII–IV tys. do n.e.: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Azerbaijan, the country connected the East with the West. The knowledge and technology exchange in the period of “the first globalization” 7–4 millenniums BC: proceedings of the International Symposium]. Baku: German Embassy, pp. 19–25.
- Həbibullayev O.H., 1959. Kültürdə arxeoloji qazıntılar. Bakı: Azərbaycan Sovet Sosialist Respublikası Elmlər Akademiyası nəşriyyatı. 134 p.
- Khademi Nadooshan F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazee M. Provenance of prehistoric obsidian artifacts from Kul Tepe, northwestern Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis // *Journal of Archaeological Science*. 2013. V. 40. N 4. P. 1956–1965.
- Kushnareva K.Kh., 1997. Southern Caucasus in prehistory: Stage of Cultural and Socioeconomic Development from the Eighth to the Second Millennium B.C. Philadelphia: University of Pennsylvania. 229 p.
- Maziar Sepideh., 2010. Excavations at Kohne Pasgah Tepesi, the Araxes Valley, the Northwest Iran: First Preliminary Report. *Ancient Near Eastern Studies*, 47, pp. 165–193.
- Mellart J., 1965. Earliest Civilizations of the Near East. London: McGraw-Hill. 145 p.
- Munchaev R.M., 1982. Eneolit Kavkaza [Caucasian Eneolith]. *Eneolit USSR [Eneolith in the USSR]*. V.M. Masson, N.Ya. Merpert, eds. Moscow: Nauka, pp. 93–131. (Arkheologiya USSR).
- Museibli N., 2012. Vopros proiskhozhdeniya Shomutepinskoy kul'tury v kontekste novykh raskopok [The origin of Shomutepe culture in a context of new excavations]. *Rannezemledel'cheskie kul'tury Kavkaza: sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii* [Early farming cultures of Caucasus: collection of proceedings of the international conference]. Baku: Elm, pp. 40–50.
- Mustafayev I.D., 1961. Material po izucheniyu pshenits, rzhizhachmenya i egilopsov Azerbaydzhan [Material for the studying of wheat, rye, barley and aegilops of Azerbaijan]. Baku: Azerneshr. 96 p.
- Marro C., Bakhchaliyev V., Ashurov S., 2009. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). First preliminary report: the 2006–2008 seasons. *Anatolia Antiqua*, XVII, pp. 31–87.
- Narimanov I.G., 1987. Kul'tura drevneyshego zemledel'chesko-skotovodcheskogo naseleniya Azerbaydzhan. (Epokha eneolita VI–IV tysyacheletiya do n. e.) [Culture of the most ancient farming and stock-breeding population of Azerbaijan]. Baku: Elm. 260 p.
- Palumbi G., 2007. A Preliminary Analysis on the Prehistoric Pottery from Aratashen (Armenia). *Les Cultures du Caucase (VI–IIIème millénaires avant notre ère). Leurs Relations avec le Proche-Orient*. Bertille Lyonnet, ed. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, pp. 63–76.
- Seyidov A., Baxşəliyev V., 2010. Xələc. Bakı: Elm. 220 p.
- Seyidov A.Q., 2003. Naxçıvan e.ə. VII–II minillikdə. Bakı: Elm. 339 p.
- Voigt M.M., 1983. Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania. 396 p.

БРЯНСКИЙ КЛАД ВЕЩЕЙ С ВЫЕМЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

© 2015 г. И.Р. Ахмедов*, А.М. Обломский**, О.А. Радюш**

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

**Институт археологии РАН, Москва
(oblomsky_a@rambler.ru)

В статье опубликована информация о кладе восточноевропейских украшений с выемчатыми эмалями, найденном у бывшей д. Усух (юг Брянской обл., нижнее течение р. Сев). Он состоял из более чем 275 предметов: женских украшений, предметов мужской культуры престижа, нескольких сломанных в древности вещей, трех бытовых предметов. Все женские украшения, кроме бус, были изготовлены из бронзы. К предметам мужской субкультуры относятся детали плети, трех рогов для питья, возможно, поясная пряжка. Дата клада определяется по стилистическим особенностям украшений с эмалью, набору бус, пряжке и зеркалу в рамках конца II – второй половины III в. н.э.

Ключевые слова: украшения с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля, римское время, лесное Поднепровье.

Наиболее общая характеристика восточноевропейского стиля вещей с выемчатой эмалью дана Г.Ф. Корзухиной. В его основе лежит геометрическая орнаментация (основные мотивы – круг, полукруг, треугольник, ромб, квадрат, крест и их сочетания). Изделия часто декорируются валиками, полочками, фасетками, “ребрышками”, “гребешками” и т.п. Эмаль, как правило, бывает красной, реже – других цветов. В одном гнезде обычно помещается вставка одного цвета, хотя известны и исключения (Корзухина, 1978. С. 17).

Несколько специальных исследований продемонстрировали сходство химического состава эмалей и античных бус (Поболь, Наумов, 1967. С. 436, 437; Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009. S. 322–334). Не исключено, что именно бусы и были сырьем для изготовления эмалей на востоке Европы.

Самые северные находки вещей с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля происходят из Финляндии и южной Швеции; самые южные – из Крыма; единичные известны в Крыму и на Северном Кавказе; самые восточные – в Прикамье, самые западные – в восточной Польше и Венгрии (Корзухина, 1978. С. 84, 85. Карта-вклейка; Bitner-Wróblewska, 2011. Fig.1; Бугров, 1994; Амброз, 1968). По современным данным выделяются несколько областей их концентрации: Среднее и Верхнее Поднепровье, Днепровское лесостепное Левобережье, Верхнее Подонье, Восточная Прибалтика и Мазурское Поозерье (Корзухина, 1978;

Обломский, Терпиловский, 2007; Шинаков, 2008; Харитонович и др., 2008; Зиньковская, 2011; Акимов, Ененко, 2012; Обломский, 2010). Украшения с выемчатыми эмалями известны и в 11 кладах. По количеству предметов самым репрезентативным из них до последнего времени был Мощинский (современная Калужская обл.). На данный момент наиболее представительным комплексом является Брянский клад. Информация о нем появилась весной 2010 г., в 2012 он был передан в Государственный Исторический музей¹.

Клад был найден в 4.8 км к северо-западу от северной окраины с. Подгородная Слобода и в 1 км к юго-юго-востоку от бывшей д. Усух. На месте его находки в 2013 г. был заложен шурф размерами 4 × 5 м, в котором не было найдено ни черепков сосудов, ни костей животных, ни глиняной обмазки. Таким образом, на месте находки клада древнего культурного слоя не было. Тем не менее из шурфа происходят 47 предметов, из которых практически все аналогичны вещам клада. По всей видимости, они были растащены в стороны кротами.

Клад состоял из более чем 275 предметов: женских украшений, вещей, связанных с мужской культурой престижа, а также некоторых предметов быта.

¹ История находки подробно изложена (см: Ахмедов и др., 2013. С. 99, 100).

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ

Украшения головы и шеи

Бронзовые пластинчатые венчики (два реконструированных экз. и обломки еще не менее трех изделий) (рис. 1, 1). В средней части венчиков помещены пластины ромбической формы с ромбическими же композициями гравированного орнамента. Окончания – в виде конических и, в одном случае, пирамидальных шишечек. Похожие предметы входят в состав Мощинского и Межигорского кладов украшений с эмалями, известны также в Бабьенте, Сандраусишке, Красном Маяке и др. (Корзухина, 1978. С. 42, 43; Гей, Бажан, 1993. С. 52–55. Рис. 3, 1; Родинкова, Сапрыкина, 2011. С. 91–93).

Гривны. Пять (четыре целых и одна фрагментированная) с окончаниями в виде круглых петель были изготовлены из трех скрученных вместе бронзовых дров (рис. 1, 2, 3). У одной на концах частично сохранились бронзовые трапециевидные пластинчатые подвески, орнаментированные композициями из прочеканенных с обратной стороны концентрических окружностей и соединяющих их валиков. Кроме непосредственно помещенных на гривне, в клад входили еще две целых (рис. 1, 4) и две фрагментированных подвески с чеканным орнаментом.

По сведениям Г.Ф. Корзухиной, аналогичная гривна с подвесками была найдена в Таураге. Исследовательница не исключала, что и в Межигорском кладе трапециевидные подвески были прикреплены к гривнам подобным же образом. Крупные трапециевидные подвески могли использоваться по-разному. Они достаточно часты в комплексах с изделиями с выемчатой эмалью, встречаются также и на памятниках в их ареале, в том числе и с плоскими пластинчатыми звеньями для подвешивания (Корзухина, 1978. С. 44, 45; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 154; Хреков, 2007. Рис. 115, 1–3, 5).

Нагрудные украшения

Две парные бронзовые перекладчатые фибулы (рис. 2, 4). Их щитки и ножки украшены эмалью, в одном случае – красной, в другом – красной и желтой (на окончаниях щитка под пружиной). Ножки – ромбические с парными дисковидными выступами (“крестчатые”). В верхней части обеих фибул помещена имитация пружины в виде обмотки, соединяющей стойки оси бронзовой проволокой. Иглы были железными (на головках фибул сохранились характерные окислы). Прямых аналогий не имеют. Наиболее близкие изделия происходят из Федяшева, Камунты и Головятино (Корзухина,

1978. Табл. 15, 1; 23, 8; Гороховский, 1982. Рис. 2, 17). По наблюдениям Г.Ф. Корзухиной (1978. С. 27, 28) и Е.Л. Гороховского (Гороховский, 1982. С. 131), фибулы с такими ножками характерны в первую очередь для Поднепровья.

Треугольные бронзовые фибулы (рис. 2, 1–3). В деталях каждая индивидуальна. Все имеют треугольные окончания ножек. Поля со вставками эмали чередуются с пустотами, т.е. вещи ажурные. У наименьшей из них – в круглом поле выше ножки в одном гнезде – вставки из красной (сверху и снизу) и желтой (справа и слева), в левом поле в нижней части треугольной спинки и в середине верхней части – желтой, в остальных гнездах – красной эмали (рис. 2, 1). Только у этой фибулы частично сохранилась железная игла, прикрепленная к бутафорской бронзовой пружине, такой же, как у перекладчатых фибул.

У двух других фибул вставки эмали красные (рис. 2, 2, 3). В орнаментации всех трех застежек использованы мотивы лунниц.

Ажурные треугольные фибулы с треугольными ножками – одно из самых распространенных изделий с выемчатыми эмалями. Они встречены по всему ареалу украшений этого стиля: от Прибалтики до Крыма (Корзухина, 1978. С. 24, 25). Стилистически наиболее близкие к входящим в состав Брянского клада изделия происходят из Поднепровья и Поочья (Мощинский и Шишинский клад, Золочевское, Верхний Салтов) (Корзухина, 1978. Табл. 18; Обломский, 2007. Рис. 18; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 142, 3; 145, 2).

Бронзовая фибула с треугольной ножкой, вырезами, поперечным рифлением на спинке и кнопкой на ножке (рис. 2, 5). Принадлежит группе “окских” по И.Р. Амедову (тип 1 подтип а). Фибулы типа 1 найдены в Верхнем Поочье (Мошино, Серенск, Огубское). И.Р. Ахмедов датирует их рубежом II/III – первой половиной III в. (2008. С. 10).

Нагрудные цепи. В состав клада входили два полных комбинированных украшения и два фрагментированных.

В верхней части малой цепи помещены два подтреугольных звена, имитирующих ажурные треугольные фибулы, но без пружинного аппарата и приемника (цветная вклейка № 1, рис. 1). В круглых полях каждого из этих звеньев находятся вставки красной эмали, в прямоугольном и подтреугольном полях на корпусе – красная эмаль с прямой (в одном случае – волнистой) линией белой эмали посередине. К прямоугольным скобам в нижних частях корпуса верхних звеньев крепятся по три цепочки. Цепь завершается большой лунницей, на противоположном

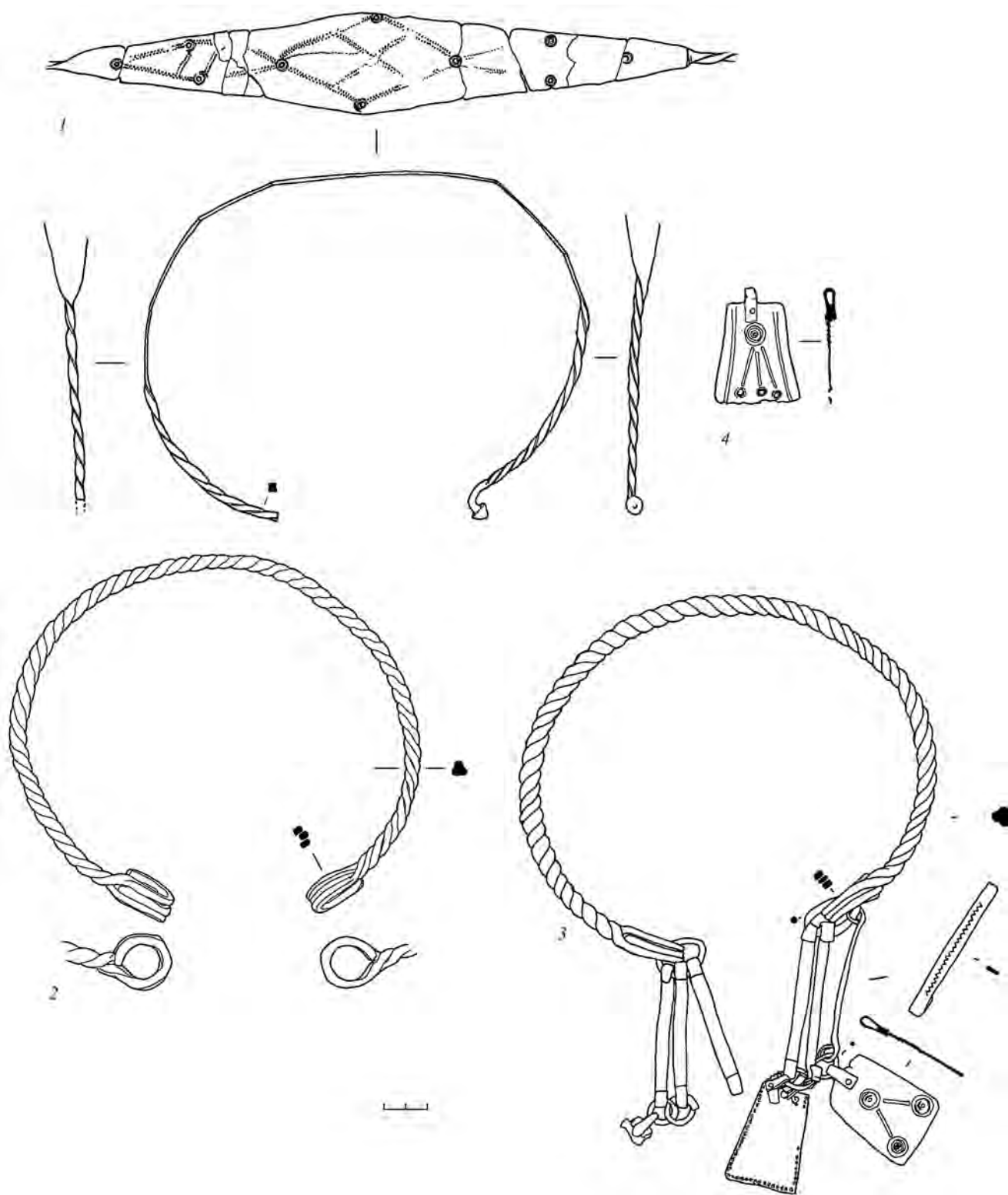

Рис. 1. Наголовный венчик, гривны, трапецевидная подвеска (рисунок Н.А. Дулебовой).

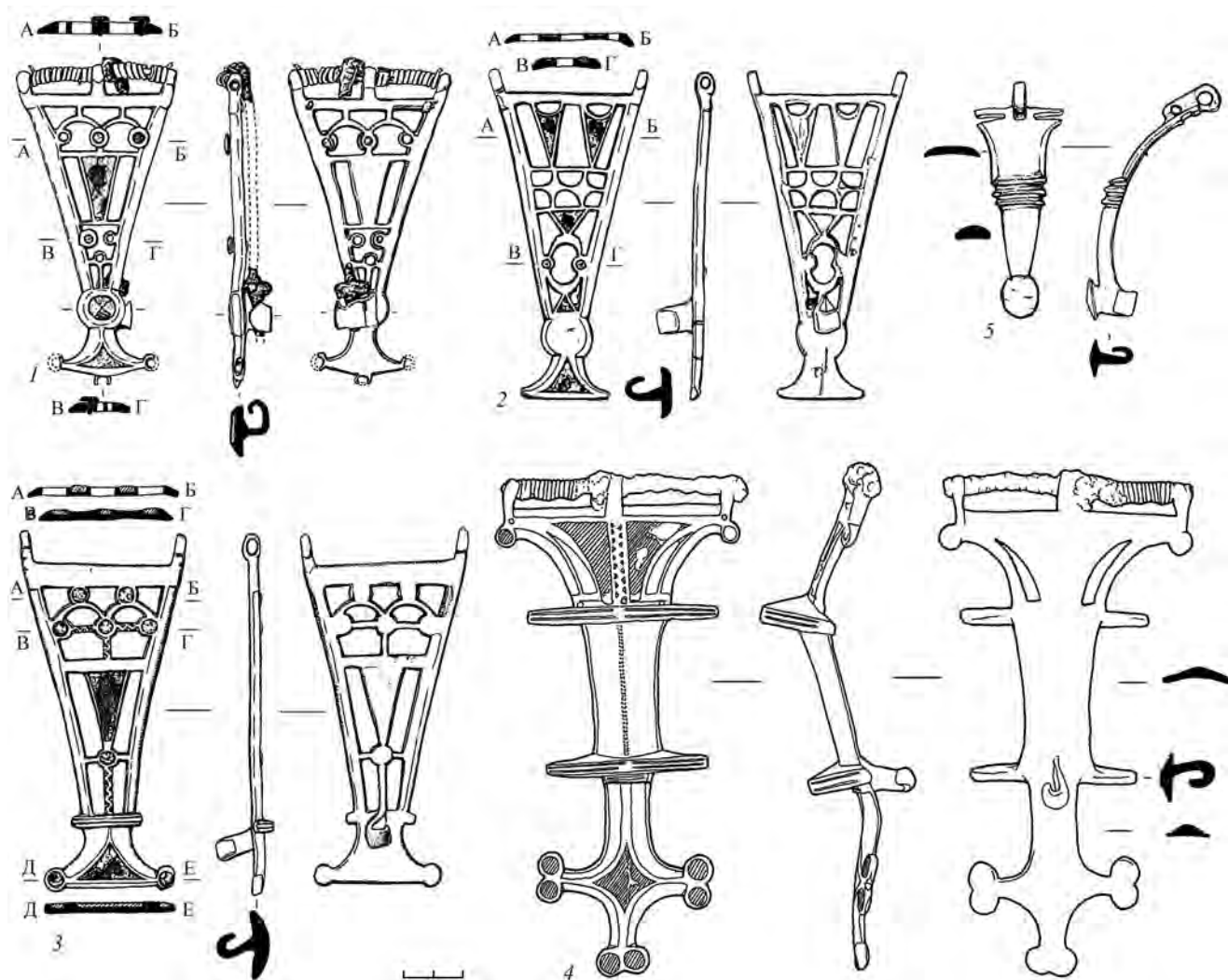

Рис. 2. Фибулы. 1–3, 5 – рисунки О.А. Хомяковой; 4 – рисунок Н.А. Дулебовой.

конце которой – ушко для подвешивания дополнительного украшения. Лунница орнаментирована тремя эмалевыми вставками: центральной круглой зеленой, двумя сегментовидными красными.

Большая цепь конструктивно близка малой. Все вставки эмали в ее звеньях – красные (рис. 3). Верхние звенья также подтреугольные, но меньше похожи на фибулы. К их нижним скобам крепятся по две цепочки, ниже соединенные с подпрямоугольными звеньями с тремя вставками эмали в каждом. К каждому из этих звеньев в свою очередь подвешены по две цепочки, заканчивающиеся большой ажурной лунницей с четырьмя эмалевыми вставками. К ней на широкой петле подвешено кольцо, а к нему – пирамидальный колокольчик с четырьмя шишечками в основании и остатками железного язычка внутри.

Третья цепь – совершенно иная (цветная вклейка № 2, рис. 2): это две ажурные сегменто-трапещи-

видные подвески со вставками красной эмали, в орнаментации которых, как и у треугольных фибул, использован мотив лунниц. К одной из подвесок присоединены литая бронзовая планка без эмали с утолщениями на концах и пластинчатое звено-обойма. В составе клада имелись еще одна такая же обойма и планка. Цепь, таким образом, состояла из двух ажурных подвесок с эмалью с двумя литыми звеньями между ними и двух пластинчатых звеньев на противоположных концах изделия.

Четвертая цепь восстанавливается лишь гипотетически. По аналогиям с предыдущей в ее состав входили большая подвеска-лунница с красной эмалью и посеребрением в нижней части и два похожих изделия без посеребрения, но повторяющих в деталях оформление центральной лунницы. По всей видимости, подвески соединяли между собой два литых звена, очень похожих на входившие в состав третьей цепи, но с выступами посередине. Скорее

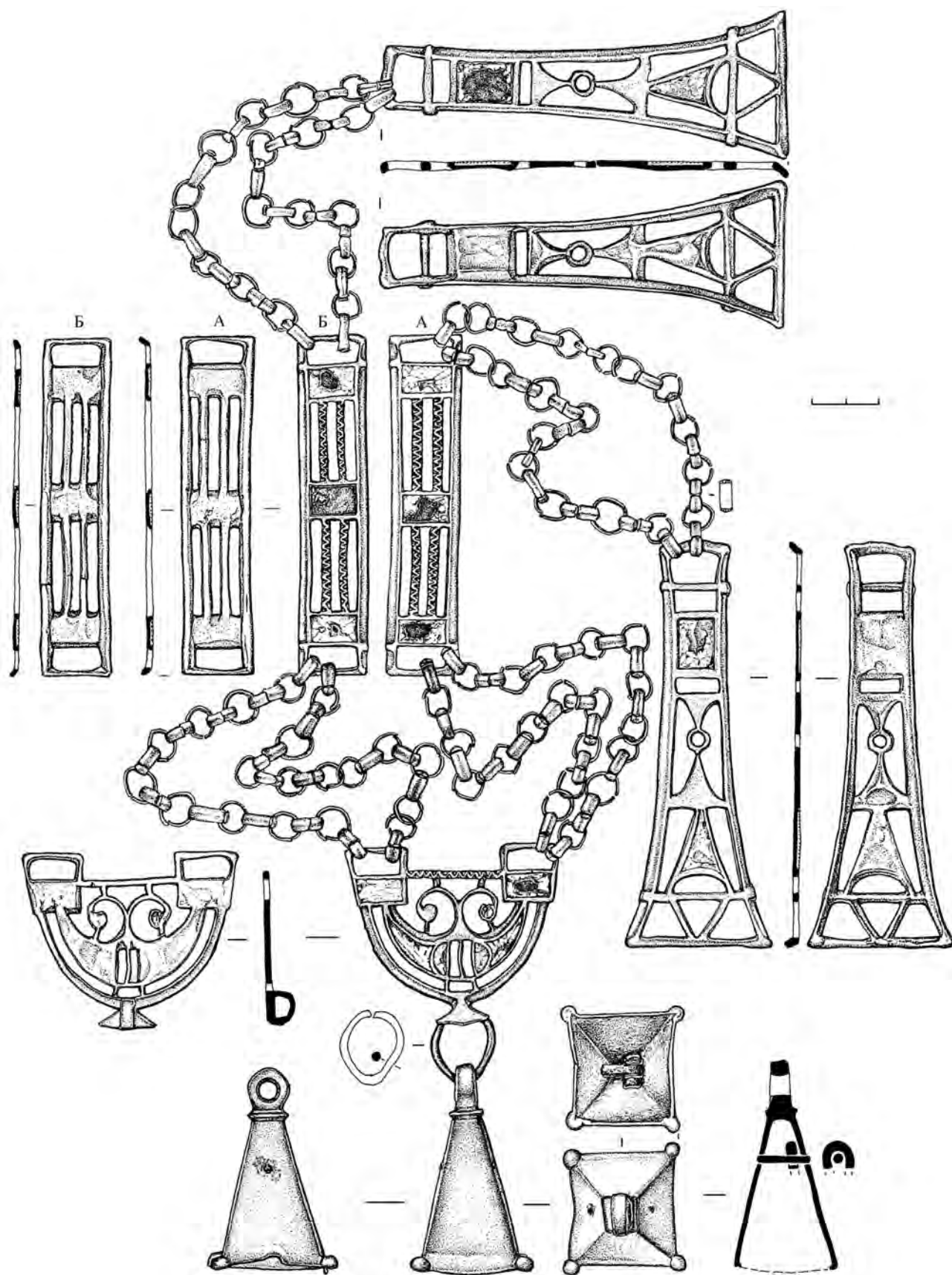

Рис. 3. Большая нагрудная цепь (рисунок О.А. Хомяковой).

Рис. 1. Малая цепь с треугольными верхними звеньями

Рис. 2. Нагрудная цепь типа Борзны

Рис. 3. Стекланные бусы

Рис. 4. Детали рогов для питья

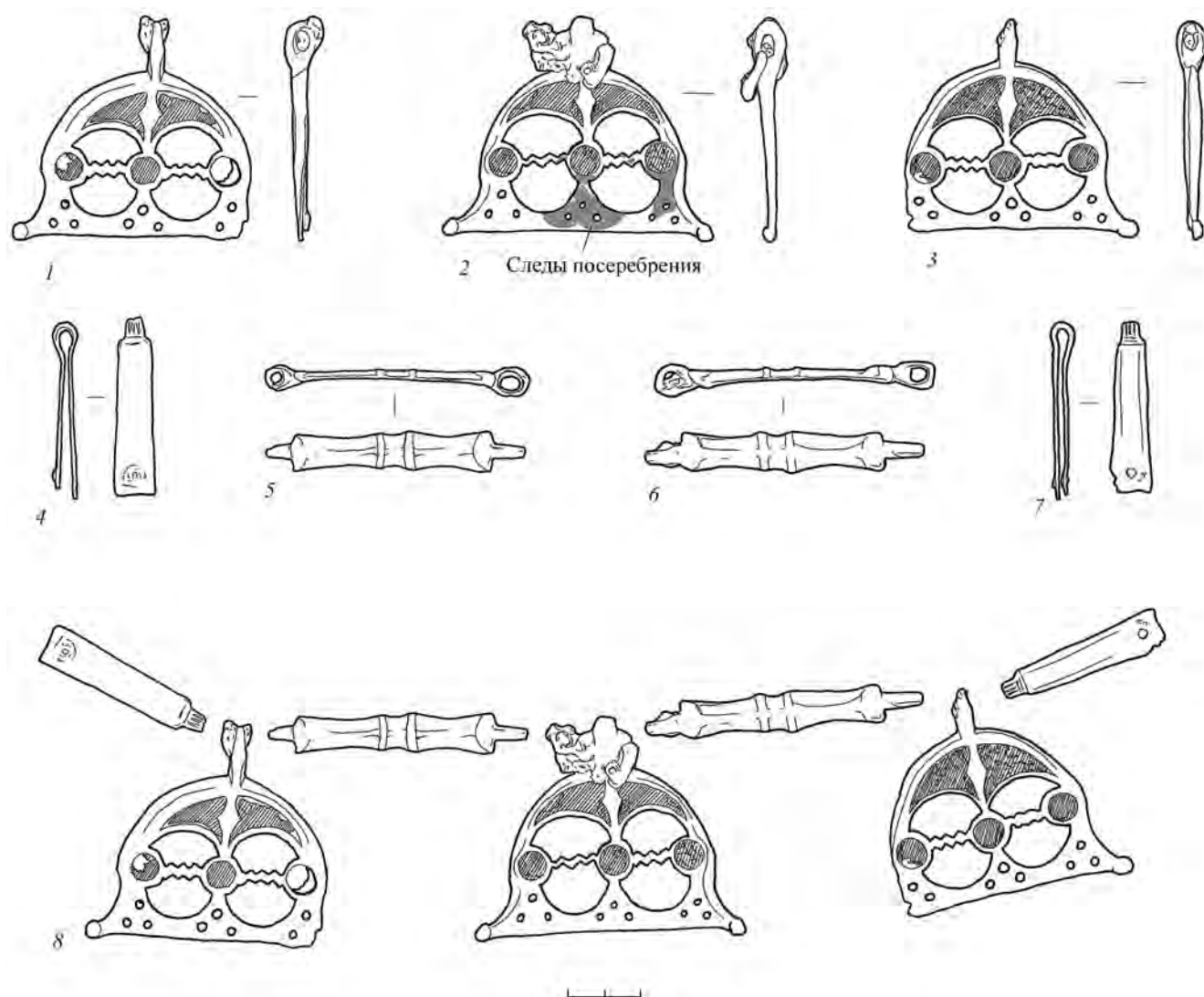

Рис. 4. Фрагменты (1–7) и реконструкция (8) второй цепи типа Борзны (рисунок Н.А. Дулебовой).

всего, крайние лунницы были также снабжены пластинчатыми обоями, но меньшего, чем у третьей цепи, размера (рис. 4). Все сохранившиеся детали цепей отлиты из бронзы.

Нагрудные цепи со звеньями с выемчатой эмалью достаточно широко распространены на территории Восточной Европы. На памятниках встречаются и их разрозненные детали. По набору элементов украшения чрезвычайно разнообразны (Корзухина, 1978. С. 36, 37). К первым двум цепям из Брянского комплекса близки комбинированные украшения из Мощинского и Межигорского кладов, к третьей и четвертой – цепь из Борзны (Хойновский, 1896. Табл. XIX, 851; Корзухина, 1978. Табл. 1, 3; 19; 30). Очень похожи на лунницы из Борзны и подвески четвертой цепи из Брянского клада (Корзухина, 1978. Табл. 1, 3а, в). Типологически близкие лун-

ницы происходят из Малого Букрина, Киева, Липлявы, Ахтырки, Александровского (Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье) (Корзухина, 1978. Табл. 8, 1–3, 6; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 147, 2), Яртыпор, Подлишево (Польша) (Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009. Rys. 3).

Детали ожерелий

Массивные литые комбинированные подвески со вставками эмали (два однотипных экз.) трапециевидные по форме с ушком для подвешивания сверху (рис. 5, 3). Корпус каждого изделия занят вставкой красной эмали, посередине которой находится крестообразная композиция из белой эмали. В нижней части каждой подвески помещены три петли с кольцами, к которым крепились по одной однотипной маленькой луннице с дугообразным

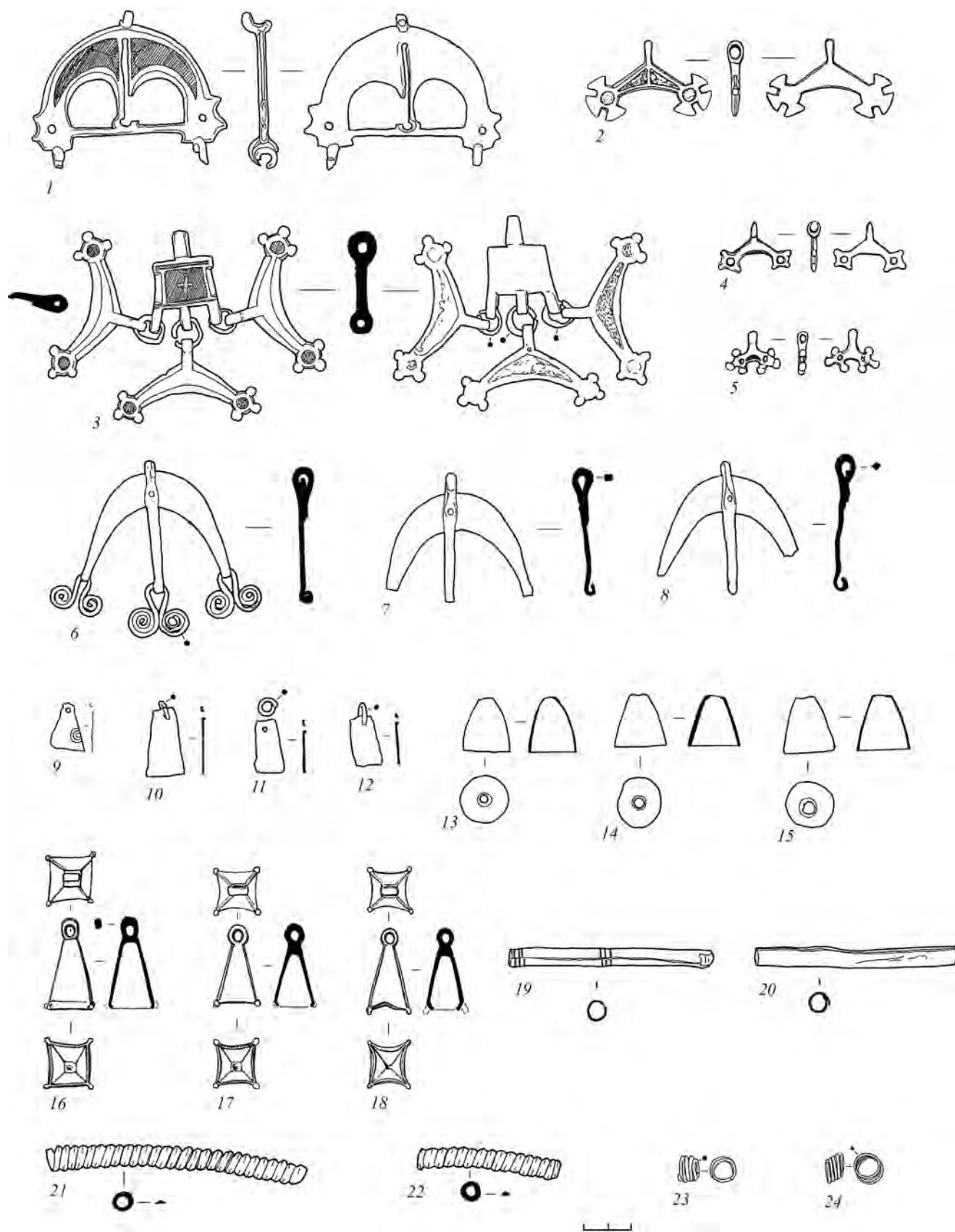

Рис. 5. Металлические детали ожерелья. 1, 3, 6–15, 19–24 – рисунки Н.А. Дулебовой; 2, 4, 5, 16–18 – рисунки О.А. Хомяковой.

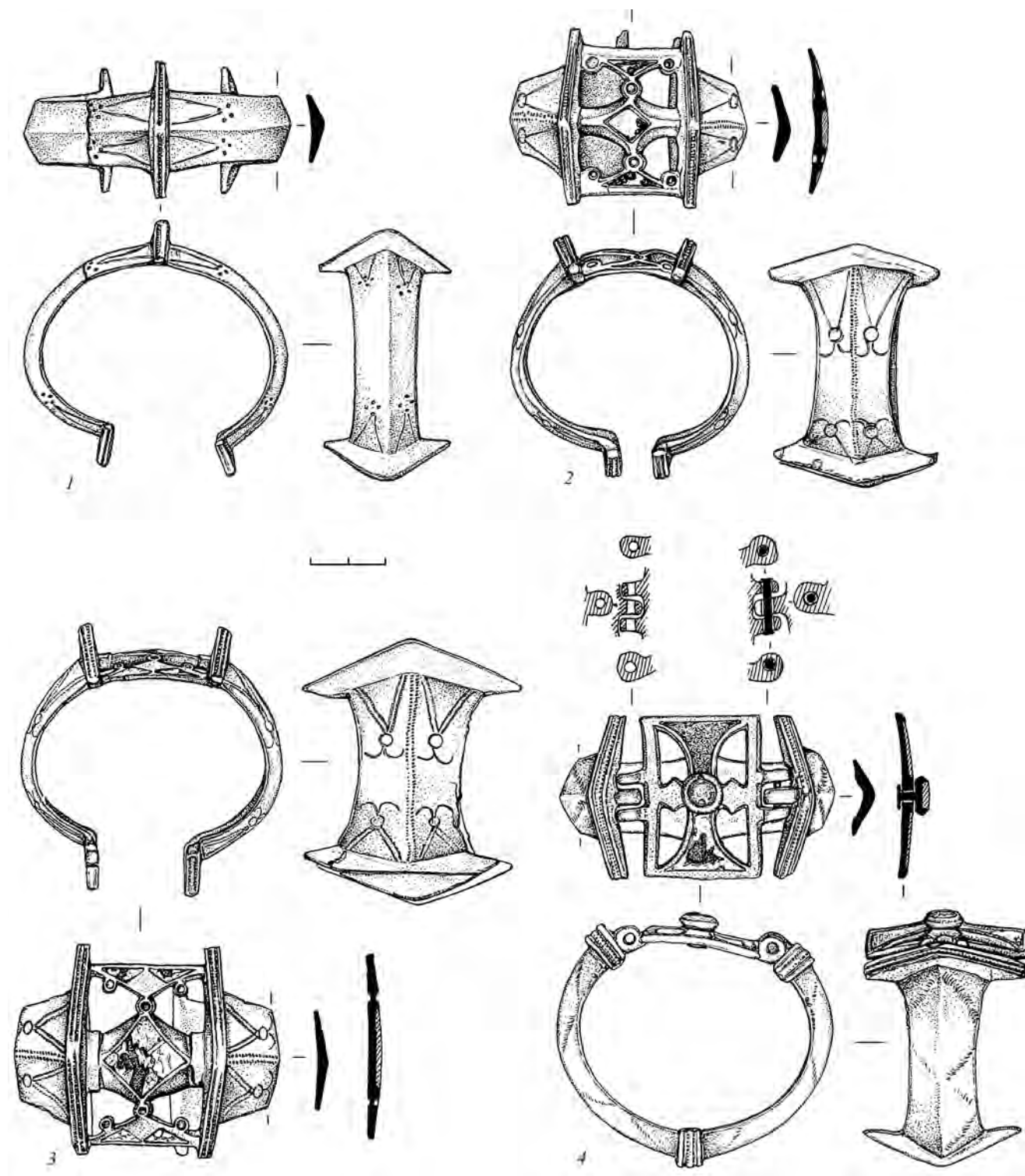

Рис. 6. Браслеты (рисунки О.А. Хомяковой).

корпусом, двумя округлыми полями с красной эмалью, имевшими выступающие наружу шишечки.

Аналогичные комбинированные подвески нам не известны. Достаточно типичны маленькие лунницы. Они происходят из Картамышево-2, Тепти-

евки, Колесников (лесостепное Поднепровье и бассейн Северского Донца) (Корзухина, 1978. Табл. 9, 10; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 147, 4; 149, 7), Дьякова городища на Москве-реке (Кренке, 2011. Рис. 19, 354a/83).

Литые маленькие дуговидные подвески-лунницы. На корпусе самой большой из них (с подтреугольными лопастями) и на концах изделия помещены гнезда с красной эмалью (рис. 5, 2). Средняя и малая лунницы эмалей не имели (рис. 5, 4, 5).

На лунницу с эмалью стилистически похожи украшения из Куликовского р-на Черниговской обл., Абидни из Верхнего Поднепровья (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 161, 3; Лопатин, Фурасев, 2007. Рис. 28, 1), из Казаровичей, Рябовки-1, Гуты Комаровской, Среднего Поднепровья, Каневского р-на (лесостепное Поднепровье) (Терпиловский, 2004. Рис. 61, 12; 63, 16; Корзухина, 1978. Табл. 8, 14–16; 9, 12, 14). Тем не менее у этих украшений на корпусе помещено одно эмалевое поле, а не два. Наиболее близка к луннице из Брянского клада подвеска из Мощино, где на корпусе – два эмалевых поля (Корзухина, 1978. Табл. 21, 7).

Подвески, близкие к средней по размеру луннице из Брянского клада, происходят из Волынцево, Колесников (Днепровское Левобережье и бассейн Северского Донца) (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 138, 17; 161, 7), Дьякова городища (Кренке, 2011. Рис. 19, 354в/83), Щепилово в Верхнем Поочье (Воронцов, 2010. Рис. 3, 8), окрестностей Мальборка (Польша) (Bitner-Wróblewska, 1991–1992. Tabl. I, 1).

Малая лунница имеет аналогии в Волынцево (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 161, 8) и на Дьяковом городище (Кренке, 2011. Рис. 19, 351–381; 145, 354–836).

Пластинчатые подвески-лунницы из бронзы (одна целая и четыре фрагментированных) (рис. 5, 6–8). Однотипны, имеют вырезанный из пластины дуговидный корпус, на целом изделии оканчивающийся двумя петлями. К корпусу в средней части приклепана перпендикулярная планка с петлями сверху и снизу. На одном украшении к ним прикреплены три маленькие биспиральные подвески из тонкой проволоки.

Близкие по форме пластинчатые лунницы распространены достаточно широко. Они происходят из Золочевского, Горы-Подол, Ахтырки, Глевахи, Картымышево-2, Осиповки, Родного Края-1, Курской обл. (лесостепное Поднепровье и бассейн Северского Донца) (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 149, 3; 155, 1–11, 13). Подобные по форме пластинчатые лунницы, но со вставками эмали, входят в состав Виленской цепи. Показательно, что и к их концам прикреплены маленькие биспиральные подвески (Корзухина, 1978. Табл. 30, 1).

Маленькие трапецевидные бронзовые подвески без орнамента, некоторые – с кольцами для подвешивания – 12 экз. (рис. 5, 9–12).

Литые пирамидальные бронзовые подвески-колокольчики – пять экз. (рис. 5, 16–18). На вершине имеют ушки для подвешивания, оканчиваются маленькими шишечками, бока в нижней части слегка вогнуты. Пирамидальные подвески из клада, собственно, не были колокольчиками: внутри отсутствуют петельки для крепления язычков. На территории Восточной Европы представляют собой подражания античным колокольчикам для отпугивания злых духов (*tintinnabula*), которые были широко распространены на территории Римской империи и в Северном Причерноморье (Морозовская, 1985; Nowakowski, 1988).

Конические бронзовые колокольчики – девять экз. В верхней части имеют сквозное отверстие (рис. 5, 13–15).

Широкие и узкие бронзовые спиральные пронизи разной длины из круглого, сегментовидного или подтреугольного в сечении дрота – 70 экз. (рис. 5, 21–24).

Бронзовые пронизи разной длины, целые и фрагментированные, свернутые из пластины. В составе клада имеются 12 гладких (рис. 5, 20), 14 – с прочеканенными изнутри поперечными валиками (рис. 5, 19). Подобная пронизь, но дополнительно украшенная циркульным орнаментом, происходит с поселения киевской культуры Абидня (Верхнее Поднепровье) (Поболь, Наумов, 1967. Рис. 1, 2).

Стеклянные бусы (цветная вклейка № 2, рис. 3) относятся к нескольким типам (таблица). В Поднепровье бусы тех же типов встречены на памятниках позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 74) и раннего этапа киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 72, 73; Обломский, Радюш, 2007. Табл. 23). Представительный набор бус, среди которых преобладают параллелепипедные из красного глухого стекла, но также известны красные, желтые и оранжевые непрозрачные, происходит из Мошинского клада (Обломский, Гороховский, 1986. С. 16, 17).

Браслеты

Литые бронзовые массивные браслеты с треугольным в сечении корпусом и выступающими наружу массивными треугольными гребнями на корпусе и на концах. В Брянском кlade представлены тремя вариантами: без вставок эмали (четыре целых экз., из них три – с гравированными композициями из треугольников: рис. 6, 1); сплошные с эмалью (четыре экз.: рис. 6, 2, 3). Между двумя гребнями на корпусе каждого браслета помещено

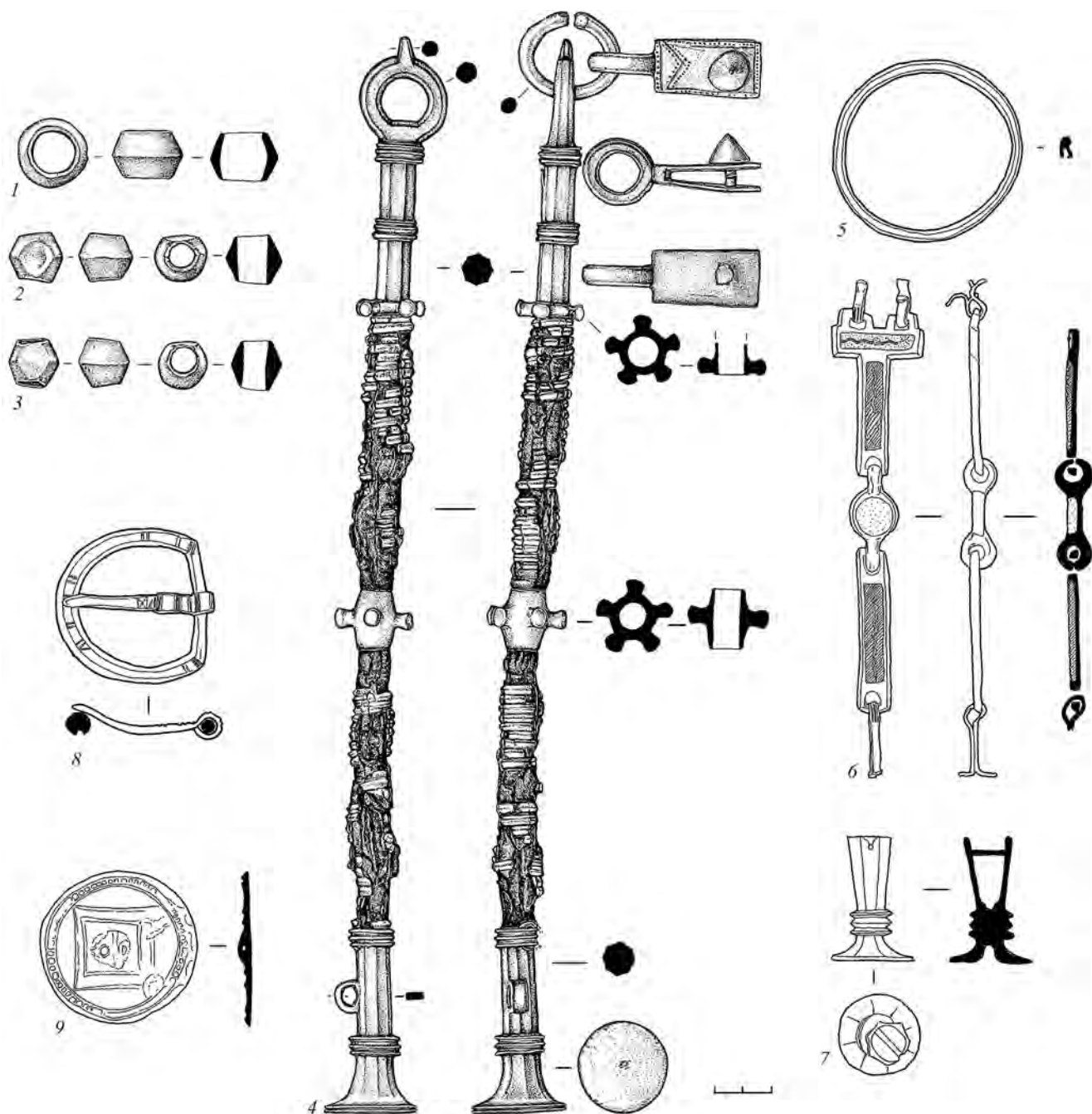

Рис. 7. Предметы мужской культуры престижа, пряжка, зеркало. 1–4 – рисунки О.А. Хомяковой; 5–9 – рисунки Н.А. Дулебовой.

прямоугольное ажурное поле с несколькими вставками эмали, расположенными на верхнем и нижнем треугольных полях и на ромбическом центральном. На концах треугольных полей – дополнительно по три маленьких круглых гнезда для эмали. У двух браслетов верхние и нижние треугольные вставки – оранжевые, у двух – красные. В центральных ромбических гнездах у двух браслетов – красная эмаль, у двух других – оранжевая и зеленая. Эмаль в ма-

лых круглых гнездах (там, где она сохранилась) – белая или зеленая. Корпусы браслетов украшены гравированным орнаментом в виде треугольных фестонов с кружками и двумя дугами на концах; один шарнирный браслет (рис. 6, 4). По оформлению подобен предыдущим, но его прямоугольное ажурное поле представляло отдельное звено, крепившееся на двух шарнирах, для чего и на нем, и на корпусе браслета имелись специальные петли.

Орнаментация прямоугольного звена также специфична: верхнее и нижнее гнезда – треугольники с вогнутыми сторонами, а центральное поле – круг. Эмаль в одном треугольном гнезде – красная, в другом – желтая, в круге – оранжевая.

Браслеты без эмали с треугольным в сечении корпусом и выступающими треугольными гребнями встречаются достаточно часто. Распространены преимущественно в Поднепровье и Поочье, а в Прибалтике относительно редки (Корзухина, 1978. С. 34). В последнее время стали известны находки из Семилук, Ксизово-19, Большого Сторожевого, Борисоглебска (Лесостепное Подонье), Волынцево (Днепровское Левобережье), Ездочного (р. Оскол), Заозерья (Верхнее Поднепровье), Ражкинского могильника (Верхнее Примокшанье) (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 152, 1; 162, 2; Обломский, 2010. Рис. 4, 2; Лопатин, Фурасев, 2007. Рис. 26, 10; Ахмедов, 2010. Рис. 6, 4; Зиньковская, 2011. Рис. 3, 3; Зиньковская, Медведев, 2005. Рис. 5; Акимов, Ененко, 2012. Рис. 3, 1). Известны и в Мощинском, и в Шишинском кладах (Обломский, 2007. Рис. 19, 1). Клад, в который входили только браслеты, найден в Лукьянчикове (по другой публикации – у хут. Журавка) в Верхнем Подонье (Акимов, Ененко, 2012. Рис. 3, 2; Березуцкий, Золотарев, 2014. С. 120–123). Подобные изделия с эмалевыми вставками относительно редки, хотя и встречаются в том же ареале: Сумы (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 152, 2), Мощино, Попово-Лежачи, Курская обл. (Радюш, Щеглова, 2012. С. 32), Межигорье, Плутенцы (Корзухина, 1978. С. 34). Крайне редки шарнирные браслеты. Кроме Брянского клада, еще два экземпляра обнаружены у с. Пески в бассейне Хопра (Акимов и др., в печати. Рис. 3, II, б–д). Вероятно так называемая подвеска с эмалью из Рогожкино-ХП (устье Дона) на самом деле представляет собой фрагмент центрального звена подобного шарнирного браслета (Воронятов, 2013).

Спиралевидные из круглого бронзового дрота – три больших и два малых (детских) экз. В комплексах с вещами с эмалью встречаются сравнительно редко. В лесостепной зоне известны, например, в Шишинском кладе (Обломский, 2007. Рис. 19, 2, 3).

Зеркало. Относится к обширной группе зеркал-подвесок с петлей со сквозным отверстием на обороте. Изготовлено из белого сплава (рис. 7, 9).

Зеркала с центральной петлей на обороте составляют хронологически пока еще единую группу и относятся к типу X по А.М. Хазанову (1963. С. 58). По предположению А.С. Скрипкина, в Поволжье и Приуралье первые такие изделия появились во II в., а пик их распространения здесь приходится

на вторую половину III в. В Танаисе обнаружены литейные формы для изготовления таких зеркал, относящиеся к первой половине III в. (Скрипкин, 1984. С. 48; Арсеньева, 1984. С. 20–23). В III в. зеркала этого типа распространяются в степной зоне у сарматов и на Северном Кавказе, а в IV в. – в Крыму (Храпунов, 2011. С. 38), используются вплоть до салтово-маяцкой археологической культуры.

Отличительная черта зеркала из Брянского клада – его орнаментация: композиция в виде прямоугольника. Такой орнамент появляется впервые на зеркалах типа IX с боковой петлей (Хазанов, 1963. Рис. 4, 6–9). Известен и на достаточно ранних зеркалах с петлей на обороте: Старица, кург. 55; Котово; Харьковка; Блюменфельд (Хазанов, 1963. Рис. 5, 3, 6; Скрипкин, 1984. Рис. 13, 18, 19). По А.С. Скрипкину, фибулы, найденные в этих комплексах (сильнопрофилированные типа I варианта 2 и типа II варианта 4, лучковая типа II), относятся к хронологическим группам II и III сарматских погребений Нижнего Поволжья, т.е. ко II – второй половине III в. (1977. С. 118–120; 1984. С. 50–53).

Пряжка. Изготовлена из бронзы. Одночастная, D-образной формы, с граненой рамкой, орнаментированной редкими перпендикулярными ее краю насечками, сделанными зубчатым чеканом. Язычок – прогнутый, суживающийся к концу. На его тыльной уплощенной части заметны такие же, как и на рамке, насечки, а также композиция в виде креста, ограниченного параллельными линиями (рис. 7, 8). Имеет центральноевропейское происхождение, может быть отнесена к типу D1 по Р. Мадые-Легутко, появляющемуся в фазе B1. Самые поздние варианты встречаются в комплексах, датированных фазой C1b (Madyda-Legutko, 1986. S. 24, 25). Общая дата пряжек типа D1, таким образом, – вторая треть I – третья четверть III в. Пряжка из клада имеет граненую раму, что является поздним признаком, в Центральной Европе появляющимся не ранее фазы B2/C1, т.е. не ранее конца II в.

ПРЕДМЕТЫ МУЖСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Плеть. К снаряжению всадника можно отнести уникальную вещь – рукоять нагайки длиной 38 см (рис. 7, 4), изготовленную с использованием биметаллической технологии. Состоит из нижней втулки с отверстием для крепления темляка и верхней – для крепления ременного кольца. Основание нижней втулки по оформлению близко к наконечникам ритонов, но более массивное. Верхняя втулка имеет сверху массивную круглую петлю с заостренным выступом, вероятно служившим для управления лошастью. В петлю продето кольцо,

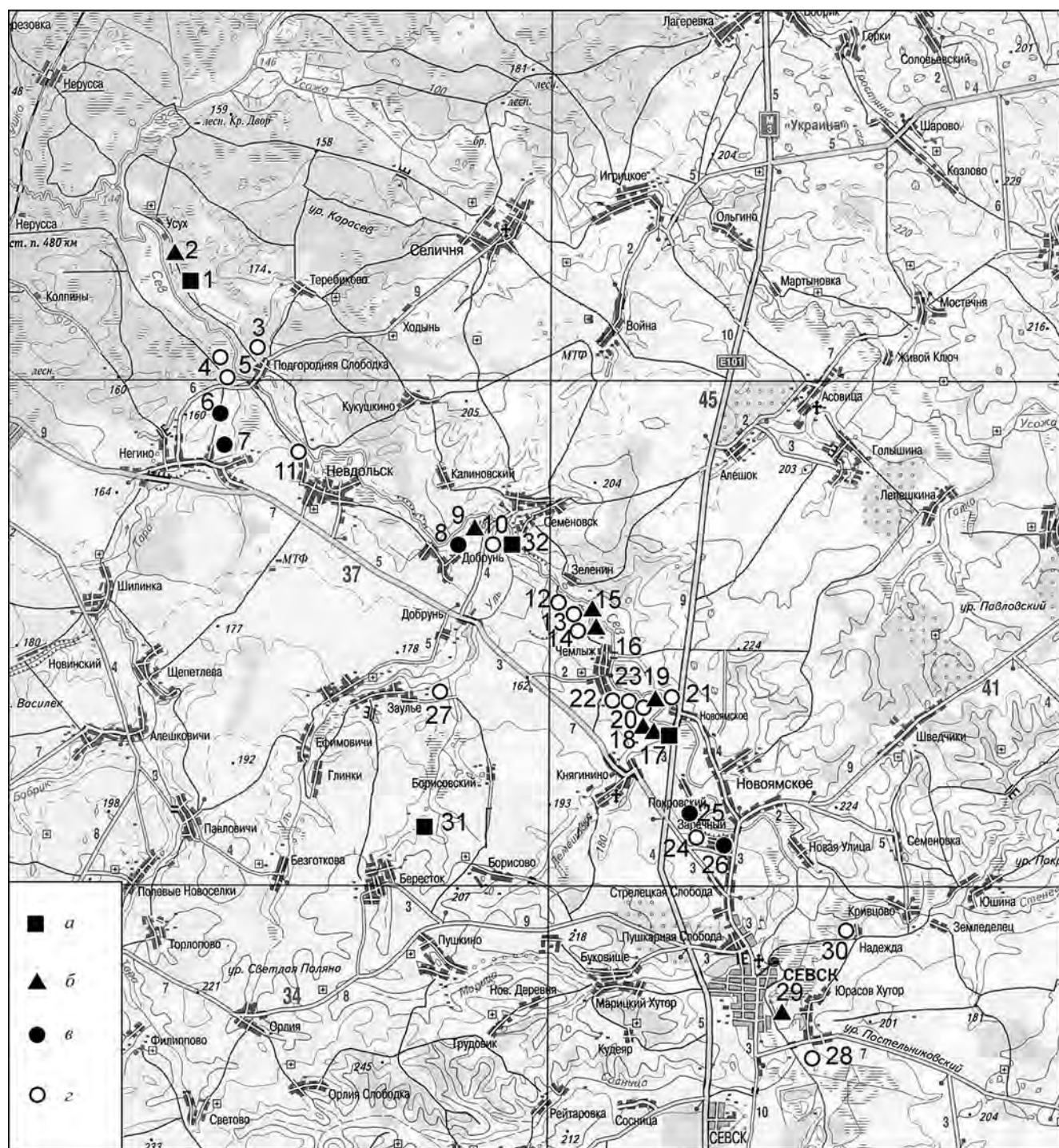

Рис. 8. Этнокультурная ситуация в долине р. Сев в поздне римское время и раннее средневековье. 1 – Брянский клад; 2 – Усух-2; 3 – Подгородняя Слобода-2; 4 – Подгородняя Слобода-4; 5 – Подгородняя Слобода-5; 6 – Негино-1; 7 – Негино-2; 8 – Добрунь-4; 9 – Добрунь-4А; 10 – Добрунь-6; 11 – Невдольск-2; 12 – Зеленин-1; 13 – Зеленин-2; 14 – Зеленин-3; 15 – Зеленин-4; 16 – Зеленин-5; 17 – Новоямское-1; 18 – Новоямское-2; 19 – Новоямское-3; 20 – Новоямское-3А; 21 – Новоямское-4; 22 – Чемлыж-3; 23 – Чемлыж-4; 24 – Заречный-1; 25 – Заречный-2; 26 – Новоямское (пункт АКР); 27 – Заулье; 28 – Севск-2; 29 – Юрасов Хутор; 30 – Надежда; 31 – Ивник; 32 – Уль. Условные обозначения: а – находки вещей с выемчатыми эмалями; б – памятники киевской или колочинской культуры; в – памятники второй – четвертой четверти I тыс. н.э.

в которое пропущена петля массивной трапецевидной обоймицы, служившей для крепления ременной части, с массивной заклепкой конической формы. Обе втулки соединены между собой железным стержнем, обмотанным треугольным в сечении дротом из цветного металла. На стержне крепились две муфты, имеющие по пять выступов. К нагайке, по всей видимости, относились и восемь биконических утяжелителей ремней из бронзы (рис. 7, 1–3). Обломки схожей по типу нагайки известны в кладе из Чашницкого р-на Витебской обл. (Новолукомль) (Радюш, 2013а. Рис. 9А, 2; б. С. 21); детали, напоминающие биконические утяжелители, были и в Мощинском кладе (Булычев, 1899. Табл. XI, 20).

Несколько нагаек с бронзовыми пластинчатыми обкладками рукояти (в одном случае – с железным шипом для управления лошадьё) и бронзовыми утяжелителями на ремнях найдены в погребениях рязано-окских финнов IV – рубежа IV/V вв. (могильники Кораблино, Шатрищи). Наиболее близкий аналог III в. происходит из сарматского могильника Ендред-Суйокерестен (Венгрия), где на рукояти также имелось отверстие для темляка. Аналогичные детали обкладок рукояти и бронзовые бусы-утяжелители известны и в позднесарматских древностях восточноевропейской степи (Ахмедов, 1991. С. 146–149). Из рязано-окских комплексов третьей четверти I тыс. происходят еще две плети с деревянной рукоятью, обвитой бронзовой лентой (могильники Никитино, Борок-2) (Воронина и др. 2005. С. 16. Рис. 10, 1; 43, б. С. 62–64; фонды Шиловского районного народного музея). Подобные изделия известны и в скифо-сарматской традиции (Бородавский, 1987. С. 29–31).

В римской традиции изображения плетей часто встречаются на монетах, рельефах, мозаиках. Судя по ним, плетями пользовались возникшие колесницы, гладиаторы (*paegniarius*), надсмотрщики за рабами. Наиболее близки по своей конструкции к происходящему из Брянского клада изделия римские многохвостые плети “*flagrum*” (Радюш, 2013а. Рис. 9, 1, 2). Примером может служить изображение нагайки на семейном надгробии середины II в. н.э. из Дунапентеле в Венгрии, где отец семейства держит ее в руках (Hungarian archaeology..., 2003. Fig. 65). Дальнейшее развитие металлические нагайки получили в циркумбалтийском регионе и Северо-Западной Руси, где зафиксированы многочисленные находки железных рукоятей (Кирпичников, 1973. С. 71–73; Hackman, 1925. S. 209–213; Butenas, 2001. S. 227–234), однако ранее VII в. генезис цельнометаллических типов здесь не прослеживался.

Учитывая широкое распространение шпор в комплексе восточноевропейских изделий с выемчатой эмалью, можно предположить, что нагайки в качестве средства управления конем могли играть второстепенную роль. В основном они были легким оружием и символами власти (Радюш, 2013а. С. 66–69).

Рога для питья. В составе клада найдены детали трех рогов: три оковки краев, пять фрагментов средних оковок из серебра (соединены с двумя цепями), три цепи, три наконечника (рис. 7, 5–7; цветная вклейка № 3, рис. 4). Оковки устьев рогов изготавливались из бронзового листа и не во всех случаях сохранились. У наконечников рогов имеются круглые площадки-основания, над которыми на ножке располагаются поперечные диски, а сама ножка – граненая. Анализ фрагментов органики, содержащихся в одном из наконечников (выполнен научным сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой), показал, что сам рог был изготовлен из вяза (Радюш, 2013а. С. 66).

Находки частей рогов для питья весьма многочисленны в центральноевропейских древностях (Andrzejowski, 1991). В Прибалтике найдены не менее 15 деталей рогов, в том числе и звеньев цепей от них с эмалевыми вставками: Заозерье/Lapsau (Калининградская обл., Россия); Линкайчай, Жадавайняй, Мауджорай (Литва); Лилл-Пудери, Кентескалнс, Саленике (Латвия) и др. (Корзухина, 1978. Табл. 30, 2, 3; Andrzejowski, 1991. Рис. 13, с, f; Simniškytė, 1998. S. 188. Pav. 54). В Поднепровье, междуречье Западной Двины и Днепра, в Поочье, кроме Брянского клада, они известны в Мощинском; в Брянской, Смоленской, Курской обл. России, Витебской обл. Белоруссии и на Украине (Отчет..., 1898. С. 134; Корзухина, 1978. С. 40, 41, 70; Радюш, 2013а. С. 52–55. Рис. 1; 8, 1–9, 14–19, 28). Звено цепи происходит из могильника Лезгур/Лезгор в Дигорском ущелье (Амброз, 1968. С. 13–16). Приднепровские наконечники рогов близки по пропорциям к центральноевропейским типа D2 по Я. Анджеевскому, датирующему их от фазы B2 до фазы D (Швейцария, кург. 3, погр. 1) (Andrzejowski, 1991. S. 96. Рис. 5), т.е. второй третью I – серединой V в. н.э.

Лом. Некоторые предметы из клада, вероятно, были сломаны находчиком, но в состав комплекса входила и серия изделий, поломанных еще в древности, поскольку края разломов патинизированы. Из них представляют интерес: **большая бронзовая лунница с петлями для подвесок и вставками красной эмали** (рис. 5, 1); **браслеты с треугольным в сечении корпусом и треугольными гребнями** (того же типа, что и целые) – семь фрагментов от как минимум четырех экз.

ПРЕДМЕТЫ БЫТА

Проколка-кочедык изготовлена из кости животного с заостренным рабочим концом.

Пружинные железные ножницы.

Железный резец с изогнутым лезвием.

Предмет быта найден еще только в Шишинском кладе – это пряслице из мергеля (Обломский, 1991. С. 180, 181).

Большинство изделий с эмалью из клада относится к средней стадии развития их стиля. Для нее характерны сравнительно крупные вещи, кроме красной используется эмаль и других цветов. Предметы часто имеют отростки, дополнительные поля и ажурную орнаментацию. По наиболее близкому к Подесенью лесостепному Поднепровью эмали этой стадии датируются концом II – серединой/второй половиной III в. (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 122–124).

Давно отмечено, что украшения с эмалью датировать достаточно трудно, так как на территории своего основного ареала, особенно в Поднепровье и Поочье, они встречаются в комплексах, как правило, друг с другом. Брянский клад – счастливое исключение, поскольку здесь обнаружен представительный набор бус и два предмета, связанных по происхождению с другими по отношению к областям концентрации восточноевропейских эмалей территориями (зеркало, пряжка). Если сопоставить их даты, получается, что комплекс относится к концу II – второй половине III в., это полностью совпадает с наблюдениями о хронологии вещей с эмалью, сделанными по лесостепному Поднепровью.

Реконструкция уборов из Брянского клада требует специального исследования. Женщины, использовавшие украшения с выемчатыми эмалью, носили обычно по две фибулы (примеры – клады из Борзны, Шишино-5, комплекс из Двораков Пикут). При этом фибулы не всегда были парными, т.е. по форме и орнаментации полностью аналогичными, о чем свидетельствуют украшения из Шишинского клада, явно содержавшего один комплект женского убора, а две входившие в него фибулы были хотя и типологически близкими, но все же разными (Корзухина, 1978. Табл. 1, 1,2; 28, 1,2; Обломский, 1991. С. 180, 181). В Брянский клад, таким образом, входят три полных набора женских украшений (от венчиков и гривен до фибул, цепей и браслетов), а также другие дополнительные украшения (цепи, гривны, ожерелья, браслеты). Многие из них носились долгое время, так как имеют следы ремонта.

Чрезвычайно интересен набор вещей мужской культуры престижа. Если цепи и другие детали

оформления рогов для питья встречаются относительно часто, то полный комплект металлических деталей плети (рукоять с креплениями для ремней, грузики-утяжелители) уникален. Не исключено, что плеть была скорее церемониальной, чем боевой, т.е. играла роль (как и рога для питья) показателя статуса.

Клад, по всей видимости, не принадлежал ремесленнику: в нем отсутствуют характерные для таких комплексов слитки металла, заготовки, инструменты для работы по металлу, литейные формы и т.п. Куски вещей, сломанных в древности, очевидно, просто представляли собой ценный для населения лесного Поднепровья римского времени металл.

Таким образом, клад, скорее всего, представлял собой сокровище одной семьи, обладавшей высоким социальным статусом. Факт присутствия в его составе бытовых предметов (кочедык, ножницы, резец), по-видимому, свидетельствует о том, что клад был зарыт в состоянии крайней опасности, когда уберечь от разграбления пытаются все ценное, в том числе и нужное в быту.

Кем же мог быть сокрыт Брянский клад? В Поднепровье, как показали последние исследования, украшения средней стадии развития восточноевропейского стиля вещей с выемчатыми эмалью использовало население позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта и начального этапа киевской культуры (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 122–124), причем появляются эти украшения ближе к финалу позднезарубинецких древностей. В Подесенье на позднезарубинецких памятниках почепского типа вещи с эмалью пока не известны. Не исключено, что в этом регионе украшения, изготовленные в такой технике, начали употребляться позже, когда почепские древности в их классическом виде уже исчезли.

В 2013–2014 гг. Раннеславянской экспедицией ИА РАН для изучения этнокультурного контекста клада было проведено сплошное обследование нижнего и среднего течения р. Сев, низовьев р. Усожа и прилегающего к ним с севера участка долины р. Нерусса, в которую они впадают. В результате удалось обнаружить 29 поселений с находками груболепной керамики с крупным шамотом, которая на территории Среднего Подесенья характерна для археологических общностей второй – четвертой четверти I тыс. н.э. (рис. 8). Большинство поселений по данным разведки невозможно датировать более узко. Тем не менее материалы, которые, скорее всего, принадлежали киевской культуре, зафиксированы на восьми поселениях, а киевской или колочинской – еще на пяти. На исторический факультет Брянского государственного университета поступила серия случайных находок вещей с эмалью

Таблица. Бусы из Брянского клада

Описание бус	Количество	Тип (по: Алексеева, 1978)	Дата по Е.М. Алексеевой	Тип (по: Tempelmann-Maczyńska, 1985)	Дата по М. Темпельманн-Мончинской
Красные параллелепипедные из глухого стекла с продольным отверстием	32	104 (с. 69)	II–III вв. н.э.	90 (s. 33)	Фаза C1 (конец II – конец III в.)
Большая цилиндрическая красного глухого стекла	1	57 (с. 67)	I–IV вв. (большинство I–III вв.)	142 (s. 38)	Фазы B1-C1 (10–40 гг. н.э. – конец III в. н.э.)
Маленькие округло цилиндрические красного глухого стекла	9	57 (с. 67)	I–IV вв. (большинство I–III вв.)	142 (s. 38)	Фазы B1-C1 (10–40 гг. н.э. – конец III в. н.э.)
Округлые красные из непрозрачного стекла	3	3 (с. 63)	IV в. до н.э. – III в. н.э.	28 (s. 27)	Фазы C1-D1 (характерны для III – начала V в.)
Цилиндрическая белого глухого стекла	1	55 (с. 67)	Вторая половина I–III в.	6 (s. 18, 28, 29)	Все римское время и эпоха Великого переселения народов
Округлые белые непрозрачные	4	2 (с. 63)	IV в. до н.э. – II в. н.э.	6 (s. 18, 28, 29)	Все римское время и эпоха Великого переселения народов
Округлые сине-зеленые прозрачные	4	11 (с. 64)	IV в. до н.э. – IV в. н.э.	20 (s. 18, 28, 29)	Фазы B2/C1 – позднеримский период (конец II – первая половина IV в.)
Округлые желтые непрозрачные	2	5 (с. 63)	VI в. до н.э. – первые вв. н.э.	26 (s. 18, 28, 29)	Фазы B2/C1 – позднеримский период (конец II – первая половина IV в.)
Цилиндрические желто-оранжевые непрозрачные	3			26 (s. 18, 28, 29)	Фазы B2/C1 – позднеримский период (конец II – первая половина IV в.)
Золото-стеклянные пронизы из двух округлых звеньев	2	1 вариант б (с. 29, 30)	I–IV вв. (по списку комплексов)	387 (s. 64)	Конец I – первые десятилетия III в.
Округлые золото-стеклянные	4	1 вариант б (с. 29, 30)	I–IV вв. (по списку комплексов)	387 (s. 64)	Конец I – первые десятилетия III в.
Фиолетовая округло-цилиндрическая непрозрачная	1	59 (с. 67)	I–IV вв.		
Округлые из глухого бурого стекла	3	14 (с. 64)	I в. до н.э. – II в. н.э.		

ми и сопутствующих им в комплексах украшений. Некоторые из них (три литых луницы, перекладчатая фибула, трапециевидная подвеска с орнаментом из концентрических окружностей; все предметы из бронзы) происходят из того же региона (рис. 8). Большинство памятников концентрируется между устьями р. Тары и Стенег, т.е. в основном в сред-

ней части долины р. Сев, юго-восточнее места находки клада. Лишь поселение Усух-2 расположено в 700 м к северо-востоку ниже по течению реки на том же берегу. По всей видимости, клад был закопан в землю жителем именно этого поселка.

Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-01-00269.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимов Д.В., Ененко Е.А. Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья // От Римского Лемеса до Великой Китайской Стены. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2012 (STRATUM plus; № 4). С. 127–139.
- Акимов Д.В., Зиньковская И.В., Мулкиджанян Я.П. Случайные находки варварских выемчатых эмалей в лесостепном Подонье: описание, реконструкция, интерпретации // Germania-Sarmatia. III. Калининград. В печати.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Г1-12). 114 с.
- Амброз А.К. Деталь восточнобалтийского питьевого рога из сел. Лезгур Северо-Осетинской АССР // Славяне и Русь / Ред. Б.А. Рыбаков, Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 13–16.
- Арсеньева Т.М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. М.Г. Майкова. М.: Наука, 1984. С. 20–24.
- Ахмедов И. Р. Плетки из могильника Кораблино // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Ред. А.П. Абрамов. М.: Московский археологический информационный центр, 1991. С. 146–150.
- Ахмедов И.Р. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2008. С. 7–27.
- Ахмедов И.Р. “Свев” из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // РА. 2010. № 1. С. 26–38.
- Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Клад из Суземского района Брянской области // Археологические исследования в евразийском регионе “Днепр” 2012 г. / Ред. О.М. Демиденко. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. С. 99–107.
- Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Новые находки круга выемчатых эмалей на Среднем Дону // РА. 2014. № 2. С. 120–126.
- Бородовский А.П. Плетки и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии / Ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука СО, 1987. С. 28–39.
- Бугров Д.Г. Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья / Ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1994. С. 33–38.
- Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899. 78 с.
- Воронцов А.М. Тамги на предметах мощинской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2. Ч. 1 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: ГМЗ “Куликово поле”, 2010. С. 68–75.
- Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН, 2005 (Тр. отдела охранных раскопок ИА РАН; Т. 3). С. 157–163.
- Воронятов С.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона: альтернативная атрибуция // Шестая Междунар. кубанская археолог. конф. / Ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 73–76.
- Гей О.А., Бажан И.А. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // Петербургский археологический вестник. № 3. СПб.: Ойум, Фарн, 1993. С. 52–59.
- Гороховский Е.Л. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры / Ред. В.Д. Баран. Киев: Наук. думка, 1982. С. 115–150.
- Зиньковская И.В. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА. 2011. № 2. С. 72–80.
- Зиньковская И.В., Медведев А.П. Позднерубинское поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья / Ред. А.З. Винников. Воронеж: Истоки, 2005. С. 3–12.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973 (САИ; Вып. Е1-36). 140 с.
- Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Е1-43). 123 с.
- Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.
- Лопатин Н.В., Фурсов А.Г. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 8). 251 с.
- Морозовская Т.В. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья / Ред. Г.А. Дзис-Райко. Киев: Наук. думка, 1985. С. 70–77.
- Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы, 1991. 287 с.
- Обломский А.М. Каталог памятников. Восток Днепровского Левобережья // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 82–105.
- Обломский А.М. Некоторые новые украшения римского времени из Верхнего Подонья // Верхнедонской археологический сборник: Сб. науч. тр. № 5. Липецк: Изд-во Успех-Инфо, 2010. С. 69–79.
- Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате Мощинского и Межигорского кладов // Проблемы древнейшей

- истории Верхнего Поочья: Тез. Первой Калужской истор.-археолог. конф. / Ред. Г.И. Доманова. Калуга, 1986. С. 15–17.
- Обломский А.М., Радюш О.А. Вещевой комплекс // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 27–39.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Наука, 1991. 174 с.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 113–141.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 г. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1898.
- Поболь Л.Д., Наумов В.Д. О некоторых предметах материальной культуры селища Абидня: Докл. к XI конф. молодых ученых Белорусской ССР (ноябрь 1967 г.) / Ред. Ю.И. Афонин. Минск, 1967. С. 424–441.
- Радюш О.А. Элементы всаднической и дружинной культуры II–III вв. в Поднепровье // В поисках Ойума. “Пути народов”. Кишинев, 2013а (STRATUM plus; № 4).
- Радюш О.А. Находки шпор римского времени в Верхнем Поднепровье и сопредельных территориях // Acta Archaeologica Albaruthenica. Т. IX / Ред. Н.А. Плавинский, В.Н. Сидорович. Минск: Галіяфы, 2013б. С. 13–27.
- Радюш О.А., Щеглова О.А. Волниковский “клад” и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов. Курск: КГОМА, 2012. 48 с.
- Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А. Пластинчатые головные украшения римского и раннесредневекового времени в Восточной Европе: типологический и технологический анализ // Тр. III (XIX) ВАС / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Великий Новгород–Старая Русса. Т. II. СПб.; М.: Великий Новгород: ИИМК, 2011. С. 91, 92.
- Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100–120.
- Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века н.э. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 150 с.
- Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin: UMS, 2004. 232 с.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наук. думка, 1992. 224 с.
- Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.
- Харитонович З., Мяделец А., Кенько П. Новые находки изделий с выемчатыми эмальями на территории Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Минск, 2008. С. 212–217.
- Хойновский И.А. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною, с объяснениями и XX таблицами рисунков. Выпуск 1 (и единственный). Киев: Тип. Университета св. Владимира В.И. Завадовского, 1896. 221 с.
- Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Dolya, 2011. С. 13–114.
- Хреков А.А. Каталог памятников. Лесостепное Подонье. Саратовская обл. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10). С. 108, 109.
- Шинаков Е.А. Находки предметов с эмальями позднеимской эпохи в Подесенье и вопросы их происхождения и атрибуции // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Матер. тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г. / Ред. Д. Савиных, В. Седых. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 109–115.
- Andrzejowski J. Okucia rogów do picia z młodszego okresu wpływów rzymskich w Europie środkowej i północnej (próba klasyfikacji i analizy chronologiczno-terytorialnej) // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. T. VI. Warszawa, 1991. S. 7–120.
- Bitner-Wróblewska A. Z badań nad ozdobami emaliowanymi w kulturze wielbarskiej. Na marginesie kolekcji starożytności Paula Schachta z Malborka // Wiadomości Archeologiczne. 1991–1992. № LII. S. 115–121.
- Bitner-Wróblewska A. East European Enameled Ornaments and the Character of Contacts between the Baltic Sea and the Black Sea // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Eds I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya, 2011. P. 11–24.
- Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią // Bałtowie i ich sąsiedzi / Eds A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa: PMA, 2009. S. 303–352.
- Butenas E. Karioraite liokapasiš Kurklių šilo pilkapyno // Lietuvos archeologija. T. 21. Vilnius, 2001. S. 227–234.
- Hackman A. Eisenzeitliche Peitschenstiele und Leitstockbeschläge aus Finnland // Studien zur vor geschichtlichen Archeologie A. Götze zu seinem 60. Geburtstage: Dargebracht von Kollegen, Freunden und Schülern in deren. Auftrag Leipzig, 1925. S. 209–213.
- Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium. Budapest: Ministry of National Cultural Heritage, 2003. 496 s.
- Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford, 1986 (BAR; Intern. Ser. 360). 233 s.
- Nowakowski W. Import czy imitacja? Brązowe dzwonki ze “scarbu z Miezigorje” na tle znalezisk z Europy Wschodniej // Archeologia. 1988. № XXXVIII. S. 99–123.
- Simniškytė A. Geriamiji ragai lietuvoje // Lietuvos Archeologija. 15. Vilnius, 1998. S. 185–246.
- Tempelmann-Maczyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz, 1985. 339 s.

BRYANSK HOARD OF ITEMS WITH CHAMPLEVÉ ENAMELS (PRELIMINARY PUBLICATION)

Il'ya R. Akhmedov*, Andrey M. Oblomskiy**, Oleg A. Radjush**

* The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg

** Institute of Archaeology RAS, Moscow
(oblomsky_a@rambler.ru)

The article informs about the hoard of the Eastern European jewelry with champlevé enamels found at former village Usukh (the South of Bryansk Oblast, lower flow of the river Sev). It consists of more than 275 items: women jewelry, items of men's status culture, some items broken in Antiquity and three ready-mades. All women's jewelry, apart from beads, was made from bronze. The elements of a whip, three drinking horns and, probably, a girdle clasp are related to the items of men's culture. The date of the hoard is identified by the stylistic characteristics of the enameled jewelry, the set of beads, the clasp and a mirror – within the period of the end of the 2nd – the second half of the 3rd cc. AD.

Key words: jewelry with champlevé enamel of the Eastern European style, Roman time, forest Dnieper region.

REFERENCES

- Ahmedov I.R., 1991. Pleti iz mogil'nika Korablino [Whips from the barrow Korablino]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ja* [Antiquities of Northern Caucasus and Black Sea region]. A.P. Abramov, ed. Moscow, pp. 146–150.
- Ahmedov I.R., 2008. Okskie fibuly [Oka region fibulae]. *Lesnaja i lesostepnaja zony Vostochnoj Evropy v jepohi rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov* [Forest and forest-steppe zones in the age of Roman influences and Migration Period]. I.O. Gavrituhin, A.M. Voroncov, eds. Tula: Gosudarstvennyj muzej-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 7–27.
- Ahmedov I.R., 2010. "Svev" iz Mordovii. K izucheniju kul'turnyh kontaktov povolzhskih finnov v III v. n.je. ["Svev" from Mordovia. To the examination of the Finns cultural contacts in 3 c. AD]. *Rossijskaja arheologija* [RA], 1, pp. 26–38.
- Ahmedov I.R., Oblomskij A.M., Radjush O.A., 2013. Klad iz Suzemskogo rajona Brjanskoj oblasti [Hoard from Suzemsky District of Bryansk Oblast]. *Arheologicheskie issledovanija v evroregione "Dnepr" 2012 g.* [Archaeological researches in Euroregion "Dnieper" in 2012]. O.M. Demidenko, ed. Gomel': Gomel'skij gosudarstvennyj universitet imeni F. Skoriny, pp. 99–107.
- Akimov D.V., Enenko E.A., 2012. Sluchaynye nakhodki veshchey rimskogo vremeni v predelakh lesostepnogo Podon'ja [Random finds of items from the Roman times in forest-seppe Don region]. *Ot Rimskogo Limesa do Velikoy Kitayskoy Steny* [From Roman Limes to the Great Wall of China]. St-Petersburg; Kishinev; Odesa; Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 127–139 (STRATUM plus; № 4/2012).
- Akimov D.V., Zin'kovskaya I.V., Mulkidzhanyan Ya.P., in print. Sluchaynye nakhodki varvarских vyemchatykh emaley v lesostepnom Podon'e: opisanie, rekonstruktsiya, interpretatsii [Random finds of the barbarian champlevé enamels in forest-steppe Don region: description, restoration and interpretation]. *Germania-Sarmatia*, III. Kaliningrad.
- Alekseeva E.M., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ja [Antique beads of Black Sea region]. Moscow: Nauka. 114 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov; G1-12).
- Ambroz A.K., 1968. Detal' vostochnobaltijskogo pit'evogo roga iz sel. Lezgur Severo-Osetinskoj ASSR [Detail of the Eastern Baltic drinking horn from the village Lezgur Northern Ossetia ASSR]. *Slavjane i Rus'* [Slavs and Rus']. B.A. Rybakov, E.I. Krupnov, eds. Moscow: Nauka, pp. 13–16.
- Andrzejowski J., 1991. Okucia rogów do picia z młodszego okresu wpływów rzymskich w Europie środkowej i północnej (próba klasyfikacji i analizy chronologiczno-terytorialnej). *Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne*, VI, pp. 7–120.
- Arsen'eva T.M., 1984. Liteynye formy dlya otlivki zerkal iz Tanaisa: Po materialam arheologicheskikh raskopok [Casting moulds for mirrors casting from Tanais: on the materials of archaeological excavations]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya: Sbornik statey* [Eurasian antiquities in Scythian-Sarmatian period: collected papers]. A.I. Melyukov, ed. Moskva: Nauka, pp. 20–23.
- Berezuckij V.D., Zolotarev P.M., 2014. Novye nahodki kruga vyemchatyh jemalej na Srednem Donu [New finds of the champlevé enamel type at Middle Don]. *Rossijskaja arheologija* [RA], 2, pp. 120–126.

- Bitner-Wróblewska A., 1991–1992. Z badań nad ozdobami emaliowanymi w kulturze wielbarskiej. Na marginesie kolekcji starożytności Paula Schachta z Malborka. *Wiadomości Archeologiczne*, LII, pp. 115–121.
- Bitner-Wróblewska A., 2011. East European Enameled Ornaments and the Character of Contacts between the Baltic Sea and the Black Sea. *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*, I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol: Dolya, pp. 11–24.
- Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T., 2009. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią. *Baltowie i ich sąsiedzi*. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska, eds. Warszawa: PMA, pp. 303–352.
- Borodovskij A.P., 1987. Pleti i vozmozhnosti ih ispol'zovaniya v sisteme vooruzheniya plemen skifskogo vremeni [Whips and opportunities of their usage in the system of armament of Scythian times]. *Voennoe delo drevnego nasele-niya Severnoj Azii [Military art of the ancient population of Northern Asia]*. V.E. Medvedev, Ju.S. Hudjakov, eds. Novosibirsk: Nauka, Cibirskoe otделение, pp. 28–39.
- Bugrov D.G., 1994. Predmety s vyemchatoj jemal'ju iz Nizhnego Priam'ja [Items with champlévé enamel from Lower Kama region]. *Istoriko-arheologicheskoe izuchenie Povolzh'ja [Historical and archaeological research of the Volga region]*. Ju.A. Zelenev, ed. Joshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet, pp. 33–38.
- Bulychev N.I., 1899. Zhurnal raskopok po chasti vodora-zdela verhnih pritokov Volgi i Dnepra [Journal of excavations concerning the watershed of the upper feeders of Volga and Dnieper]. Moscow. 78 p.
- Butenas E., 2001. Kariaite liokapasiš Kurkliušilo pilkapy-no. *Lietuvos archeologija*, 21, pp. 227–234.
- Gej O.A., Bazhan I.A., 1993. Zahoronienie s kompleksom veshhej kruga jemalej na Nizhnem Dnepre [Burial with the complex of items with enamels at Lower Dnieper]. *Peterburgskij arheologicheskij vestnik [Saint-Petersburg archaeological herald]*, 3, pp. 52–59.
- Gorohovskij E.L., 1982. O gruppe fibul s vyemchatoj jemal'ju iz Srednego Podneprov'ja [On the group of fibulae with champlévé enamel from Middle Dnieper region]. *Novye pamjatniki drevnej i srednevekovoj hudozhestvennoj kul'tury [New sites of ancient and medieval artistic culture]*. V.D. Baran, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 115–150.
- Hackman A., 1925. Eisenzeitliche Peitschenstiele und Leitstockbeschläge aus Finnland. *Studien zur vor geschichtlichen Archeologie A. Götze zu seinem 60. Geburtstage: Dargebracht von Kollegen, Freunden und Schülern in deren. Auftrag Leipzig*. S. 209–213.
- Hazanov A.M., 1963. Genezis sarmatskih bronzovyh zerkal [Genesis of Sarmatian bronze mirrors]. *Sovetskaja arheologija [SA]*, 4, pp. 58–71.
- Hojnovskij I.A., 1896. Kratkie arheologicheskie svedeniya o predkah slavian i Rusi i opis' drevnostej, sobrannyh mnoju, s ob"jasnenijami i HH tablicami risunkov [Brief archaeological data on the Slavs and Rus ancestry and the list of antiquities gathered by me with interpretations and 20 painting sheets]. Kiev. 221 p.
- Hrapunov I.N., 2011. Nekotorye itogi issledovanija mogil'nika Nejzac [Some results of the survey of the barrow Nejzac]. *Issledovanija mogil'nika Nejzac [Surveys of the barrow Nejzac]*. I.N. Hrapunov, ed. Simferopol': Dolya, pp. 13–114.
- Hrekov A.A., 2007. Katalog pamjatnikov. Lesostepnoe Podon'e. Saratovskaja obl. [Sites' catalogue. Forest-steppe Don region. Saratov Oblast.]. *Pamjatniki kievskoj kul'tury v lesostepnoj zone Rossii (III – nachalo V v.) [Sites of Kyiv culture in forest-steppe zone of Russia (3 – the beginning of 5 cc.)]*. A.M. Oblomskij, ed. Moscow: Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk, pp. 108, 109. (Ranneslavjanskij mir; 10).
- Hungarian Archaeology at the turn of the Millennium, 2003. Budapest: Ministry of National Cultural Heritage. 496 p.
- Kharitonovich Z., Myadelets A., Ken'ko P., 2008. Novye nakhodki izdelij s vyemchatymi emaljami na territorii Belarusi [New finds of products with champlévé enamels on the territory of Belarus]. *Materyyaly pa arkheologii Belarusi [Materials on Belarus archaeology]*, 15. Minsk, pp. 212–217.
- Kirpichnikov A.N., 1973. Snarjazhenie vsadnika i verhovogo konja na Rusi IX–XIII vv. [The furniture of a horseman and a horse in Rus of 9–13 cc.]. Leningrad: Nauka. 140 p. (Cvod arheologicheskikh istochnikov; E1-36).
- Korzhuhina G.F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi jemaljami V – pervoj poloviny VI v. n.e. v Srednem Podneprov'e [Items of toilet with champlévé enamels of 5 – first half of 6 cc. at Middle Don region]. Leningrad: Nauka. 123 p. (Cvod arheologicheskikh istochnikov; E1-43).
- Krenke N.A., 2011. D'jakovo gorodishhe: kul'tura naselenija bassejna Moskvy-reki v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Dyakovo settlement: the culture of the population of the River Moscow basin in 1 millennium BC – 1 millennium AD]. Moscow: Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk. 546 p.
- Lopatin N.V., Furas'ev A.G., 2007. Severnye rubezhi ranneslavjanskogo mira v III–V vv. n.e. [Northern borders of the ancient Slavic world in 3–5 cc. AD]. Moscow: Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk. 251 p. (Ranneslavjanskij mir; 8).
- Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford. 233 p. (BAR. International Series; 360).
- Morozovskaja T.V., 1985. Bronzovye piramidal'nye kokol'chiki rimskogo vremeni v arheologicheskikh pamjatnikah Severnogo Prichernomor'ja [Bronze pyramid bells of the Roman times at archaeological sites of Northern Black Sea region]. *Pamjatniki drevnej istorii Severo-zapadnogo Prichernomor'ja [The sites of ancient history of northern-western Black Sea region]*. G.A. Dzis-Rajko, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 70–77.

- Nowakowski W., 1988. Import czy imitacja? Brązowe dzwonki ze “scarbu z Miezigorje” na tle znalezisk z Europy Wschodniej. *Archeologia*, XXXVIII, pp. 99–123.
- Oblomskij A.M., 1991. Jetnicheskie processy na vodorazdele Dnepra i Dona v I–V vv. n.je. [Ethnic processes at the watershed of Dnieper and Don in 1–5 cc. AD]. Moscow; Sumy. 287 p.
- Oblomskij A.M., 2007. Katalog pamjatnikov. Vostok Dneprovskogo Levoberezh'ja [Sites' catalogue. The east of Dnieper left bank]. *Pamjatniki kievskoj kul'tury v lesostepnoj zone Rossii (III – nachalo V v.)* [The sites of Kyiv culture in forest-steppe zone of Russia (3 – the beginning of 5c.)]. A.M. Oblomskij, ed. Moscow: Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk, pp. 82–105 (Ranneslavjanskij mir; 10).
- Oblomskij A.M., 2010. Nekotorye novye ukrashenija rimskogo vremeni iz Verhnego Podon'ja [Some new jewelry of the Roman times from Upper Don region]. *Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik* [Upper Don archaeological collection]: sbornik nauchnyh trudov, 5. Lipeck: Izdatel'stvo Uspeh-Info, pp. 69–79.
- Oblomskij A.M., Gorohovskij E.L., 1986. O date Moshhinskogo i Mezhhigorskogo kladov [On the date of Moschinsky and Mezhhigorsky hoards]. *Problemy drevnejšej istorii Verhnego Pooch'ja* [Problems of the ancient history of Upper Oka region]: tezisy Pervoj kaluzhskoj istoriko-arheologicheskoi konferencii. G.I. Domanova, ed. Kaluga, pp. 15–17.
- Oblomskij A.M., Radjush O.A., 2007. Veshhevoj kompleks [Items' complex]. *Pamjatniki kievskoj kul'tury v lesostepnoj zone Rossii* [The sites of Kyiv culture in forest-steppe zone of Russia]. A.M. Oblomskij, ed. Moscow: Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk, pp. 27–39 (Ranneslavjanskij mir; 10).
- Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V., 1991. Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe Levoberezh'e v pervye veka nashej jery [Middle Dnieper region and Dnieper left bank in the first centuries of AD]. Moscow: Nauka. 174 p.
- Oblomskij A.M., Terpilovskij R.V., 2007. Predmety ubora s vyemchatymi jemaljami na territorii lesostepnoj zony Vostochnoj Evropy (dopolnenie svodov G.F. Korzuhin, I.K. Frolova i E.L. Gorohovskogo) [Items of toilet with champlé enamels at the territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (the addition of codes of G.F. Korzuhi-na, I.K. Frolova and E.L. Gorokhovskij)]. *Pamjatniki kievskoj kul'tury v lesostepnoj zone Rossii (III – nachalo V v.)* [The sites of Kyiv culture in forest-steppe zone of Russia (3 – the beginning of 5 cc.)]. A.M. Oblomskij, ed. Moscow: Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk, pp. 113–141 (Ranneslavjanskij mir; 10).
- Otchet Imperatorskoj Arheologicheskoi komissii za 1896 g. St-Petersburg: Tipografija Glavnogo upravlenija udelov [The report of Emperor's Archaeological Committee for 1896.], 1898. 256 p.
- Pobol' L.D., Naumov V.D., 1967. O nekotoryh predmetah material'noj kul'tury selishha Abidnja [On some item of material culture of the fortified settlement Abidnja]. *Doklady k XI konferencii molodyh uchenyh Belorusskoj Sovetskoj Socialisticheskoi Respubliki* [Theses for the XI Conference of young scientists of the Belarus Soviet Socialist Republic]. Ju.I. Afonin, ed. Minsk, pp. 424–441.
- Radjush O.A., 2013a. Elementy vsadnicheskoi i družinnoj kul'tury II–III vv. v Podneprov'e [Elements of a horse-man and prince troops culture of 2–3 cc. in Dnieper region]. *V poiskah Ojuma. “Puti narodov”* [Looking for Aujum. “The peoples' ways”]. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Buharest: Vysshaja antropologicheskaja shkola, pp. 51–73 (STRATUM plus, №4/ 2013).
- Radjush O.A., 2013b. Nahodki shpor rimskogo vremeni v Verhnem Podneprov'e i sopredel'nyh territorijah [The finds of spurs of the Roman times at Upper Dnieper region and cross-border regions]. *Acta Archaeologica Albaruthenica*, IX, pp. 13–27.
- Radjush O.A., Shheglova O.A., 2012. Volnikovskij “klad” i Kurskoe Posejm'e v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Volnikovsky hoard and Kursk Posemje in the Migration Period]. Kursk: Kurskij gosudarstvennyj oblastnoj muzej arheologii. 48 p.
- Rodinkova V.E., Saprykina I.A., 2011. Plastinchatyje golovnye ukrashenija rimskogo i rannesrednevekovogo vremeni v Vostochnoj Evrope: tipologicheskij i tehnologicheskij analiz [Plaits head-dresses of the Roman and early Medieval times in Eastern Europe: typological and technologic analysis]. *Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda* [Transactions of 3 (XIX) All-Russian archaeological Congress], II. N.A. Makarov, E.N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Velikij Novgorod: Novgorodskij tehnopark, pp. 91, 92.
- Shinakov E.A., 2008. Nahodki predmetov s jemaljami pozdnerimskoi jepohi v Podesen'e i voprosy ih proishozhdenija i atribucii [Finds of items with enamel of the late Roman times in Podesen and the problem of their origin and attribution]. *Sluchajnye nahodki: hronologija, atribucija, istoriko-kul'turnyj kontekst: materialy tematicheskoi nauchnoj konferencii* [Random finds: chronology, attribution, historical and cultural context: materials of the theme academic conference]. D. Savinyh, V. Sedyh, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, pp. 109–115.
- Simniškytė A., 1998. Geriamiji ragai lietuvoje. *Lietuvos Archeologija*. 15, pp. 185–246.
- Skipkin A.S., 1977. Fibuly Nizhnego Povolzh'ja (po materialam sarmatskih pogrebenij) [Fibulae of Lower Volga region (on the materials of the Sarmatian burials)]. *Sovetskaja arheologija* [SA], 2, pp. 100–120.
- Skipkin A.S., 1984. Nizhnee Povolzh'e v pervye veka n.je. [Lower Volga region in the first centuries of AD]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 150 p.
- Tempelmann-Maczyńska M., 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz. 339 p.

- Terpilovskij R.V.*, 2004. Slavjane Podneprov'ja v prvoj polovine I tys. n.je. [The Slavs of Dnieper region in the first half of the 1 millennium AD]. Lublin: UMS. 232 p.
- Terpilovskij R.V., Abashina N.S.*, 1992. Pamjatniki kievskoj kul'tury [The sites of Kyiv culture]. Kiev: Naukova dumka. 224 p. (Svod arheologicheskikh istochnikov).
- Voroncov A.M.*, 2010. Tamgi na predmetah moshhinskoj kul'tury [Tamgas on the items of Moschinsky culture]. *Lesnaja i lesostepnaja zony Vostochnoj Evropy v jepohi rimskih vlijanij i Velikogo pereselenija narodov [Forest and forest-steppe zone of Eastern Europe in the age of Roman influences and the Migration Period]: konferencija 2, ch. 1.* I.O. Gavrituhin, A.M. Voroncov, eds. Tula: Gosudarstvennyj muzej-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 68–75.
- Voronina R.F., Zelencova O.V., Engovatova A.V.*, 2005. Nikitinskij mogil'nik: publikacija materialov raskopok 1977–1978 gg. [Nikitino barrow: publication of the material of the excavations of 1977–1978]. Moscow: Institut arheologii Rossijskoj akademii nauk. 167 p. (Trudy otdela ohrannyh raskopok Instituta arheologii Rossijskoj akademii nauk; 3).
- Voronjatov S.V.*, 2013. Podveska s vyemchatoj jemal'ju iz del'ty Dona: al'ternativnaja atribucija [Pendant with champleve enamel from the river valley Don: alternative attribution]. *Shestaja mezhdunarodnaja kubanskaja arheologičeskaja konferencija [The sixth International Kuban archaeological conference]*. I.I. Marchenko, ed. Krasnodar: Jekoinvest, pp. 73–76.
- Zin'kovskaja I.V.*, 2011. O novom areale ukrashenij kruga vyemchatyh jemalej [On the new area of jewelry with champlevé enamel]. *Rossijskaja arheologija [RA]*, 2, pp. 72–80.
- Zin'kovskaja I.V., Medvedev A.P.*, 2005. Pozdnezarubineckoe poselenie Ezdochnoe-1 na r. Oskol [Late Zarubinet settlement Ezdochnoe-1 on the River Oskol]. *Dnepro-Donskoe mezhdurech'e v jepohu rannego srednevekov'ja [Dnieper-Don interfluvium in the epoch of early Middle Ages]*. A.Z. Vinnikov, ed. Voronezh: Istoki, pp. 3–12.

ПОСЕЛЕНИЕ АРКАИМ В НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2015 г. Ф.Н Петров

Музей археологии и краеведения, Дубна (steppe_exp@mail.ru)

Поселение Аркаим широко известно в России и в мире, популярно как место исторического и “эзотерического” туризма, здесь создан крупный музейный комплекс. Однако этот археологический памятник до сих пор исследован недостаточно, материалы его изучения опубликованы лишь частично, ключевые для его понимания данные планиграфии и стратиграфии уже более двадцати лет остаются недоступны научному сообществу, что делает принципиально непроверяемыми все создаваемые и тиражируемые реконструкции этого поселения. Аркаиму посвящено множество научно-популярных изданий, содержащих статьи и материалы, выполненные на хорошем уровне, однако во всей этой продукции присутствует диспропорция научных и научно-популярных данных, популяризация умозрительных гипотез и недостаточно апробированных предположений, а также активное использование в популяризации Аркаима артефактов и изображений, не имеющих никакого отношения к этому археологическому памятнику. Необходимо осуществить серьезную научную критику сложившейся традиции популяризации аркаимских материалов, очистить ее от всех недостоверных гипотез и посторонних артефактов. Еще одной важной задачей является продолжение полевых археологических исследований поселения Аркаим. Помимо решения научных задач, это позволит создать новые информационные поводы и найти выход из сложившейся ситуации, при которой количество антинаучной информации, распространяемой в обществе про Аркаим, во много раз превышает количество научно-популярных материалов.

Ключевые слова: Аркаим, поселение, эпоха бронзы, Зауралье, историография, научно-популярная литература.

Поселение Аркаим, расположенное в степной зоне Челябинской области, исследовалось в 1987–1995 гг. археологической экспедицией Челябинского государственного университета под общим руководством Г.Б. Здановича. Поселение относится к эпохе бронзы и датируется началом II тыс. до н.э. В плане оно представляет собой две концентрические окружности, образованные пристроенными друг к другу жилыми помещениями. Оба кольца были окружены наружными стенами и неглубокими рвами, а внешнее кольцо было еще и разделено на четыре сектора. Поселение имеет площадь около 20 тыс. м², суммарную площадь жилых помещений – около 10 тыс. м², раскопано чуть больше 8 тыс. м² – около 40% площади памятника. Основные раскопки были завершены в 1991 г., в 1992–1995 гг. осуществлялось вскрытие очень небольших площадей и была проведена рекультивация большинства раскопанных участков.

Этот археологический памятник получил широкую известность в России и за рубежом, причем его известность среди “экстрасенсов”, сторонников “эзотерических учений”, “неоязычников”, а также русских и башкирских националистов существен-

но превышает известность в научных кругах. Большинство материалов по Аркаиму, тиражируемых в средствах массовой информации, тематических изданиях и в сети Интернет, имеют более или менее фантастический, а во многом – сугубо антинаучный характер.

Проблема широкого распространения антинаучной информации о поселении Аркаим и ответственности за это исследовавших его археологов уже рассматривалась на страницах “Российской археологии” в статье В.А. Коренько и С.В. Кузьминых (2007), посвященной публикации материалов заседания Ученого совета Института археологии РАН, на котором эта проблема обсуждалась в контексте представления Ученому совету программы междисциплинарных исследований археологических памятников Южного Урала “Эпоха бронзы севера Центральной Евразии”. Представители российского академического сообщества неоднократно выступали с острой критикой Г.Б. Здановича и некоторых его сотрудников, способствующих разнообразной антинаучной деятельности, развернувшейся в последние десятилетия вокруг Аркаима (например, Шнирельман, 2011).

Анализ соотношения разных типов изданий, посвященных поселению Аркаим, можно провести с использованием материалов двух библиографических указателей: (Зданович Д.Г., Коган, Орлова, 1999; и Зданович Д.Г., Волгин, Штолер, 2007).

Публикации материалов археологических исследований поселения Аркаим в некоторой степени посвящены три научных издания: сборник статей “Археологический источник и моделирование древних технологий” (2000); книга “Аркаим – Страна городов: Пространство и образы” (Зданович Г.Б., Батанина, 2007) и каталог выставки “Древнейшие индоевропейцы в степях Урала” (ARKAIM, 2011). Причем в каждой из этих книг материалам именно поселения Аркаим посвящено существенно менее половины объема издания, и ни в одной из них не опубликованы данные по планиграфии и стратиграфии археологических раскопок на поселении.

Научно-популярных книг по поселению Аркаим издано к настоящему времени шесть: три сборника статей (1995, 2004 и 2011 годов) и два фотоальбома (2008 и 2009 годов), о которых подробнее говорится ниже, а также книга М.В. Загидуллиной (2012), содержащая, к сожалению, серьезнейшие научные ошибки и примыкающая по некоторым параметрам к антинаучной литературе (Петров, 2013. С. 99–101). Также надо отметить, что в указанных сборниках и фотоальбомах материалам собственно поселения Аркаим уделяется не просто меньше половины, но даже меньше 20% объема изданий.

Итак, поселению Аркаим в некоторой мере посвящено три научных и шесть научно-популярных книг, причем ни одна из них не содержит сколь-нибудь подробной публикации материалов археологических исследований. При этом количество антинаучной литературы об Аркаиме превышает количество научной и научно-популярной во много раз. Нам удалось насчитать более пятидесяти таких изданий, в их числе: книги С.П. Мальцевой “Аркаим – город Солнца”, “Напевы Аркаима”, “Аркаим: Бог и человек”, “Аркаим вчера и сегодня”, “Аркаим: начало и конец”, “Три слова об Аркаиме”; книги В.П. Путенихина “Место силы – город Аркаим. В поисках утраченного рая”, “Тайны Аркаима. Наследие древних ариев”, “Древо Аркаима”, “Культы Аркаима”; книги Н.Ф. Валитова “Сокровенная история России. Аркаим и Уфимский край. Тайна великого исхода, или кто такие славяне”, “Античное индийское царство России”; а также “Аркаим – Древний город Ариев. Сакральные места Аркаима” К.К. Быструшкина; “Аркаим – родина Заратустры” В.А. Царевского и С.Н. Царевской; “Аркаим – чудо исцеления” Г.Т. Нажимова и Т.Р. Касимова; “Арка Им” В. Ломаева; “Свидания с Аркаимом” Л.Н. Спя-

щей; “справочное издание” Центра “Путь Света” “Аркаим – древний город Ариев. Сакральные места Аркаима” и многое другое.

На наш взгляд, у отмеченной диспропорции между количеством научной и научно-популярной информации о поселении Аркаим – с одной стороны, и многократно превышающим объемом антинаучной информации – с другой, есть несколько причин. Прежде всего, несмотря на то, что основные этапы раскопок поселения были завершены более 20 лет назад, материалы этих работ до сих пор практически не введены в научный оборот. Только в 2014 г. в “Поволжском педагогическом вестнике” опубликован единственный профиль одного из аркаимских раскопок, длиной 6 м и без описания обозначенных слоев (Зданович Г.Б., Малютина, 2014. Рис. 1). Очень слабо опубликованы планиграфические данные: из 28 или 29 раскопанных на Аркаиме жилищ (данные о числе раскопанных жилищ разнятся даже в одних и тех же публикациях: Зданович Г.Б., Батанина, 2007, С. 16, 48), напечатаны планы только трех из них, причем хоть как-то структура жилища видна только на указанной иллюстрации в “Поволжском педагогическом вестнике”, но отсутствие адекватных материалов по стратиграфии не позволяет анализировать особенности конструкции.

По всем материалам раскопок поселения Аркаим к настоящему времени опубликован только топографический план археологического памятника, на котором сведены данные по большинству выполненных на поселении раскопок (в масштабе 1 : 3000, Зданович Г.Б., 1995, С. 32. Рис. 6), а так же этот план с наложенной на него графической интерпретацией результатов геофизических исследований нераскопанной части памятника (в масштабе 1 : 1500, Малютина, Зданович Г.Б., 2003, С. 100. Рис. 1). Однако на планах представлены даже не результаты раскопок как таковые, а некие генерализованные представления о структуре памятника, сформированные на основании этих результатов, поэтому научными источниками данные планы не являются.

При этом в научно-популярной литературе широко опубликованы различные варианты реконструкций аркаимских жилищ, архитектурных элементов древнего поселения (стен, “башен”, “ливневой канализации” и т.д.) и общие реконструкции архитектурного облика всего поселения Аркаим. На этих реконструкциях представлены многочисленные сложные архитектурные детали, на их основании делаются выводы об очень высоком уровне организации пространства археологического памятника, о фортификации, “достойной средневековых крепостей”, об особой сакральности и “экологичности” аркаимской архитектуры. На базе этих реконструкций изготав-

ливаются музейные и выставочные макеты, их красочные изображения помещены в многочисленных научно-популярных книгах и сборниках. Однако оценить адекватность всех этих реконструкций, проанализировать их и соотнести с археологическими источниками невозможно, поскольку исходный материал совершенно не введен в научный оборот и недоступен даже для специалистов.

Некоторые группы артефактов и результаты отдельных специальных исследований, выполненных по материалам раскопок поселения Аркаим, опубликованы весьма подробно и на хорошем научном уровне. Здесь можно перечислить работы по следующим направлениям: типология аркаимской керамики (Малютина, Зданович Г.Б., 2003; 2004; 2005); технология изготовления керамики (Гутков, 1995); отпечатки ткани на аркаимских сосудах (Галиуллина, 2000); типология и анализ минерального сырья каменных орудий Аркаима (Зайков, Зданович С.Я., 2000); комплексная реконструкция аркаимского металлургического процесса (Григорьев, Русанов, 1995); анализ остеологических остатков (Косинцев, 2000); дешифровка аэрофотоснимков поселения Аркаим и его ближайших окрестностей (Зданович Г.Б., Батанина, 2007); палинологические и почвоведческие исследования (Лаврушин, Спиридонова, 1999; Иванов, Чернянский, 2000).

К сожалению, научное значение всех перечисленных исследований существенно снижает отсутствие публикации планов и профилей аркаимских раскопок. Все эти работы многочисленных специалистов, отражающие результаты изучения разных категорий артефактов, оказываются лишены совершенно необходимой им фактической основы, научно-методической базы – результатов исследования планиграфии и стратиграфии памятника.

Кроме того, до сих пор все перечисленные научные работы очень ограниченно используются при популяризации аркаимских материалов, а ведущее место в научно-популярных публикациях по поселению Аркаим занимают реконструкции архитектуры, объективные данные по которой до настоящего момента совершенно не введены в научный оборот.

В свою очередь одной из причин недостаточного введения материалов исследований поселения Аркаим в научный оборот является неполнота отражения результатов раскопок поселения в отчетной документации. По результатам полевых исследований поселения Аркаим в научный архив Института археологии РАН сданы отчеты только за первые три года работ (1987–1989 гг.): за 1987 г. – один том отчета, за 1988 г. – три тома отчета и за 1989 г. – два тома отчета. Эти отчеты делались по результатам

хоздоговорных работ, когда за один полевой сезон несколькими отрядами под руководством разных археологов вскрывались тысячи квадратных метров археологического памятника.

Руководство отдельными раскопами на поселении Аркаим осуществляли: А.Г. Гаврилюк, С.А. Григорьев, А.И. Гутков, А.В. Епимахов, Н.О. Иванова, А.М. Кисленко, Т.С. Малютина, Н.М. Меньшенин, В.С. Мосин, Н.С. Татаринцева; в ведении полевой документации и организации камеральной обработки материалов участвовали и другие профессиональные археологи и студенты исторических факультетов, в том числе и автор настоящей статьи. Подготовка отчетов осуществлялась руководителями раскопок, в дальнейшем они сводились в один или несколько томов под общей фамилией руководителя экспедиции, Г.Б. Здановича, на которого и выписывался Открытый лист. Естественно, качество различных частей этих отчетов заметно различается.

Особенно отличается в этом плане первый отчет, посвященный полевым исследованиям 1987 года (Зданович Г.Б., 1988). Он носит сугубо лапидарный характер, осуществленным раскопкам в нем посвящено 27 страниц текста, и на этих 27 страницах очень кратко описывается раскоп площадью 1318.5 м² и сделанные на раскопе 1785 находок! В отчете нет ни одного описания реального профиля, даны исключительно общие характеристики стратиграфической ситуации, нет подробного описания ни одного участка или объекта. Вместо этого сделаны суммарные, обобщающие описания-реконструкции. По сути перед нами хорошо иллюстрированная статья с элементами реконструкций и интересными научно-литературными рассуждениями, но научным отчетом о полевых исследованиях данный труд может быть признан лишь с некоторыми натяжками.

В отчетах за 1988 и 1989 гг. эти недостатки были, в значительной мере, изжиты, становится гораздо больше строгих описаний профилей (Зданович Г.Б., 1989; 1990). Однако в этих отчетах материалы по разным раскопам весьма сильно отличаются друг от друга, хорошо видно, что их писали разные авторы, по-разному подходившие к этой задаче. В целом основная часть научных отчетов по Аркаиму за эти два года являются качественным научным продуктом, сделанным на хорошем методическом уровне.

Однако полевые исследования, проведенные на поселении Аркаим позднее, в период с 1990 по 1995 г., никак не отражены в отчетной документации, материалы по ним не сданы в Научный архив Института археологии РАН. Речь идет о нескольких раскопах на внешнем и внутреннем круге жилищ, а также о рекогносцировочных раскопах, шурфах и

траншеях, закладывавшихся в ближайших окрестностях поселения, на площадке так называемого “аркаимского огорода” и в других местах.

Из-за недостатка научных публикаций в научно-популярной литературе, посвященной поселению Аркаим, и в тематических материалах СМИ, направленных на популяризацию этого археологического памятника, наблюдается существенный дисбаланс между научной и популярной информацией. На общем фоне широкого распространения антинаучных представлений об Аркаиме как о “прародине ариев” и “столице ведической Руси”, научно-популярные издания и иные формы популяризации научной информации, к сожалению, в недостаточной мере выполняют задачу распространения в обществе достоверных научных данных, более того – в некоторых случаях они достигают противоположного результата и способствуют распространению антинаучных взглядов.

Значительную часть научно-популярной литературы по поселению Аркаим издает Челябинский государственный историко-культурный заповедник “Аркаим”, в том числе – совместно с Челябинским государственным университетом. Заповедник “Аркаим” был создан в 1994 г. (первоначально под названием «Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр “Аркаим”»). За годы работы заповедником издано три научно-популярных сборника: в 1995 г. “Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия”, в 2004 г. “Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала” и в 2011 г. “Аркаим: между прошлым и будущим”; два фотоальбома: в 2008 г. «Аркаим и “Страна городов”: история и природа степного Зауралья» и в 2009 г. “Аркаим: у истоков цивилизации”, а также множество разнообразных буклетов, путеводителей, тематических карт, наборов открыток и другой научно-популярной продукции. Также совместно с университетом и авторской студией А.Н. Баданова заповедником было произведено несколько научно-популярных фильмов.

Многие из этих научно-популярных изданий содержат очень интересные статьи и материалы, выполненные на хорошем уровне, однако во всей этой продукции с самого начала ее создания в большей или меньшей степени присутствует диспропорция научных и научно-популярных данных, популяризация умозрительных гипотез и недостаточно апробированных предположений, а также активное использование в популяризации поселения Аркаим артефактов и изображений, не имеющих никакого отношения к этому археологическому памятнику.

Так, одним из центральным образом, иллюстрирующих научно-популярные буклеты, брошюры,

сборники статей, фотоальбомы и книги об Аркаиме, тиражируемых на открытках, представленных на выставках и в экспозициях, является фигурка так называемого “человека, смотрящего в небо”. Эта скульптура размещается в центре поселения Аркаим на посвященных ему картинах; фигурирует на значках и сувенирах, продающихся в аркаимском музее; изображается на обложках книг; с нее даже начинается текст обширной монографии, подготовленной по материалам дешифровки аэрофотоснимков Аркаима и однотипных ему археологических памятников (Зданович Г.Б., Батанина, 2007, С. 6). У посетителей аркаимских музеев, читателей книг и сборников складывается устойчивое впечатление, что эта древняя скульптура найдена на Аркаиме или в какой-либо исторической связи с ним. Нигде, ни в одном из этих буклетов или фотоальбомов не говорится о том, что данная каменная скульптура не имеет к поселению Аркаим абсолютно никакого отношения, что она была найдена более чем в трехстах километрах от него, в Северном Казахстане, в окрестностях города Кустанай, что датировка этой скульптуры не ясна и нет никаких оснований относить ее к тому же времени, что и поселение Аркаим (Ченченкова, 2004).

Продолжающееся использование этой скульптуры при популяризации материалов Аркаима, для которого не существует никаких объективных научных причин – это вопиющий вызов здравому смыслу. Кстати, казахстанские археологи и сотрудники Кустанайского краеведческого музея, в котором хранится данная скульптура, уже неоднократно высказывали недовольство по этому поводу (Малеев, 2009).

К сожалению, “человеком, смотрящим в небо” дело не ограничивается. Кроме него, в научно-популярных материалах по Аркаиму активно используется еще несколько скульптурных изображений, главных образом – случайных находок, сделанных в разных местах урало-казахстанских степей и не имеющих никакого отношения не только к самому поселению Аркаим, но, зачастую, и ко всей эпохе бронзы. Продолжение этой порочной практики дискредитирует всю деятельность по популяризации научной информации об Аркаиме, от нее нужно как можно скорее отказаться.

Можно отметить, что в научно-популярной литературе об Аркаиме часто популяризируются умозрительные гипотезы и недостаточно апробированные предположения, представляемые в качестве достоверных результатов научных исследований. Так, в этой литературе постоянно повторяется и активно пропагандируется представление, согласно которому Аркаим населяли арии, а сама территория

Зауральской степи является арийской прародиной. Большинство современных специалистов, занимавшихся этим вопросом, согласны в оценке этнолингвистической принадлежности населения Аркаима к индоевропейской языковой семье. Однако утверждение об их непременно арийской атрибуции – не более, чем гипотеза, не получившая широкой поддержки в научном сообществе (Зданович Д.Г., 2011. С. 191).

Точно так же сугубо умозрительной гипотезой, не разделяемой большинством специалистов, является утверждение о протозороастрийском характере “аркаимской религии”. Однако этот тезис также активно тиражируется в научно-популярной литературе в качестве достоверного научного заключения; изображения поселения Аркаим сопровождаются на буклетах и открытках разнообразными цитатами из Авесты и т.п.

Из одной публикации в другую “кочуют” словословия в адрес особой “экологичности” аркаимского хозяйства и общества, рассуждения об удивительных умениях жителей древнего Аркаима существовать в гармонии с окружающей природой и всем “одухотворенным Космосом”. Однако на самом деле нет никаких научных данных, которые позволяли бы выделять модель хозяйственной деятельности населения Аркаима как более экологически устойчивую на общем фоне степной и лесостепной зон в эпоху бронзы (Петров, 2009). Встречающееся наименование древнего Аркаима “городом” не соответствует научному определению городских поселений, некорректно и наименование его “протогородом”, поскольку никаких достоверных археологических свидетельств урбанизационных процессов на Аркаиме и однотипных ему поселениях не зафиксировано.

Также необходимо отметить общую недостаточную изученность поселения Аркаим как археологического памятника. Систематические раскопки поселения осуществлялись, главным образом, в течение первых четырех лет после его открытия (1987–1990 гг.) – до тех пор, пока эти работы оплачивались Челябинской объединенной дирекцией по строительству объектов мелиорации на основании договора об археологическом исследовании зоны затопления строившейся Караганской межхозяйственной оросительной системы. С момента принятия решения о прекращении строительства и придания территории заповедного статуса в 1991 году, на протяжении пяти лет (1991–1995 гг.) продолжались спорадические полевые работы. Начиная с 1996 года, на протяжении 18 лет, никаких раскопок на поселении Аркаим не проводится.

При этом в период с 1990–1991 гг. по настоящее время в непосредственной близости от поселения Аркаим была построена и успешно функционирует научная база, получившая официальный статус населенного пункта. От этой базы с 1994 г. по всем южным районам Челябинской области эффективно работает комплексная экспедиция историко-культурного заповедника “Аркаим”, экспедиционные отряды Челябинского государственного университета и Ильменского государственного заповедника. Здесь же построен крупный музейный комплекс, осуществляется камеральная, лабораторная и фондовая обработка многочисленных экспедиционных материалов, работают профессиональные археологи и многочисленные специалисты в области естественных наук, выполняются комплексные исследования десятков археологических памятников. Однако все эти возможности и научные силы уже 18 лет никак не используются для продолжения изучения поселения Аркаим, расположенного в полутора километрах от научной базы, – поселения, давшего имя всему этому музейно-научному комплексу и ставшему в начале 1990-х годов научной основой его развития.

В итоге, к настоящему времени исследовано менее половины площади археологического памятника, причем эти исследования проводились, большей частью, весьма поспешно (в условиях угрозы затопления водохранилищем), на недостаточном с точки зрения современной археологии научно-методическом уровне, в первую очередь – в части применения естественно-научных методов, а также в вопросе о качестве разборки и фиксации культурных слоев.

Двадцать лет назад Аркаим как спешно раскапываемый по хоздоговору памятник был в целом изучен на хорошем уровне – но за прошедшие десятилетия возможности и методы полевых исследований и требования к ним совершили качественный скачок, особенно важный для изучения и реконструкции древних объектов с древоземляной архитектурой, к которым относится Аркаим.

В заключение мы можем отметить следующее. Аркаим широко известен в России и в мире, он очень популярен как место исторического туризма, здесь создан замечательный музейный комплекс, который посещают десятки тысяч человек в год. Само поселение Аркаим, несомненно, является очень интересным археологическим памятником, имеющим большое научное и культурное значение. Однако, как показано выше, этот памятник до сих пор исследован недостаточно, материалы его изучения опубликованы лишь частично, ключевые для его понимания данные планиграфии и страти-

графии раскопов уже более двадцати лет остаются недоступны научному сообществу, что делает принципиально непроверяемыми все создаваемые и тиражируемые реконструкции этого поселения. Зачастую под видом популяризации научных данных об Аркаиме распространяются фантазии и слабофундированные гипотезы.

При этом научно-популярная литература об Аркаиме издается и расходится большими тиражами. Историко-культурный заповедник “Аркаим” выполняет важные государственные функции, охраняя целый ряд историко-культурных территорий, расположенных в степных районах Челябинской области. Заповедник является серьезным и авторитетным научным и музейным учреждением, коллектив которого ежегодно выполняет огромный объем работы, ведет археологические, этнографические и природоведческие исследования обширных территорий.

Однако несколько попыток подготовить к научному изданию материалы поселения Аркаим, предпринятые за последние 15 лет руководителем его раскопок Г.Б. Здановичем, так и не завершились публикацией. Труд десятков профессиональных археологов и многих сотен студентов и школьников, участвовавших в раскопках Аркаима, остается “законсервирован” в неопубликованных материалах раскопок. Огромные государственные денежные средства, потраченные на изучение Аркаима, не дают своей научной и культурной отдачи в силу того, что материалы этих исследований не опубликованы и, в значительной мере, даже не представлены в виде отчетов, а сами исследования уже длительное время полностью остановлены.

Уверен, что сложившаяся ситуация требует самого скорейшего решения. Необходимо ответственное и корректное введение в научный оборот материалов полевых исследований Аркаима. В осуществлении этой работы надо попытаться заинтересовать всех специалистов-археологов, принимавших участие в раскопках поселения. При этом очень важно избежать соблазна “подогнать” полевые материалы под уже сделанные и растиражированные реконструкции – крайне необходимо обеспечить достоверность научной публикации и ее доскональное соответствие полевым чертежам, фотографиям и дневниковым описаниям.

В сфере научно-популярной деятельности нужно как можно скорее осуществить серьезную научную критику сложившейся традиции популяризации аркаимских материалов, очистить ее от всех недостоверных гипотез и посторонних артефактов и создать целостную, новую и интересную систему рассказа об аркаимских древностях, базирующуюся

на строго научных позициях и концепциях, апробированных научным сообществом.

Еще одной важной задачей является продолжение полевых археологических исследований поселения Аркаим. Эти исследования позволят провести изучение культурного слоя памятника на современном научном уровне и получить целостный комплекс новых данных, на основе которого станет возможно выполнить серьезный научный анализ уже имеющихся к настоящему времени материалов о раскопках поселения Аркаим и существенно повысить уровень обоснованности, фундированности и верифицируемости научно-археологической информации о данном археологическом памятнике, его истории и особенностях функционирования оставившей его культуры.

Помимо этого, главного результата, продолжение научных исследований на поселении Аркаим позволит решить также дополнительные задачи, находящиеся на стыке научного знания и социально-культурной деятельности.

Так, на базе нового раскопа на поселении Аркаим можно будет создать полноценный музейефицированный объект, который сделает Аркаим гораздо более интересным для познавательного туризма и будет способствовать распространению достоверных научных данных в обществе. К сожалению, нынешний так называемый музейефицированный раскоп на Аркаиме недостаточно выполняет эту задачу, поскольку представляет собой, большей частью, результат не вполне корректной реконструкции, а не реальный археологический объект.

Информация о новых раскопках поселения Аркаим, широко распространяемая в средствах массовой информации, в интернете и в научно-популярной литературе, позволит изменить нынешнюю ситуацию, при которой свыше 90% информации, распространяемой по поводу Аркаима, является плодом необоснованных фантазий или откровенно антинаучных измышлений. Возникновение множества новых, научных информационных поводов может позволить изменить общественное восприятие данного археологического памятника и сделать его более адекватным научно-историческим данным.

Кроме того, осуществление программы многолетних научных исследований поселения Аркаим позволит остановить и повернуть вспять идущие процессы превращения научного поселка Аркаим в туристическую базу, обслуживающую потребности многочисленных “эзотериков” и “экстрасенсов”. Появление в повседневной деятельности научного поселка новой масштабной научной работы будет способствовать актуализации собственно научных смыслов в его существовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Сборник научно-популярных статей / Сост. Н.О. Иванова. Челябинск: ТО “Каменный пояс”, 1995. 223 с.
- Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Сборник научно-популярных статей / Сост. Н.О. Иванова. Челябинск: Крокус, 2004. 348 с.
- Аркаим и “Страна городов”: история и природа степного Зауралья: [фотоальбом]. Автор текста и сост. Ф.Н. Петров. Челябинск: Крокус, 2008. 72 с.
- Аркаим: у истоков цивилизации: [фотоальбом]. Авторы материалов: Г.Б. Зданович, Д.Г. Зданович, А.М. Кисленко, Е.В. Куприянова, Т.С. Малюткина, Ф.Н. Петров; научный редактор Г.Б. Зданович; литературная обработка текстов М.В. Загидуллина. Челябинск: Аркаим, 2009. 222 с.
- Аркаим: между прошлым и будущим. Сборник научно-популярных статей / Сост. Е.В. Куприянова. Челябинск, 2011. 208 с.
- Аркаим: 20 лет открытию. Древность, современность перспективы: [буклет] / Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр “Аркаим”.
- Аркаим: дорогами прошлого: [буклет] / Челябинский государственный историко-культурный заповедник “Аркаим”.
- Археологический источник и моделирование древних технологий* / Науч. ред. С.Я. Зданович. Челябинск, 2000. 188 с.
- Батанина И.М., Иванова Н.О. Археологическая карта заповедника “Аркаим”. История изучения археологических памятников // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Сост. Н.О. Иванова. Челябинск: ТО “Каменный пояс”, 1995. С. 159–191.
- Белоплицкая Н.А., Зданович С.Я. Заповедник “Аркаим”: путеводитель: [буклет] / ГУК Историко-культурный заповедник областного значения “Аркаим”.
- Галиуллина М.В. К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий / Науч. ред. С.Я. Зданович. Челябинск, 2000. С. 95–103.
- Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического процесса // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Сост. Н.О. Иванова. Челябинск: ТО “Каменный пояс”, 1995. С. 147–158.
- Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Сост. Н.О. Иванова. Челябинск: ТО “Каменный пояс”, 1995. С. 135–146.
- Загидуллина М.В. Прадедушка Аркаим. Челябинск: Изд-во Игоря Розина, 2012. 104 с.
- Зайков В.В., Зданович С.Я. Каменные изделия и минерально-сырьевая база каменной индустрии “Аркаима” // Археологический источник и моделирование древних технологий / Науч. ред. С.Я. Зданович. Челябинск, 2000. С. 73–94.
- Заповедник “Аркаим”: карта-схема экскурсионных объектов: [буклет] / ГУК Историко-культурный заповедник областного значения “Аркаим”.
- Зданович Г.Б. Городище Аркаим по раскопкам 1987 года. НА ИА РАН, Р-1, № 12273. 25 с., илл.
- Зданович Г.Б. Полевые исследования на поселении Аркаим в 1988 году. Отчет. Т. I. НА ИА РАН, Р-1, № 13206. 39 с., илл.
- Зданович Г.Б. Полевые исследования на поселении Аркаим в 1988 году. Отчет. Т. II. НА ИА РАН, Р-1, № 13207. 59 с., илл.
- Зданович Г.Б. Полевые исследования на поселении Аркаим в 1988 году. Отчет. Т. III. НА ИА РАН, Р-1, № 13208. 70 с., илл.
- Зданович Г.Б. Работа Урало-Казахстанской археологической экспедиции на поселении бронзового века Аркаим в Брединском районе Челябинской области в 1989 году. Отчет. Т. I. НА ИА РАН, Р-1, № 13653. 50 с., илл.
- Зданович Г.Б. Работа Урало-Казахстанской археологической экспедиции на поселении бронзового века Аркаим в Брединском районе Челябинской области в 1989 году. Отчет. Т. II. НА ИА РАН, Р-1, № 13654. 51 с., илл.
- Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия: сборник научно-популярных статей / Сост. Н.О. Иванова. Челябинск, 1995. С. 21–42.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.
- Зданович Г.Б., Малюткина Т.С. Археологический предмет в культурном слое укрепленного поселения (по материалам поселения Аркаим) // Поволжский педагогический вестник. 2014. № 3.
- Зданович Д.Г. “Арии на Урале”: термины и мифы // Аркаим: между прошлым и будущим: сборник научно-популярных статей / Сост. Е.В. Куприянова. Челябинск, 2011. С. 184–191.
- Зданович Д.Г., Волгин В.А., Штолер Н.Н. Библиографический указатель научной литературы по теме “Аркаим и “Страна городов” // Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. Челябинск: Крокус, 2007. С. 210–256.
- Зданович Д.Г., Коган Е.И., Орлова Н.Н. Аркаим: 1987–1997: библиографический указатель. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1999. 120 с.
- Иванов И.В., Чернянский С.С. Вопросы археологического почвоведения и некоторые результаты палеопочвенных исследований в заповеднике “Аркаим” //

- Археологический источник и моделирование древних технологий / Науч. ред. С.Я. Зданович. Челябинск, 2000. С. 3–16.
- Коренько В.А., Кузьминых С.В. Наука и паранаука в современной отечественной археологии (по следам обсуждения “проблемы Аркаима”) // РА. 2007. № 2. С. 173–191.
- Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий / Науч. ред. С.Я. Зданович. Челябинск, 2000. С. 17–44.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала / Отв. ред. Л.Л. Гайдученко. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1999. С. 66–104.
- Малеев С. О чем говорят артефакты? // ЦентрАзия. 22 сентября 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235252220>. Дата доступа: 11.12.2014.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика укрепленного поселения Аркаим // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода: материалы заседаний “круглого стола” / Науч. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Южноуральское книжное изд-во, 2003. С. 99–131.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. 2005. № 2. С. 20–31.
- Петров Ф.Н. Поселение Аркаим в культурном пространстве эпохи бронзы. Дубна, 2009. 64 с.
- Петров Ф.Н. Наука и неоязычество на Аркаиме // Гупало А. Духовное поле Аркаима. 2-е изд. Челябинск, 2010. С. 109–116.
- Петров Ф.Н. Археологи: от Синташты до Дубны. 1987–2012. Тверь: Изд-во “ОАО “Тверская областная типография”, 2013. 216 с.
- Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла, III–I тыс. до н.э. Екатеринбург: Тезис, 2004. 336 с.
- Шнирельман В.А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133–167.
- Экскурсии по музею-заповеднику “Аркаим”: история и культуры: [буклет] / Авт. текста: Г.Б. Зданович, С.Я. Зданович, М.В. Галиуллина, О.А. Хрустинская; Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр “Аркаим”.
- Arkaïm: памятники протогородской цивилизации: [буклет] / Челябинский государственный университет. Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр “Аркаим”.
- ARKAIM. Поселение эпохи бронзы. Древнейшие индоевропейцы в степях Урала: каталог выставки / Сост.: Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2011. 116 с.

SETTLEMENT ARKAIM IN SCIENTIFIC AND POPULAR LITERATURE

Fjodor N. Petrov

Museum of Archeology and Local History, Dubna (steppe_exp@mail.ru)

The settlement Arkaim is widely known in Russia and in the world, popular as a place of historical and “esoteric” tourism. A large museum complex was found there. However, this archaeological site has not been studied entirely. Materials have been published partially. Key data of its planigraphy and stratigraphy has been unavailable to the scientific society for more than twenty years, which makes principally unverifiable all the created and replicated reconstructions of the settlement. A lot of popular publications have been devoted to Arkaim, which contain articles and materials made at a very good level. Nevertheless, the disproportion of scientific and popular data, the popularization of speculative hypotheses and unproven suggestions, and also active usage of artefacts and images, which do not have any relation to the archaeological site, exists in all those publications. It is necessary to provide real scientific review of the popularization of the Arkaim materials, clear it from all unreliable hypotheses and foreign artefacts. Another important task is the continuation of the archaeologocial field researches of the settlement Arkaim. Apart from the solving the scientific tasks, it will allow creating new informational causes and finding the solution of the current situation that suggests that the quantity of the anti-scientific information distributing in the society about the settlement is much more than the quantity of the popular materials.

Key words: Arkaim, settlement, Bronze Age, Trans-Urals, historiography, popular literature.

REFERENCES

- Arkaim. Po stranitsam drevney istorii Yuzhnogo Urala: sbornik nauchno-populyarnykh statey [Arkaim. Following the steps of the ancient history of the Southern Ural: collection of science-fictional articles], 2004. N.O. Ivanova, comp. Chelyabinsk: Izdatel'stvo "Krokus". 348 p.
- ARKAIM. Poselenie epokhi bronzy. Drevneyshie indoevropeytsy v stepyakh Urala: katalog vystavki [ARKAIM. The settlement of the Bronze Age. Ancient Indo-Europeans in Ural steppes: catalogue of exhibition], 2011. G.B. Zdanovich, T.S. Malyutina, comp. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 116 p.
- Arkaim: 20 let otkrytiyu. Drevnost', sovremennost' perspektivy: buklet [Arkaim: 20 years of discoveries. Antiquity, modern age, perspectives: leaflet]. Spetsializirovanny prirodno-landshaftnyy i istoriko-arkheologicheskiy tsentr "Arkaim".
- Arkaim: dorogami proshlogo: buklet [Arkaim: the ways of past: leaflet]. Chelyabinskii gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy zapovednik "Arkaim".
- Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya: sbornik nauchno-populyarnykh statey [Arkaim: Studies. Researches. Discoveries: collection of the science-fictional articles], 1995. N.O. Ivanova, comp. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob'edinenie "Kamennyy poyas". 223 p.
- Arkaim: mezhdru proshlym i budushchim: sbornik nauchno-populyarnykh statey [Arkaim: between the past and the future: collection of science-fictional articles], 2011. E.V. Kupriyanova, ed. Chelyabinsk. 208 p.
- Arkaim: pamyatniki protogorodskoy tsivilizatsii: buklet [Arkaim: the sites of protocity civilization: leaflet]. Chelyabinskii gosudarstvennyy universitet. Spetsializirovanny prirodno-landshaftnyy i istoriko-arkheologicheskiy tsentr "Arkaim".
- Arkaim: u istokov tsivilizatsii: fotoal'bom [Arkaim: at the origins of the civilization: photo album], 2009. G.B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Izdatel'stvo "Arkaim". 222 p.
- Arkaim i "Strana gorodov": istoriya i priroda stepnogo Zaural'ya: fotoal'bom [Arkaim and "Country of cities": history and nature of the steppe Trans-Urals: photo album], 2008. F.N. Petrov, comp. Chelyabinsk: Izdatel'stvo "Krokus". 72 p.
- Arkheologicheskiy istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy [Archaeological source and modeling of ancient technologies], 2000. S.Ya. Zdanovich, ed. Chelyabinsk. 188 p.
- Batanina I.M., Ivanova N.O., 1995. Arkheologicheskaya karta zapovednika "Arkaim". Istoriya izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov [Archaeological map of conservation area "Arkaim". History of the studying of archaeological sites]. *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya: sbornik nauchno-populyarnykh statey [Arkaim: Studies. Researches. Discoveries: collection of science-fictional articles]*. N.O. Ivanova, comp. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob'edinenie "Kamennyy poyas", pp. 159–191.
- Belolipetskaya N.A., Zdanovich S.Ya. Zapovednik "Arkaim": putevoditel': buklet [Conservation area "Arkaim": guide book: leaflet]. Gosudarstvennoe uchrezhdenie kul'tury Istoriko-kul'turnyy zapovednik oblastnogo znacheniya "Arkaim".
- Chenchenkova O.P., 2004. Kamennaya skul'ptura lesostepnoy Azii epokhi paleometalla, III–I tys. do n.e. [Stone sculpture of the forest-steppe Asia of the Paleometal Age, 3–1 millenniums BC]. Ekaterinburg: Tezis. 336 p.
- Ekskursii po muzeyu-zapovedniku "Arkaim": istoriya i kul'tury: buklet [Excursions in the open-air museum "Arkaim": history and culture: leaflet]. G.B. Zdanovich, ed. Spetsializirovanny prirodno-landshaftnyy i istoriko-arkheologicheskiy tsentr "Arkaim".
- Galiullina M.V., 2000. K rekonstruktsii syr'evoy bazy tkatskogo proizvodstva na poselenii epokhi bronzy Arkaim [To the reconstruction of the raw base of the weaving manufacturing at the settlement of the Bronze Age Arkaim]. *Arkheologicheskiy istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy [Archaeological source and modeling of ancient technologies]*. S.Ya. Zdanovich, ed. Chelyabinsk, pp. 95–103.
- Grigor'ev S.A., Rusanov I.A., 1995. Eksperimental'naya rekonstruktsiya drevnego metallurgicheskogo protsessa [Experimental reconstruction of ancient metallurgic process]. *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya: sbornik nauchno-populyarnykh statey [Arkaim: Studies. Researches. Discoveries: collection of science-fictional articles]*. N.O. Ivanova, comp. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob'edinenie "Kamennyy poyas", pp. 147–158.
- Gutkov A.I., 1995. Tekhnika i tekhnologiya izgotovleniya keramiki poseleniya Arkaim [Technique and technology of ceramics producing of the settlement Arkaim]. *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya: sbornik nauchno-populyarnykh statey [Arkaim: Studies. Researches. Discoveries: collection of science-fictional articles]*. N.O. Ivanova, comp. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob'edinenie "Kamennyy poyas", pp. 135–146.
- Ivanov I.V., Chernyanskiy S.S., 2000. Voprosy arkheologicheskogo pochvovedeniya i nekotorye rezul'taty paleopochvennykh issledovaniy v zapovednike "Arkaim" [Problems of archaeological soil science and some results of paleosol researches in conservation area "Arkaim"]. *Arkheologicheskiy istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy [Archaeological source and modeling of ancient technologies]*. S.Ya. Zdanovich, ed. Chelyabinsk, pp. 3–16.
- Korenyako V.A., Kuz'minykh S.V., 2007. Nauka i paranauka v sovremennoy otechestvennoy arkheologii (po sledam obsuzhdeniya "problemy Arkaima") [Science and parasience in modern local archaeology (following the steps of discussion "Arkaim problems")]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 2, pp. 173–191.
- Kosintsev P.A., 2000. Kostnye ostatki zhivotnykh iz ukreplennogo poseleniya Arkaim [Bone remains of animals from the fortified settlement Arkaim]. *Arkheologicheskiy istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy [Archaeological source and modeling of ancient technologies]*. S.Ya. Zdanovich, ed. Chelyabinsk, pp. 17–44.
- Lavrushin Yu.A., Spiridonova E.A., 1999. Osnovnye geologo-paleoekologicheskie sobytiya kontsa pozdnego pleystotsena i golotsena na vostochnom sklone Yuzhnogo Urala [Main geological-paleoecological events of the end of the late Pleistocene and Holocene on the Eastern slope

- of the Southern Ural]. *Prirodnye sistemy Yuzhnogo Urala [Ecosystems of the Southern Ural]*. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, pp. 66–104.
- Maleev S. O chem govoryat artefakty? [What do the facts talk?]. *TsentrAziya [CentrAsia]*, 22 sentyabrya 2009 g.: Elektronnyy resurs. Rezhim dostupa: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235252220>. Data dostupa: 11.12.2014.
- Malyutina T.S., Zdanovich G.B., 2003. Keramika ukreplennogo poseleniya Arkaim [Ceramics of the fortified settlement Arkaim]. *Drevnyaya keramika: problemy i perspektivy kompleksnogo podkhoda: materialy zasedaniy "kruglogo stola" [Ancient ceramics: problems and perspectives of the complex approach: proceedings of the "round table"]*. G.B. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Yuzhnoural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 99–131.
- Malyutina T.S., Zdanovich G.B., 2004. Keramika Arkaima: opyt tipologii [Arkaim ceramics: experience of typology]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 4, pp. 67–82.
- Malyutina T.S., Zdanovich G.B., 2005. Keramika Arkaima: sravnitel'nyy anali [Arkaim ceramics: comparative analysis]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 2, pp. 20–31.
- Petrov F.N., 2009. Poselenie Arkaim v kul'turnom prostranstve epokhi bronzы [The settlement Arkaim in cultural space of the Bronze Age]. Dubna: Fond "Nasledie". 64 p.
- Petrov F.N., 2010. Nauka i neoyazychestvo na Arkaim [Science and Neopaganism in Arkaim]. *Gupalo A. Dukhovnoe pole Arkaima [Spiritual field of Arkaim]*. 2-e izdanie. Chelyabinsk, pp. 109–116.
- Petrov F.N., 2013. Arkheologi: ot Sintashy do Dubny. 1987–2012 [Archaeologists: from Sintash to Dubna. 1987–2012]. Tver': OAO "Tverskaya oblastnaya tipografiya". 216 p.
- Shnirel'man V.A., 2011. Arkaim: arkheologiya, ezotericheskiy turizm i natsional'naya ideya [Arkaim: archaeology, esoteric tourism and national idea]. *Antropologicheskii forum [Anthropological forum]*, 14, pp. 133–167.
- Zagidullina M.V., 2012. Pradedushka Arkaim [Great-grandfather Arkaim]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Igorya Rozina. 104 p.
- Zapovednik "Arkaim": karta-skema ekskursionnykh ob'ektov: buklet [Concervation area "Arkaim": map-scheme of the excursion objects]. Gosudarstvennoe uchrzhdienie kul'tury Istoriko-kul'turnyy zapovednik oblastnogo znacheniya "Arkaim".
- Zaykov V.V., Zdanovich S.Ya., 2000. Kamennye izdeliya i mineral'no-syr'evaya baza kamennoy industrii "Arkaima" [Stone makes and mineral-raw base of the stone industry of "Arkaim"]. *Arkheologicheskii istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy [Archaeological source and modeling of ancient technologies]*. S.Ya. Zdanovich, ed. Chelyabinsk, pp. 73–94.
- Zdanovich D.G., Kogan E.I., Orlova N.N., 1999. Arkaim: 1987–1997: bibliograficheskii ukazatel' [Arkaim: 1987–1997: bibliographic index]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 120 p.
- Zdanovich D.G., 2011. "Arii na Urale": terminy i mify ["Arii in the Ural": terms and myths]. *Arkaim: mezhdunarodnyy sbornik nauchno-populyarnykh statey [Arkaim: between the past and the future: collection of science-fictional articles]*. E.V. Kupriyanova, comp. Chelyabinsk, pp. 184–191.
- Zdanovich D.G., Volgin V.A., Shtoler N.N., 2007. Bibliograficheskii ukazatel' nauchnoy literatury po teme «Arkaim i "Strana gorodov"» [Bibliographic index of scientific literature on the topic «Arkaim and "Country of cities"»]. Zdanovich G.B., Batanina I.M. *Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy [Arkaim – Country of cities: space and images]*. Chelyabinsk: Izdatel'stvo "Krokus", pp. 210–256.
- Zdanovich G.B., 1988. Gorodishche Arkaim po raskopkam 1987 goda: otchet [The settlement Arkaim on the excavations of 1987: report]. Chelyabinsk. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of Institute of Archaeology of RAS]*. R-I, № 12273. 25 p., ill.
- Zdanovich G.B., 1989. Polevye issledovaniya na poselenii Arkaim v 1988 godu: otchet [Field researches at the settlement Arkaim in 1988: report], I. Chelyabinsk. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of Institute of Archaeology of RAS]*, R-I, № 13206. 39 p., ill.
- Zdanovich G.B., 1989. Polevye issledovaniya na poselenii Arkaim v 1988 godu: otchet [Field researches at the settlement Arkaim in 1988: report], II. Chelyabinsk. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of Institute of Archaeology of RAS]*, R-I, № 13207. 59 p., ill.
- Zdanovich G.B., 1989. Polevye issledovaniya na poselenii Arkaim v 1988 godu: otchet [Field researches at the settlement Arkaim in 1988: report], III. Chelyabinsk. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of Institute of Archaeology of RAS]*, R-I, № 13208. 70 p., ill.
- Zdanovich G.B., 1990. Rabota Uralo-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na poselenii bronzovogo veka Arkaim v Bredinskom rayone Chelyabinskoy oblasti v 1989 godu: otchet [Work of Ural-Kazakhstan archaeological expedition at the settlement of the Bronze Age Arkaim in Bredinsk region of Chelyabinskaya Oblast in 1989: report], I. Chelyabinsk. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of Institute of Archaeology of RAS]*, R-I, № 13653. 50 p., ill.
- Zdanovich G.B., 1990. Rabota Uralo-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na poselenii bronzovogo veka Arkaim v Bredinskom rayone Chelyabinskoy oblasti v 1989 godu: otchet [Work of Ural-Kazakhstan archaeological expedition at the settlement of the Bronze Age Arkaim in Bredinsk region of Chelyabinskaya Oblast in 1989: report], II. Chelyabinsk. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of Institute of Archaeology of RAS]*, R-I, № 13654. 51 p., ill.
- Zdanovich G.B., 1995. Arkaim: arii na Urale ili nesostoyavshayasya tsivilizatsiya [Arkaim: arii in the Ural or a frustrated civilization]. *Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya: sbornik nauchno-populyarnykh statey [Arkaim: Studies. Researches. Discoveries: collection of science-fictional articles]*. N.O. Ivanova, comp. Chelyabinsk: Tvorcheskoe ob'edinenie "Kamennyy poyas", pp. 21–42.
- Zdanovich G.B., Batanina I.M., 2007. Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy [Arkaim – Country of cities: Space and images]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo "Krokus". 260 p.
- Zdanovich G.B., Malyutina T.S., 2014. Arkheologicheskii predmet v kul'turnom sloe ukreplennogo poseleniya (po materialam poseleniya Arkaim) [Artifacts in cultural layer of a fortified settlement (following Arkaim settlement materials)]. *Povolzhskiy pedagogicheskii vestnik [Povolzhskiy pedagogical journal]*, 3.

РОЛЬ С.Ф. ПЛАТОНОВА В ИЗДАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

© 2015 г. В.В. Митрофанов

Филиал Южно-Уральского государственного университета, Нижневартовск (viktor-n1962@mail.ru)

С.Ф. Платонов сыграл важную роль в подготовке и проведении Второго областного Археологического съезда, состоявшегося в Твери в 1903 г. Одному значимому эпизоду этой подготовки – публикации археологической карты Тверской губернии – посвящена настоящая статья. В приложении публикуется переписка С.Ф. Платонова с В.А. Плетневым по этому вопросу, позволяющая в полной мере определить роль С.Ф. Платонова в столь важном мероприятии.

Ключевые слова: С.Ф. Платонов, В.А. Плетнев, археологическая карта, областной Археологический съезд, Тверская губернская ученая архивная комиссия, переписка, оттиски.

Начало XX в. ознаменовалось редкой, хотя и не продолжительной по своей значимости инициативой, способствовавшей всплеску интереса к археологии в российской провинции: организацией и проведением областных Археологических съездов (1901 г. – в Ярославле, 1903 г. – в Твери, 1906 г. – во Владимире, 1909 г. – в Костроме), одним из идейных вдохновителей созывов и активным участником подготовки и проведения которых выступил С.Ф. Платонов. Его интерес к археологии подтверждается многими фактами (Митрофанов, 2011а. С. 123–129). Публикуемая переписка позволяет утверждать, что Сергей Федорович являлся главным организатором издания археологической карты Тверской губернии (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 225).

В ходе подготовки Второго областного Археологического съезда возник вопрос об издании к его началу археологической карты всего Волжского региона. 20 апреля 1902 г. на заседании оргкомитета по созыву съезда С.Ф. Платонов (Труды..., 1906. С. II) предложил свое участие в отыскании десятиверстной карты в военных архивах столицы, которая вскоре поступила из фондов Военно-учебного архива г. Санкт-Петербурга, а затем, его же стараниями, была издана в столичном картографическом заведении А.А. Ильина (Отчет..., 1902. С. 18). Этот малоизвестный факт сотрудничества комиссии с С.Ф. Платоновым (Митрофанов, 2011б. С. 173) в полной мере можно проследить по публикуемой переписке С.Ф. Платонова с В.А. Плетневым.

В.А. Плетнев – известный археолог (Архив ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 109; Плетнев, 1884; 1903; Архив ИИМК. Ф. 1. 1898. Д. 135), в оценке Л.М. Соориной – “один из самых активных и работоспособных” (2003. С. 3–16) членов ТГУАК с 1884 г.

Основной труд В.А. Плетнева – “Об остатках древности и старины в Тверской губернии” (с приложением археологической карты), изданный в период подготовки к Археологическому съезду в 1903 г., не потерял своей актуальности и по-прежнему продолжает привлекать специалистов.

На одном из заседаний тверского областного Археологического съезда А.А. Спицын, давая оценку книге В.А. Плетнева, сказал: “... теперь сведения эти изданы вновь и имеют вид капитального труда, без которого не обойдется ни один исследователь истории Тверского края” (Труды..., 1906. С. XLIII).

Недавно Е.Н. Жукова в своем диссертационном исследовании четвертый параграф отвела вопросу об “Информационных возможностях археологической карты губернии (Тверской. – В.М.) начала XX в.” (2005).

Взаимный обмен письмами между С.Ф. Платоновым и В.А. Плетневым долгое время не привлекал внимания исследователей, но этот эпистолярный комплекс является главным источником, показывающим, как разрешались непростые проблемы, добровольно принятые на себя авторитетным ученым, по изданию карты для Археологического съезда.

Знакомство С.Ф. Платонова и В.А. Плетнева продолжалось многие годы: их объединял, прежде всего, интерес к археологии Тверского края. В одном из писем к И.А. Иванову из Свапуши, датированном 22 июня 1910 г., С.Ф. Платонов так вспоминает о В.А. Плетневе: “И раскопки мне не улыбаются! В одиночку за них не возьмусь. Приезжайте сами или пошлите (с ружьем и собакой) В.А. Плетнева: тогда покопаем” (Академик С.Ф. Платонов..., 2003. С. 138).

Папка с письмами тверского археолога хранится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, личном фонде (585) С.Ф. Платонова и насчитывает 12 писем (1898-1, 1902-4, 1903-4, 1904-1, 1910-1, 1914 (предполагаемый год)-1) объемом 20 листов (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 1–20) различного формата за 1898–1910 гг. Следует заметить, что датировка ее окончания, по всей видимости, неточная. Несмотря на то что установить дату последнего письма трудно, с уверенностью можно сказать, что оно было написано после 1910 г., вероятно, во время Первой мировой войны – это следует из его содержания.

Письма С.Ф. Платонова находятся в Государственном архиве Тверской области, в фонде В.А. Плетнева (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 927. Л. 1–19) и датируются 1902–1903 гг.

Переписку дух ученых нельзя назвать активной и продолжительной, но она является важным свидетельством деятельного участия С.Ф. Платонова в жизни ТГУАК; его организаторских усилий в издании археологической карты.

За свою активную деятельность по подготовке карты к печати С.Ф. Платонов неоднократно получал благодарности. О его добросовестности по выполнению взятых на себя обязательств свидетельствует небольшая записка В.А. Плетнев от 4 мая 1902 г., направленная председателю Тверской комиссии И.А. Иванову, где он писал: “Не могу не поделиться с Вами приятной вестью, полученной сегодня от С.Ф. Платонова. До какой степени он обязателен: сегодня уже высылает бледные оттиски карты” (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 927. Л. 16).

Следовательно, публикуемые материалы – еще одно подтверждение тому, что С.Ф. Платонов был заинтересованным археологом-профессионалом. При этом необходимо учитывать, что под археологией тогда понимали науку, включающую “целый комплекс вспомогательных исторических дисциплин, исследующих разнохарактерные источники и не только вещественные” (Тихонов, 2011. С. 351). Письма свидетельствуют о той ответственности, с которой С.Ф. Платонов подходил к своим обещаниям, очерчивают круг людей, которых он привлек в столице для оказания помощи провинциальному археологу. Они расположены в хронологической последовательности, под сплошной нумерацией, сокращения раскрываются в квадратных скобках. Тексты печатаются по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей текста.

ПЕРЕПИСКА

С.Ф. ПЛАТОНОВА и В.А. ПЛЕТНЕВА

№ 1

14. 02. 1898. Тверь

Милостивый государь,
Сергей Федорович!

Отправляю к Вам обычные листы описания курганов и городищ в Тверской губернии.

Сохранив самые лучшие воспоминания о Вас и о тех дорогих минутах, которые выпали на мою долю при свидании с Вами¹, остаюсь с чувствами глубочайшего к Вам уважения и совершенной преданности покорнейшим слугою Вашим, Владимир Плетнев (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 1).

№ 2

Многоуважаемый Владимир Алексеевич!

Очень жалею, что не видал Вас сегодня. Не загляните ли вечером во вторник или в среду? Не посетуйте, если не смогу повторить это приглашение лично.

Искренний слуга Ваш. Платонов.

02. 03. [1902] (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 927. Л. 12).

№ 3

25. 04. 1902

С-Петербург, Николаевская, 61

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич!

Пишу Вам, чтобы исполнить обещание, хотя еще ничего не достиг положительного в делах с картою. У Ильина² мне сказали, что они не затруднятся исполнить Ваше желание, если им можно будет пользоваться бледными оттисками десятиверстной карты Главного штаба. Напротив, им трудно будет самим увеличивать (волной) Ваш оригинал. Печа-

¹ О пребывании в Твери в конце 1897 – начале 1898 г. С.Ф. Платонов писал: “Со стороны В.И. Колосова (с 1886 г. – член ТГУАК, а с 1896 г. – товарищ ее председателя; с 19 марта 1896 г. – хранитель музея. – В.М.) я встретил самое внимательное отношение и отменную любезность, равно и другие деятели архивной комиссии, а именно председатель Тверской казенной палаты Иван Александрович Иванов и старший советник Тверского Губернского Правления Владимир Алексеевич Плетнев оказали мне прекрасный прием и дали ценные указания для ознакомления с делами музея” (Митрофанов, 2011б. С. 362).

² “Картографическое заведение А.А. Ильина” – первое специализированное картографическое предприятие в России. Основано в 1859 г. капитаном Генштаба А.А. Ильиным и полковником В. Полторацким как литография для издания учебных исторических карт для военно-учебных заведений (помещалась на Екатерининском канале у Вознесенского моста). В 1918 г. было национализировано и преобразовано в “Первое государственное картографическое заведение”.

тание будет недорого, если Вы согласитесь уменьшить масштаб так, чтобы вся карта уместилась на одном листе размером 24×32 или 25×33 дюйма³. За печать каждой краски (у Вас их четыре) – по 2 коп. с листа. После этой беседы я отправился искать начальника военно-ученого архива генерала Мышлаевского,⁴ чтобы добыть бесплатно “бледные оттиски”. Но до сегодня еще не удалось его найти в архиве и я пишу ему, прося свидания. С его помощью я надеюсь даром для Вашей комиссии получить право воспроизведения этих оттисков, обыкновенно оплачиваемое 25 руб. с листа. Вот пока и все. Извините за малое и не откажите известить, удобным ли для Вас кажется предлагаемый размер 25×33 дюйма?

Позвольте в Вашем лице еще раз поблагодарить Тверь за доброе гостеприимство и крепко пожать Вашу руку.

Искренне преданный Вам, Платонов.

PS. Если придется писать прошение о даровом пользовании бледными оттисками, можно не писать, что это для Вашей комиссии, и подписаться “член комиссии”? (ГАТО. Ф. 103. Оп.1. Д. 927. Л. 13, 14об.).

№ 4

27. 04. 1902

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Не нахожу слов достаточно благодарить Вас за принятый на себя труд в деле напечатания карты⁵. Простите, что я доставил Вам столько хлопот. Но если Вам удастся получить права бесплатного воспроизведения бледных оттисков десятиверстной карты Главного штаба⁶, то можно будет сказать, что все главное достигнуто, потому что размер листа 25×33 дюйма надобно считать достаточным. В прошении о даровом пользовании бледными от-

тисками есть полное основание писать, что оттиски испрашиваются для Тверской архивной комиссии и подписаться “член комиссии”⁷, так как самое издание карты будет от архивной комиссии. Ваши любезные слова на счет приема в Твери⁸ я с особым удовольствием при первом же свидании передам всем участникам счастливого случая видеть Вас среди глубоко почитающих Вас тверичей.

Со своей стороны уверен, что буду вполне солидарен с членами предварительного съезда⁹, если выскажу Вам бесконечную благодарность за Ваше дорогое участие в этом съезде, все существенные решения которого продиктованы Вами.

Искренно преданный Вам, благодарный и готовый к услугам, Вл. Плетнев (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 2, 3).

№ 5

30 апреля 1902

Глубокоуважаемый Владимир Андреевич!

Я виделся с генералом Мышлаевским, и он распорядился отпечатать для Вас по пять бледных оттисков тех листов десятиверстной карты, на которых есть ваша губерния. Я вышлю Вам эти оттиски. По отзыву Мышлаевского и “Заведения” Ильина далее надлежит поступить так: склеив листы, “поднять” на них, т.е. обвести тушью или чернилами, реки и названия, для Вас желательные, и расставить все условные знаки тоже тушью, так чтобы был нарисован на бледном оригинале желаемой карты, но в красках на весь черный. Этот оригинал мы передадим Ильину, и он отпечатает в любом формате (уменьшив, как Вы хотите) корректурный оттиск, на котором возможны будут поправки и дополнения и на который должно нанести краски. С этой исправленной и расцвеченной красками корректуры будет отпечатана карта. Она на одном листе (25×33) будет стоить около 100 руб. да за каждую краску по 2 коп. с экземпляра.

Удобна ли для Вас вся эта процедура? И нет ли в ней для Вас чего-либо неясного и непонятного? Найдется в Твери чертежник, чтобы поднять карту на бледном оттиске? Если нет, то поищем здесь, если только это для Вас кажется возможным.

Большое спасибо Вам за доброе отношение ко мне, за любезное письмо Ваше.

Ваш усердный слуга, Платонов (ГАТО. Ф. 103. Оп.1. Д. 927. Л. 8, 9об.).

³ Сноска в письме: Мы предполагали размеры в два листа.

⁴ Мышлаевский Александр Захарьевич (1856–1920) – русский военный деятель и историк, генерал от инфантерии (1912 г.). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1877 г.) и Академию Генштаба (1884 г.). С 1898 г. – профессор Академии Генштаба, в 1899–1904 гг. – одновременно и начальник Военно-ученого архива Главного штаба. В 1908–1909 гг. – начальник Главного штаба, в марте–сентябре 1909 г. – начальник Генерального штаба. С 1913 г. – помощник наместника на Кавказе по военной части. В начале Первой мировой войны – помощник главнокомандующего Кавказской армией, с марта 1915 г. – в отставке. Занимался изучением русской военной истории XVIII в., отстаивая идею самобытности русского военного искусства. А.З. Мышлаевскому принадлежит большая заслуга в публикации многих архивных материалов.

⁵ Речь идет об археологической карте Тверской губернии.

⁶ Речь идет об оттисках, подготовленных для “Специальной карты Европейской России”, которая была издана военно-топографическим отделом Главного штаба под редакцией И.А. Стрельбицкого в масштабе 10 верст в дюйме.

⁷ С.Ф. Платонов был избран в члены комиссии в 1898 г., с 6 октября 1903 г. стал почетным ее членом.

⁸ 20 апреля 1902 г. С.Ф. Платонов принимал участие в совещании оргкомитета по созыву Второго областного Археологического съезда, проходившего в Твери.

⁹ Имеется в виду заседание упомянутого оргкомитета.

№ 6

2 мая 1902

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Вновь усерднейше благодарю Вас за все сделанное с такою необыкновенною любезностью, с таким важным для нас успехом и в такое короткое время. Все предложенные условия работы и платы при даровых бледных оттисках десятиверстной карты вполне подходящи.

Вчера я докладывал начальнику губернии¹⁰ и как раз случившемуся в собрании Архивной Комиссии содержание Ваших любезных писем. Высказанное Вами насчет приема в Твери принято с живейшим удовольствием и комиссией постановлено выразить Вам искреннюю благодарность за дорогое содействие в деле издания карты.

В Твери найдется чертежник, способный поднять на бледном оттиске все необходимое. А затем представляется вполне удобным весьма ясно описываемый Вами способ выполнения карты, которую комиссия предложила отпечатать в тысячу экземпляров.

Еще раз много-много благодарю Вас, глубокоуважаемый Сергей Федорович, и прошу выразить чувство самого искреннего к Вам уважения и неизменной преданности.

Ваш покорнейший слуга, Вл. Плетнев (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 4, 5).

№ 7

4 мая 1902

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич!

Сегодня высылаю Вам бледные оттиски в четырех экземплярах, пятый на всякий случай позволил оставить у себя. Думаю, что и посланных для Ваших работ за глаза достаточно, но если надо, вышлю и оставленный экземпляр.

Итак, карту Вы изготовите вполне и окончательно, но одною черною краской. Все цветные отметки наносятся в корректуре. Условные археологические обозначения делаются теперь же, но черною краской на корректурных оттисках. Рад искренно быть Вам и Вашей комиссии чем-нибудь полезным.

Знаете ли Вы, что имп[ераторская] Археологическая Комиссия ассигновала сумму на раскопки для Вашего съезда? Проведет их А.А. Спицын¹¹,

который, вероятно, скоро спишется с комиссией Тверской.

Мой низкий поклон всем тверичам, с которыми я имел удовольствие познакомиться. Вас же искреннейшее благодарю за Ваши добрые письма, в которых Вы так много балуете мое самолюбие, и прошу принять сердечно выражение моего уважения и преданности к Вам, слуга Ваш, Платонов.

PS. Вашу карту просил у меня на короткое время А.А. Спицын. Человек он верный и я не решился ему отказать (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 927. Л. 10, 11).

№ 8

8 мая 1902

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

От всей души и без конца благодарю Вас за в высшей степени обязательную и существенную помощь в деле издания нашей карты. В воскресенье 5-го числа я получил Ваше дорогое письмо, а в следующие дни – повестку и сами листы бледной карты. Пишу об этом только 8-го числа, потому что заболел и 4-го лежал в постели до вчерашнего дня, теперь стал поправляться, но еще не выхожу. Четыре экземпляра именно за глаза, остальные, или хотя два, вероятно, останутся в запасе, если не перепортим. С первым выходом надеюсь приступить к установке работы, которую поведем по Вашим указаниям. А при свидании со знакомыми Вам тверичам передам им Ваш поклон. Очень приятно было узнать от Вас, что Императорская Археологическая Комиссия¹² поручает А.А. Спицыну раскопки для

В «Трудах...» читаем: «Руководителем таких исследований был член Императорской Археологической комиссии А.А. Спицын, а сотрудниками его – г-жа Ю.Г. Гендуне и гг. Макаренко, Гатцук и Репников» (1906. С. XXVII). А в «Отчетах Императорской Археологической комиссии за 1903 г.» перечислены все раскопки, проведенные в предсъездовский период. Сам А.А. Спицын совершил поездки на оз. Кафтино и Бологое, были раскопаны городище Дьякова типа в Валдайском уезде в имении г. Симановского, в Бологом раскопка А.А. Спицыным проведена в имении князя И.П. Путятина близ с. Вознесения Романово-Борисоглебского уезда, в 20 верстах от Рыбинска. Н.Е. Макаренко исследовал древние городища по тверскому течению Волги: при с. Фомино-Городище, у д. Колчеватиной, с. Юрьевского, д. Горки, д. Игутьевой, д. Коленицы, с. Избрижъя, с. Моркина Городище, с. Мухино Городище, д. Дуденовой, д. Прислон, на Лихачевском городище, раскопаны четыре кургана XIII в. близ д. Свистуновой, Старицкого уезда. В.Н. Глазов совершил поездку на среднее течение р. Мсты в Крестецкий уезд, раскопал курган у д. Далева, Дубровка, Низовкеа Борк (Отчет..., 1906. С. 123–125). Результаты раскопок были опубликованы (Известия..., 1904. С. 6–11, 65–78, 79–100; Записки..., 1905).

¹² Археологическая комиссия – организационный и научный центр русской дореволюционной археологии, была основана в 1859 г. В 1889 г. она получила исключительное право разрешать и контролировать раскопки на государственных

¹⁰ В это время губернатором Тверской губернии был князь, тайный советник Н.Д. Голицын.

¹¹ Спицын Александр Андреевич (1858–1931) – русский, советский археолог, член-корреспондент АН СССР (1927 г.), сотрудник археологической комиссии (1892 г.). А.А. Спицын будет активно заниматься археологией Поволжья и Тверской губернии (Архив ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 96. 15; Записки..., 1903; Труды..., 1906; Архив ИИМК. Ф. 2. 1921. Д. 91; Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 267).

Тверского съезда и буду рад, если переданная ему карта окажется сколько-нибудь для него полезной.

Нам же она понадобится нескоро. Много времени уйдет на поднятие десятиверстной карты и нанесение на нее всего археологического, что теперь есть и что будет.

Желаю Вам всего лучшего, остаюсь душевно преданным и истинно уважающим Вас покорным слугою. Вл. Плетнев (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 6, 7).

№ 9

19 мая 1902

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич!

Пишу Вам на деликатную тему и конфиденциально. На днях приедет к Вам для организации раскопок А.А. Спицын. Вам надо знать, что это человек совершенно чуждый житейских условностей. Вопреки моим советам он, вероятно, будет уклоняться от визитов и трапез и даже не привезет с собою сюртука. При идеальной мягкости и задушевности он не лишен некоторой внешней условности. Считаю своим долгом предупредить Вас (которого А.А. Спицын очень уважает) в этих обстоятельствах для того, чтобы, во-первых, тверичи не обижались, если Александр Андреевич будет держаться букою, во-вторых, чтобы они не льнули к нему и не “потчевали” его, и, в-третьих, чтобы они верили, что он не имеет никаких предубеждений и недовольства ни против ни одного человека в Твери. Иначе, я боюсь, может выйти недоразумение, вредное для общего дела. Со своей стороны даю Вам слово, что это мое письмо не содержит задних мыслей и что его следует понимать по его прямому смыслу. Было бы горько, если бы Тверь не ужилась с человеком, который готов много¹³ и бескорыстно поработать для Тверского съезда.

Видел я здесь Б.В. Штюмерера, ярославского губернатора. Он очень жалеет, что в Ярославле поздно получили приглашение на 20 апреля¹⁴ (едва ли не накануне), и говорит, что только поэтому не послали своего представителя. Приготовлениями к съезду он интересуется очень живо и, вероятно, будет гостем на съезде.

Извините, что я решил обратиться к Вам с интимнейшим делом: я рассчитываю, что Ваше доб-

рое ко мне расположение истолкует мой поступок в хорошую сторону.

Искренний слуга Ваш, Платонов (ГАТО. Ф. 103. Оп.1. Д. 927. Л. 6, 7об.).

№ 10

21 мая 1902

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Ваше предупреждение как нельзя более кстати. И я постараюсь воспользоваться им в должной мере.

Александр Андреевич в письме к Ивану Александровичу Иванову¹⁵ дал самое точное расписание к архивной комиссии и что должно состояться во время пребывания его с его сотрудниками в Твери. Настойчиво просил не встречать их и ни в каком отношении не устраивать – они все сделают сами, и вообще не предпринимать ничего, что не входит в изложенные им планы, и объявил, что ему хочется быть господином своего времени.

Между тем Иван Александрович предполагал встретить приезжих гостей на железной дороге, там позавтракать и потом уже заниматься делом по плану Александра Андреевича.

Теперь Ив[ан] Александрович в Ржеве, приедет оттуда завтра, и я его немедленно познакомлю с тем, что Вы мне сообщили.

Примите душевную благодарность за Ваше многозначное уведомление и верьте искреннему уважению и сердечной преданности Вашего покорного слуги. Вл. Плетнев (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 8, 9).

№ 11

31 марта 1903

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Сердечно благодарю Вас за любезное приглашение, должен сказать, что к крайнему огорчению моему не попал к Вам вечером, потому что вернулся домой со службы уже в первом часу ночи.

Дело в том, что я вызван сюда, в Министерство Вн[утренних] дел, для занятий по преобразованию губернских учреждений и все время, с утра до поздней ночи, провожу вместе с другими в Департаменте общих дел. Работой очень спешат и домой заходить не приходится, обедаем где-нибудь поближе. Это все хорошо, но беда моя в том, что составление археологической карты и к ней текста приостановилось. Пока списано все, на что нашлось материалов, и написаны обозначения на карту по всем поволжским уездам, осталось пять уездов.

городских и крестьянских землях. Комиссия вела работу по охране и реставрации монументальных памятников старины. В 1919 г. была ликвидирована и функции руководящего центра советской археологии были возложены на вновь организованную в Петрограде РАИМК.

¹³ Подчеркнуто С.Ф. Платоновым.

¹⁴ 20 апреля 1902 г. в Твери проходило заседание оргкомитета по созыву областного съезда.

¹⁵ Иванов Иван Александрович (1850–1927) – историк, краевед, управляющий Тверской казенной палатой (1896–1917), председатель ТУАК (1899–1918).

Не знаю, когда отсюда отпустят. Если не скоро, то едва ли карта успеет к съезду. Кроме закончания моей работы, потребуется время на печатание, корректуру и пр.

Вот этим-то горем мне и хотелось поделиться с Вами, глубокоуважаемый Сергей Федорович: Ваша помощь в деле составления карты была так велика и существенна, и я был в полной уверенности, что окончу работу в свое время, и вдруг неожиданный перерыв (у меня еще пропало время летом – поездка в Крым – лечился грязями от ревматизма).

Во всяком случае рано или поздно вернусь в свой город, приму все старания, чтобы окончить свое дело, и если карта не успеет к съезду, то появится немного позже.

С истинным уважением, глубоко преданный, Вл. Плетнев.

PS. Только собрался отправлять это письмо, как получил Ваше. Непременно буду, только не могу определенно сказать, во вторник или в среду, но в один из этих дней. Не могу определить дня, потому что случаются заседания, о которых не было заблаговременного извещения. В[ладимир] П[летнев] (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 10, 11об.).

№ 12

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

При всех усилиях окончить как можно скорее составление археологической карты и к ней текста, едва теперь подхожу к окончанию этой работы. Причины замедления: поездка в прошлом году в Крым для лечения и в нынешнем в Петербург (на обе ушло около четырех месяцев), масса разных служебных занятий, разыскания, не всегда удачные, материалов, поздно временное их получение и возня с множеством из них неясностями и противоречиями. Осталось работы, главным образом, чертежной дней на десять. Вы были так великодушны, разрешили мне прислать к Вам в мае набело составленную карту для отдачи в печать.

Не откажите, глубокоуважаемый Сергей Федорович, уведомить, могу ли я за таким опозданием доставить Вам карту в первой половине июня и просить Вашего содействия к напечатанию ее на условиях, сообщенных Вами в прошлом году, или на других. Если личное Ваше участие в этом деле теперь уже невозможно, то будьте, как всегда любезны, научите, что, как и где надобно будет сделать, чтобы карту напечатали.

Истинно уважающий и глубоко преданный Вам, Владимир Плетнев. Тверь, 31 мая 1903 (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 12, 13).

№ 13

1 июня [1]903

Многоуважаемый Владимир Алексеевич!

Уезжаю из С-Петербурга 5-го июня. Все, что могу теперь сделать, – это справиться у Ильина, успеют ли сделать Ваш заказ к августу (в чем сомневаюсь); а 20-го июня, будучи на день в С-Петербурге, могу опять справиться, идет ли дело (буде Вы пришлете заказ). Посылайте прямо в “Заведение Ильина. Пряжка № 5”, а меня известите, когда пошлете. О результатах справки я извещу Вас после 5-го июня.

Ваш усердный слуга, Платонов.

PS. С 5-го числа мой адрес: Меррекуль. Эстляндская губерния, д. № 85 (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 927. Л. 3, 3 об.).

№ 14

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Только третьего дня окончены были чертежные работы по составлению археологической карты и, исполненная набело, она вчера отправлена в картографическое заведение Ильина с просьбою напечатать тысячу экземпляров на условиях, которые Вы любезно сообщили в прошлом году.

Отпечатание к съезду состояться, конечно, не может, и к тому времени я предполагаю составить от руки расцвеченную карту для предъявления гг. членам съезда, а отпечатанную можно будет разослать им по изготовлению.

Текст к карте печатается, готово четыре уезда, что составило 10 печатных листов в 1/8.

Мои надежды окончить чертежную работу хотя бы в начале июня не оправдались, потому что оказалось не так просто расположить на карте нумера местностей, где есть остатки древности, как это представлялось сначала: ход изложения в тексте не всегда сходен с тою последовательностью обозначений на карте, которые лучше подходили бы по географическому расположению мест. Притом недостаток времени, поглощаемый требованиями службы, как у меня, так и у чертежника.

Простите, что утруждаю Вас, глубокоуважаемый Сергей Федорович, этими сообщениями. Но Вы так много, так радушно сделали для выполнения карты, что я, полный самой искренней и безграничной признательности к Вам, не мог умолчать перед Вами о положении дела, так замедленного.

С истинным уважением и глубокою преданностью остаюсь Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Тверь. 11 июля [1]903. Вл. Плетнев (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1 Ч. 2. Д. 3863. Л. 14, 15).

№ 15

Тверь. 30.10.1903

Ваше Превосходительство,
глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Не откажите принять прилагаемую книгу¹⁶ как слабый знак моего глубочайшего к Вам почтения и самой искренней благодарности за Ваше дорогое внимание ко мне и к предпринятой мною работе для бывшего в Твери археологического съезда, а также за Вашу существенную помощь в деле изготовления археологической карты нашей губернии.

Карту я не замедлю доставить Вам по получении от Ильина. Не знаю только, скоро ли состоится ее отпечатание: до сих пор еще не присылали корректуры. От души желая Вам всего лучшего, остаюсь Вашего превосходительства покорнейшим слугою, Вл. Плетнев.

PS. Книга отправлена посылкой (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 16).

№ 16

Директор Женского Педагогического Института
14.11.1903

Глубокоуважаемый Владимир Алексеевич!

Сердечное и дружеское Вам спасибо за Вашу фундаментальную книгу и за доброе в ней упоминание обо мне. От души желаю книге успеха и распространения, Вас же поздравляю с ее окончанием.

Искренне уважающий Вас, усердный слуга Ваш,
Платонов (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 927. Л. 2).

№ 17

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Поздравляя Вас с праздником Воскресения Христова и желая всего лучшего, прошу Вас принять от меня экземпляр только на днях полученной здесь археологической карты Тверской губернии и вновь искренно и бесконечно благодарю Вас за ту существенную помощь, которая так много облегчила издание карты.

Истинно уважающий, глубоко преданный и всегда готовый к услугам, Ваш покорнейший слуга,
Владимир Плетнев.

Тверь, 26 марта 1904.

PS. Карта отправлена отдельно, посылкой (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 17).

№ 18

1 мая 1910

Ваше превосходительство,
глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Примите самую глубокую, самую искреннюю благодарность мою за новый знак Вашего ко мне внимания – дорогой подарок, прекрасную книгу Вашу¹⁷. Первую часть этой книги, как только она появилась в Твери, я, если можно так выразиться, проглотил чуть не в один присест, до того увлекает ее захватывающее изложение, такое же ясное, стройное и поучительное, как и Ваши чарующие лекции¹⁸, которые Вы, время от времени, щедро дарите нам, тверичам, глубоко Вам за это благодарным.

С большим нетерпением я ждал выхода последующих частей Истории и позволил себе обратиться к Вам с вопросом, когда можно рассчитывать на их издание, а Вы, истинно уважаемый и добрый Сергей Федорович, не только сказали мне, что 2-я часть Истории издана, но прислали мне и самую книгу. От всего сердца бесконечно благодарю Вас и, желая Вам доброго здоровья на многие лета и всякого благополучия, остаюсь глубоко преданным Вам усердным почитателем Вашим и покорным слугою. Владимир Плетнев (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 18, 18об.).

№ 19

21.06.б/г.

Карандашная помета, рукой С.Ф. Платонова: “Плетнев”.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Я уже столько обязан Вашей доброте и сердечности, что сейчас снова беспокою Вас с тяжелым сердцем, но знаю Вас и люблю так давно, что мне хватит духу опять прибегать к Вашему протекторату. Уехать отсюда пока совершенно невысказано. Железнодорожный путь разрушен, а, главное, мне за 50 верст невысказано приехать в Полтаву, так как кругом война: пропускают одни, проверяют другие. Дом мой полуразрушен, постройки также, а сад порублен. Буду ли жив сегодня, не ведаю, но... (далее текст, написанный чернилами, не читается) (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 19).

¹⁷ Речь идет об “Учебнике русской истории” С.Ф. Платонова, который впервые был издан двумя частями в 1909–1910 гг.

¹⁸ С.Ф. Платонов 29, 30 и 31 мая 1904 г. в Твери на церковно-археологических курсах прочитал цикл из 10 лекций, посвященных периоду от Смутного времени до Петра Великого. 8 апреля 1906 г. – две лекции: “Земские соборы Московской Руси” и “Петр Великий в русской исторической науке”; 27 апреля 1910 г. выступил с речью “О значении Смуты в развитии нашей государственности”; в 1912 г. прочитал лекции, конспекты которых вскоре были опубликованы (Лекции..., 1913; Митрофанов, 2011б. С. 366, 367, 369, 371, 372–379).

¹⁶ Плетнев В.А. “Об остатках древности и старины в Тверской губернии (с приложением археологической карты губернии)” (Тверь, 1903). Книга, содержащая сведения об археологических находках, о стоянках людей, городищах, курганах, деревнях, старинных заброшенных кладбищах, камнях и крестах с загадочными надписями и пр. Как явствует из письма, получила высокую оценку авторитетного историка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками / Ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2003. Т. 1. 388 с.
- Жукова Е.Н. Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 400 с.
- Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского Археологического общества. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1903.
- Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского Археологического общества. Вып. 1. Т. 7. СПб., 1905.
- Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 6. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1904. 123 с.
- Лекции по русской истории проф. С.Ф. Платонова, читанные на тверских церковно-археологических курсах 28–30 мая 1912. Тверь: Губернская тип., 1913. 47 с.
- Митрофанов В.В. Археологические занятия С.Ф. Платонова // РА. 2011а. № 1. С. 123–129.
- Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011б. 501 с.
- Отчет о деятельности Тверской губернской ученой архивной комиссии за 1902 год. Тверь: Губернская тип., 1902. 27 с.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1903 год. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1906. 246 с.
- Плетнев В. О курганах и городищах в Тверской губернии // Тверские губернские ведомости. 1884 г. 21 апреля. С. 74.
- Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии (с приложением археологической карты). Тверь: Тип. губернского правления, 1903. 607 с.
- Сорина Л.М. Тверская губернская ученая архивная комиссия и подготовка Второго областного Тверского археологического съезда (10–20 августа 1903 года) // К 100-летию Второго областного Тверского археологического съезда (10–20 августа 1903 года) / Сост. Л.М. Сорина и др. Тверь, 2003. С. 3–16.
- Тихонов И.Л. С.Ф. Платонов и А.А. Спицын // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 347–361.
- Труды Второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь: Тип. губернского правления, 1906. 19 л.

THE ROLE OF S.F. PLATONOV IN THE PUBLICATION OF THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF TVER PROVINCE

Victor V. Mitrofanov

Department of South Ural State University, Nizhnevartovsk
(victor-n1962@mail.ru)

S.F. Platonov played an important role in the preparation and holding of the second regional Archaeological Congress which took place in Tver in 1903. This article is devoted to one of the significant episodes of that preparation – the publication of the archaeological map of Tver Province. In the appendix the correspondence of S.F. Platonov with V.A. Pletnev on this account is published, which allows identifying entirely the role of S.F. Platonov in such an important event.

Key words: S.F. Platonov, V.A. Pletnev, archaeological map, regional Archaeological Congress, Tver provincial Scientific Committee, correspondence, reprint.

REFERENCES

- Akademik S.F. Platonov: Perepiska s istorikami [Academician S.F. Platonov: correspondence with historians], 2003. 1. S.O. Shmidt, ed. Moscow: Nauka. 388 p.
- Zhukova E.N., 2005. Izuchenie arkheologicheskikh pamyatnikov v Tverskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – pervoy trety XX v.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The examination of the archaeological sites of Tver Province in the second half of 19 – first third of 20 cc.: thors' stract...candidate of historical sciences]. Moscow. 400 p.
- Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo russkogo Arkheologicheskogo obshchestva

- [Proceedings of the Department of Russian and Slavic archaeology of the Russian archaeological society], 1903. T. 5, vyp. 1. St. Petersburg.
- Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo russkogo Arkheologicheskogo obshchestva [Proceedings of the Department of Russian and Slavic archaeology of the Russian archaeological society], 1905. T. 7, vyp. 1. St. Petersburg.
- Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii [Bulletin of Emperor's Archaeological Committee], 1904. Vyp. 6. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya udelov. 123 p.
- Leksii po russkoy istorii professora S.F. Platonova, chitanye na Tverskikh tserkovno-arkheologicheskikh kursakh 28–30 maya 1912 g. [The lectures on Russian History of Professor S.F. Platonov read at Tver church-archaeological courses on 28–30 May, 1912], 1913. Tver': Gubernskaya tipografiya. 47 p.
- Mitrofanov V.V., 2011a. Arkheologicheskie zanyatiya S.F. Platonova [Archaeological studies of S.F. Platonov]. *Rossiyskaya arkheologiya [RA]*, 1, pp. 123–129.
- Mitrofanov V.V., 2011b. Rol' S.F. Platonova v razvitii rossiyskoy istoriografii v kontse XIX – pervoy trety XX v.: svyazi s nauchno-istoricheskimi obshchestvami tsentra i provintsii [The role of S.F. Platonov in the development of Russian historiography in the end of 19 – first third of 20 cc.: contacts with scientific-historical societies of the Centre and the province]. Chelyabinsk: Izdatel'skiy tsentr Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 501 p.
- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1903 god [The report of the Emperor's Archaeological Committee for 1903], 1906. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 246 p.
- Otchet o deyatelnosti Tverskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii za 1902 god [The report on the activities of Tver Province scientific Committee for 1902], 1902. Tver': Gubernskaya tipografiya. 27 p.
- Pletnev V., 1884. O kurganakh i gorodishchakh v Tverskoy gubernii [On the barrows and settlements in Tver Province]. *Tverskie gubernskie vedomosti [Tver Province Journal]*, 21 aprelya, p. 74.
- Pletnev V.A., 1903. Ob ostatkakh drevnosti i stariny v Tverskoy gubernii (s prilozheniem arkheologicheskoy karty) [On the remains of antiquity and old times in Tver Province]. Tver': Tipografiya gubernskogo pravleniya. 607 p.
- Sorina L.M., 2003. Tverskaya gubernskaya uchenaya arkhivnaya komissii i podgotovka vtorogo oblastnogo Tverskogo arkheologicheskogo s'ezda (10–20 avgusta 1903 goda) [Tver Province scientific Archive Committee and the preparation for the second regional Tver archaeological Congress (10–20 August 1903)]. *K 100-letiyu Vtorogo oblastnogo Tverskogo arkheologicheskogo s'ezda (10–20 avgusta 1903 goda) [To the 100th anniversary of the Second regional Tver Archaeological Congress (10–20 August 1903)]*. Tver', pp. 3–16.
- Tikhonov I.L., 2011. S.F. Platonov i A.A. Spitsyn [S.F. Platonov and A.A. Spitsyn]. *Pamyati akademika Sergeya Fedorovicha Platonova: issledovaniya i materialy [To the memory of Academician Sergey Fedorovich Platonov: researches and materials]*. A.Yu. Dvornichenko, S.O. Shmidt, eds. St. Petersburg: Lyubavich, pp. 347–361.
- Trudy Vtorogo oblastnogo tverskogo arkheologicheskogo s'ezda 1903 goda 10–20 avgusta, 1906. Tver': Tipografiya gubernskogo pravleniya. 19 p.

ПРОБЛЕМЫ ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ВЕРХНЕМ И ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ (КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ) / Отв. ред. Г.В. Сеницына. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 260, [2] с., ил., табл. 29 см. ISBN 978-5-904247-50-8

Сборник представлен статьями участников совместного Российско-белорусского гранта “Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы)” и дополнен работами участников программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России (культурно-исторические процессы на рубеже плейстоцена–голоцена на Северо-Западе Русской равнины)”.

Без преувеличения можно сказать, что сборник охватывает широкий круг злободневных проблем палеолитоведения Европейской России и Беларуси – от критического источниковедения и источниковедческой надежности конкретных памятников, своеобразия материалов и археологических культур, их абсолютного возраста и хронологических позиций до таких глобальных понятий, как восточный граветт, финальный палеолит или специфика эпиграветта. Отрадно и то, что авторы не повторяют готовых решений и идей, а предлагают свои, в ряде случаев оригинальные точки зрения, трактовки, дополненные собственной аргументацией, учитывающей накопленный на сегодняшний день опыт. Все это дает читателю возможность по-новому увидеть как старые наболевшие проблемы, так и вновь возникающие вопросы, требующие предметного обсуждения. Постановка этих проблем в значительной мере отражает общую смену парадигмы, доставшейся от советского времени, и явную попытку более глубокого осмысления фактологической и теоретической баз науки. В этой связи чрезвычайно интересны статьи А.А. Сеницына (посвящена месту граветтских памятников Костёнок в контексте граветта Восточной Европы) и Г.В. Григорьевой (о стоянках Среднего Поднепровья мадленского времени), в которых, помимо прочего, обсуждаются важные теоретические понятия “восточного граветта” и “эпиграветта”. Осталось, правда, не ясно, о каких “надкультурных образованиях” идет речь в первой из них, и в какой мере эпиграветт имеет отношение к граветту во второй.

Отдельный интерес представляет очерк Е.Г. Лалечникова о проблеме первоначального заселения территории Беларуси, в котором дан детальный анализ изучения Юровичей и Бердыжа и впервые четко сформулирована позиция об источниковедческой ненадежности этих коллекций, а также весьма определенно сказано о негативной роли, сыгранной в их судьбе В.Д. Будько.

Источниковедческая критика служит сильной стороной аргументации и другого белорусского исследователя – А.В. Колосова, предложившего анализ современного состояния финальнопалеолитических древностей Посожья. Не удивительно, что в результате им была поддержана высказанная мною еще в конце 1990-х годов идея источниковедческой несостоятельности днепро-деснинской (сожской) культуры.

В статье А.А. Бессуднова представлены позднепалеолитические материалы бассейна Верхнего и Среднего Дона. Исследование стоянок конца плейстоцена в Костёнках имеет несомненное значение для понимания хода культурно-исторических процессов этого периода на Русской равнине в целом. Вместе с тем, пассаж о замятнинской культуре требует более

пристального изучения, ибо объединение весьма разнородных и разнофункциональных стоянок только по принципу их бедности на фоне более выразительных костёнковских памятников слабо аргументировано и не является достаточным для сохранения этого понятия в науке.

В своих статьях Г.В. Сеницына повторно обращается к изложению материалов финальнопалеолитических стоянок Валдайской и Смоленско-Московской возвышенностей, однако существенно последовательнее и обстоятельнее излагает доводы относительно их возраста и культурного своеобразия. Оправданная полемичность базируется на ревизии старых и анализе вновь полученных естественно-научных сведений, с которыми трудно не согласиться. Обе статьи в целом производят фундаментальное впечатление, однако небольшие замечания все же не будут лишними. Например, представляется уместным дополнить историографический раздел упоминанием работ А.М. Микляева, исследовавшего стоянку Лукашенки и относившего ее к свидерской культуре.

При характеристике палеогеографической обстановки финала плейстоцена излишнее внимание уделено статьям Ю.А. Лаврушина и явно не хватает сведений, изложенных в фундаментальных монографиях, вышедших под редакцией А.А. Величко.

Обзор культур финального палеолита обеднен отсутствием сюжета о свидерской культуре, тем более что ряд исследователей либо прямо соотносят с ней те или иные стоянки Северо-Запада, либо говорят о вкладе ее населения в формирование проживавших здесь популяций как в финальном палеолите, так и в мезолите. Здесь уместно было бы рассмотреть, вероятно, и сюжет, связанный с рессетинской культурой, тем более что стоянка Крумплево относилась Н.Н. Гуриной к финально-палеолитическому времени, А.Н. Сорокиным она включается в рессетинские древности, а В.П. Ксензовым, К.Л. Янитсом и Т. Остраускасом рассматривается среди кундских материалов.

Несколько преувеличены Г.В. Сеницыной и “многочисленность популяций”, и результаты их “возможных контактов”. Несложные расчеты показывают, что население всей Циркумполярной Европы (приледниковой зоны) в финале палеолита вряд ли превышало 1000 человек, что наводит на мысль об исключительности взаимодействия разных популяций и их заимствований друг у друга.

Неудачен своей бессодержательностью перенятый у Л.В. Кольцова термин “культурные единицы”. Вызывает также возражение понятие “акуловская традиция”, введенное В.В. Сидоровым и широко используемое Г.В. Сеницыной. Помимо того что радиоуглеродная дата Акулово 1 голоценовая, материал стоянки смешан, в саму “традицию” В.В. Сидоровым объединены явно разнотипные стоянки. Не убеждает и взаимосвязь Барановой Горы с Акулово 1. Не кажется удачным и противопоставление “высокоразвитой мадленской цивилизации общеевропейского распространения” “кругу более мелких культур охотников на северного оленя, ведущих подвижный

образ жизни”, ибо и первые вели сезонно-подвижный образ жизни. Кроме того, это очевидная модернизация.

Весьма интересен сюжет, связанный со стоянкой Вышегора I. В нем Г.В. Силицына приводит аргументы в пользу раннего возраста памятника и высказывает гипотезу генезиса гренокской культуры на основе технокомплекса Вышегора I, чем ставит под сомнение широко известную идею ее формирования на основе индустрии бромме-лингби. Полагаю, что эта гипотеза, помимо того что не лишена оригинальности, требует более обстоятельного изучения и, что немаловажно, накопления более солидной источниковедческой естественно-научной базы.

Следует отметить выразительную иллюстративную часть сборника, особенно это касается стоянок Красносельский 5, Костёнки 4, Деснинских и Посожских комплексов и ряда других. Одновременно хочу обратить внимание на целесообразность замены или хотя бы коррекции некоторых схем и сводных таблиц, уже неоднократно опубликованных в статьях Г.В. Силицыной.

Не очень удачным представляется и название сборника, ограничивающее исследовательский полигон территорий

Северо-Запада Русской равнины. Совершенно очевидно, что бассейн Дона, да и Днепра, никак к Северо-Западу не относятся. Общее, что объединяет все статьи, – палеолитическая тематика, дискуссионный характер и новые взгляды на известные в большинстве своем материалы. Для того чтобы снять противоречие между названием и содержанием сборника, уместно было бы назвать его “Современные проблемы палеолитоведения” или иным аналогичным образом. Не повредило бы и более тщательное редактирование текстов, так как ряд статей содержит отдельные стилистические и пунктуационные погрешности.

Несмотря на высказанные замечания сборник является фундаментальным исследованием, подводящим итог длительному этапу изучения древностей Русской равнины в целом и Северо-Запада в частности. Он адекватно отражает современный источниковедческий уровень науки, развивает существующие представления, отвечает самым высоким требованиям и будет востребован как специалистами по каменному веку, так и представителями смежных дисциплин.

Институт археологии РАН, Москва

А.Н. Сорокин

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “TWO DECADES OF ARCHAEOLOGICAL WORK AT THE OASIS OF JERICHO: PROSPECTS FOR FUTURE RESEARCH, SITE MANAGEMENT, PROTECTION AND CONSERVATION”. ИЕРИХОН, 26–28 ОКТЯБРЯ 2014

В г. Иерихон (Палестинская национальная администрация/ПНА) 26–28 октября 2014 г. прошел Международный археологический симпозиум, организованный Министерством туризма и древностей ПНА при участии Института археологии РАН и других научных центров, под названием “Two Decades of Archaeological Work at the Oasis of Jericho: Prospects for Future Research, Site Management, Protection and Conservation”. Площадкой для его проведения стал Музейно-парковый комплекс Российской Федерации, созданный в 2010 г. при участии Иерихонской археологической экспедиции Института археологии РАН, ведущей с тех пор работы на территории музея.

Палестинская сторона выразила живой интерес и оказала всемерную поддержку мероприятию: уже в день открытия с приветствиями выступили министр туризма и древностей ПНА Рула Маайа, ее заместитель (в том числе по делам археологии) доктор Хамдан Таха, мэр г. Иерихон Маджид Фитиани. От российской стороны с приветственным словом к участникам обратился представитель МИД РФ.

Работа симпозиума проходила в пленарных заседаниях, первое из которых вел один из патриархов современной археологии Сиро-Палестинского региона, известный специалист по археологии и искусству Ислама Дональд Уитткомб (Университет Чикаго, США). Вступительный доклад на тему “Недавние и текущие археологические исследования и полевые проекты” прочел доктор *Х. Таха*, посвятив его достижениям в изучении и развитии наследия Палестины, существенно изменившегося за последние 20 лет и осуществляющегося теперь не только зарубежными экспедициями, но и быстро подрастающим поколением местных археологов. Были упомянуты раскопки, музеефикация и общее развитие таких всемирно известных комплексов, как Телль-эс-Султан (Древний Иерихон, возникший еще в неолите); дворцы Хасмонеев и царя Ирода над Вади Кельт; мозаики и архитектура дворца халифа Хишама (эпоха Омейядов). В числе прочего были упомянуты “участок сикаморя Закхея” (территория Музейно-паркового комплекса РФ) и работы на нем, а также возникший в связи с этим проект “Византийский Иерихон”.

В заседании, посвященном полевым работам, были представлены доклады, посвященные раскопкам небольшой площади и зачисткам, проводимым с 2009 г. совместной экспедицией римского университета Ла Сапиенца (*Л. Негро*) и Палестины (*В. Хаммера*). Исключительный интерес вызвал доклад *М. Хавари* (палестинский ученый, в настоящее время представляющий Британский музей и Лондонский университет) “Дворец Хишама в природном контексте: археология ландшафта и раскопки в сельской округе Хирбет аль-Мафьяр в 2010–2014 гг.”. В нем впервые была обрисована картина водоснабжения значительной территории, эксплуатация которой была необходима для функционирования огромного дворца и прилегавших к нему жилых и хозяйственных кварталов. Система снабжалась водой из знаменитого иерихонского “источника Илии”, но должна была проходить большой маршрут, для обеспечения чего использовали даже незначительные уклоны рельефа на-

ряду с акведуками небольшой протяженности, а также подземные каналы. Также были представлены результаты раскопок водохранилища со сложно устроенной водяной мукомольной мельницей и другие хозяйственные инсталляции, связанные с развитием инфраструктуры дворца.

В докладе *Д. Уитткомба* была представлена общая картина раскопок последних лет на территории дворца Хишама (открытие банного комплекса; уточнение стратиграфии и хронологии; работы по открытию и изучению огромных мозаик здания для приемов; исследования в квартале, примыкавшем к дворцу и связанным с обслуживанием владельцев усадьбы). К докладу непосредственно примыкало сообщение *М. Хайада* (Департамент древностей и культурного наследия ПНА) о раскопках в дворцовой зоне II. Ряд открытий получили при этом убедительную трактовку (например, исключительно крупный и развитый комплекс устройств для выдавливания винограда), другие (предполагаемые стойла для лошадей) вызвали сомнения у аудитории. Третий доклад, посвященный дворцу Хишама, сделал представитель Испанской археологической миссии в Иордании *И. Арсе*. Его яркое драматическое выступление имело задачей на основе архитектурно-археологических наблюдений и аналогов изменить последовательность возведения зданий Малой и Большой мечетей дворца. В докладе *М. Дженнинга* (Университет Чикаго, США) была сделана попытка определить центр Иерихона в эпоху Византии на основе поверхностных сборов нумизматического материала в зоне строительства двух зданий в пределах современного Телль-эль-Хассана недалеко от Музейно-паркового комплекса РФ. Более фундированными выглядели доклады *Л.А. Беляева* о раскопках совместной Российско-палестинской Иерихонской экспедиции на участке Музейно-паркового комплекса РФ в 2010–2013 гг. и основанный на материале этих работ доклад *Л.А. Голофаст* и *А.Н. Ворошилова* о керамике начиная от поздней римской эпохи и заканчивая раннеисламским периодом.

Серия докладов группы палестинских археологов из иерусалимского университета Аль-Кудс отличалась большим разнообразием подходов. В докладе *Х.Н. эд-Дина* под названием “What and where of the Sacred in Jericho Tell es-Sultan” была сделана попытка определить так называемые священные участки в слоях древнего Иерихона (Телль эс-Султан), поддержав их интерпретацию как ритуальных и указав на генетическую преемственность. *И. Сарие* в докладе “Excavation in the Necropolis of ancient Jericho/Tell es-Sultan refugee camp excavation” представил данные по пока уникальному с точки зрения организации опыту раскопок в лагере беженцев, где удалось открыть участки некрополя раннего бронзового века, вероятно, связанного с развитием Телль эс-Султана. На основе полученного костного материала были проведены микробиологические анализы, позволившие выявить и идентифицировать присутствие палочек Коха, т.е. бактерий туберкулеза (*Mycobacterium tuberculosis*), о чем и доложил *С. Епиквам* (“Molecular detection and identification in skeleton from Tell es-Sultan of an early Bronze Age”). Прекрасно идентифицированная коллекция

костных останков животных из слоев Телль эль-Мафьяр, представленная *М. Завахрой* (Департамент древностей и культурного наследия ПНА) и попытка проанализировать историческую и современную (с эпохи исламского завоевания) топонимику Иерихонского оазиса методом этно-лингвистики *И. Халайквы* (Университет Бирцетт) завершили серию палестинских докладов, посвященных исследовательским проектам.

Особая сессия была посвящена охране и использованию памятников наследия, а также развитию туризма. Для исследовательской археологии она представляет сравнительно меньший интерес, но важна с точки зрения положительного опыта практического применения научных результатов.

Это показали еще в 2000-х годах результаты работ во дворце Хишама, оказавшемся своего рода базой для развития археологии не только в Иерихоне, но и во всей Палестине. Итальянскими реставраторами-мозаичистами и американскими археологами здесь была создана исследовательская лаборатория и школа мозаики; построен перспективный “волшебный фонарь”, представивший в десятикратном уменьшении интерьер Большой дворцовой мечети; была открыта маленькая экспозиция по археологии; разработан туристический маршрут с легкими конструкциями переходов; раскрыты и законсервированы по новейшей методике мозаичные полы Большой мечети и некоторых других помещений. Ведется издательская деятельность. Эти достижения отразили доклады *Дж. Грина* (Университет Чикаго, США) и *Н. Хабаши*. О ходе разработки базы данных по археологии оазиса Иерихон и о проблемах управления говорили сотрудники Департамента древностей и культурного наследия ПНА *М. Джарадат* и *И. Дауд*, а о специальной базе для учета памятников мозаичного искусства – *М. Диаб*.

В этом контексте очень интересным оказался доклад представителя того же департамента *Й. Ясина*, посвященный дворцам Хасмонеев и Ирода (в местной топонимике – Телул Абу’л Алайекв) на Вадии Кельт. Оказалось, что проблема охраны наследия здесь сопряжена с политикой, так как территории памятников находятся в зоне особого контроля из-за близости лагерей беженцев и необходимо перевести их в состав зоны Иерихона. На периферии Иерихона интерес вызвал проект оформления паломнического комплекса “гробница пророка

Моисея” (*Maqam al-Nabi Musa*), уже разработанный и запущенный, который доложила *А. Абу эль’Хева*.

Четыре отдельных доклада были посвящены развитию туризма в Иерихоне и представленным в нем археологическим аспектам. Самые общие возможности подхода к этому продемонстрировал, на мировом опыте туризма, *И. Сака* (Университет Св. Ксаверия). Представители муниципалитета ознакомили конференцию с разработанным для Иерихона планом по управлению ресурсами и развитию города, представив его как потенциальный объект в составе перечня мирового наследия ЮНЕСКО. Наконец, соруководитель Департамента древностей и культурного наследия ПНА *И. Хамдан* поделился опытом работы по развитию объектов археологического наследия в городе и освоению мировых методик при посредстве зарубежных партнеров, прежде всего, из Японии. Представитель этой страны, *М. Сугино*, рассказал об успехе палестинского павильона с участием Иерихона на выставке туризма в Японии. *Р. Саадех* высказал ряд соображений о вовлечении в работу “археологического туризма” местного населения Иерихона. Участниками конференции была отмечена успешная координация Л.А. Беляевым заключительного заседания симпозиума.

По завершении докладов прошел короткий круглый стол. На нем выступили члены оргкомитета: *Х. Таха*, *М. Хавари*, *Д. Уитткомб*, *Л.А. Беляев*, *Н. Атраш*, *Л. Негро* и др. Было предложено продолжить исследования и административную работу ради включения Иерихонского оазиса как целого культурного региона в список объектов культуры мирового значения ЮНЕСКО. Также было принято решение преобразовать оргкомитет в постоянно действующую рабочую группу по включению Иерихонского оазиса в *World Heritage List* с обязанностями подготовки дальнейших конференций, координации археологических работ в оазисе и публикации докладов прошедшего форума.

На конференции демонстрировались фото и киноматериалы по истории археологических работ в Иерихоне, был представлен только что изданный альбом *Х. Тахи* и *Д. Уитткомба*, посвященный недавнему раскрытию мозаик дворца Хишама и их реставрации. По завершении работы симпозиума для желающих была организована экскурсия во дворец Хишама.

Институт археологии РАН, Москва

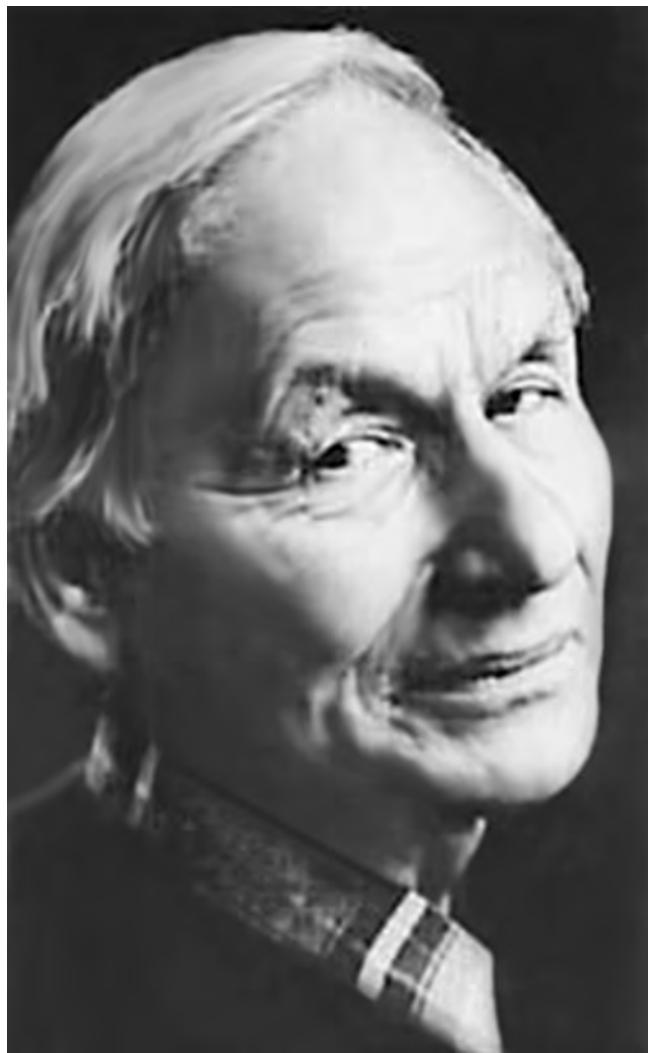
Л.А. Беляев, С.Б. Григорян

“ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ”. Конференция памяти В.В. Седова: Институт археологии РАН (Москва), 18–19 ноября 2014 г.

21 ноября 2014 г. исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося советского и российского ученого, действительного члена Российской академии наук Валентина Васильевича Седова. К его юбилею была приурочена конференция “Восточная Европа в раннем Средневековье”, состоявшаяся 18–19 ноября 2014 г. в Институте археологии РАН, с которым связана вся трудовая биография Валентина Васильевича.

В.В. Седов принадлежит к числу исследователей, оказавших наибольшее влияние на развитие отечественной и европейской исторической мысли в XX в. Его научное наследие – это свыше 600 статей и 14 монографий, которые представляют ученого-энциклопедиста, свободно оперировавшего крупными массивами не только археологических, но и исторических, лингвистических, антропологических данных; обладавшего взвешанным исследовательским подходом и умением создавать

синтетические обобщающие концепции. Спектр проблем, к изучению которых обращался В.В. Седов, чрезвычайно широк: этногенез и ранняя история славян от момента их выделения из индоевропейской общности до формирования средневековых народностей; этническая история балтов и финно-угров; славяно-балто-финские взаимодействия; археология городов и сельских поселений; становление государственности, язычество и распространение христианства в Восточной Европе; антропологические, лингвистические исследования и многое другое. Талантливый археолог-практик, В.В. Седов уделял большое внимание развитию методики полевых работ; много времени и сил он отдавал и научно-организационной деятельности, в том числе на международном уровне. Разноплановость его интересов обусловила широту тематического охвата конференции, доклады на которой представили ученики и коллеги Валентина

Васильевича. Всего в мероприятии приняли участие более 70 человек из разных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Ижевска, Йошкар-Олы, Минска и Геттингена.

Открывая конференцию, директор Института археологии РАН, академик РАН Н.А. Макаров сказал, что В.В. Седов – это целая эпоха в отечественной археологической и, шире, гуманитарной науке. Его роль в создании современной концепции исторического развития Восточной Европы очевидна. Не подлежит сомнению также его вклад в дело сохранения культурного наследия нашей страны и разработку нормативно-правовой базы археологических исследований. Невозможно переоценить значение деятельности В.В. Седова, направленной на консолидацию науки в 1990-е годы: во многом благодаря его усилиям российская археология в эпоху всеобщей децентрализации сохранила свои позиции, в том числе единую систему контроля над полевыми работами, что чрезвычайно важно с точки зрения сохранения и защиты памятников.

Большинство докладов, составивших программу первого дня работы конференции, носили мемориально-аналитический характер. Основные вехи биографии В.В. Седова были освещены Н.В. Лопатиным и В.Е. Родинковой (ИА РАН, Москва). На фотографиях из архивов семьи Седовых, друзей, коллег, учеников, участников экспедиций разных лет перед собравшимися предстал не только выдающийся ученый, одна из ключевых

фигур советской, российской и европейской средневековой археологии, но и жизнелюбивый, обаятельный и очень харизматичный человек. В.Е. Родинкова больше внимания уделила начальным этапам жизненного пути В.В. Седова, становлению его как исследователя, кратко охарактеризовав направления его научной и научно-организационной деятельности. Н.В. Лопатин подробно рассказал об “изборском” периоде биографии ученого.

Продолжил биографическую тему доклад П.Г. Гайдукова (ИА РАН, Москва) “В.В. Седов и Новгородская археологическая экспедиция”. Именно в Новгороде, в рамках студенческой практики, летом 1947 г. археолог Седов провел первый из почти сорока своих полевых сезонов. На “новгородский” этап приходится и начало его самостоятельных раскопок – в Перыни. Большой интерес слушателей вызвали архивные документы, в частности, характеристика, полученная В.В. Седовым по окончании МГУ, в которой ярко отражены основные черты его личности. Параллельно с анализом ранних этапов творческой биографии В.В. Седова П.Г. Гайдуков на примере работ в Новгороде нарисовал масштабную картину послевоенной советской археологии.

В историографическом ключе был выдержан и доклад А.А. Егорейченко (БГУ, Минск) “Вклад В.В. Седова в изучение археологии железного века Беларуси”. Внимание, которое уделял В.В. Седов этим древностям, общеизвестно. А.А. Егорейченко охарактеризовал основные положения и выводы его исследований, касающиеся белорусских материалов, подчеркнув, что многие из них актуальны по сей день. Особо было отмечено активное личное участие В.В. Седова в развитии белорусской археологической науки.

Доклад А.П. Бужиловой (НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва) “Антропологические исследования В.В. Седова: к проблеме освоения Русской равнины” был посвящен небольшой, но весьма важной части научного наследия Валентина Васильевича, который сумел, используя антропологические данные, отделить славянское население северо-западных областей Восточно-Европейской равнины от финно-угорского и балтского. Его выводы согласуются с результатами работ Т.И. Алексеевой, признанного специалиста в области антропологии восточных славян, и подтверждаются все новыми исследованиями. Кроме того, А.П. Бужилова отметила высокий уровень критики источника, свойственный В.В. Седову, а также призвала взвешенно подходить к результатам палеогенетических исследований.

В докладе И.К. Лабутиной и Е.А. Яковлевой (Государственный комитет Псковской области по охране объектов культурного наследия, Псков) “Псковские страницы жизни и научного творчества В.В. Седова” его деятельность на Псковской земле была рассмотрена в рамках нескольких этапов и направлений: раскопки и разведки в Себежском Поозерье; исследования в Изборске и его округе; организация и руководство объединенной Псковской археологической экспедицией; создание и руководство семинаром “Археология и история Пскова и Псковской земли”. Высоко были оценены просветительская деятельность Валентина Васильевича и его педагогический талант. По мнению авторов доклада, успешная работа органов охраны памятников Пскова и Псковской области сегодня в значительной степени обусловлена тем, что многие их руководители и сотрудники прошли школу экспедиций В.В. Седова.

Й. Шнеевайсс (Университет им. Георга Августа, Геттинген) в докладе “Славянская археология в Германии после Второй мировой войны: научная направленность вчера и сегодня” выделил этапы развития немецкой археологической школы, рассказал об исследованиях Х. Янкуна, В. Унферцагта,

И. Херрманна, М. Мюллера-Вилле и др. По его мнению, основные направления, в рамках которых изучались и изучаются славянские древности в Германии, – это анализ проблем расселения и взаимодействия славян с местным населением, археология городищ и сельских поселений, применение естественно-научных методов, в том числе для датировки памятников. Все больше немецких ученых принимают точку зрения о позднем формировании этносов и необходимости отказаться от жестких этнических интерпретаций. Активное обсуждение вызвал тезис Й. Шнеевайсса о том, что, несмотря на разнообразные контакты и совместные проекты, советская археология в целом не оказала влияния на немецкую славистику, которая во второй половине XX в. развивалась в традициях довоенного времени.

Завершили первый день конференции два доклада, освещавшие результаты новейших раскопок в Изборске и его округе. *Т.Ю. Закурин* (Археологический центр Псковской области, Псков) рассказала об изучении Никольского и Талавского захабов Изборской крепости, проведенном перед ремонтом и реставрацией объектов в 2013 г. В ходе этих работ выделены два строительных периода Талавского захаб, в коридоре Никольского открыт ряд сооружений. Получен датирующий материал, позволяющий относить возведение башни Темной и Никольского захаб к рубежу XIV–XV – первой половине XV в. Доклад *Н.В. Лопатина* (ИА РАН, Москва) и *Б.Н. Харлашова* (Псковский археологический центр, Псков) “Новые данные об округе Изборска” состоял из двух частей. В первой были представлены результаты разведочных работ, направленных на изучение структуры расселения в округе Изборска в раннесредневековое время. Во второй освещались итоги исследований 2014 г. могильника Усть-Смолка, где на межкурганном пространстве выявлено одно из самых богатых захоронений в округе Изборска начала XI в. Судя по особенностям обряда и сопроводительного инвентаря, погребенная женщина была латгалкой по происхождению и обладала высоким социальным статусом.

Второй день был посвящен анализу конкретных проблем и материалов, входивших в сферу научных интересов В.В. Седова. Он начался с доклада *Е.Р. Михайловой* (Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева, СПбГУ) “Культура длинных курганов: современное состояние исследований и роль В.В. Седова в ее изучении”. *Е.Р. Михайлова* отметила, что В.В. Седов впервые сформулировал ряд важных тезисов, касающихся генезиса этой культуры, и обозначил актуальные по сей день направления исследований: изучение контактов населения лесной зоны Восточной Европы и Восточной и Южной Прибалтики, Средней Европы; анализ различных аспектов курганного обряда захоронения; раскопки поселений и выявление культурно-этнографической специфики отдельных регионов в пределах указанной обширной общности. В то же время предложенные В.В. Седовым однозначные этнические характеристики, по мнению *Е.Р. Михайловой*, следует в настоящее время оспорить.

Древности Северо-Запада и их место в научном творчестве В.В. Седова – тема, развивавшаяся и *И.В. Ислановой* (ИА РАН, Москва). В докладе “Словене между Лугой и Мологой” она представила эволюцию взглядов В.В. Седова на культуру новгородских сопков, охарактеризовала основные положения его концепции, касающиеся ареала этих памятников, их хронологии, функций, а также времени и путей расселения в Приильменье оставившего их населения, которое *И.В. Исланова* считает предками новгородских словен.

О.М. Олейников (ИА РАН, Москва) в докладе “Смоленск – главный город кривичей” рассмотрел историко-географические предпосылки возникновения Смоленска и Гнёздова. По

его мнению, Смоленск в VIII–IX вв. был крупным кривичским центром, состоявшим из нескольких поселений с усадебной застройкой, которые контролировали переправу через Днепр. Существование Гнёздовского комплекса началось позднее, во время функционирования пути “из варяг в греки”. Этот памятник интерпретируется не как центр кривичского населения, а как полиэтническое военизированное аграрно-торгово-ремесленное поселение, где присутствовали представители княжеской администрации, распространявшие власть киевских князей на кривичские территории.

Новые данные к изучению этнической истории славян и их соседей представил *А.М. Обломский* (ИА РАН, Москва) в докладе “Этнокультурная ситуация в Верхнем Подонье в VI–VII вв.”. Он ознакомил аудиторию с результатами недавних исследований, в том числе собственных разведок и раскопок, в верхнем и среднем течении р. Воронеж. По его мнению, по речью р. Воронеж в третьей четверти I тыс. н.э. представляло собой зону колонизации. Сюда были направлены минимум три потока заселения: два славянских и один финский (отражены, соответственно, материалами колочинский, пеньковской и рязано-окской культур). Пеньковское население появилось в регионе во второй половине V – начале VI в., находившееся в некоем симбиозе колочинское и рязано-окское – в третьей четверти VII в.

В.Е. Родинкова (ИА РАН, Москва) в докладе “Балтские влияния в женском уборе раннеславянского населения Поднепровья” рассмотрела один из аспектов проблемы балто-славянских связей. Она выделила в женском вещевом комплексе “древностей антов” I группы (или кладов типа Мартыновского) ряд балтских импортов, указывающих на существование прямых контактов между населением Среднего Поднепровья и юго-восточной Прибалтики. Кроме того, и среди “древностей антов”, и среди более ранних днепровских находок ею отмечены украшения, имеющие с балтскими значительное типологическое сходство. *В.Е. Родинкова* подчеркнула структурную близость асинхронных моделей женского убора – “мартыновской” и включавшей изделия круга восточноевропейских выемчатых эмалей. По ее мнению, эти материалы могут отражать общность происходивших во второй-третьей четвертях I тыс. н.э. в юго-восточной Прибалтике и Среднем Поднепровье процессов, суть которых, однако, пока неясна.

А.Е. Леонтьев (ИА РАН, Москва) в докладе “Славянские корни мери (о гипотезе В.В. Седова)” предпринял новое обращение к материалам Северо-Восточной Руси. В контексте изучения проблемы происхождения мери он рассмотрел не только браслетообразные височные кольца с незамкнутыми концами, о которых писал В.В. Седов, но и керамику с налпным валиком под венчиком. Значительная часть аналогий таким сосудам, как считает *А.Е. Леонтьев*, происходит с территорий, заселенных славянами.

В докладе “Новые исследования Тимерёва” были представлены результаты работ, проводившихся *С.Д. Захаровым* (ИА РАН, Москва) и *С.С. Зозулей* (ГИМ, Москва) в 2012–2014 гг. Скрупулезный анализ архивных и литературных материалов, включая данные аэрофотосъемки 1942 г., и возобновление полевых изысканий позволили уточнить границы и топографические особенности, характер слоя Тимерёвского археологического комплекса, дополнить представления о материальной культуре местного населения. Большой интерес вызвали предложенные авторами доклада приемы полевых исследований, в частности, попытка формализовать признаки, определяющие наличие культурного слоя, путем использования статистических данных или введения балловой шкалы визуальной оценки его цвета.

Т.Б. Никитина (МарНИИЯЛИ, Йошкар-Ола) в докладе “Население Поветлужья в начале II тыс. н.э.: новые материалы” осветила результаты раскопок могильника “Кузинские хутора” IX – начала XII в. Она охарактеризовала погребальный обряд памятника, продемонстрировала сопроводительный инвентарь, выделила этномаркеры марийской культуры.

Н.И. Шутова (УИИЯЛ УрО РАН, Ижевск) в докладе “Состояние изучения священных мест в Приуралье и Среднем Поволжье” затронула такую неоднозначную тему, как культовые объекты, проблемы их выявления и изучения. Она рассказала о святилищах, жертвенных местах, писаницах и других культовых памятниках VI–XIV вв. Камско-Вятского региона, Среднего и Северного Урала, поречья р. Чусовой и даже о. Вайгач. По данным Н.И. Шутовой, на некоторых капищах совершение обрядов продолжается по сей день, но, по ее мнению, речь здесь идет не о религиозной практике, а о возвращении к традициям предков.

В носившем преимущественно методический характер докладе *Н.А. Кренке* и *И.Н. Ершова* (ИА РАН, Москва) “Древ-

нерусские селища в бассейне Москвы-реки” поселения были рассмотрены как археологический источник. Авторы доклада изложили свой взгляд на особенности формирования культурного слоя и факторы, влияющие на процесс археологизации объектов, и сделали вывод о существовании на территории Москворечья гораздо более сложной, чем предполагалось ранее, системы освоения пространства.

Завершила конференцию продолжительная дискуссия, основными темами которой стали проблема этносов и этничности в археологии, различные методические аспекты полевых исследований. Выступавшие отмечали, что некоторые гипотезы В.В. Седова являются дискуссионными. В то же время многие положения и тезисы, высказанные им, сохраняют актуальность даже на фоне заметного увеличения материала и развития, которое получили соответствующие направления археологической науки в последние десятилетия. Насущной необходимостью сегодня, по мнению ряда участников обсуждения, является создание современной концепции происхождения и ранней истории славян, в которой были бы учтены все последние открытия и наработки в этой области.

Институт археологии РАН, Москва

В.Е. Родинкова